
машина различий
уильям гибсон
брюс стерлинг
машина различий
уильям гибсон,
брюс стерлинг
кибертime/fiction

Машина различий

Уильям Гибсон, Брюс Стерлинг

Аннотация
Уильям Гибсон и Брюс Стерлинг,. МАШИНА РАЗЛИЧИЙ
ИТЕРАЦИЯ ПЕРВАЯ
ИТЕРАЦИЯ ВТОРАЯ
ИТЕРАЦИЯ ТРЕТЬЯ
ИТЕРАЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ
ИТЕРАЦИЯ ПЯТАЯ
МОДУС
ЯЗЫК ОБОЗНАЧЕНИЙ
ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ
В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА
СКОРБНЫЕ ГОЛОСА АВТОМАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ
ВДОВСТВУЮЩАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ
МАСТЕР ЭМЕРИТУС ВСПОМИНАЕТ ВЕЛЛИНГТОНА
АЗАРТНАЯ ЛЕДИ ПРИНОСИТ НЕСЧАСТЬЕ
ВЫБОР ЗА ВАМИ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ
СМЕРТЬ МАРКИЗА ГАСТИНГСА
ВЕРЬТЕ МНЕ ВСЕГДА
МЕМОРАНДУМ

МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
ДО РАДИКАЛОВ
ДЖОН КИТС НА ХАФ-МУН-СТРИТ
ГРАН-ПАНМЕЛОДИУМ ПОЛЬКА
СПЛЕТНИ
ЛОНДОНСКАЯ АФИША, 1866
ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭМА
ПИСЬМО ДОМОЙ
МОДУС

Аннотация

Роман У. Гибсона и Б. Стерлинга «Машина различий» — яркое произведение киберпанк-литературы. Авторы ведут читателя в тот мир, который бы возник, если бы компьютер был изобретен в первой половине XIX века.

Альтернативная история («что было бы, если…»), рассказанная в романе, накладывается на типичные черты традиционного английского романа: детективный сюжет, разнообразные социальные типы, судьба молодой женщины. Наряду с вымышленными персонажами действуют исторические лица.

Книга, прекрасно переведенная на русский язык, заинтересует читателя острым сюжетом, основанным на исторических реалиях и футуристических элементах.

William Gibson/Bruce Sterling The Difference Engine Copyright © 1991 by W. Gibson, B. Sterling

Уильям Гибсон и Брюс Стерлинг,
МАШИНА РАЗЛИЧИЙ

ИТЕРАЦИЯ ПЕРВАЯ

АНГЕЛ ГОЛИАДА

Композитное изображение, оптически закодированное аэропланом сопровождения трансканального дирижабля «Лорд Брюнель» [1]: в кадре — окраины Шербура, 14 октября 1905 года.

Вилла, сад, балкон.

Уберите завитки чугунной решетки балкона, и взгляду откроется кресло-каталка и сидящая в нем женщина. На никелированных спицах обращенного к окну колеса горит закатное солнце.

Артритные руки женщины, владелицы виллы, лежат на узорчатой материи, сотканной станком

---

[1] Примечания: 1

Дирижабль назван в честь знаменитого английского инженера-строителя Изамбарда К. Брюнеля (1806–1859), отец которого, сэр Марк Изамбард Брюнель (1769–1849), прославился изобретением проходческого щита (устройство для безопасного прокладывания туннелей в водоносных грунтах). Брюнель-младший строил портовые сооружения, туннели и подвесные мосты, железные дороги, настоял на введении более широкой рельсовой колеи (что позволило увеличить скорость поездов и значительно стимулировало развитие сети железных дорог), экспериментировал с пневматическими поездами, способствовал открытию регулярной трансатлантической навигации. Спроектированные им пароходы «Грейт-вестерн» (1837), «Грейт-бритн» (1843) и «Грейт-истерн» (1858) являлись на момент спуска на воду крупнейшими в мире, причем «Грейт-истерн» удерживал пальму первенства в течение 40 лет. Не оставил без внимания Брюнель и военную технику

— спроектировал бронированную баржу, участвовавшую в 1854 г. в атаке на Кронштадт, а также сборно-разборный военно-полевой госпиталь, доставленный в 1855 г. на Крымский театр военных действий.

Жаккарда [2].

Руки состоят из сухожилий, тканей, сочленённых суставами костей. Время и незримые информационные процессы сплели из микроскопических волокон клеточного материала женщину.

Ее имя — Сибил Джерард.

Внизу, в запущенном английском саду, голые виноградные лозы оплели деревянные решетки, укрепленные на шелушащихся, давно не беленных стенах. Теплый сквозняк, проникающий в открытые окна комнаты, шевелит на шее женщины выбившиеся из прически седые волосы, приносит запахи дыма, жасмина, опиума.

Ее взгляд устремлен в небо, где проплывает исполинский, бесконечно прекрасный силуэт — металл, сумевший за время ее жизни разорвать путы тяготения. Предшествуя этой царственной громаде, на фоне красного горизонта ныряют

---

[2] Примечания: 2

Жаккар, Жозеф-Мари (1757–1834) — французский механик, изобретатель ткацкого станка, управляемого с помощью перфокарт и способного к воспроизведению сложных узоров. В конструкции «прялки Жаккарда» использовался ряд технических решений Жака де Вокансона (см. ниже). В 1806 г. патент Жаккара был национализирован, а изобретателю назначено пожизненное содержание и процент с каждой вводящейся в эксплуатацию «прялки» (к 1812 г. их было уже 11 тысяч — невзирая на бурные протесты ткачей). В 1820-х гг. станки Жаккарда появились в Англии, а затем распространились по всему миру.

и кувыркаются крошечные беспилотные аэропланы.

«Как жаворонки», — думает Сибил.

Огни дирижабля, золотые квадраты окон, мысль о человеческом тепле. Легко и естественно ее воображение рисует картину. Она слышит далекую музыку, музыку Лондона, видит прогулочную площадку дирижабля. Пассажиры пьют, завязывают мимолетные дорожные романы, возможно — танцуют.

Мысли приходят непрошено, разум строит свои перспективы, сплетая чувства и воспоминания, порождает смысл.

Она вспоминает жизнь в Лондоне. Вспоминает, как она — та, прошлая, давняя — идет по Стрэнду, торопливо огибает толпу зевак у Темпл-Бар [3]. Все дальше и дальше разворачивается вокруг нее город Памяти — пока у стен Ньюгейта [4] на мостовую не падает тень повешенного отца…

Словно наткнувшись на непреодолимое пре-

---

[3] Примечания: 3

Темпл-Бар — ворота, стоявшие в течение нескольких веков на западной границе лондонского Сити (со стороны Вестминстера), там, где по традиции монарх должен получать у лорд-мэра разрешение на въезд в Сити. В 1880 г. на этом месте поставлен памятник Темпл-Бар-Мемориал, увенчанный геральдическим грифоном.

[4] Примечания: 4

Ньюгейт — знаменитая лондонская тюрьма; вплоть до середины XIX в. перед нею публично вешали осужденных.

пятствие, память сворачивает, уходит на другой путь, туда, где всегда вечер…

15 января 1855 года.
Комната в «Гранд-Отеле», Пикадилли.

Один стул перевернут задом наперед и надежно подпирает тяжелую, граненого стекла ручку двери. Другой завален одеждой: короткая женская накидка с оборками, грубошерстная, заляпанная грязью юбка, клетчатые брюки, визитка.

У стены — широкая, ламинированная под клен кровать с балдахином, под одеялом угадываются две фигуры. Где-то вдали стиснутый железной хваткой зимы Биг Бен проревел десять, хриплый вой каллиопы [5], дымное, питаемое каменным углем дыхание Лондона.

Ледяной холод простыни. Сибил вытянула ноги, нащупала ступнями керамическую, обернутую фланелью грелку. Пальцы ее правой ноги задели голень мужчины. Прикосновение вырвало его из глубокой задумчивости. Таков уж он был, этот Мик Рэдли, Денди Мик.

---

[5] Примечания: 5

Каллиопа — паровой орган с пронзительным звуком, слышным за километры. Поступление пара в трубы может контролироваться вручную, с клавиатуры, или автоматически, при помощи игольчатого цилиндра. Инструмент изобретен А. С. Денни в США ок. 1850 г. и запатентован в 1855 г. Джошуа Стоддардом.

Она встретила Мика Рэдли на Уиндмилл-стрит, в «Танцевальной академии Лорента». Теперь, после нескольких дней знакомства, ей казалось, что Мику больше бы подошли «Келлнерз» на Лестер-сквер или даже, может быть, «Портленд Румз». Он вечно что-то обдумывал, замышлял, бормотал что-то себе под нос. Умный парень, очень умный. Это ее тревожило. И миссис Уинтерхолтер тоже бы ее не одобрила: обхождение с «политическими джентльменами» требовало такта и умения держать язык за зубами, качеств, которые, по мнению миссис Уинтерхолтер, в изобилии имеются у нее самой, однако полностью отсутствуют у ее подопечных.

— И запомни, Сибил, — сказал Мик, — глазки мужикам не строить, хвостом не вертеть. С этим покончено.

Очередная сентенция. Плод его усиленных раздумий.

Сибил усмехнулась, ее лицо было наполовину скрыто одеялом. Мику нравится эта усмешка, усмешка испорченной девчонки. А насчет строить глазки, вряд ли он это всерьез. Так что лучше обратим все в шутку.

— Но не будь я такой вертихвосткой, разве была бы здесь с тобой?

— Забудь, что ты была шлюхой.

— Ты же знаешь, что я имею дело только с джентльменами.

— Это я, что ли, джентльмен? — фыркнул Мик.

— Самый что ни на есть джентльмен. — (Давай, Сибил, самое время ему польстить.) — Модный, современный. Ты же знаешь, я не люблю лордов-радикалов [6]. В гробу я их видала.

Сибил дрожала от холода, но даже это не омрачало ее радости.

Что ни говори, тут ей выпала удача — сколько угодно бифштексов с картошкой и горячего шоколада, кровать с чистыми простынями в номере фешенебельной гостиницы. И гостиница не какая-нибудь, а самая современная, с центральным паровым отоплением, хотя, с другой стороны, Сибил охотно променяла бы беспокойное бурчание раззолоченного радиатора на жар хорошо протопленного камина.

И ведь он — симпатичный парень, этот Мик Рэдли. Упакован потрясно, карманы полные, и при этом не жмот, как некоторые. И пока что

---

[6] Примечания: 6

Данный политический термин отнюдь не такой давний и общеупотребительный, как может показаться. В английской политике радикалами называли членов крайнего крыла вигов и либералов, а примерно с 1797 г. — всех, кто выступал за парламентскую реформу.

не требовал ничего необычного или противного. Сибил знала, что все это скоро кончится, поскольку Мик был приезжим джентльменом из Манчестера. Как приехал, так и уедет. Но доход с него был, и возможно, ей еще удастся растрясти его напоследок. Главное, сделать так, чтобы он привязался к ней и жалел о разлуке.

Мик откинулся на мягкие пуховые подушки и заложил безукоризненно ухоженные руки за голову с наимоднейшей, словно только-только из дорогой парикмахерской, прической. Шелковая ночная сорочка, на груди — пена кружев. Всё по первому классу. Теперь он вроде был не прочь и поговорить. Мужчины, они потом любят поговорить — в основном о своих женах.

Но Денди Мик говорил исключительно о политике.

— Так ты ненавидишь их светлостей?

— А почему бы и нет? — отозвалась Сибил. — У меня есть на то причины.

— И то правда, — медленно произнес Мик. Его взгляд, исполненный холодного превосходства, заставил Сибил зябко поежиться.

— Что ты хочешь этим сказать, Мик?

— Я знаю, почему ты ненавидишь правительство. У меня есть твой индекс.

Секундное удивление тут же сменилось страхом. Сибил резко села в постели. Во рту появился противный железный привкус.

— Ты же держишь удостоверение в сумочке, — объяснил Мик. — Я дал твой индекс одному знакомому магистрату [7]. Он прогнал его через правительственную машину и распечатал твое Боу-стритовское досье [8]. Тра-та-та — и готово, всего-то и делов. — Он довольно ухмыльнулся. — Так что теперь я все о тебе знаю. Знаю, кто ты такая…

Она попыталась не выказать своего ужаса.

— Ну и кто же я, по-вашему, мистер Рэдли?

— Никакая ты не Сибил Джонс, дорогуша. Ты — Сибил Джерард, дочь Уолтера Джерарда, луддитского агитатора.

Он вторгся в ее тайное прошлое.

Жужжание невидимых механизмов, прядущих нить истории.

Мик наблюдал за ее лицом и улыбался. И Сибил вдруг вспомнила этот взгляд. Точно такой, как

---

[7] Примечания: 7

в данном случае название должности в городском или судебном управлении. Вообще говоря — мировой судья, полицейский судья.

[8] Примечания: 8

Боу-стрит: главный полицейский суд Лондона, назван по имени улицы, на которой расположен.

тогда в заведении Лорента, когда он впервые высмотрел ее в переполненном танцевальном зале. Алчущий взгляд.

— И давно ты это знаешь? — Голос у нее дрогнул.

— Со второй нашей ночи. Ты же знаешь, что я сопровождаю генерала. Генерал — человек важный, а у всякого важного человека есть враги. Как его секретарь и доверенное лицо, я не имею права рисковать с незнакомыми людьми. — Маленькая, хищная рука Мика легонько тронула ее за плечо. — Ты могла оказаться чьим-нибудь агентом. Мною двигали исключительно деловые соображения. Сибил отпрянула.

— Шпионить за беспомощной девушкой, — выдавила она наконец. — Ну и ублюдок же ты!

Но ругань, похоже, ничуть его не задела — он оставался холодным и жестким, словно судья или лорд.

— Если я и шпионю, девочка, то лишь в своих собственных целях. Я не стукач и не прихвостень властей, чтобы смотреть свысока на революционера, каким был Уолтер Джерард. Как бы там ни называли его теперь наши радикальнейшие лорды, твой отец был героем.

Мик чуть поерзал, устраиваясь поудобнее.

— Уолтер Джерард — он был *моим*героем. Я видел его в Манчестере на митинге, он говорил о правах трудящихся. Это было незабываемо — мы глотки надсаживали криком «ура!». Старые добрые «Адские коты»… — В голосе Мика вдруг прорезались простонародные манчестерские интонации. — Ты слыхала когда про «Адских котов»? В те времена, давно.

— Уличная банда, — пожала плечами Сибил. — Манчестерские хулиганы. Мик нахмурился.

— Мы были братство! Молодежная гильдия! Твой отец хорошо нас знал. Можно сказать, он был нашим вдохновителем.

— Я бы предпочла, чтобы вы не говорили о моем отце, мистер Рэдли.

Мик раздраженно помотал головой.

— Когда я услышал, что его судили и повесили… — (слова, от которых всегда леденело ее сердце) —…мы с ребятами похватали факелы и ломы и буквально взбесились, пошли все кру-

шить… Во славу Неда Лудда [9], девочка! Сколько ж это лет прошло… — Он потрогал свою кружевную грудь. — Я редко рассказываю эту историю. У машин правительства долгая память.

Теперь все стало понятно — и щедрость Мика, и его сладкие речи, и загадочные намеки о тайных планах и лучшей участи, о крапленых картах и тузах в рукаве. Он дергал ее за ниточки, превращая в свою марионетку. Для человека вроде Мика дочь Уолтера Джерарда — заманчивая добыча.

Сибил откинула одеяло и встала. Зябко ступая по ледяным половицам, перебежала в рубашке к стулу и начала торопливо рыться в груде одежды. Накидка с оборками. Жакетка. Огромная клетка кринолина. Белая кираса корсета.

— Возвращайся в постель, замерзнешь, — лениво окликнул ее Мик. — Не психуй. — Он покачал головой. — Все не так, как ты думаешь, Сибил.

Упорно не оборачиваясь, она продолжала

---

[9] Примечания: 9

Нед Лудд — легендарный английский подмастерье, якобы первым разрушил ткацкий станок в конце XVIII в. Луддитами называли участников жестоко подавленных антипромышленных выступлений 1811–1813 гг. (второй всплеск — в 1816 г.), поскольку их вождь (личность, возможно, также мифическая) именовался в честь Неда Лудда «королем Луддом». Некоторые историки полагают, что у волнений действительно был некий вдохновитель и организатор, который попал в число казненных, и что, мол, именно из-за смерти «короля Лудда» беспорядки так быстро сошли на нет.

сражаться с корсетом возле окна, где сквозь обмерзшее стекло сочился с улицы свет газового фонаря. Быстрым привычным движением накрепко затянула ленты.

— А если даже и так, — задумчиво продолжал, наблюдая за ней, Мик, — то лишь в небольшой степени.

На другой стороне улицы из только что распахнувшихся дверей оперы выходят господа в черных долгополых пальто и цилиндрах. Лошади в попонах бьют копытами об асфальт и встряхивают от холода гривами. Сверкающий кузов парового экипажа, принадлежащего, надо думать, какому-то лорду, все еще хранит следы чистого загородного снега. В толпе работают проститутки. Бедные девочки, холод на улице собачий, и легко ли отыскать в такую холодную ночь доброе лицо среди всех этих крахмальных рубашек и бриллиантовых запонок. Сибил повернулась к Мику, растерянная, рассерженная, испуганная.

— Кому ты обо мне рассказал?

— Ни единой душе, — ответил Мик, — ни даже моему другу генералу. Я не собираюсь доносить на тебя. Никто еще не обвинял Мика Рэдли в болтливости. Так что возвращайся в постель.

— Не вернусь. — Сибил выпрямилась, ее босые ноги едва не примерзали к полу. — Сибил Джонс — она могла делить с тобой постель, но дочь Уолтера Джерарда — личность значительная!

Мик удивленно сморгнул, задумался, потирая подбородок, а затем кивнул.

— О сколь горька моя утрата, мисс Джерард. — Он сел в постели и театрально указал на дверь. — Так надевайте же свою юбку и ботиночки, мисс Джерард, и мотайте отсюда со всей вашей значительностью. Хотя, с другой стороны, будет очень жаль, если вы уйдете. Умная девушка мне бы ой как пригодилась.

— Да уж не сомневаюсь, — бросила Сибил, но помедлила. Этот негодяй явно намеревался разыграть еще какую-то карту, это было написано у него на лице.

Мик усмехнулся, глаза его превратились в узкие щелочки.

— Ты бывала когда-нибудь в Париже, Сибил?

— Париж? — Ее дыхание застывало в воздухе белыми облачками.

— Да, — кивнул Мик, — в беззаботном и чарующем Париже. Именно туда отправится генерал по завершении лондонских лекций. — Он поддернул кружевные манжеты. — А для чего ты мне

нужна, я пока не скажу. У генерала далеко идущие планы. И правительство Франции оказалось перед определенными затруднениями, которые требуют помощи экспертов… — Он торжествующе осклабился. — Но, похоже, я тебя утомляю, а?

Сибил переступила с ноги на ногу.

— Ты возьмешь меня в Париж? — медленно проговорила она. — Честно, не врешь?

— Честнее не бывает. Можешь проверить, в кармане моего пальто лежит билет на паром из Дувра.

В дальнем углу стояло гобеленовое кресло; подойдя к нему, Сибил взяла пальто Мика. Пытаясь унять безудержную дрожь, накинула пальто на плечи. Прекрасная, мягкая шерсть, надеть такое — все равно что закутаться в теплые деньги.

— Посмотри в правом кармане, — подсказал Мик. — В бумажнике. — Его, похоже, забавляло, что она ему не верит.

Сибил опустила озябшие руки в карманы. Глубокие, с плюшевой подкладкой…

Ощутив левой рукой жесткий холод металла, она машинально вытащила кургузый многоствольный дерринджер. Ручка из слоновой кости, замысловатое поблескивание стальных курков и латунных патронов. Короткий, с ее ладонь, но

тяжелый.

— Вот это ты зря, — нахмурился Мик. — Будь добра, положи его на место.

Сибил убрала опасный предмет, осторожно, но быстро, словно это был живой краб. В другом кармане она нашла футляр из красного сафьяна, внутри были визитные карточки, деловые и личные, с машинной гравировки портретом Мика, под ними лежали расписание лондонских поездов и тисненый прямоугольник жесткого кремового пергамента — билет первого класса на «Ньюкомен» [10] из Дувра.

— Но ведь тебе понадобится два билета. — Она помедлила. — Если ты действительно думаешь взять меня с собой.

— Да, — согласно кивнул Мик, — и второй билет на поезд из Шербура. Нет ничего проще. Можно заказать по телеграфу, прямо от портье.

Сибил снова поежилась и плотнее закуталась в пальто. Мик рассмеялся.

— Не строй такую кислую рожу. Ты все еще рассуждаешь как шлюха, перестань. Начни думать

---

[10] Примечания: 10

«Ньюкомен». — Паром назван в честь английского инженера Томаса Ньюкомена (1663–1729), который изобрел паровой насос, широко использовавшийся для подачи воды к водяным колесам и откачки ее из шахт, а также паровую турбину, во многом предвосхитившую турбину Джеймса Уатта

масштабно, иначе мне от тебя никакой пользы. Ты теперь — подружка Мика, пташка высокого полета.

— Я никогда не была с мужчиной, который бы знал, что я Сибил Джерард, — неохотно объяснила Сибил.

Вранье, конечно же. Был еще Эгремонт — человек, который ее обесчестил. Уж он-то прекрасно знал, кто она такая. Но Чарльз Эгремонт не имел уже ровным счетом никакого значения — он жил теперь в совершенно ином мире со своей респектабельной, не в меру спесивой женой, своими респектабельными детьми и своим респектабельным местом в парламенте.

И Сибил вовсе не *шлялась* с Эгремонтом. Слово какое-то не то. Впрочем, здесь трудно провести грань…

А еще она видела, что свежеизобретенная ложь Мику нравится. Щекочет его самолюбие.

Мик открыл серебряный портсигар, извлек оттуда черуту [11] и закурил от маслянисто вспыхнувшей многоразовой спички, наполнив комнату сладковатым запахом вишневого табака.

— Значит, теперь ты меня стесняешься? —

---

[11] Примечания: 11

Черута — манильская сигара (с заранее обрезанными концами)

спросил он через пару секунд. — Так, пожалуй, даже лучше. То, что я знаю, дает мне чуть больше власти над тобой, чем одни деньги. — Его глаза сузились. — Ведь важно то, что ты *знаешь*, верно, Сибил? Это нечто большее, чем земля, или деньги, или высокородное происхождение. *Информация*. Самое то.

Сибил испытала мгновенный приступ ненависти к Мику, к его спокойствию и самоуверенности, — чистейшее негодование, резкое и первобытное. Но она подавила в себе это чувство. Ненависть поникла, теряя остроту, обращаясь в стыд. Ведь она ненавидела этого человека только за то, что он ее знает, знает по-настоящему. Он знает, как низко пала Сибил Джерард, знает, что она была когда-то образованной девушкой с манерами и изяществом под стать любой леди.

В детстве, в дни отцовской славы, Сибил вдосталь насмотрелась на таких, как Мик Рэдли. Фабричная голытьба, пятачок пучок в базарный день, эти остервенелые мальчишки сбивались вокруг отца после каждой его зажигательной речи, делали все, что он ни прикажет. Развинчивали рельсы, срывали клапаны паровых машин, вращающих ткацкие станки, гордо складывали к отцовским ногам каски поверженных полис-

менов. Они с отцом бежали из города в город, зачастую по ночам. Ночевали в подвалах, на чердаках, в безликих меблированных комнатах, скрываясь от радикальской полиции и кинжалов других заговорщиков. И иногда, возбудившись от своих речей, отец брал Сибил за плечи, обещал ей весь мир. Она станет жить госпожой в зеленой и тихой Англии, когда Король Пар будет наконец низвержен. Когда Байрон [12] и его промышленные радикалы будут бесповоротно разбиты…

Но пеньковая веревка заставила отца умолкнуть. Радикалы все правили и правили, идя от триумфа к триумфу, перетасовывая мир, как колоду карт. И вот теперь Мик Рэдли вознесся в этом мире, а Сибил Джерард пала.

Она стояла и молчала, кутаясь в пальто Мика. Париж. Огромное искушение. От одной лишь мысли, а вдруг Рэдли не врет, кружилась голова. Сибил заставила себя задуматься о том, что будет, если она оставит свою жизнь в Лондоне. Это была дурная, жалкая, убогая жизнь, и все же не совсем

---

[12] Примечания: 12

Байрон, Джордж Гордон (1788–1824) — английский поэт-романтик, в равной степени знаменитый как стихами, так и скандальным, в глазах современников, образом жизни; пэр Англии, с 1809 г. член Палаты лордов, где первая речь его была посвящена защите луддитов. В1816 г. покинул Англию. Умер от лихорадки в Месолонги, где пытался объединить враждующие группировки греческих патриотов для борьбы против турецкого владычества

безнадежная. Ей еще было что терять. Меблированная комната в Уайтчепеле [13] и милый Тоби, ее кот. И была еще миссис Уинтерхолтер, которая знакомила девушек с политическими джентльменами. Миссис Уинтерхолтер, хоть и сводня, ведет себя как леди и вполне надежна, таких еще поискать. И еще она потеряет двух своих постоянных джентльменов, мистера Чедвика и мистера Кингсли, каждый из которых навещает ее дважды в месяц. Что ни говори, постоянный заработок, спасающий ее от улицы. Но у Чедвика в Фулеме ревнивая жена, а у Кингсли Сибил украла лучшие его запонки, это ж надо быть такой дурой. И он догадывается, чьих рук это дело.

И ни один из них не швыряет деньги так свободно, как Денди Мик.

Она старательно изобразила улыбку:

— Какой же ты, Мик Рэдли, чудной. Сам ведь знаешь, что можешь вертеть мною как хочешь. Может, я сперва на тебя и взъелась, но не настолько уж я придурочная, чтобы не распознать настоящего джентльмена с первого взгляда.

Мик выпустил дым.

— Ну и хитра же ты, — восхищенно протянул

---

[13] Примечания: 13

Уайтчепел — одна из беднейших частей Ист-Энда, рабочего района Лондона.

он. — Врешь напропалую, а личико — ну прямо ангельское. Меня ты, конечно же, не обманула и не обманешь, можешь не надеяться. И все же как раз такая девочка мне и нужна. А теперь — марш в постель.

Сибил послушно легла.

— Мамочки, — сказал он, — у тебя же не ноги, а просто ледышки! Почему ты не носишь комнатные туфли? — Он решительно потянул ленты корсета. — Комнатные туфли и черные шелковые чулки, — продолжал он. — Черные чулки — высший шик, особенно в постели.

* * *

Ааронoвский приказчик, стоявший за дальним концом застекленного прилавка, окинул Сибил холодным взглядом. Высокий и надменный, в щегольском черном сюртуке и до блеска начищенных ботинках, он чувствовал, что тут что-то не так, прямо нюхом чуял. Сибил ждала, пока Мик расплатится, чинно сложив руки перед собой и украдкой постреливая глазами из-под голубых рюшей капора. Под ее юбкой, в каркасе кринолина, притаилась шаль, украденная, пока Рэдли примерял цилиндры.

Сибил легко научилась воровать сама, безо

всякой посторонней помощи. Тут необходима выдержка, это главное. И нахальство. Не смотри ни направо, ни налево — просто хватай, задирай подол и прячь. А потом стой себе с постной физиономией, словно барышня из приличных на утренней службе.

Приказчик потерял к ней интерес, теперь он пялился на толстяка, теребившего подтяжки муарового шелка. Сибил быстро проверила юбку. Нет, вроде, не выпирает.

Юный прыщавый клерк с чернильными пятнами на пальцах ввел индекс Мика в кредитную машину. Вжик, щелк, поворот рычага с ручкой из черного дерева — и готово. Он протянул Мику отпечатанный чек, завернул покупку в хрустящую зеленую бумагу и обвязал шпагатом.

«Аарон и сын» никогда не хватятся кашемировой шали. Потом устроят переучет, конторские машины выявят недостачу, но ведь это для них что слону дробина, вон ведь какой магазин, огромный, богатый, прямо что твой дворец. Сплошные греческие колонны, люстры из ирландского хрусталя, миллионы зеркал; блещущие позолотой комнаты загромождены резиновыми сапогами для верховой езды и французским мылом, тростями и зонтиками. А уж в стеклянных,

запертых на ключ витринах — чего только нет. Брошки посеребренные и брошки резные, слоновой кости, а еще золотые музыкальные шкатулки и вообще все, что хочешь. И это лишь один магазин из дюжины. Но при всем при том — и Сибил это знала — «Аарон и сын» не был по-настоящему фешенебельным магазином, благородные здесь не покупают.

Только ведь в Англии при деньгах и голове можно добиться чего угодно. Придет время, и мистер Аарон, старый, пейсатый торгаш-еврей из Уайтчепела, станет его светлостью с паровым экипажем, терпеливо ожидающим у обочины, и собственным гербом на дверце того экипажа. Радикалистскому парламенту ровным счетом наплевать, что мистер Аарон нехристь. Ведь пожаловали лордством Чарльза Дарвина, который сказал, что Адам и Ева были макаками.

Облаченный во французистую ливрею лифтер с лязгом отодвинул перед Сибил и Миком дверь, затем с тем же лязгом закрыл, и клеть пошла вниз.

Покинув залы «Аарона и сына», они окунулись в суету Уайтчепела. Пока Мик сверялся по карте города, выуженной из кармана пальто, Сибил разглядывала меняющиеся буквы на фасаде магазина. Механический фриз — по сути дела,

малоскоростной кинотроп, приспособленный для показа объявлений о товарах — был составлен из сотен раскрашенных деревянных кубиков, поворачивающихся за зеркальным стеклом то одной, то другой гранью. «ПРЕВРАТИТЕ ВАШЕ ПИАНИНО, — предлагали прыгающие буквы, — В ПИАНОЛУ КАШЕРА».

Горизонт к западу от Уайтчепела порос частоколом подъемных кранов — голые стальные скелеты, выкрашенные от сырости суриком. Здания постарше стояли в лесах — все, что не шло на снос, уступая место новому, перестраивалось по его подобию. Вдалеке пыхтели экскаваторы, мостовую сотрясала мелкая дрожь — где-то в глубине исполинские механизмы прокладывали новую линию подземки.

Но тут Мик без единого слова развернулся налево и зашагал прочь; его шляпа была сдвинута набекрень, длинное пальто развевалось на ходу, резко мелькали клетчатые отвороты брюк. Сибил едва за ним поспевала. Оборванный мальчишка, на груди жестяная бляха с номером, сгребал с перекрестка мокрый грязный снег; Мик, не задерживаясь, швырнул ему пенни и повернул в Мясницкий ряд.

Сибил наконец нагнала его и взяла под ру-

ку. Слева и справа на почерневших железных крюках висели красные и белые туши — говядина, баранина, телятина; плотные мужики в заляпанных кровью передниках многоголосо расхваливали свой товар. Обитательницы Лондона толпились здесь дюжинами с корзинками в руках. Служанки, кухарки, добропорядочные жены добропорядочных мужей. Краснолицый косоглазый мясник выскочил на мостовую прямо перед Сибил; в его ладонях лежало что-то синее и скользкое.

— Постой, красавица! Купи мужу на пирог самые лучшие на рынке почки!

Сибил дернулась и обошла его стороной.

Обочину загромождали тележки, возле которых выкликали свой товар торговцы и торговки; на их плисовых куртках сверкали латунные и перламутровые пуговицы. У каждого имелся свой номерной значок, хотя, по словам Мика, добрая половина номеров была липой, такой же липой, как и гири их весов. Мостовая, расчерченная мелом на аккуратные квадраты, была сплошь устелена клеенками, уставлена корзинами; Мик принялся рассказывать, к каким уловкам прибегают торговцы, чтобы придать свежий вид лежалым, сморщенным фруктам, как они подкла-

дывают дохлых угрей к живым. Сибил улыбалась, видя, как он гордится своими познаниями. Тем временем торговцы кричали о своих метлах, мыле, свечах, а хмурый шарманщик двумя руками крутил ручку своей машины, наполняя улицу торопливым дребезжанием колокольчиков, струн и стальных пластинок.

Мик остановился около складного столика, за которым восседала раскосая женщина в бомбазине [14] — вдова, что ли? Тонкие, скорбно поджатые губы сжимали короткую глиняную трубку. На столике были выставлены многочисленные пузырьки с вязкой на вид жидкостью; должно быть, какое-то патентованное лекарство, решила Сибил, поскольку на каждый пузырек была наклеена синяя бумажка с расплывшимся изображением краснокожего дикаря.

— И что бы это могло быть? — осведомился Мик, постучав пальцем по залитой красным воском пробке. Прежде чем ответить, вдова извлекла трубку изо рта.

— Каменное масло, мистер, а еще его называют барбадосской смолой. — Ее густой, тягучий

[14] Примечания: 14

Бомбазин — плотная шелково-шерстяная ткань; чаще всего ее окрашивали в черный цвет и применяли для траурной одежды, отсюда и догадка героя, что индианка — вдова.

акцент неприятно резал ухо, но Сибил почувствовала не раздражение, а скорее жалость. Как далеко занесло эту женщину от того заморского места, которое она звала своим домом.

— Ясно, — кивнул Мик. — А оно, случаем, не техасское?

— Чудо природы, целебный бальзам, — сообщила вдова, — здоровье и радость доставит вам. Собран дикарями из племени сенека в Пенсильвании, с вод великого Масляного ручья, мистер. Три пенни за флакон, и вы забудете все свои болезни.

Узкие бесцветные глаза женщины прищурились еще сильнее, почти утонули в сетке морщин; она смотрела на Мика с каким-то странным выражением, словно пыталась вспомнить лицо. Сибил зябко поежилась.

— Удачи тебе, матушка, — сказал Мик с улыбкой, которая почему-то напомнила Сибил детектива из Отдела по борьбе с пороками, которого она когда-то знала. Маленький рыжеватый человечек, в чьем ведении находились Лестер-сквер и Сохо. Девушки прозвали его Барсуком.

Мик двинулся дальше.

— Что это такое? — спросила Сибил, беря его под руку. — Что она там продает?

— Каменное масло, — ответил Мик, оглянувшись на черную согбенную фигуру. — Генерал говорит, в Техасе оно прямо брызжет из-под земли…

— И это что, и вправду помогает от всех болезней? — заинтересовалась Сибил.

— Не бери в голову, — отмахнулся Мик, — и кончаем треп. — Его явно заинтересовало что-то происходившее в конце переулка. — Вон там один из них. Ты знаешь, что тебе делать.

Сибил кивнула и стала пробираться сквозь базарную толчею к человеку, которого высмотрел Мик. Это был продавец баллад, тощий, со впалыми щеками парень. Из-под цилиндра, обтянутого яркой, в горошек, тканью, выбивались длинные, сто лет не мытые волосы. Руки он держал перед собой, молитвенно сложив ладони, из рукавов мятой куртки торчали пачки листовок с нотами и текстом.

— «Железная дорога в Рай», «Железная дорога в Рай», леди и господа, — привычно тараторил продавец. — «Мчится поезд надежды по скале веков, из Правды и Веры рельсы, а паровоз — Любовь». Прекрасная мелодия, и всего за два пенни, мисс.

— У вас есть «Ворон Сан-Хасинто» [15]? — спросила Сибил.

— Надо, так достану, — отозвался продавец. — А о чем это?

— О великой битве в Техасе, о великом генерале.

Продавец баллад удивленно вскинул брови. Глаза у него были голубые, с безумным блеском — то ли от голода, то ли от религии, а может, и от джина.

— Так, значит, ваш мистер Хасинто один из этих крымских генералов, француз?

— Нет-нет, — снисходительно улыбнулась Сибил. — Генерал Хьюстон, Сэм Хьюстон из Техаса [16]. И мне нужна эта песня, крайне нужна.

— Сегодня вечером я закупаю свежие публи-

---

[15] Примечания: 15

«Сан-Хасинто» (в настоящее время Сан-Джасинто) — небольшая река в Техасе, на берегах которой в 1836 г. техасцы под командованием Сэмюэля Хьюстона разгромили мексиканскую армию генерала Антонио Лопеса де Санта-Аны, чем и закончилась Техасская война (1835–1836). Позднее примерно в этом месте был заложен крупнейший город Техаса Хьюстон.

[16] Примечания: 16

Сэмюэль Хьюстон (1793–1863) — личность крайне колоритная. В юности в Теннесси бежал к индейцам чероки и прожил в их племени три года, выучил язык, обычаи, получил имя Черный Ворон. После войны 1812 г. изучал право и преподавал, в 1817 г. ему было поручено руководить переселением чероки из Теннесси в арканзасскую резервацию; далее занимался юриспруденцией, был избран в Сенат США (1823–1827), затем губернатором Теннесси, однако после неудачного брака подал

в 1829 г. в отставку и снова ушел к чероки, был формально принят в племя. Боролся против злоупотреблений правительственных ведомств по делам резерваций. В 1832 г. послан президентом Эндрю Джексоном в Техас (тогда мексиканская провинция) вести переговоры с индейцами о защите торговли в приграничных областях и возглавил борьбу американских поселенцев против Мексики. После успешного окончания войны за независимость избирался президентом республики Техас (1836–1838, 1841–1844), активно содействовал присоединению Техаса к США (1845), избирался в Сенат (1846–1859), а также губернатором штата (1859). Перед началом войны Севера и Юга выступал за сохранение союза, отказался в 1861 г. присягнуть на верность конфедерации южных штатов и был низложен.

кации и непременно спрошу вашу песню, мисс, непременно спрошу.

— Мне нужно по меньшей мере пять экземпляров, для всех моих друзей, — сказала Сибил.

— За десять пенсов вы получите шесть.

— Значит, шесть, и сегодня вечером, на этом же месте.

— Как скажете, мисс. — Продавец тронул поля шляпы.

Сибил поспешила затеряться в толпе. Все получилось! И не так уж это было и страшно. Раз, другой — и совсем привыкнешь. Да и как знать, может, песня и вправду хорошая, так что люди, которым продавец сбагрит в конце концов свои листочки, получат удовольствие. Внезапно рядом с ней возник Мик.

— Неплохо, — снисходительно заметил он, запуская руку в карман пальто, чтобы, как фокусник — кролика, извлечь оттуда теплый, с пылу с жару, яблочный пирожок, обсыпанный сахарной пудрой и завернутый в промасленную бумагу.

— Спасибо, — произнесла Сибил с удивлением и облегчением; она как раз думала свернуть в какой-нибудь тихий уголок и достать украденную шаль, а ведь Мик, получается, все это время ни на секунду не спускал с нее глаз. Она его не

видела, а он ее видел. Такой уж он есть, и не надо об этом забывать.

То вместе, то порознь они прошли весь Сомерсет, а затем и огромный рынок Петтикоут-Лейн, освещенный с приближением вечера сонмом огней: ровно горели калильные газовые фонари, ослепительно сверкало белое ацетиленовое пламя, среди разложенной на прилавках снеди мигали чадящие масляные лампы и стеариновые плошки. Несмотря на оглушительный гвалт, Сибил, к вящей радости Мика, одурачила здесь еще трех торговцев балладами.

В ночном сердце Уайтчепела, огромном питейном заведении, где на поблескивающих золотыми обоями стенах полыхали газовые рожки, Сибил нашла дамскую уборную. Там, в безопасности вонючей кабинки, она смогла наконец переложить свою добычу поудобнее. Шаль была очень мягкая, чудесного лилового цвета — благодаря одной из этих странных новых красок, которые

делают из угля [17]. Сибил аккуратно сложила шаль и затолкала ее в корсет, пусть пока полежит в надежном месте. Вернувшись к своему новому руководителю, она застала его уже за столиком. Мик успел заказать для нее медовый джин. Сибил села рядом, не дожидаясь приглашения.

— Отличная работа, девочка, — сказал Рэдли, пододвигая ей стакан.

В зале было не протолкнуться от крымских солдат-отпускников [18]; на крикливых, багровых от неумеренно поглощаемого джина ирландцах гроздьями висели уличные феи. Служанок тут не водилось, только устрашающего вида бармены в белых передниках и с увесистыми дубинками, деликатно припрятанными за стойкой.

— Джин пьют только шлюхи, Мик.

— Да почему же обязательно шлюхи, — пожал плечами Мик. — Все его пьют. И ты не шлюха,

---

[17] Примечания: 17

Речь идет о первом искусственном красителе (анилиновом), полученном в 1856 г. английским химиком Уильямом Генри Перкином (1838–1907). Открытие произошло случайно, когда Перкин был еще студентом и пытался синтезировать хинин. Цвет этот (дословно «мальвовый» — mauve) сделался феноменально популярен и дал название целому историческому периоду — «мальвовое десятилетие». К полувековому юбилею своего открытия Перкин был удостоен рыцарского титула

[18] Примечания: 18

Странная история: в настоящую Крымскую войну солдаты и мечтать не могли об отпуске.

Сибил.

— Потаскуха, уличная девка, — криво усмехнулась Сибил. — Как ты там еще меня называл?

— Ты теперь напарница Денди Мика. — Он зацепил большими пальцами за проймы жилета и откинулся назад, балансируя на задних ножках стула. — Ты — *авантюристка.*

— Авантюристка?

— Вот именно. — Мик со стуком опустил передние ножки стула на пол. — За тебя. — Он отхлебнул из стакана и скривился. — А ты лучше не трогай эту отраву, они ее скипидаром разбавили, а то и чем похуже. Пошли отсюда.

На этот раз Сибил предусмотрительно повисла на руке Мика, чтобы не мчался, как на пожар.

— Так, значит, вы… э-э… мистер Мик Рэдли — авантюрист?

— Он самый, Сибил, — кивнул Мик, — и ты станешь моей ученицей. А потому делай, что тебе говорят, со всем подобающим подмастерью смирением. Изучай приемы ремесла. А потом, когда-нибудь, ты вступишь в профсоюз. В гильдию.

— Как мой отец, да? Ты что, Мик, смеешься? Кто был он и кто такая я?

— Нет, — отрезал Мик. — На таких, как он, мода прошла. Теперь он никто.

— Так что же, — криво усмехнулась Сибил, — значит, в эту твою хитрую гильдию принимают и нас, распутных девиц?

— Это гильдия знания, — учительским тоном пояснил Мик. — Хозяева, большие шишки, они могу отобрать у тебя все, что угодно. С их проклятыми законами и фабриками, судами и банками… Они могут делать с миром все, что им заблагорассудится, они могут отобрать у тебя дом и родных, и даже работу, на которой ты надрываешься… — Мик гневно пожал плечами. — И даже, если ты простишь мне такую дерзость, украсть добродетель у дочери героя. — Он крепко сжал ее руку. — Но им не отнять у тебя того, что ты *знаешь*, Сибил. Этого им никогда не отнять.

* * *

Сибил услышала шаги Хетти по коридору, затем — побрякивание вставляемого в скважину ключа. Она отпустила ручку серинета [19], и звук замер на высокой, визгливой ноте.

Вошедшая девушка стянула с головы шерстяную, присыпанную снегом шапочку и скинула

[19] Примечания: 19

Серинет — примитивный ручной органчик со звуковым валиком, применявшийся для обучения птиц пению.

темно-синий плащ. Хетти также принадлежала к числу подопечных миссис Уинтерхолтер. Ширококостая хриплоголосая брюнетка, она многовато пила, однако дома вела себя вполне пристойно и, самое главное, никогда не обижала Тоби.

Сибил вынула и уложила в гнездо железную, с фарфоровым набалдашником ручку дешевенького серинета, захлопнула исцарапанную крышку.

— Я тут репетировала. Миссис Уинтерхолтер хочет, чтобы я пела в следующий четверг.

— Черт бы ее побрал, эту старую потаскуху, — сочувственно откликнулась Хетти. — А я-то думала, у тебя свидание с мистером Ч. Или с мистером К.?

Хетти потопала ногами перед маленьким узким камином, чтобы согреться, и вдруг заметила россыпь обувных и шляпных коробок от «Аарона и сына».

— Нуты вообще! — Ее губы изогнулись в широкой, чуть завистливой улыбке. — Это что, новый ухажер? Ну и прушница же ты, Сибил Джонс!

— Возможно.

Сибил глотнула укрепляющей лимонной настойки и чуть запрокинула голову, чтобы горло отдохнуло.

— А ведь небось старуха не в курсе? — подмиг-

нула Хетти. Сибил с улыбкой покачала головой. Эта не проговорится.

— Ты знаешь чего-нибудь о Техасе?

— Страна в Америке, — не задумываясь, отрапортовала Хетти. — Принадлежит французам, да?

— Ты путаешь с Мексикой. Хочешь сходить на кинотропическое шоу? Бывший президент Техаса выступает с лекцией. У меня есть билеты, бесплатно.

— Когда?

— В субботу.

— Я в этот день танцую, — погрустнела Хетти. — Может, Мэнди сходит? — Она подышала на озябшие пальцы. — Попозже зайдет один мой друг, тебе ведь это не помешает, правда?

— Нисколько, — ответила Сибил.

У миссис Уинтерхолтер было строгое правило, запрещавшее девушкам принимать мужчин в своей комнате. Хетти сплошь и рядом игнорировала это правило, буквально напрашиваясь на неприятности — домовладелец терпит-терпит, а потом возьмет и настучит. Поскольку миссис Уинтерхолтер предпочитала вносить плату за комнаты непосредственно домовладельцу, мистеру Кэрнзу, Сибил почти не случалось с ним

говорить, тем более с его женой, угрюмой, толстоногой особой, чьи шляпки могли довести неподготовленного человека до обморока. Кэрнз и его жена никогда не стучали на Хетти, непонятно почему, ведь комната Хетти располагалась стенка в стенку с их спальней, а Хетти особо себя не сдерживала, когда приводила домой мужчин, по большей части — иностранных дипломатов, людей со странным выговором и, судя по звукам за стеной, еще более странными наклонностями.

— Да ты пой, если хочешь, — сказала Хетти, опускаясь на колени перед потухающим камином. — У тебя прекрасный голос. Такой талант нельзя зарывать в землю.

Мелко дрожа от холода, она принялась по одному подкладывать в камин куски угля. В комнату забрался сквозняк — должно быть, через растрескавшийся переплет одного из забитых окон, — и на какой-то миг Сибил ясно почувствовала присутствие рядом чего-то чуждого. Словно чьи-то глаза холодно следят за ней из нездешних сфер. Она подумала о мертвом отце. *«Ставь голос. Сибил. Учись говорить. Это единственное наше оружие»*, — говорил он ей. И это — за несколько дней до ареста, когда уже стало понятно, что радикалы вновь победили, — понятно всем, кроме

Уолтера Джерарда. Даже она видела с ужасающей ясностью всю бесповоротность отцовского поражения. Его идеалы обречены на забвение — не отложены до лучших времен, а напрочь вычеркнуты из истории, они будут раздавлены, многократно перемолоты, как дворняжка, угодившая под грохочущие колеса поезда. *«Учись говорить, Сибил. Это единственное наше оружие…»*

— Почитаешь? — спросила Хетти. — А я заварю чай.

— Хорошо.

В их с Хетти пестрой беспорядочной жизни чтение вслух было одним из тех мелких ритуалов, которые заменяли им домашний уют. Сибил взяла со стола последний номер «Иллюстрейтед Лондон Ньюс», расположила свой кринолин в скрипучем, пахнущем сыростью кресле и начала прямо с передовицы. Опять динозавры.

Судя по всему, радикалы совсем сдвинулись на этих своих динозаврах. Газета напечатала гравюру с изображением экспедиции лорда Дарвина: семеро мужчин во главе с самим лордом, не поленившимся съездить в Тюрингию и спуститься в шахту, уставились на какую-то штуку, торчащую из каменного угля в самом конце забоя.

Сибил прочла вслух заголовок, показала Хетти картинку. Кость. Эта самая, которая в угле, штука оказалась чудовищной, с человека размером, костью. Сибил передернуло. Перевернув страницу, она наткнулась на следующую иллюстрацию — как могло бы выглядеть это существо в жизни, с точки зрения газетного художника: чудовище *с*двойным рядом треугольных, вроде как у пилы, зубцов вдоль горбатого хребта. Огромное, как слон, а злобная, отвратительная головка не больше собачьей.

Хетти разлила чай.

— «Рептилии были полновластными хозяевами Земли», — процитировала она, вдевая нитку в иголку. — Хрень это все собачья, ни слову не верю.

— Почему?

— Да это ж кости тех долбаных великанов, про которых в Библии говорится. Священники врать не станут.

Сибил промолчала. Одна идея дикая, другая и того чище. Она перешла к следующей статье, где восхвалялись действия артиллерии Ее Величества в Крыму. Сибил обнаружила гравюру с изображением двух симпатичных младших офицеров, взирающих на работу дальнобойной

пушки. Сама эта пушка, с дулом толстым, как заводская труба, казалась вполне способной расправиться со всеми динозаврами лорда Дарвина. Однако внимание Сибил привлекла врезка с изображением артиллерийского вычислителя. Хитросплетение шестеренок обладало странной красотой и напоминало узор каких-нибудь вычурных обоев.

— Тебе заштопать чего-нибудь надо? — спросила Хетти.

— Нет, спасибо.

— Тогда почитай рекламу, — попросила Хетти. — Ненавижу эту болтовню о войне.

Тут были ХЭВИЛЕНДСКИЙ ФАРФОР из Лиможа, Франция; «ВИН МАРИАНИ»[20], французский тоник, рекомендуемый к употреблению самим Александром Дюма; «КНИГА ОПИСАНИЙ», включающая портреты и автографы знаменитостей, за-

---

[20] Примечания: 20

«Вин Мариани» — самая популярная из множества распространенных во второй половине XIX в. винно-кокаиновых смесей, выпускалась с 1863 г. во Франции корсиканцем Анджело Мариани. Чудодейственные целебные свойства этого напитка воспевали Анатоль Франс и Генрик Ибсен, Жюль Верн и Александр Дюма, Конан Дойль и Р. Л. Стивенсон, Фредерик Бартольди (автор статуи Свободы), королева Виктория, главный раввин Франции, а также папы Пий X и Лев XIII. Американский аптекарь из Атланты Джон С. Пембертон начинал с попыток имитации «Вин Мариани» и весьма преуспел, а когда в 1886 г. в Джорджии ввели сухой закон, то заменил вино сахарным сиропом — так появилась кока-кола. Кокаин же был выведен из рецептуры лишь в 1904 г.

явки присылать на Оксфорд-стрит, дом такой-то. СТОЛОВОЕ СЕРЕБРО «ЭЛЕКТРО» С КРЕМНИЕВЫМ ПОКРЫТИЕМ, не снашивается, не царапается, ни с чем не сравнимо. ВЕЛОСИПЕДНЫЙ ЗВОНОК «В НОВЫЙ ПУТЬ», уникальный голос; КАМЕННАЯ ВОДА ДОКТОРА БЕЙЛИ, лечит брайтову болезнь и подагрический артрит; КАРМАННАЯ ПАРОВАЯ МАШИНА «РИДЖЕНТ», предназначена для использования в домашних швейных машинках.

Последнее объявление привлекло внимание Сибил, но совсем не потому, что обещало крутить машинку с удвоенной скоростью всего за полпенни в час. Тут был рисунок маленького, изящного парового котла на парафине или газе. Чарльз Эгремонт приобрел такую штуку для своей жены. Отработанный пар должен был отводиться в ближайшую форточку, для чего к котлу прилагался специальный резиновый шланг. Однако, по словам мистера Эгремонта, что-то там вышло не так и гостиная мадам превратилась в турецкую баню. Слушая печальную эту повесть, Сибил с трудом скрывала злорадство.

Когда с газетой было покончено, Сибил отправилась спать. Около полуночи ее разбудил мощный ритмичный скрип кровати за стенкой.

В театре «Гаррик» [21] было темно, пыльно и холодно — и в оркестровой яме, и на балконах, и в зале, среди рядов потертых кресел; но темнее всего было под сценой, там, куда только что спустился Мик Рэдли, вдобавок оттуда несло сыростью и известкой.

— Ты видела когда-нибудь кинотроп, а? — гулко донеслось снизу.

— Как-то раз, за кулисами, — ответила Сибил. — В Бетнел-Гринском мюзик-холле. Я знала парня, который его крутил. Тамошний клакер.

— Дружок? — резко спросил Мик.

— Нет, — поспешила ответить Сибил. — Я там немного пела… Бросила, на этом не заработаешь.

* * *

Снизу донесся резкий щелчок многоразовой спички, потом второй, и лишь с третьей попытки Мик зажег огарок свечи.

— Спускайся, — скомандовал он, — нечего стоять там, как гусыня.

Подобрав юбки кринолина, Сибил стала осто-

---

[21] Примечания: 21

«Гаррик» — театр на Чаринг-кросс-роуд, одна из лондонских достопримечательностей. Спроектирован в 1889 г. и назван в честь знаменитого Дэвида Гаррика (1717–1779) — актера, постановщика, драматурга, поэта и соуправляющего театра Друри-лейн.

рожно спускаться по отсыревшим ступеням узкой крутой лесенки.

Мик, привстав на цыпочки, нащупывал что-то за высоким сценическим зеркалом — огромным листом амальгамированного стекла на подставке с колесиками, потертыми деревянными рукоятками и лоснящимися от смазки шестеренками. Вытащив оттуда дешевый саквояж из черного брезента, он осторожно опустил его на пол у своих ног и присел, чтобы расстегнуть хлипкие жестяные замки. На свет божий появилась пачка перфорированных карточек, обернутая полоской красной бумаги. В саквояже лежало несколько таких пачек и что-то еще — Сибил заметила блеск полированного дерева.

Мик обращался с карточками очень бережно, словно с Библией.

— Проще простого, — сказал он. — Нужно только их замаскировать — написать на обертке какую-нибудь глупость, например: «Лекция о вреде алкоголя. Части один, два, три». И ни одному дураку ни за что не придет в голову их украсть или хотя бы загрузить и посмотреть, что же это такое. — Он провел по краю пачки большим пальцем, и она резко затрещала, как новая игральная колода. — Я вложил сюда уйму

денег, — продолжал Мик. — Несколько недель работы лучших киноумельцев Манчестера. Но смею заметить, разработка моя, целиком и полностью. Отлично вышло, девочка. В некотором роде даже художественно. Скоро сама увидишь.

Закрыв саквояж, Мик встал, осторожно опустил колоду в карман пальто, потом наклонился над каким-то ящиком и вытянул толстую стеклянную ампулу. Сдув с ампулы пыль, он сдавил ее конец специальными щипцами; стекло раскололось с характерным хлопком откачанного, герметично запаянного сосуда. Мурлыча что-то себе под нос, Мик вытряхнул на ладонь белый цилиндрик прессованной извести и аккуратно вставил его в гнездо калильной лампы — большой тарелкообразной конструкции из закопченного железа и блестящей луженой жести. Затем повернул кран шланга, потянул носом, удовлетворенно кивнул, повернул второй кран и поднес свечу; из горелки вырвался яростный ком голубоватого пламени.

Сибил, вскрикнув, зажмурилась, в глазах у нее поплыли синие точки. Мик иронически хмыкнул, его руки продолжали возиться с ровно шипящей горелкой.

— Вот так-то лучше, — сказал он через пару секунд, направив ослепительно яркий друммон-

дов свет [22] на зеркало. — Теперь отрегулируем это трюмо, повернем его куда следует — и дело с концом.

Сибил, щурясь, огляделась по сторонам. Под сценой «Гаррика» было тесно, сыро и пахло крысами, ни дать ни взять грязный подвал, где подыхают собаки и нищие; под ногами — рваные, пожелтевшие афиши сомнительных фарсов с названиями вроде «Проныра Джек» или «Лондонские негодяи». В углу валялись скомканные дамские «неназываемые». Недолгие безрадостные дни сценической карьеры позволяли ей догадываться, каким образом оказался здесь столь пикантный предмет.

Она скользнула взглядом по паровым трубам и тугим, как струна, проволочным тягам к сверка-

[22] Примечания: 22

Друммондов свет — по имени Т. Друммонда (1797–1840), английского изобретателя. Яркий белый свет, получающийся нагреванием извести в пламени водорода либо иного газа. Часто применялся в театрах для освещения сцены.

ющему вычислителю Бэббиджа [23], маленькой кинотропной модели, не выше самой Сибил. В отличие от всего остального в «Гаррике», установленная на четырех брусках красного дерева вычислительная машина выглядела вполне прилично. Пол и потолок над и под ней были аккуратно выскоблены и побелены. Паровой вычислитель — штука тонкая, с характером, если ты не намерен его холить, уж лучше вообще не покупай. В отсветах калильной лампы причудливой колоннадой тускло поблескивали латунные, усеянные круглыми выступами цилиндры, многие десятки цилиндров. Снизу и сверху их удерживали массивные, тщательно отполированные стальные пластины, вокруг сверкали десятки рычагов и храповиков, тысячи стальных шесте-

[23] Примечания: 23

Бэббидж, Чарльз (1791–1871) — английский математик и изобретатель, один из пионеров вычислительной техники. С 1816 г. член Королевского общества, где в 1822 г. представил доклад с планами разностной машины — автоматического вычислительного устройства для табулирования многочленов по способу разностей; машину предполагалось снабдить печатающим механизмом — стальные пуансоны гравировали результат вычислений на медной пластинке, с которой можно было получить нужное число оттисков. Восьмиразрядную разностную машину Бэббидж изготовил самостоятельно и в 1823 г. добился выделения казначейством средств на постройку двадцатиразрядного вычислителя. Средств, разумеется, не хватало, Бэббидж обращался к министру финансов с новыми прошениями, получил поддержку премьер-министра герцога Веллингтона, однако работы шли очень медленно. В 1834 г. он разработал проект гораздо более совершенного вычислительного устройства — аналитической

машины, для управления которой предлагалось использовать механизм, аналогичный механизму ткацкого станка Жаккарда. Планы эти были после смерти Бэббиджа надолго забыты, пока в 1937 г. не обнаружились его записные книжки, и можно сказать, что именно это его устройство заложило основу современной вычислительной техники — нынешние компьютеры во многом повторяют принцип действия аналитической машины, которая, разумеется, не могла быть построена на чисто механической материальной базе; вернее — слишком велики были допуски и погрешности металлообработки в середине XIX в., и машина давала бы сбои. В 1842 г. правительство принимает решение прекратить финансирование работ над разностной машиной (потрачено 17 тысяч фунтов — плюс шесть тысяч Бэббидж вложил сам). В 1852 г. он представляет в казначейство проект усовершенствованной разностной машины (со сквозной — вместо последовательной — схемой переноса, позаимствованной из аналитической машины), однако министр финансов Дизраэли отказывает ему в поддержке. В 1854 г. шведы отец и сын Шютцы достраивают свой вариант пятнадцатиразрядной разностной машины (на эту работу их вдохновила статья доктора Дионисия Ларднера в «Эдинбургском обозрении» в 1834 г. «Вычислительная машина Бэббиджа»), а в 1858–1859 гг. инженер Донкин по заказу Британского правительства (!) делает копию машины Шютцев, после чего машина Донкина широко использовалась для вычисления таблиц смертности, по которым страховые компании производили свои начисления.

ренок. От машины пахло льняным маслом.

Сверкающий, непостижимый механизм завораживал Сибил, вызывал у нее странное, сродни голоду или алчности, чувство. Так можно относиться… ну, скажем, к красивой породистой лошади. Ей хотелось иметь… нет, не обязательно саму эту вещь, но какую-нибудь над ней власть.

Сибил вздрогнула, почувствовав на своем локте ладонь Мика.

— Красивая штука, правда?

— Да… красивая.

Мик развернул ее лицом к себе и медленно, будто священнодействуя, вложил затянутую перчаткой ладонь между капором и левой щекой, нажимом большого пальца заставил Сибил поднять голову и пристально посмотрел ей в глаза.

— Чувствуешь, что от нее исходит?

Сибил напугали и его срывающийся голос, и его глаза, жутковато подсвеченные снизу мертвенно-белым светом калильной лампы.

— Да, Мик, — послушно согласилась она. — Я чувствую… что-то такое.

Он стянул капор с ее головы, и теперь тот болтался сзади на шее.

— Ты же не боишься ее, Сибил, правда? Да, конечно же, нет, ведь с тобою Денди Мик. Ты

чувствуешь некий особый фриссон [24]. Ты еще полюбишь это ощущение. Мы сделаем из тебя настоящего клакера.

— А я смогу? Неужели девушке это под силу?

— Ты слыхала про такую леди Аду Байрон [25]? — рассмеялся Мик. — Дочь премьер-министра и королева машин! — Отпустив Сибил, он раскинул руки жестом балаганного зазывалы, полы его пальто распахнулись. — Ада Байрон, верная подруга и ученица самого Бэббиджа! Лорда Чарльза Бэббиджа, отца разностной машины, Ньютона современности!

— Но ведь Ада Байрон леди! — изумилась Сибил.

— Ты не поверишь, с кем только не водит знакомство наша леди Ада, — усмехнулся Мик,

---

[24] Примечания: 24
frisson (фр.) — дрожь

[25] Примечания: 25
Ада Байрон — Августа Ада Кинг, графиня Лавлейс (1815–1852), единственная законная дочь знаменитого поэта (который последний раз видел ее, когда ей был месяц от роду), английский математик и помощница Чарльза Бэббиджа. Как разностная машина, ее конструкция и принцип действия известны преимущественно не по публикациям самого Бэббиджа, а по статье Ларднера (см. выше), так и описание аналитической машины было дано итальянским математиком Луиджи Федерико Менабреа, — статью которого перевела на английский Ада Байрон и снабдила обширным комментарием (1843). Причем если Менабреа предпочел акцентировать техническую сторону, то заметки Ады были посвящены математическим вопросам; также она составила для аналитической машины программу вычисления чисел Бернулли.

Именно поэтому ее называют первым компьютерным программистом, в ее честь был назван язык программирования Ада. Уже в конце XX в. не обошлось, разумеется, без попыток ревизии; так, Дороти Стайн выпустила в 1985 г. биографию Ады, где пыталась развеять ряд наиболее устойчивых мифов. Д. Стайн утверждала, будто леди Ада обладала не столько математическими способностями, сколько безграничным энтузиазмом, будто при подготовке перевода статьи Менабреа она выполняла при Бэббидже чисто вспомогательные функции — и, наконец, будто Бэббидж вовсе не разрабатывал совместно с ней систему беспроигрышных ставок на бегах (дабы финансировать работы над аналитической машиной). При этом Д. Стайн пыталась сводить психологические особенности леди Ады к маниакально-депрессивному психозу — или же к наследственной порфирии (связанной, в частности, с нервно-психическими расстройствами). Впрочем, особой поддержки эти радикально-ревизионистские теории не получили.

вытаскивая из кармана колоду перфорированных карт и срывая с нее бумажную обертку. — Нет, я не имею в виду садовые чаепития в компании светских хлыщей, но Ада, что называется, баба не промах… на свой математический лад… — Он помедлил. — Хотя, в общем-то, я бы не сказал, что Ада лучше всех. Я знаю пару клакеров в Обществе парового интеллекта, по сравнению с которыми даже леди Ада покажется малость отсталой. Но она гений. Ты знаешь, что это такое — быть гением?

— Что? — спросила Сибил; наглая самоуверенность Мика приводила ее в бешенство.

— Знаешь, как родилась на свет аналитическая геометрия? Некий парень по фамилии Декарт увидел на потолке муху. Тысячи лет миллионы людей смотрели от скуки на мух, но понадобился Рене Декарт, чтобы создать из этого науку. Теперь-то инженеры пользуются его открытием ежедневно и ежечасно, но не будь Декарта, им бы просто не чем было пользоваться.

— Кому интересны эти его мухи? — удивилась Сибил, но Мик ее не слушал.

— Аду тоже посетило как-то озарение, не хуже, чем Декарта. Только никто не сумел еще приспособить ее догадку к какому-нибудь делу. Чистая

математика — так это называется. «Чистая!» — передразнил Мик. — Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ей пока не находится никакого применения. — Он потер руки и ухмыльнулся. — Вот и догадка Ады Байрон — никто не находит ей применения.

Его веселье действовало Сибил на нервы:

— А я-то думала, ты ненавидишь лордов!

— Я ненавижу их привилегии, то, что не заработано честным путем, — сказал Мик. — Но леди Ада живет за счет своего серого вещества, а не голубой крови. — Он вложил карточки в посеребренный приемный лоток, а затем резко повернулся и схватил Сибил за запястье. — Твой отец мертв, девочка! Не хотелось бы делать тебе больно, но луддиты мертвы, как прогоревшая и остывшая зола. Ну да, мы устраивали демонстрации и надрывали глотки, боролись за права трудящихся и прочее в этом роде, но все это были слова. А пока мы сочиняли листовки, лорд Чарльз Бэббидж чертил чертежи, по которым был построен сегодняшний мир!.. Люди Байрона, люди Бэббиджа, промышленные радикалы… — Мик сокрушенно покачал головой. — Им принадлежит Великобритания! Им принадлежим мы со всеми нашими потрохами, девочка. Весь земной

шар у их ног — Европа, Америка, что там еще. Палата лордов под завязку набита радикалами. Королева Виктория и шагу не сделает без одобрения ученых и капиталистов. И нет, — он ткнул в Сибил пальцем, — нет никакого смысла бороться с этим, и знаешь почему? Потому что радикалы и вправду играют честно — *достаточно*честно, — и если голова у тебя на месте, можно стать одним из них! Никому не заставить умных людей бороться с системой, которая представляется им вполне разумной. Но это не значит, что мы с тобой, — Мик ударил себя кулаком в грудь, — остались у разбитого корыта. Это значит только, что нам нужно думать быстрее, держать глаза и уши открытыми…

Он принял боксерскую стойку: локти согнуты, кулаки сжаты и подняты к лицу, — а затем откинул волосы назад и широко улыбнулся.

— Хорошо тебе говорить, — запротестовала Сибил. — Ты-то свободная пташка. Ты был одним из последователей моего отца — ну и что из того, то же самое можно сказать о многих, кто сидит сейчас в парламенте. Но жизнь падшей женщины кончена. Кончена бесповоротно.

— Вот в том-то все и дело! — Мик раздраженно взмахнул рукой. — Ты теперь работаешь с кру-

тыми ребятами, а мыслишь понятиями уличной девки! Мы едем в Париж, а там тебя ни одна собака не знает. Да, конечно, у здешних фараонов и начальничков есть твой индекс. Но ведь цифры — это только цифры, а твое досье — всего лишь стопка перфокарт. Индекс можно изменить, для этого есть способы. — Он взглянул на изумленное недоверчивое лицо Сибил и широко осклабился. — Да, согласен, в Лондоне твоем драгоценном это не так-то просто. А вот в Париже, под боком у Луи-Наполеона, обстановочка совсем иная! В привольном городке Пари все дела делаются быстро, как по маслу, особенно дела авантюристки с хорошо подвешенным языком и красивыми ножками.

Сибил закусила костяшку пальца, у нее защипало в глазах. Конечно же, это было от едкого дыма калильной лампы — и страха. Новый индекс в правительственных машинах — это новая жизнь! Жизнь без прошлого. Мысль о подобной свободе приводила в трепет. Не столько тем, что значила эта свобода сама по себе, хотя и от этого кружилась голова. Но что может потребовать Мик Рэдли в обмен, за такое-то?

— Ты что, и вправду можешь изменить мой индекс?

— Я могу купить тебе в Париже новый. Выдать тебя за француженку, или аргентинку, или американскую беженку. — Мик скрестил руки на груди. — Пойми меня правильно, я ничего не обещаю. Тебе придется это заработать.

— Ты ведь не дурачишь меня, Мик? — голос Сибил дрожал. — Ведь я… я могу быть очень, особо мила с тем, кто окажет мне подобную услугу.

— Правда, что ли? — Мик глядел на нее, засунув руки в карманы и раскачиваясь на каблуках.

Слова Сибил, дрожь в ее голосе раздули в нем какую-то искру, это читалось в его глазах. Страстное, почти плотское желание, о котором она всегда смутно подозревала, желание… покрепче насадить ее на крючок.

— Да, если ты будешь обращаться со мной по-честному, как со свой ученицей, а не какой-нибудь слабоумной девкой, которую можно использовать, а затем выбросить, как старую ветошь. — Сибил чувствовала, что у нее подступают слезы, на этот раз еще настойчивей. Она сморгнула и смело вскинула глаза, дала слезам волю — как знать, может и от них будет какой-то прок. — Ты же не станешь дразнить меня надеждой, чтобы потом ее рассеять, ведь не станешь? Это было бы жестоко и подло! А если ты так по-

ступишь, я… я брошусь с Тауэрского моста! Я не переживу…

— Вытри сопли, — прервал ее Мик, — и слушай меня внимательно. И постарайся понять. Ты для меня не просто хорошенькая бабенка. Этого добра я могу получить где угодно и в любом количестве. Ты нужна мне совсем для другого. Мне нужны толковая голова, решительность и бесстрашие, как у Уолтера Джерарда. Ты будешь моей ученицей, я — твоим учителем, и отношения у нас будут соответствующие. Ты будешь верной, послушной и правдивой, и чтобы никаких уверток, никакого нахальства. Я же обучу тебя ремеслу и буду о тебе заботиться — моя доброта и щедрость в оплату твоей честности и верности. Все ясно?

— Да, Мик.

— Так что, заключаем контракт?

— Да, Мик, — улыбнулась Сибил.

— Вот и прекрасно. Тогда встань на колени, сложи вот так руки, — он сложил ладони, как для молитвы, — и принеси следующую клятву. Что ты, Сибил Джерард, клянешься святыми и ангелами, силами, господствами и престолами, серафимами, херувимами и всевидящим оком Господним повиноваться Майклу Рэдли и служить ему верно, и да поможет тебе Бог!

Клянешься?

— А это что, обязательно нужно? — ужаснулась Сибил.

— Да.

— Но разве это не тяжкий грех — давать подобную клятву человеку, который… Я хотела сказать… Мы не в святом браке…

— То брачный обет, — нетерпеливо оборвал ее Мик, — а это клятва ученика.

Деваться было некуда. Подобрав юбки, Сибил опустилась коленями на холодный шершавый камень.

— Клянешься?

— Клянусь, и да поможет мне Бог.

— Да не дрожи ты так, — сказал Мик, помогая ей подняться на ноги, — это еще очень мягкая, женская клятва по сравнению с тем, что бывает. Пусть она поможет тебе отринуть все сомнения и вероломство. А теперь на, возьми, — он протянул ей оплывающую свечу, — и найди этого пропойцу распорядителя. Скажи ему, чтобы разогревали котлы.

* * *

Ужинали они на Хеймаркете, неподалеку от «Танцевальной академии Лорента», в заведении

«Аргайл Румз». Кроме общего зала, были там и отдельные номера, где беспутные гости могли при желании провести всю ночь.

Ну а Мику, недоумевала Сибил, ему-то зачем этот отдельный кабинет? Мик определенно не боялся появляться с ней на публике. Однако не успели они покончить с бараниной, как слуга впустил невысокого плотного джентльмена с напомаженными волосами и золотой цепочкой на щегольской бархатной жилетке. Он был весь круглый и мягкий, как плюшевая игрушка.

— Привет, Корни, — кивнул Мик, не обеспокоившись даже отложить нож и вилку.

— Привет, Мик, — отозвался незнакомец с неопределенным акцентом актера или провинциала, долгое время прослужившего у городских господ. — Говорят, я тебе нужен.

— Верно говорят, Корни.

Мик не предложил своему гостю сесть, даже не представил его Сибил, и та поневоле чувствовала себя крайне неловко.

— Роль короткая, так что ты все в минуту выучишь. — Мик достал из кармана конверт и протянул его плюшевому джентльмену. — Твои реплики, ключевые слова и аванс. «Гаррик», в субботу вечером.

— Много воды утекло с тех пор, как я играл в «Гаррике», Мик, — невесело улыбнулся Корни; он подмигнул Сибил и удалился, не прощаясь.

— Кто это был, Мик? — поинтересовалась Сибил. Мик вернулся к жаркому и теперь поливал его мятным соусом из оловянного соусника.

— Актер на выходных ролях, — сказал Мик. — Он будет подыгрывать тебе в «Гаррике» во время речи Хьюстона.

— Подыгрывать? Мне? — изумилась Сибил.

— Не забывай, что ты начинающая авантюристка. Со временем тебе придется играть самые разные роли. Политическая речь всегда выигрывает, если ее немного оживить.

— Оживить?

— Не бери в голову. — Он утратил всякий интерес к баранине и отодвинул тарелку. — Для репетиций времени хватит и завтра. Я хочу кое-что тебе показать.

Мик встал от стола, подошел к двери и тщательно закрыл ее на засов. Вернувшись, он поднял с полу парусиновый саквояж и водрузил его на чистую, пусть и многажды штопанную скатерть с характерным узором ромбиками.

Сибил давно уже поглядывала на этот саквояж. И даже не потому, что Мик весь день таскал его

с собой: сперва из «Гаррика» — к печатнику, где нужно было перепроверить рекламные листовки лекции Хьюстона, а потом сюда, в «Аргайл Румз»; нет, скорее потому, что это была такая дешевка, совсем не похожая на все те модные штучки, которыми так он гордился. Зачем Денди Мику таскать с собой такую сумку, когда он может себе позволить что-нибудь роскошное от «Аарона», с никелированными застежками, из шелка в «клетку Ады»? И она знала, что в черной сумке уже не лежит материал для лекции, те колоды Мик аккуратно завернул в «Тайме» и спрятал за сценическим зеркалом.

Мик расстегнул дрянные жестяные замки, открыл сумку и осторожно вынул длинный узкий ящичек из полированного розового дерева с начищенными латунными уголками. В первый момент Сибил подумала, не подзорная ли там труба — она видела похожие футляры на Оксфорд-стрит в витрине одной оптической фирмы. Мик буквально дрожал над этим ящичком, и выглядело это довольно забавно — сейчас он был похож на католика, которого призвали перезахоронить папский прах. Охваченная внезапным порывом детского любопытства, она напрочь забыла и человека по имени Корни и странные

слова Мика о том, что ей предстоит играть на пару с этим человеком в «Гаррике». Мик со своим таинственным ящиком удивительно напоминал фокусника, Сибил ничуть бы не удивилась, если бы он оттянул манжеты: смотрите, ничего тут нет, и тут тоже ничего.

Мик откинул крошечные медные крючки, а затем сделал театральную паузу.

Сибил затаила дыхание. А может, это подарок? Какой-нибудь знак ее нового положения? Дабы тайно отметить ее как начинающую авантюристку?

Мик поднял крышку розового дерева с острыми латунными уголками.

Ящик был полон игральных карт. Набит ими от и до — не меньше двадцати колод. У Сибил упало сердце.

— Такого ты еще не видела, — сказал он. — Это уж точно.

Мик выдернул крайнюю справа карту и показал ее Сибил. Нет, это не игральная карта, хотя почти такого же размера. Материал какой-то странный: и не бумага, и не стекло, но молочно-белый, блестящий и очень тонкий. Мик легонько надавил на уголки большим и указательным пальцами. Карта легко согнулась, но как только

он ее выпустил, упруго распрямилась.

Затем Сибил заметила на карте дырочки, три-четыре десятка частых, словно на швейной машинке пробитых, строчек; дырочки были круглые, аккуратные, как в хорошей перламутровой пуговице. Три угла карты были слегка закруглены, а четвертый — срезан. Возле него кто-то написал бледными фиолетовыми чернилами: «#2».

— Камфорированная целлюлоза, — объяснил Мик. — Страшная штука, если ненароком поджечь, однако для «Наполеона», для самых сложных его операций, не годится ничто другое.

Наполеона? Сибил ничего не понимала.

— Это что-то вроде кинокарты?

Мик просиял от радости. Похоже, она попала в точку.

— Ординатёр [26] «Гран-Наполеон», мощнейшая машина Французской академии, неужели ты о нем ничего не слышала? Полицейские вычислительные машины Лондона рядом с ним просто игрушки.

Зная, что это доставит Мику удовольствие, Сибил сделала вид, что внимательно рассматривает

---

[26] Примечания: 26
Ordinateur (фр.) — букв, упорядочиватель

его сокровище. Ну и что, ящик себе и ящик, деревянный, очень хорошей работы, с подкладкой из зеленого сукна, каким покрывают бильярдные столы. Скользких молочно-белых карточек было очень много, сотни и сотни.

— Так ты бы рассказал мне, для чего это все. Мик весело рассмеялся и чмокнул ее в губы.

— Всему свое время. — Он выпрямился, вернул карточку на место, опустил крышку и защелкнул крючки. — У каждого братства есть свои тайны. Но если догадки Денди Мика верны, никто в точности не знает, что будет, если прогнать эту колоду. Что-то там выяснится, подтвердится некая совокупность математических гипотез. Дело темное. А главное — имя Майкла Рэдли воссияет на небесах клакерского братства. — Он подмигнул. — У французских клакеров есть собственное братство, «Сыны Вокансона» [27]. Жаккардинское

[27] Примечания: 27

Вокансон, Жак де (1709–1782) — французский механик. Первый из своих автоматов с часовыми механизмами — «Флейтиста» — создал в 1738 г., через год последовали «Игрок на бубне» и знаменитая «Утка» (упоминается в романе), которая не только имитировала движения настоящей утки, но также могла «есть», «пить» и «переваривать» съеденное. Сконструировал механический шелкоткацкий станок, управлявшийся при помощи перфокарт и усовершенствованный в начале XIX в. Жаккаром.

общество [28], так они себя называют. Ну, нам есть что им показать, лягушатникам этим.

Мик был словно пьяный, хотя Сибил прекрасно знала, что он почти не пил, всего две бутылки эля. Нет, скорее ему кружила голову мысль об этих карточках, чем бы они там ни были.

— Эта шкатулка и ее содержимое стоят очень дорого, Сибил. — Он снова сел и принялся рыться в своем саквояже. Одно за другим на стол легли свернутый лист плотной оберточной бумаги, обычные канцелярские ножницы и моток крепкой зеленой бечевки. Продолжая говорить, Мик расправил бумагу и стал заворачивать в нее шкатулку. — Очень дорого. Путешествовать с генералом далеко не безопасно. После лекции мы отправляемся в Париж, но сперва, завтра утром, ты отнесешь это на Грейт-Портленд-стрит, на Центральный почтамт. — Теперь Мик перевязывал пакет бечевкой. — Отрежь-ка ее, да, вот тут. — Сибил щелкнула ножницами. — А теперь придержи пальцем. — Он затянул крепкий безукоризненный узел. — Отправишь эту посылку в Париж. Пост-рестант [29]. Знаешь, что это такое?

---

[28] Примечания: 28
по имени Ж.-М. Жаккара и по образцу — «якобинское»

[29] Примечания: 29
Post restante (фр.) — до востребования

— Это значит, что ее будут хранить до прихода адресата.

Мик кивнул, вынул из одного кармана брюк палочку сургуча, а из другого — многоразовую спичку. Для разнообразия спичка зажглась с первого раза.

— Да, она будет ждать нас в Париже. Полная безопасность.

В маслянистом пламени сургуч расплавился и потемнел. Алые капли заляпали зеленый узел и коричневую бумагу. Мик кинул ножницы и моток бечевки назад в саквояж, спрятал в карман сургуч и спичку, вынул самопишущее перо и стал заполнять адрес.

— Мик, но почему ты так дорожишь этой штукой, если понятия не имеешь, зачем она и к чему?

— Ну, этого-то я как раз и не говорил. Кой-какие мысли, конечно, имеются. У Денди Мика всегда есть мысли. У меня хватило ума, чтобы взять с собой оригинал в Манчестер, когда я ездил туда по делам генерала. У меня хватило ума выкачать из самых опытных клакеров их новейшие методы сжатия и хватило генеральских денег, чтобы заказать результат на такой же целлюлозе.

Для Сибил все это был темный лес.

В дверь постучали. Неприятного вида мальчишка-половой, стриженный под машинку и беспрестанно шмыгающий носом, вкатил сервировочный столик, чтобы собрать грязную посуду. Он тянул сколько мог, в надежде на чаевые, но не тут-то было: Мик сидел, холодно уставившись в пространство, и время от времени довольно скалил зубы.

Мальчишка звучно втянул сопли и удалился. Через некоторое время послышался стук трости в дверь. Прибыл второй из дружков Мика.

Это был коренастый, поразительно уродливый человек с глазами навыкат и плохо выбритым подбородком, его низкий покатый лоб окаймляла набриолиненная пародия на столь любимые премьер-министром кудряшки. Одет был незнакомец с иголочки, в новый, прекрасного покроя вечерний костюм, который дополняли накидка, трость и цилиндр; широкий французский галстук был заколот модной жемчужной булавкой, на пальце масонский перстень. Лицо его и шею покрывал густой бронзовый загар.

Мик проворно вскочил, пожал окольцованную руку, указал на свободный стул.

— Поздно же вы работаете, мистер Рэдли, — заметил незнакомец.

— Мы делаем все возможное, чтобы удовлетворить ваши особые нужды, профессор Радвик [30].

Стул под профессором Радвиком жалобно скрипнул. На какое-то мгновение Сибил почувствовала на себе взгляд по-жабьи выпученных глаз, и сердце ее упало. Неужели Мик просто ломал комедию, и сейчас она станет объектом какой-то ужасной сделки.

Но Радвик не проявил к ней особого интереса и снова посмотрел на Мика.

— Не стану скрывать от вас, сэр, что мне не терпится возобновить изыскания в Техасе. — Он поджал губы. В широкой расщелине его рта тускло поблескивали мелкие, грязно-серые зубы. — Светская жизнь Лондона на удивление занудна.

---

[30] Примечания: 30

Радвик — персонаж, казалось бы, вымышленный; в середине XIX в. британского палеонтолога с таким именем не было. Однако Радвик (не Фрэнсис, правда, а Мартин) существует в наше время — историк науки, автор известных книг «Смысл ископаемых: Эпизоды из истории палеонтологии» (1972), «Великая Девонская полемика» (1985), «Жорж Кювье, ископаемые кости и геологические катастрофы» (1997) и др. Напрашивается еще одна параллель, с так называемыми «костяными войнами» — острейшим соперничеством двух американских палеонтологов, Отнила Марша и Эдварда Коупа. Найдя в 1879 г. бронтозавра и поспешив опубликовать описание ящера, Марш реконструировал скелет неточно — приставил к шее слишком маленький череп, найденный за несколько километров от места основных раскопок. В 1915 г. Эрл Дуглас обнаружил бронтозавра с более крупным черепом, однако позиции последователей Марша были слишком сильны, и окончательно правота Дугласа была признана лишь в 1975 г. Так что

изображения бронтозавров, которые мы помним с детства по всяким занимательным книжкам, были не вполне точны.

— Президент Хьюстон примет вас завтра в два, если, конечно же, вас это устроит.

— Прекрасно устроит, — буркнул Радвик.

— Вот и хорошо, — кивнул Мик. — Слава вашего техасского открытия растет день ото дня. Я слышал, что им заинтересовался сам лорд Бэббидж.

— Мы работали вместе с ним в Кембриджском институте, — самодовольно ухмыльнулся Радвик. — Теоретическая пневмодинамика…

— По чистой случайности я располагаю машинной секвенцией, которая могла бы развлечь его светлость, — заметил Мик.

— *Развлечь* его светлость, сэр? — На лице Радвика появилось раздраженное, чуть брезгливое выражение. — Лорд Бэббидж человек крайне… вспыльчивый.

— Начальные этапы моей работы пользовались благосклонным вниманием леди Ады…

— Благосклонное внимание? — Смех Радвика был похож на собачий лай. — Так это что, какая-нибудь игорная система? Чем же еще можно вызвать у *нее* интерес?

— Отнюдь, — коротко бросил Мик.

— Ее светлость выбирает себе странных друзей. — Радвик смерил Мика долгим угрюмым взглядом. — Вы, случаем, не знаете человека

по фамилии Коллинз, букмекера, или как там их называют? Одним словом, он делает игру на скачках.

— Нет, — качнул головой Мик, — не имел удовольствия.

— Этот молодчик вцепился в нее, как клещ в собачье ухо. — Лицо Радвика налилось кровью. — Он сделал мне предложение, выходящее за всякие рамки…

— И..? — вежливо поинтересовался Мик. Радвик сморщил лоб.

— Я думал, вы его тоже знаете — такой человек вполне мог бы вращаться в ваших кругах…

— Нет, сэр.

Радвик подался вперед:

— А может быть, мистер Рэдли, вам знаком другой господин? Сухопарый, длиннорукий, с рыбьими глазами. Господин, который ходит за мной по пятам, как привязанный. Не может ли статься, что он агент вашего президента Хьюстона? Есть в нем что-то такое… техасское.

— Мой президент весьма разборчив в подборе агентов.

Радвик резко встал:

— Я надеюсь, вы будете так добры, что прикажете этому ублюдку убраться к чертовой матери!

Мик тоже встал, его лицо сияло благодушной улыбкой:

— Я непременно уведомлю своего нанимателя о ваших, профессор, чувствах. Боюсь, однако, что я отрываю вас от вечерних развлечений.

Он прошел к двери, открыл ее и вновь закрыл за широкой спиной Радвика.

А затем весело подмигнул Сибил:

— Отправился смотреть крысиные бои! Высокомерный профессор Радвик имеет странное пристрастие к низкопробным забавам. Однако в прямоте ему не откажешь. — Мик помолчал, а затем широко ухмыльнулся. — Генералу такие нравятся.

* * *

Несколько часов спустя она проснулась в «Гранде», рядом с Миком, от щелчка его спички и сладковатого дыма сигары. Он удостоил ее своим благосклонным вниманием трижды — дважды на кушетке позади их стола в «Аргайл Румз» и еще раз в «Гранде», пыл для него необычный и даже неожиданный. Сибил сочла это хорошей приметой, хотя третий раз был, пожалуй, лишним — теперь там все натерто и болит.

В комнате было темно, если не считать газового

света, сочившегося между занавесками.

Она придвинулась к Мику поближе.

— А куда бы тебе хотелось поехать потом, Сибил? После Франции?

Такой вопрос у нее даже не возникал.

— С тобой, Мик…

Мик коротко рассмеялся, его рука скользнула под одеяло, пальцы сомкнулись на курчавом бугорке.

— Так куда мы поедем, Мик?

— Со мной ты для начала попадешь в Мексику. Потом, вместе с франко-мексиканской армией под командованием генерала Хьюстона, мы двинемся на север, освобождать Техас.

— Но… ведь в Техасе, там все так дико и страшно…

— Перестань рассуждать, как уайтчепельская дуреха. Весь мир дикий и страшный, если смотреть на него с Пикадилли. У Сэма Хьюстона в Техасе самый настоящий дворец. До того как техасцы дали ему пинка под зад, он был крупнейшим союзником Британии на американском Западе. А мы с тобой — мы могли бы зажить в Техасе вельможами, завести усадьбу, построить роскошный дом где-нибудь у реки…

— А они, эти, не помешают?

— Ты имеешь в виду правительство Ее Королевского величества? Коварный Альбион? — хохотнул Мик. — Все это сильно зависит от британского общественного мнения. Мы из кожи вон лезем, чтобы создать Хьюстону репутацию. А то зачем бы ему это лекционное турне?

— Понимаю, — кивнула Сибил. — Ушлый ты парень, Мик.

— Тут дела серьезные! Равновесие сил. Пять веков оно работало на Британию в Европе и еще лучше срабатывает в Америке. Союз, Конфедерация, республики Техас и Калифорния — все по очереди пользовались благосклонностью Британии, пока не становились слишком уж дерзкими, слишком независимыми, и тогда с них сбивали спесь. Разделяй и властвуй, вот так-то, милая. — Красноватый огонек Миковой сигары то разгорался, то тускнел. — Если бы не британская дипломатия, британская мощь, Америка стала бы громадным единым государством.

— А этот твой друг, генерал? Он что, правда что-нибудь может?

— В том-то вся и прелесть! — Огонек сигары описал широкую дугу. — Дипломаты считали, что с Сэмом Хьюстоном трудно договориться, не совсем одобряли его политику, не поддержали его

достаточно активно. Но сменившая его техасская хунта во сто раз хуже. Эти ребята открыто враждебны интересам Британии! Их дни сочтены. Изгнанному генералу пришлось малость помариноваться в Англии, но теперь он готов вернуться в Техас, чтобы снова занять свое законное место. — Мик с наслаждением затянулся. — Давно бы пора. Вот только правительство Ее Величества и само еще не знает, чего ему нужно. Там полный раскол! Некоторые фракции не доверяют Сэму Хьюстону, но уж французы-то помогут нам точно! У их мексиканских союзников пограничные стычки с Техасом. Им нужен генерал!

— Так ты что, на войну собрался? — Сибил с трудом представляла себе Денди Мика, ведущего эскадрон в атаку.

— Да нет, — небрежно отмахнулся Мик, — речь идет скорее о государственном перевороте, так что большой крови не будет. Я заведую у Хьюстона всеми связями с общественностью и никуда из его команды не денусь. Именно я организовал ему и это лондонское турне и будущее, во Франции. Именно я нащупал нужные контакты и обеспечил ему аудиенцию у французского императора…

Неужели это и в самом деле правда?

— И именно я гоняю для него на кинотропе лучшую и новейшую продукцию Манчестера, ублажаю прессу и британское общественное мнение, нанимаю расклейщиков афиш… — Мик затянулся сигарой, его пальцы задвигались там, внизу, и Сибил услышала, как он пыхнул ртом, выпуская большое облако ароматного дыма.

Но его, похоже, не очень тянуло на четвертый заход, и вскоре она снова заснула и видела сны. Сны о Техасе.

О бескрайних техасских просторах, где пасутся бессчетные стада овец, а еще — облицованный камнем особняк, поблескивающие в лучах закатного солнца окна.

* * *

Сидя возле прохода в третьем ряду «Гаррика», Сибил безрадостно размышляла о том, что выступление техасского генерала не вызвало особого наплыва публики. Люди еще подходили, поштучно и небольшими группами, тем временем оркестр из пяти человек пиликал, бухал и дудел. Прямо перед ней рассаживалось семейство в полном составе: два мальчика в матросках и синих штанишках, маленькая девочка в шали и платьице с кружевами и две совсем уж

маленькие девочки, их опекала гувернантка, худющая горбоносая особа с водянистыми глазами, непрерывно сморкавшаяся в кружевной платок. Гордо прошествовал прыщавый, саркастически улыбающийся подросток, старший сын. Затем — отец во фраке, с тросточкой и бакенбардами, и толстая мамаша с длинными подвитыми локонами, свисающими из-под жуткой шляпки, и с тремя золотыми кольцами на пухлых, как сосиски, пальцах. Наконец все они устроились, шурша пальто и шалями, чмокая засахаренными апельсинными корочками — тошнотворно благопристойные, терпеливо ожидающие поучительного зрелища. Прилично обеспеченные, намытые и наглаженные, в приличной, фабричного пошива, одежде.

Рядом с Сибил уселся очкастый, конторского вида парень; верхняя часть его лба отливала предательской синевой — подбрил, значит, волосенки, высоколобым интеллектуалом хочет выглядеть. Он читал Микову программку и с наслаждением сосал кислый лимонный леденец. Чуть дальше — трое офицеров, отпускников из Крыма, высокомерные профессионалы пришли послушать о старомодной войне в Техасе, которую вели старомодными способами.

То там, то здесь — ярко-красные пятна мундиров: солдатики…

Их товарищи сидят сейчас по кабакам, лакают джин да щупают девок, а эти — вон какие чинные. Копят себе королевское жалование, зубрят артиллерийскую арифметику, а потом вернутся домой, чтобы работать на железных дорогах и верфях, карабкаться вверх по социальной лестнице.

Если уж на то пошло, театр был набит такими карабкателями: лавочники, продавцы и провизоры со своими опрятными женами и отпрысками. Во времена Уолтера Джерарда Уайтчепел населяли злые тощие оборванцы, ни на секунду не расставшиеся с дубинками и ножами. Но с приходом радикалов все стало не так, теперь даже в Уайтчепеле появились добела отмытые, затянутые в корсеты женщины и придурковатые, вечно посматривающие на часы мужчины, читающие «Словарь полезных знаний» и «Журнал нравственного развития» в надежде преуспеть.

Пламя в газовых рожках осело и потухло, оркестр грянул примитивное переложение песенки «Приди ко мне». Затем из-под сцены донеслось громкое «пых», вспыхнул калильный свет и занавес, прикрывавший до этого момента экран, разъехался в стороны. Сквозь гром музыки про-

рывалось пощелкивание встающих на место кубиков, по краям экрана возникла узорная рамка, нечто вроде черной изморози, а посередине — высокие причудливые литеры машинной готики, черные на белом:

КОМПАНИЯ
ПАН-ОПТИК
ПРЕДСТАВЛЯЕТ.

Из-за левой кулисы появилась грузная, неопрятная фигура Хьюстона. Чуть прихрамывая, герой дня направился по окутанной полумраком сцене к трибуне.

Сибил рассматривала генерала с любопытством и настороженностью — ей впервые представился случай взглянуть на Микова работодателя. Она уже видела в Лондоне достаточно американских беженцев, чтобы составить о них представление. Юнионисты, если у них были деньги, одевались примерно так же, как обычные британцы, тогда как конфедераты имели склонность к нарядам ярким и аляповатым. Если судить по Хьюстону, техасцы представляли собой народ еще более странный и свихнутый. Генерал, крупный человек с красным мясистым лицом, возвышался — возможно, за счет тяжелых башмаков — на добрых шесть футов. Его широкие плечи были

укутаны в длинное домотканое одеяло или попону, нечто вроде накидки с узором из каких-то дикарских полосок. Красное, черное и коричневое, это одеяло мело сцену «Гаррика», как тога трагика. В правой руке генерал держал толстую, красного дерева трость — не опирался на нее, а только небрежно помахивал, однако ноги его подкашивались. Сибил отлично видела, как дрожит золотая опушка лампасов.

Затем Сэм Хьюстон взошел на все еще затемненную трибуну, вытер нос и отпил из стакана чего-то, что явно не было водой. Над головой у него кинотроп выщелкнул цветную картинку: британский лев и нечто вроде длиннорогого быка. Братающихся зверей осеняли скрещенные государственные флаги Британии и Республики Техас. Одинаковая — сине-бело-красная — расцветка «Юнион Джека» и «Одинокой Звезды» удачно подчеркивала их единство. Руки Хьюстона, скрытые трибуной, что-то там поправляли, скорее всего — небольшое зеркало, чтобы во время речи поглядывать на экран и ничего не перепутать.

Изображение снова стало черно-белым, кубики мигали, опрокидываясь ряд за рядом, как костяшки домино. Сверху вниз возник портрет,

прорисованный чуть зазубренными линиями: высокий с залысинами лоб, затем тяжелые брови, мясистый нос, окаймленный густыми бакенбардами. Тонкие губы решительно сжаты, подбородок вскинут. Затем под портретом возникла подпись: «ГЕНЕРАЛ СЭМ ХЬЮСТОН».

Вспыхнула вторая друммондова горелка, пятно света выхватило трибуну, отчего фигура генерала неожиданно появилась перед аудиторией. Сибил захлопала первой — и кончила хлопать последней.

— Премного вам благодарен, леди и джентльмены Лондона. — У Хьюстона был низкий хриплый голос умелого оратора, несколько подпорченный иностранной тягучестью. — Вы оказываете чужаку большую честь. — Он окинул взглядом партер. — Я вижу здесь немало джентльменов из войск Ее Величества. — Движением плеча он распахнул свое одеяло, и приколотые к мундиру ордена резко вспыхнули в друммондовом свете. — Ваш профессиональный интерес весьма лестен, господа.

Впереди беспокойно ерзали дети. Один из мальчиков ткнул девочку — ту, что побольше, — в бок; девочка негромко взвизгнула.

— Я вижу тут и будущего британского воина!

Последовала россыпь удивленных смешков. Хьюстон скосился в зеркало, потом облокотился на трибуну; его тяжелые брови добродушно сошлись на переносице.

— Как тебя звать, сынок?

Вредный мальчишка вытянулся на своем стуле.

— Билли, сэр, — пропищал он. — Билли… Уильям Гринакр, сэр.

Хьюстон степенно кивнул.

— Скажите мне, мистер Гринакр, хотелось бы вам убежать из дому и жить с краснокожими индейцами?

— О да, сэр, — выпалил мальчишка и тут же поправился: — О нет, сэр!

В зале снова засмеялись.

— В вашем возрасте, мистер Гринакр, меня тоже манили приключения. И я послушался этого зова.

Кубики за спиной генерала снова перетасовались, на экране возникла цветная карта, контуры различных американских штатов, причудливой формы провинции с малопонятными названиями. Хьюстон посмотрел в зеркало и заговорил быстрее:

— Я родился в американском штате Теннесси.

Моя семья была из шотландских дворян, но жизнь на нашей маленькой пограничной ферме была тяжелая. Американец по рождению, я, однако, не питал верноподданнических чувств к далекому вашингтонскому правительству янки.

На экране возник портрет американского дикаря: безумное, утыканное перьями существо, на щеках — разноцветные полосы.

— За рекой от нас, — продолжал Хьюстон, — жило могучее племя чероки, безыскусные люди, исполненные врожденного благородства. Они привлекали меня гораздо больше, чем жизнь в среде американцев, чьи души, увы, разъедены алчностью, беспрестанной погоней за долларом.

Хьюстон сокрушенно покачал головой, показывая, насколько ему больно говорить британской аудитории об этой национальной слабости американцев. Вот он и расположил их к себе, подумала Сибил.

— Чероки покорили мое сердце, — продолжал Хьюстон, — и я убежал к ним, не имея, леди и джентльмены, ничего, кроме куртки из оленьей кожи и «Илиады», великой поэмы Гомера.

По экрану кинотропа прокатилась снизу вверх волна, кубики сложились в черно-белый рисунок с греческой вазы: воин в шлеме с гребнем

и с поднятым копьем. В левой руке воина был круглый щит с изображением распростершего крылья ворона. Картинка понравилась зрителям, кое-кто из них даже захлопал. Хьюстон отнес эти аплодисменты на свой счет и скромно, с достоинством кивнул.

— Дитя американского фронтира, — продолжил он, — я не могу утверждать, что получил хорошее образование, однако, похоже, я наверстал упущенное и смог возглавить нацию. В юности моими учителями были древние греки. Каждая строка поэмы слепого певца навечно запечатлелась в моей памяти. — Левой рукой Хьюстон поднял увешанный орденами лацкан. — Сердце в этой израненной груди, — он ударил в означенную грудь кулаком, — билось и бьется в такт благороднейшей из историй, чьи герои были готовы вызвать на бой самих богов и хранили свою воинскую честь незапятнанной… до самой смерти!

Он замолчал. Через несколько секунд в зале захлопали — без особого, правда, энтузиазма.

— Я не видел противоречия между жизнью гомеровских героев и жизнью моих любимых чероки, — не сдавался Хьюстон.

На лице греческого воина проступила боевая

раскраска, его копье обросло перьями и стало похожим на индейский охотничий дротик.

Хьюстон заглянул в свои заметки.

— Вместе мы охотились на медведей, оленей и кабанов, вместе ловили рыбу в прозрачных струях и растили золотую кукурузу. У костра, под звездным небом, я рассказывал своим краснокожим братьям о нравственных уроках, какие мое юношеское сердце почерпнуло из слов Гомера. И потому они нарекли меня Вороном, в честь пернатого духа, которого они почитают мудрейшей из птиц.

Грек распался, вместо него на экране раскинул крылья величественный ворон с полосатым щитом на груди.

Сибил его узнала. Это был американский орел, символ их разобщенного союза. Однако здесь белоголовый хищник янки превратился в черного ворона Хьюстона. Ловко придумано. Даже слишком ловко: два кубика в левом верхнем углу экрана заело на осях, и там остались синие пятнышки — погрешность мелкая, но раздражающая, как соринка в глазу. Кинотроп «Гаррика» еле справлялся с Миковыми изысками.

Отвлекшись, Сибил потеряла нить повествования.

— …Призывный клич боевой трубы в лагере волонтеров Теннесси.

Возник еще один кинопортрет: человек, очень похожий на Хьюстона, но с высокой копной волос и впалыми щеками, означенный как «ГЕН. ЭНДРЮ ДЖЕКСОН» [31].

В зале послышалось шиканье, инициаторами которого были скорее всего солдаты; толпа зашевелилась. Некоторые британцы все еще поминали Гикори Джексона без особой приязни. По словам Хьюстона, Джексон храбро сражался против индейцев и даже был одно время президентом Америки; но все это упоминалось мельком. В первую очередь он восхвалял Джексона как своего учителя и покровителя, «честного солдата, который ценил в людях их внутреннюю сущность, а не богатство и умение пускать пыль в глаза»; зал захлопал, но как-то уж очень жидко и неуверенно.

Теперь на экране возникла другая картина, нечто вроде примитивного пограничного форта. Хьюстон пустился в разглагольствования о какой-то осаде в самом начале своей военной

---

[31] Примечания: 31

Эндрю Джексон (1767–1845) — генерал, седьмой президент США (1829–1837), заслужил в народе прозвище Старый Гикори, что можно перевести как «крепкий орешек»

карьеры, когда он участвовал в кампании под командованием Джексона против индейцев племени крик. Однако внимание естественной своей аудитории, солдат, он, похоже, потерял — трое ветеранов Крыма из одного с Сибил ряда продолжали поносить Гикори Джексона. «Эта проклятая война закончилась еще до Нового Орлеана…» [32]

Зловещий кроваво-красный цвет внезапно залил экран — скрытый под сценой Мик поставил светофильтр. Пушки форта окутались клубами порохового дыма, пронеслись крошечные, в один элемент экранного изображения, пушечные ядра, все это сопровождалось глухим грохотом — теперь Мик молотил в литавры.

— Ночь за ночью до нас доносились жуткие, леденящие кровь боевые песни крикских фанатиков, — выкрикнул Хьюстон. — Яркое освещение превратило его в огненный столп, будто подпиравший экран. — Нужно было идти на приступ,

---

[32] Примечания: 32

Если считать, что хронология романа хоть немного напоминает реальную, то присутствующие на лекции Хьюстона офицеры могли знать о событиях англо-американской войны 1812–1814 гг., в частности о Новоорлеанской битве 1815 г. (мирный договор с Англией был подписан в декабре 1814 г., но до Луизианы новость еще не успела добраться), только понаслышке. Аналогично — с репликой Брайана в четвертой части романа: «Прекрасное заграждение — эти кипы хлопка… В Новом Орлеане, там Гикори Джексон прятался точно за такими, измолотил он нас тогда по-черному…»

врукопашную, с клинками в руках! Говорили, что штурмовать эти ворота — значит идти на верную смерть… Но недаром я был теннессийским волонтером…

К крепости метнулась крохотная, в несколько черных квадратиков, фигурка, затем вся сцена потемнела; раздались удивленные аплодисменты. Галерка пронзительно свистела. Потом Хьюстона вновь окружил ореол друммондова света. Генерал принялся похваляться своими ранами: две пули в руку, ножевой удар в ногу, стрела в живот — Хьюстон не произнес этого вульгарного слова, а лишь настойчиво потирал соответствующую область жилета; можно было подумать, что у него желудочные колики. Всю ночь он пролежал на поле битвы, а потом много дней его везли по бездорожью, на провиантной телеге, истекающего кровью, в бреду от болотной лихорадки…

Клеркообразный сосед Сибил сунул в рот очередной леденец и взглянул на карманные часы. Теперь, когда Хьюстон повествовал о своем долгом балансировании на грани смерти, в похоронной черноте экрана стала медленно проступать пятиконечная звезда. Один из заклиненных кубиков сумел наконец провернуться, но зато застрял другой, справа внизу.

Сибил с трудом подавила зевок.

Хьюстон начал рассказывать о том, как пришел в американскую политику, главным образом — дабы спасти от гонений своих любимых чероки; звезда разгоралась все ярче. При всей экзотичности антуража это был, по сути, тот же пустопорожний треп, какой можно услышать на любом предвыборном митинге; зал начинал проявлять нетерпение. Зрители охотнее послушали бы про войну или о жизни среди индейцев, Хьюстон же долдонил о том, как его выбирали в какой-то недоделанный парламент, о каких-то своих непонятных должностях в провинциальном правительстве, и все это время звезда росла и хитрым образом корежилась, превращаясь в герб штата Теннесси.

Веки Сибил тяжелели, опускались, а генерал продолжал вещать.

И вдруг тон Хьюстона изменился, стал сентиментальным; странным образом даже неприятная его манера растягивать слова казалась теперь нежной, почти чувственной. Речь пошла о женщине.

Сибил выпрямилась и навострила уши.

Хьюстон был избран губернатором, сколотил себе капиталец и зажил припеваючи. Со

временем он нашел себе подружку, какую-то теннессийскую барышню, а там и женился.

Но на киноэкране от краев к центру ядовитыми змеями сползались щупальца тьмы. Они угрожали теннессийскому гербу.

Едва Хьюстоны успели свить себе гнездышко, как новоиспеченная миссис Хьюстон взбрыкнула и сбежала домой, к мамочке. Она оставила письмо, сказал Хьюстон, письмо, содержавшее ужасную тайну. Тайну, которую он никому и никогда не открывал и поклялся унести с собой в могилу.

— Личное дело, про такое не может и не должен говорить человек чести. Это было для меня страшным ударом…

На него ополчились газеты. И кто бы мог подумать, что у них там, в Теннесси, есть газеты?

— Клеветники и сплетники, — стенал генерал, — излили на меня яд своей ненависти. — На экране снова появился греческий щит с вороном, и в него полетели черные комки, судя по всему — грязь.

Откровения становились все более шокирующими. Генерал довел дело до конца, развелся с женой — событие ужасное, почти небывалое. Общественность, естественно, возмутилась и вы-

швырнула его с должности. Было странно, с какой это стати Хьюстон заговорил о столь безобразном скандале, неужели он надеется, что лондонские слушатели одобрят разведенного мужчину. И все же, как заметила Сибил, дамы слушали это горестное повествование с напряженным интересом — и не без симпатии. Даже толстая мамаша нервно обмахивала свой двойной подбородок веером.

А что, собственно, удивляться, ведь этот человек (иностранец, да к тому же, по собственному признанию, полудикий) говорил о своей жене с нежностью, как об истинной любви, загубленной какой-то жестокой и таинственной правдой. Его грохочущий голос срывался от наплыва чувств; он несколько раз промокнул лоб модным кружевным платочком, извлеченным из жилетного кармана. Жилет у него был меховой, леопардовый.

К тому же он недурен собой, подумала Сибил. За шестьдесят, почти старик, но такие даже лучше, они относятся к девушке с большим сочувствием. Его признания выглядели смело и мужественно, ведь это он сам вытащил наружу это давнее скандальное дело с разводом и с таинственным письмом миссис Хьюстон. Он говорил обо всем

этом без остановки, но не выдавал тайны, все более разжигая интерес слушателей — Сибил и сама умирала от любопытства.

Ну вот, обругала она себя, развесила, дура, уши, а ведь дело-то все наверняка простое и глупое, и вполовину не столь глубокое и загадочное, как он изображает. И барышня эта вряд ли была таким уж ангелочком, вполне возможно, что девичья ее добродетель была уже похищена каким-нибудь смазливым теннессийским бабником задолго до появления Ворона Хьюстона. Мужчины придумали для своих невест строгие правила, сами вот только никогда им не следуют.

А может, Хьюстон сам во всем и виноват. Может, у него были какие-нибудь дикие представления о семейной жизни, после всех-то этих лет с дикарями. Или, может быть, он лупцевал супругу чем ни попадя — легко себе представить, каким буяном может быть этот человек, когда выпьет лишнего.

На экране появились гарпии, символизировавшие клеветников Хьюстона, тех, кто замарал его драгоценную честь чернилами бульварной, помоечной прессы, — отвратительные горбатые существа, черные и красные; экран тихо жужжал, и они перебирали раздвоенными копытами. Сибил в жизни не видела ничего подобного;

напился, наверное, этот манчестерский спец до зеленых чертиков, вот и стал изображать такие ужасы. Теперь Хьюстон рассуждал о вызовах и чести, то бишь о дуэлях; американцы — отъявленные дуэлянты, они прямо-таки влюблены в свои ружья-пистолеты и способны угробить друг друга не за понюх табаку. Он убил бы пару-другую подлых газетчиков, громогласно настаивал Хьюстон, не будь он губернатором и не будь это ниже его достоинства. Так что он оставил борьбу и вернулся к своим драгоценным чероки. На бравого генерала было жутко смотреть, настолько распалил он себя собственным красноречием. Аудитория тихо веселилась, обычная британская сдержанность не устояла перед вылезающими из орбит глазами и налитыми кровью жилами техасца.

Веселье это, однако, опасно граничило с брезгливым отвращением.

А вдруг, думала Сибил, растирая в кроличьей муфте озябшие руки, он сделал что-нибудь ужасное? Вдруг он заразил жену стыдной болезнью? Некоторые виды этой болезни просто кошмарны: могут свести с ума, оставить слепым или калекой. Возможно, в этом и заключается его тайна. Мик — вот кто должен знать. Мик наверняка знает.

Хьюстон тем временем объяснял, что он с отвращением оставил Соединенные Штаты и отправился в Техас; при этих его словах появилась карта, посреди континента расплылось большое пятно с надписью «ТЕХАС». Хьюстон заявил, что он отправился туда в поисках свободных земель для своих несчастных страдающих чероки, но все это было не слишком вразумительно.

Сибил спросила у соседа время. Прошло около часа. Кончалась первая треть речи. Скоро ее выход.

— Представьте себе страну, — говорил Хьюстон, — во много раз большую ваших родных островов. Страну, где нет настоящих дорог — только протоптанные индейцами тропы, где не было в те дни ни одного паровоза, ни одной мили рельсового пути, не говоря уж о телеграфе. Даже я, главнокомандующий национальных сил Техаса, не имел для передачи своих приказов средства более быстрого и надежного, чем верховые курьеры, чей путь преграждали команчи и каранкава, мексиканские патрули и бессчетные опасности диких прерий. Стоит ли удивляться, что полковник Тревис получил мой приказ слишком поздно и трагичнейшим образом понадеялся на то, что с минуты на минуту подойдет отряд полковника

Фаннина. Окруженный силами неприятеля в пятьдесят раз превышающими его собственные, полковник Тревис провозгласил: «Победа или смерть», — прекрасно понимая, что исход сражения предрешен. Защитники Аламо пали все до последнего человека. Благородный Тревис, бесстрашный полковник Боуи и легендарный Дэвид Крокетт [33]…

Господа Тревис, Боуи и Крокетт получили по трети киноэкрана; от такой тесноты их лица стали несколько квадратными.

— …купили драгоценное время для моей фабианской стратегии [34]!

И еще, и еще, и все — про войну. Теперь генерал сошел с трибуны и начал тыкать своей тростью в экран.

---

[33] Примечания: 33

…полковник Фаннин… полковник Тревис… полковник Боуи… Дэвид Крокетт… — Перечисляются реальные участники сражения при Аламо (1836). Из них наиболее примечателен Дэвид Крокетт (1786–1836), фронтирмен и политик (дважды избирался в Конгресс США), еще при жизни ставший одним из любимейших героев американского фольклора. При Аламо техасские добровольцы в количестве 184 человек 13 дней выдерживали осаду мексиканской армии численностью, по разным оценкам, от 1800 до 6000 человек. При штурме генерал Санта-Ана приказал пленных не брать, и техасцев осталось в живых лишь 15 человек (в основном, женщины и дети); мексиканцы же потеряли, по различным оценкам, от 1000 до 1600 человек. Санта-Ана был вынужден затормозить наступление; это дало Хьюстону время перегруппировать силы и в конечном итоге выиграть войну (см. выше о Сан-Хасинто)

[34] Примечания: 34

Фабианская стратегия — по имени римского полководца Фабия Кунктатора (Квинт Фабий Максим Кунктатор, ум. 203 г. до н. э.), девиз которого гласил: «Поспешай медленно». На начальном этапе Второй Пунической войны (218–201 гг. до н. э.) выжидательная тактика Фабия позволила Риму восстановить силы и перейти в контрнаступление против карфагенской армии — вторжения Ганнибала. Термин «фабианство» означает терпеливую, осторожную политику. В 1883 г. в Англии было учреждено социалистическое Фабианское общество (к которому принадлежал, например, Бернард Шоу), выступавшее за постепенную, без революционных потрясений, передачу средств производства в руки государства

— Силы Лопеса де Санта-Аны располагались здесь — с лесом по левому их флангу и речными болотами Сан-Хасинто в тылу. Его саперы окружили обоз окопами и частоколом из заостренных бревен — все это обозначено здесь. Однако моя армия из шести сотен человек, преодолев в тайне от неприятеля Бернемовский брод, заняла лесистую заболоченную низину Буффало. Атака началась коротким артобстрелом из техасского центра… Теперь мы видим передвижения техасской легкой кавалерии… Пехота смяла врага, мексиканцы в панике бежали, бросив артиллерию, которую они даже не успели поставить на лафеты.

Голубые квадраты и ромбы медленно наседали на прогибающиеся красные полосы мексиканских полков, преследуя их по бело-зеленой мешанине болот и лесов. Сибил поерзала на сиденье, пытаясь облегчить боль в натертых кринолином ягодицах. Кровожадная похвальба Хьюстона достигла апогея.

— Окончательный подсчет показал: погибли двое техасцев и шестьсот тридцать захватчиков. Трагедии Аламо и Голиада были отомщены кровью сантанистов! Две мексиканские армии были полностью разгромлены, мы захватили четырнадцать офицеров и двадцать пушек!

Четырнадцать офицеров и двадцать пушек — вот оно, пора.

— Отомстите за нас, генерал Хьюстон! — взвизгнула Сибил, но горло у нее перехватило от страха, и крик получился еле слышный. Она сделала еще один заход, заставила себя встать на ноги и взмахнуть рукой: — Отомстите за нас, генерал Хьюстон!

Хьюстон смолк в некотором замешательстве.

— Отомстите за *нашу* честь, сэр! — пронзительно кричала Сибил. — Отомстите за честь *Британии!*

В зале зашумели и зашевелились; Сибил чувствовала на себе взгляды, шокированные взгляды, какими награждают помешанных.

— Мой брат… — выкрикнула она, но от страха не сумела продолжить. Это было хуже, чем петь со сцены, много хуже.

Хьюстон поднял обе руки, полосатое одеяло широко распахнулось и стало похоже на тогу античного героя. Странным образом этот жест успокоил людей, снова переключил их внимание на генерала. Над его головой медленно остановился кинотроп, кубики повернулись раз, другой и замерли, оставив победу при Сан-Хасинто незавершенной.

— В чем дело, юная леди? Что вас тревожит? Скажите мне.

Суровый — и в то же время смиренный — взгляд Хьюстона горел желанием понять и помочь. Сибил схватилась за спинку переднего кресла, зажмурилась и пошла по заученному тексту:

— Сэр, мой брат — в техасской тюрьме! Мы — британцы, но техасцы бросили его в тюрьму, сэр! Они отняли ферму и скот! Они украли даже железную дорогу, на которой он работал. Британскую железную дорогу, построенную для Техаса… — Ее голос сорвался.

Мику это не понравится. Мик будет ругаться. Эта мысль встряхнула Сибил, влила в нее новые силы, заставила открыть глаза.

— Этот режим, сэр, воровской техасский режим… Они украли британскую железную дорогу! Они ограбили рабочих в Техасе и акционеров здесь, в Британии, никому ничего не заплатили.

С исчезновением яркой игры картинок кинотропа атмосфера в театре изменилась. Все обрело некую странную интимность, словно она и генерал оказались каким-то образом в одной рамке, две фигуры на посеребренном дагерротипе. Молодая лондонская женщина в шляпке и элегантной шали с красноречивым отчаянием взывает к

старому чужеземному герою; два актера под удивленными взглядами безмолвной публики.

— Вы пострадали от хунты? — спросил Хьюстон.

— Да, сэр! — крикнула Сибил, в ее голосе появилась заученная дрожь. «Не пугай их, — учил Мик, — бей на жалость». — Да, это сделала хунта. Они швырнули моего брата в свою кошмарную тюрьму безо всякой вины, сэр. Мой несчастный брат попал в тюрьму только потому, что он был человеком Хьюстона! На выборах президента Техаса он голосовал за вас! Он проголосовал бы за вас и сегодня, но я очень боюсь, что они скоро его убьют!

— Как звать вашего брата, моя дорогая леди? — встревожился Хьюстон.

— Джонс, сэр, — торопливо крикнула Сибил. — Эдвин Джонс из Накогдочеса, он работал на железнодорожную компанию Хеджекокса.

— Кажется, я помню молодого Эдвина! — объявил Хьюстон, в голосе его звучало удивление. Он сжал трость и гневно нахмурился.

— Слушай, Сэм, слушай! — прогремел низкий голос.

Сибил встревоженно обернулась. Это был человек из «Аргайл Румз» — толстый рыжий актер в

бархатном жилете.

— Эти мошенники из хунты прибрали хеджекоксовскую железную дорогу к своим грязным лапам! Хорошенькие дела, и это считается наши союзники! Так-то они отблагодарили Британию за столько лет и защиты, и помощи! — Пузатый актеришка сел.

— Они просто воры и бандиты! — резво продолжила Сибил. Она порылась в памяти, вспоминая роль. — Генерал Хьюстон! Я беззащитная женщина, но вы человек высокого полета, человек великих свершений! Неужели в Техасе невозможна справедливость? Неужели все эти злодеяния так и останутся неотомщенными? Неужели мой несчастный брат сгниет в этом кошмарном застенке, а жулики и тираны так и будут красть нашу британскую собственность?

Но цветистую риторику Мика заглушал нарастающий в зале шум. Сквозь общее одобрительное бормотание прорывались отдельные громкие выкрики; засевшие на галерке мальчишки радостно вопили.

Ну что ж, деньги плочены — надо развлекаться. Может быть, подумала Сибил, кто-то из них поверил в трогательную историю, проникся жалостью. Большинство же просто гогочет и

упражняется в остроумии, радуясь нежданному оживлению занудной лекции.

— Сэм Хьюстон всегда был верным другом Британии! — взвизгнула она в поднятые лица зрителей.

Бесполезные слова потерялись в шуме. Сибил прижала руку ко взмокшему лбу. Сочиненные Миком реплики кончились, так что она позволила своим дрожащим ногам подломиться и упала в кресло.

— Воздуху мисс Джонс! — встревоженно громыхнул Хьюстон. — Леди дурно!

Сквозь полуприкрытые веки Сибил смотрела на расплывчатые фигуры обступивших ее людей. Темные фраки и шорох кринолина, тонкие духи, мужской запах табака; кто-то взял ее за руку и стал щупать пульс. Одна из женщин обмахивала Сибил веером, тихонько подкудахтывая. Господи, брезгливо съежилась Сибил, да это же толстая мамаша из переднего ряда. С этим невыносимым масленым видом доброй женщины, исполняющей свой нравственный долг. Ее передернуло от стыда и отвращения. На какое-то мгновение она почувствовала неподдельную слабость, с покорной легкостью погружаясь в тепло их заботы; с полдюжины хлопотунов бормотали вокруг нее,

притворяясь — или искренне считая? — будто что-то понимают в таких вещах. Хьюстон же тем временем гремел что-то со сцены, хрипло и возмущенно.

Она позволила поставить себя на ноги. Увидев это, Хьюстон замолк; зал негромко зааплодировал. Сибил чувствовала себя слабой, опустошенной. Она бледно улыбнулась и покачала головой, страстно желая сделаться невидимой.

— Сэр, помогите мне, пожалуйста, выйти, — прошептала она мужчине, щупавшему ей пульс.

— Я провожу леди домой, — сообщил окружающим невысокий человек с умными голубыми глазами и первыми признаками седины в разделенных на пробор волосах. Он накинул пелерину, надел цилиндр и галантно предложил даме чуть согнутую в локте руку. Сибил почти повисла на своем спасителе и вышла в проход, пряча глаза от окружающих. Теперь зрители были в полном восторге. Возможно, они только теперь начали воспринимать Хьюстона как человека, а не как некий диковинный экспонат.

Маленький джентльмен отвел перед Сибил замызганную бархатную портьеру, и они вышли в фойе, сырое, холодное помещение с грязными потеками на искусственном мраморе стен и об-

лезлыми купидонами.

— Вы очень любезны, сэр. Даже не знаю, что бы я делала без вашей великодушной помощи, — осторожно закинула удочку Сибил. Судя по виду, у этого человека могут быть деньги. — Вы, наверное, врач?

— Учился когда-то, — пожал плечами джентльмен; на его щеках пылали красные пятна.

— Это накладывает особый отпечаток, — сказала Сибил без какой-либо определенной цели, а просто чтобы не молчать. — Я имею в виду серьезное образование.

— Да нет, мадам. Ко мне это вряд ли относится. Я не столько изучал науки, сколько виршеплетствовал. Должен сказать, вы сейчас выглядите вполне оправившейся. Очень жаль, что вашего брата постигло такое несчастье.

— Благодарю вас, сэр. — Сибил искоса взглянула на несостоявшегося медика. — Боюсь, я вела себя несколько опрометчиво, но меня захватило красноречие генерала Хьюстона.

Он бросил на нее скептический взгляд — взгляд мужчины, подозревающего, что женщина водит его за нос.

— Честно говоря, я не разделяю вашего энтузиазма. — Джентльмен судорожно закашлялся

в скомканный носовой платок, потом вытер им рот. — Этот лондонский воздух когда-нибудь меня прикончит.

— И тем не менее, я благодарю вас, сэр. Жаль, конечно, что никто нас не познакомил…

— Китс [35], — представился джентльмен. — Мистер Китс. — Он вытащил из жилетного кармана серебряный хронометр, прибор размером с небольшую картофелину, и взглянул на один из многочисленных циферблатов. — Мне не очень знаком этот район, — неуверенно сказал он. — Я думал поймать для вас кабриолет, но в такой час…

— О, нет, мистер Китс, благодарю вас, я прекрасно доеду подземкой.

Глаза джентльмена удивленно расширились. Ни одна респектабельная женщина не поедет подземкой без провожатого.

— Но вы так и не назвали мне свою профессию, мистер Китс, — сказала Сибил в надежде отвлечь его от своего грубого ляпа.

— Кинотропия, — ответил Китс. — Приемы, использованные в сегодняшнем шоу, крайне

---

[35] Примечания: 35

Китс, Джон (1795–1821) — знаменитый английский поэт-романтик. Его поэтическая биография занимает всего пять лет: 1816–1821. Умер от туберкулеза в Риме

интересны. При том, что разрешение экрана более чем скромно, а скорость замены просто черепашья, удалось достичь воистину замечательных эффектов, надо думать — посредством алгоритмического сжатия… Боюсь, я утомляю вас техническими вопросами. — Он убрал хронометр. — Так вы решительно отказываетесь от моих услуг в поисках кэба? Вы хорошо знаете Лондон, мисс Джонс? Я мог бы сопроводить вас к ближайшей остановке омнибуса — это такой безрельсовый экипаж…

— Нет, сэр, благодарю вас. Вы были исключительно добры.

— Всегда к вашим услугам, — с плохо скрываемым облегчением сказал мистер Китс и придержал перед Сибил створку стеклянных дверей. В то же мгновение откуда-то сзади появился тощий мальчишка; он проскользнул мимо них и выскочил на улицу. На плечах мальчишки болтался длинный грязный брезентовый плащ, вроде рыбацкого. Странная одежда для лекции, подумала Сибил, хотя на бедных можно увидеть и не такое. Рукава дождевика свободно болтались, как будто мальчишка обнимал себя руками — может быть, от холода, да и шел он как-то странно, согнувшись в три погибели, словно пьяный или

больной.

— Эй! Молодой человек!

Мистер Китс извлек монету, и Сибил догадалась, что он хочет послать мальчишку за кэбом. Мальчишка обернулся — влажный блеск испуганных глаз на бледной маске лица — и тут же рванул вперед, явно не настроенный выполнять какие бы то ни было поручения. Не успел он пробежать и нескольких шагов, как из-под грязного дождевика вывалился некий темный круглый предмет — вывалился, весело запрыгал по мостовой и завершил свой путь в сточной канаве. Мальчишка настороженно оглянулся на Сибил и мистера Китса.

— Да это же шляпа! — догадалась Сибил. — Цилиндр.

Мальчишка потрусил назад, по-прежнему не спуская с них глаз, подхватил цилиндр, сунул его за пазуху и растворился во тьме, хотя на этот раз не столь поспешно.

— Ну надо же, — с отвращением проговорил мистер Ките. — Да этот малец — вор! Его макинтош набит шляпами зрителей!

Сибил не нашлась что ответить.

— Надо думать, мошенник воспользовался суматохой, которую вы учинили. — В голосе Китса

проскальзывало подозрение. — Жаль! В наше время никогда не знаешь, кому доверять.

— Сэр, по-моему, вычислитель уже разводит пары для кинотропа…

Мистер Китс нырнул в двери театра столь поспешно, что даже не попрощался с дамой.

* * *

«Вытяжная вентиляция, — писала „Дейли Телеграф“, — заметно улучшила воздух в метрополитене, однако лорд Бэббидж придерживается мнения, что современная подземная дорога должна работать исключительно на принципах пневматики, без сгорания какого бы то ни было топлива, подобно тому, как в Париже передается почта».

Сидя в вагоне второго класса и стараясь не дышать слишком глубоко, Сибил думала, что все это чистый треп, по крайней мере в том, что касается «улучшения», ну а насчет будущего — там дело другое, радикалы способны сотворить любые чудеса. Только разве не в их газетах печатались статьи продажных врачей, что, мол, сернистый дым полезен от астмы? Дым… а тут ведь не только паровые машины дымят, тут еще и зловоние сточных вод, просачивающихся в туннель, и

утечки из резиновых баллонов, питающих эти вот, в стеклянных абажурах и проволочных сетках, газовые рожки, да чего тут только нет.

Странное это дело, подземка, если думать о ней, сидя в громыхающем поезде, который несется сквозь тьму под Лондоном, где работяги наткнулись на свинцовые трубы римского водопровода, на монеты, и мозаики, и подземные ходы, и слоновьи бивни тысячелетней давности…

А проходка продолжалась — сегодня, как и во все прочие ночи, — потому что, стоя рядом с Миком на тротуаре Уайтчепела, она слышала пыхтение огромных машин. Экскаваторы работали беспрестанно, выкапывая новые, все более глубокие линии под лабиринтами канализационных и газовых труб, под изгнанными с поверхности в глубь земли, превращенными в улицы речками. Новые линии одеваются сталью, и скоро бездымные поезда лорда Бэббиджа заскользят по ним беззвучно, как угри, хотя в этом было что-то нечистое.

Резкий толчок потревожил подачу газа, и все лампы вагона вспыхнули разом; лица пассажиров вынырнули из полумрака: смуглый господин, чем-то похожий на удачливого трактирщика, круглощекий старый квакерский священник,

пьяный денди в пальто нараспашку, канареечный жилет густо забрызган кларетом…

Женщин, кроме нее, в вагоне не было.

«Прощайте, милостивые господа! — мысленно воскликнула Сибил. — Оставайтесь в своем Лондоне». Отныне она авантюристка, присягнувшая на верность учителю, она на пути в Париж, пусть даже первый этап этого пути — будничное, за два пенни, возвращение в Уайтчепел…

Священник поднял голову, заметил Сибил и брезгливо скривился.

* * *

Холод стоял собачий, у Сибил зуб на зуб не попадал; по пути на улицу Флауэр-энд-Дин она успела сто раз пожалеть, что вышла из дома не в привычной теплой накидке, а в этой щегольской шали. В лужах газового света свежезаасфальтированная мостовая искрилась злым, колючим инеем.

Из месяца в месяц булыжник лондонских улиц исчезал под липкой черной массой, которая раскаленным вонючим потоком извергалась из утроб огромных фургонов; чумазые рабочие разравнивали ее граблями, затем приезжал паровой каток.

Мимо пронесся смельчак, в полной мере ис-

пользующий преимущества новой шершавой поверхности. Парень полулежал в поскрипывающей раме четырехколесного велосипеда, ботинки его были привязаны к педалям, изо рта вырывались белые клубы пара. Он был с непокрытой головой, в защитных очках и в костюме из толстого полосатого джерси, за спиной трепетал длинный вязаный шарф. Изобретатель…

Лондон прямо кишел изобретателями; те, что победнее и побезумнее, сходились на площадях, чтобы, разложив чертежи и модели, изводить прохожих своей болтовней. За последнюю только неделю Сибил успела полюбоваться на зловещего вида приспособление для завивки волос электричеством, детский волчок, игравший Бетховена, и устройство для гальванического серебрения трупов.

Свернув с асфальта на булыжную мостовую Рентон-пасседж, она различила вдалеке вывеску «Оленя» и услышала дребезжание пианолы. Это миссис Уинтерхолтер устроила ей комнату над «Оленем». Сам по себе этот паб был местом вполне приличным, женщины в него не допускались. Приказчики и клерки, составлявшие основную массу посетителей «Оленя», стекались сюда ради новомодного развлечения — играль-

ной машины.

Жилые комнаты располагались над трактиром, к ним вела крутая лестница, не освещенная ничем, кроме окна в крыше, покрытого толстым слоем копоти. Выходила лестница на площадку с парой совершенно одинаковых дверей; правая квартира сдавалась жильцам, левую мистер Кэрнз, домохозяин, оставил для себя.

Сибил вскарабкалась по ступеням, выудила из муфты коробок и щелкнула люцифер [36] о стенку. Здесь, на площадке, Кэрнз держал свой двухколесный велосипед, приковав его цепью к железным перилам; в свете горящей спички ярко блеснул латунный висячий замок. Сибил потушила люцифер, надеясь, что у Хетти хватило ума не закрывать замок на защелку. Хватило — ключ гладко повернулся в замке.

Тоби чуть не сшиб хозяйку; он выписывал восьмерки, бесшумно ступая по некрашеным доскам пола, отирался о ее ноги то с одной, то с другой стороны и оглушительно мурлыкал.

---

[36] Примечания: 36

Люцифер (устар.) — спичка (от лат. luciferus — светоносный). Термин введен торговцем Сэмюэ-лем Джонсом для спичек, придуманных аптекарем Джоном Уокером в 1827 г. Спички (сам Уокер называл их «конгривами» — по аналогии с пиротехнической ракетой Конгрива 1808 г.) могли зажигаться трением о любую шершавую поверхность. Современные безопасные спички, зажигающиеся только о коробок, были запатентованы шведом Йоханом Эдвардом Лундстромом в 1855 г.

Масляная лампа, стоявшая в прихожей на столике, едва горела, над ней вился широкий язык копоти. Нагар нужно снять, подумала Сибил. И зря это Хетти оставила горящую лампу в таком месте, вот прыгнул бы Тоби, и что тогда? Но все-таки как приятно приходить в освещенную квартиру. Она взяла кота на руки и почувствовала запах рыбы.

— Так, значит, Хетти тебя покормила?

Тоби тихонько мяукнул и тронул лапой ленту ее капора.

Свет лампы плясал на стенах. В прихожей не было окна, сюда никогда не проникало солнце, и все же цветы на обоях поблекли, почти сравнялись по цвету с пылью.

В комнате Сибил было целых два окна; к сожалению, они упирались в глухую, заросшую копотью кирпичную стену, упирались почти буквально: только заколоченные оконные рамы мешали потрогать стену рукой. И все же погожим днем, когда солнце стояло высоко, сюда проникало немного света. Комната Хетти попросторнее, зато окно там всего одно. Или спит уже Хетти, одна, безо всяких гостей, или дома ее нет — вон же, ни лучика света из-под двери.

Приятно было иметь собственную комнату,

хоть какое-то уединение. Сибил опустила протестующего Тоби на пол и перенесла лампу в свою комнату. Там все было так, как она оставила перед уходом, хотя Хетти, похоже, заходила: на подушке лежал последний номер «Иллюс-трейтед Лондон Ньюс». На передней полосе — гравюра, горящий город. Опять Крым. Сибил поставила лампу на потрескавшуюся мраморную крышку комода и задумалась, что делать дальше. Тоби вился вокруг ног, словно надеясь получить еще рыбы.

Тиканье большого жестяного будильника, казавшееся иногда невыносимым, теперь успокаивало; по крайней мере, часы идут, да и время на них вроде бы правильное, четверть двенадцатого. Сибил подзавела будильник — просто так, на всякий случай. Мик придет в полночь, а предстоит еще многое решить, он посоветовал не брать с собой слишком много вещей.

Она достала из комода щипцы для нагара, сняла с лампы стекло и привела фитиль в порядок. Свет стал получше. В комнате было очень холодно; Сибил сменила шаль на старую теплую накидку, откинула крышку черного жестяного сундучка и взялась перебирать свои богатства. Две смены белья, а что еще? Чем меньше возьмешь с собой, тем больше вещей купит ей в Париже Денди Мик,

так и только так должна рассуждать начинающая авантюристка!

Но были в сундучке и некоторые самые любимые вещи, расставаться с которыми просто сил не было; одна за другой все они отправились туда же, куда и белье, — в гобеленовый саквояж с разошедшимся швом («Ну сколько раз я себе говорила: почини, почини!»). Хорошенький флакончик розовой портлендской воды, наполовину полный, брошка с зелеными стразами (подарок мистера Кингсли), набор щеток для волос с ручками под черное дерево, миниатюрный пресс для цветов с видом Кенсингтонского дворца, немецкие щипцы для завивки, прихваченные как-то в парикмахерской. Чуть подумав, она добавила к ним зубную щетку с костяной ручкой и жестяную коробочку камфорированного зубного порошка.

Покончив со сборами, Сибил взяла крохотный посеребренный выдвижной карандашик, подарок мистера Чедвика, и присела на край кровати, чтобы написать записку Хетти. На карандаше была гравировка: «Корпорация столичной железной дороги»; из-под вытертого серебра начинала проглядывать латунь. Писать пришлось на рекламке растворимого шоколада, другой бумаги в комнате не было.

«Моя дорогая Харриет, — начала Сибил, — я уезжаю в Париж…»

Тут она помедлила, сняла колпачок карандаша, прикрывавший резинку, и стерла два последних слова.

«…уезжаю с одним джентльменом. Не тревожься. Со мной все в порядке. Бери из моей одежды все, что хочешь. Позаботься, пожалуйста, о Тоби, корми его рыбой. Искренне твоя, Сибил».

С каждым написанным словом Сибил чувствовала себя все тревожнее, а затем она посмотрела на Тоби и чуть не заплакала: «Предательница я, самая настоящая предательница». Следом за мыслью о собственном предательстве неожиданно пришла полная уверенность в предательстве Мика.

— Нет, он *придет*, — яростно прошептала Сибил; поставив лампу на узкую каминную полку, она придавила ей сложенную вдвое записку.

На каминной полке лежала плоская яркая жестянка с названием дорогой табачной лавки на Стрэнде. Сибил знала, что там турецкие сигареты. «Попробуй, вот увидишь, тебе понравится», — убеждал ее в прошлом месяце один из молодых джентльменов Хетти, студент-медик. Вообще-то Сибил сторонилась медиков — изучают всякие

гадости да еще этим гордятся, — но сейчас, в сильном нервном возбуждении, она открыла коробочку, вытащила хрусткий бумажный цилиндр и вдохнула резкий пряный запах.

Мистер Стэнли, хорошо известный среди модной публики адвокат, беспрестанно курил сигареты. Во времена их с Сибил знакомства Стэнли часто говаривал, что сигарета для игрока — первое дело, нервы укрепляет.

Сибил вставила сигарету меж губ, в точности как это делал Стэнли, и чиркнула люцифер, не забыв, что нужно переждать, пока сгорит шарик серы на конце, и уж только потом поднести палочку к сигарете. Она опасливо затянулась, получила в награду порцию едкого, отвратительного дыма и судорожно закашлялась. «Да выбросить нужно эту гадость», — думала Сибил, вытирая брызнувшие из глаз слезы. Но упрямство оказалось сильнее: она встала перед камином, время от времени затягиваясь сигаретой и сбрасывая хрупкий бледный пепел на угли, точно так же, как это делал Стэнли.

Нет, решила Сибил через пару минут, долго я такого не вынесу, да и где же, кстати, обещанный эффект? И тут ей стало совсем плохо, к горлу подступила тошнота, руки стали ледяными. За-

дыхаясь от кашля, она уронила сигарету на угли; та вспыхнула ярким пламенем и мгновенно рассыпалась в пепел.

Будильник тикал, тикал и тикал… Биг Бен прозвонил полночь. Где же Мик?

Сибил проснулась в темноте, исполненная безликого, безымянного страха. Потом она вспомнила о Мике. Масло в лампе кончилось. Камин потух. С трудом поднявшись на ноги, она нащупала коробок Люциферов; жестяное тиканье будильника привело ее к комоду.

Освещенный серной спичкой циферблат качнулся и поплыл куда-то в сторону.

Половина второго.

Может, он приходил, пока она спала, постучал, не достучался и ушел? Нет, только не Мик, уж он-то что-нибудь придумал бы, не ушел бы так просто, не проверив, дома она или нет. Так, значит, он попросту ее кинул, кинул как дуру последнюю — а кто же она еще, если не дура? Развесила уши, размечталась — Париж, Париж, поедем в Париж!

Ее охватило странное спокойствие, все приобрело безжалостную, как в свете калильной горелки, отчетливость. Перед глазами встали маленькие цифры в углу билета — дата и время

отправления парома. Мик отплывает из Дувра завтра вечером, так что спешить ему особенно некуда. Лекция кончается поздно, трудно поверить, что они с генералом Хьюстоном сорвутся с места глухой ночью — безо всякой к тому необходимости. Нужно идти в «Гранд», найти там Мика и поговорить с ним напрямую. Просить, угрожать скандалом, разоблачениями — да все что угодно.

Деньги лежат в муфте. В Майнориз возле Гудменс-Ярда есть стоянка кэбов — туда-то и нужно идти. Разбудить кэбмена и ехать на Пикадилли.

Как только дверь за Сибил закрылась, из опустевшей квартиры донеслось жалобное мяуканье. Притаившийся в темноте велосипед больно ободрал ей лодыжку.

На полпути к Гудменс-Ярду она вспомнила о забытом саквояже, но возвращаться не стала.

Сибил отпустила кэб за квартал от «Гранда» — не было ни малейшей надежды, что ночной швейцар, мрачный тяжеловес с ледяными глазами, длинными, до подбородка, бакенбардами и негнущейся ногой, встретит ее с распростертыми объятиями. Она заметила его издалека — здоровенный, весь в галунах громила околачивается на мраморных ступеньках парадного входа под затейливыми, с коваными дельфинчиками фона-

рями. Сибил знала швейцаров как облупленных — они играли в ее жизни весьма заметную роль.

Одно дело — войти в «Гранд» днем, под руку с Денди Миком. А вот нагло заявиться туда ночью, без провожатого — это уже совсем другое. Так поступают одни только шлюхи, а шлюху швейцар не пропустит ни под каким видом. Надо что-то придумать, историю какую-нибудь. Может, что и получится, если вранье будет звучать достаточно убедительно, а этот тип или глуп, или беспечен, или носом клюет, потерял бдительность. Или подкупить его, только вот денег после кэба осталось всего ничего. Еще слава Богу, что одежда вполне пристойная — в ярких, как у потаскухи какой-нибудь, тряпках и надеяться было бы не на что. А может, отвлечь его как-нибудь? Рассадить окно булыжником и проскочить, пока он там выясняет, что и почему. В кринолине не больно-то побегаешь, так ведь и он не самый главный спортсмен, с калечной-то ногой. А чтобы бегать поменьше, найти какого-нибудь оборванца, заплатить, и пусть он бьет окна, а самой притаиться рядом со входом…

Сибил стояла в тени у высокого ограждения строительной площадки, увешанного огромными, с простыню рекламными плакатами. «ДЕЙЛИ

НЬЮС» РАСХОДИТСЯ ПО ВСЕМУ МИРУ — сообщали отсутствующим в такое время суток прохожим яркие, несколько пострадавшие от дождя буквы. «ЛЛОЙД НЬЮС» — ВСЕГО ЗА ОДИН ПЕННИ, ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА, РЕМСГЕЙТ и МАРГЕЙТ 7/6. Вынув руку из муфты, Сибил принялась грызть пропахший турецким табаком ноготь и лишь немного удивилась, что пальцы ее посинели от холода и отчаянно дрожат.

Спасла ее чистая удача, а может, на небесах кто-нибудь сжалился, — из-за угла донеслось громкое «чух-чух-чух», и к «Гранду» подкатил сверкающий паровой экипаж. Одетый в ярко-синюю ливрею машинист спрыгнул на мостовую и опустил складную подножку. На улицу вывалилась шумная толпа пьяных французов в подбитых алым плащах, парчовых жилетах и с вечерними тросточками, украшенными кистями, двое из них — с подружками.

Сибил подобрала юбки и бросилась вперед. Словно пехотинец, умело использующий рельеф местности, она пересекла улицу под прикрытием сверкающего лаком экипажа, затем обогнула высокие, с деревянными спицами и резиновыми шинами колеса и смело присоединилась к компании. Французы парлевукали друг с другом,

поглаживали усы и гоготали; Сибил они даже не заметили, а может, заметили, но только им было до фонаря, кто там к ним присоседился и зачем. Сибил благочинно улыбалась всем и никому в частности, стараясь держаться поближе к длинному, в драбадан пьяному парню. Гуляки, пошатываясь, взобрались по мраморным ступеням, а длинный с беспечной легкостью человека, не знающего цену деньгам, сунул в руку швейцара фунтовую банкноту. Тот ошалело сморгнул и почтительно тронул рукой раззолоченную фуражку.

Все прошло без сучка без задоринки. Вместе с не умолкающими ни на секунду французами Сибил пересекла пустыню полированного мрамора до конторки портье, где они разобрали ключи и, зевая и ухмыляясь, побрели вверх по плавно изгибающейся лестнице, оставив Сибил у конторки одну.

Ночной портье, понимавший по-французски, похохатывал над какой-то случайно услышанной фразой. Отсмеявшись, он скользнул вдоль сверкающей, красного дерева конторки.

— Чем могу служить, мадам? — На этот раз улыбка предназначалась лично Сибил.

— Не могли бы вы сказать мне, мистер Май-

кл… — Слова давались с трудом, она почти заикалась. — Или скорее… генерал Сэм Хьюстон еще проживает у вас?

— Да, мадам. Я сам видел генерала Хьюстона в начале вечера. Но сейчас он в курительной комнате… Может быть, вы оставите для него сообщение?

— В курительной?

— Точно так, мадам. Это вон там, за акантом. — Портье кивнул в сторону массивной, украшенной растительным орнаментом двери в углу вестибюля. — Разумеется, дамы не ходят в курительную… Прошу прощения, мадам, я вижу, что вы несколько расстроены. Если дело важное, я могу послать к нему рассыльного.

— Да, пожалуйста, — кивнула Сибил. — Это было бы чудесно.

Портье услужливо предложил лист роскошной кремовой бумаги с эмблемой отеля и собственную, с золотым пером, самописку.

Поспешно набросав несколько строк, Сибил сложила записку и накарябала на обороте: «Мистеру Майклу Рэдли». Портье звякнул колокольчиком, поклонился в ответ на ее благодарности и вернулся к своим делам.

Через минуту унылый, судорожно зевающий

мальчишка водрузил записку на выложенный пробкой поднос и потащился нога за ногу к резной двери.

— Это для личного секретаря генерала, — догнала его Сибил.

— Не бойтесь, мисс, я его знаю. — Одной рукой он потянул дверь курительной.

Пока дверь за рассыльным медленно закрывалась, Сибил успела разглядеть багровое, лоснящееся от пота, совершенно пьяное лицо Хьюстона и его ногу, бесцеремонно закинутую на стол; подошва тяжелого ботинка находилась в опасной близости от хрустального графина. Генерал сосредоточенно сосал трубку и что-то рубил большим складным ножом… нет, строгал — пол вокруг кожаного кресла был усыпан стружкой.

Высокий бородатый англичанин, сидевший напротив Хьюстона, что-то негромко говорил. Правой рукой он разминал нераскуренную сигару, левая покоилась в белой шелковой перевязи; виду незнакомца был печальный, благородный и очень значительный. Стоявший рядом с ним Мик был занят извлечением огня; чуть сложившись в талии, он чиркал по стальному огниву, прикрепленному к концу резиновой газовой трубки… — и тут дверь захлопнулась.

Сибил присела в шезлонг; в гулком мраморном вестибюле было тепло, облепленные грязью туфли немного подсохли, онемевшие пальцы ног согрелись и мучительно ныли. Наконец тяжелая дверь распахнулась, первым из курительной вышел сомнамбулический рассыльный, следом за ним — широко улыбающийся Мик. На пороге Мик обернулся и взмахнул рукой, словно говоря кому-то: «Подождите немного, я сейчас ненадолго». При виде Сибил его узкое лицо помрачнело.

Он быстро пересек вестибюль и схватил вскочившую на ноги Сибил за локоть.

— В бога душу! — Великий авантюрист говорил тихо, почти шепотом. — Что это еще за новости? Ты что, совсем сдурела?

— Но почему? — взмолилась Сибил. — Почему ты не пришел за мной?

— Непредвиденные осложнения. Тот самый случай, когда собака кусает собственный хвост. Было бы смешно — не будь все так паскудно. Но раз ты здесь, все может повернуться иначе…

— Но что случилось? И что это за однорукий клиент?

— Британский трижды сучий дипломат, который, видите ли, не одобряет планы генерала собрать армию в Мексике. Да ты не бери в голову.

Пусть о нем думают те, кто остается в Лондоне, а мы завтра уже будем во Франции. Хотелось бы надеятся, вот только генерал… Надрался в стельку и опять за старое. В пьяном виде этот тип — настоящее, прости Господи, говно. Друзей забывает.

— Так он что, — догадалась Сибил, — надул тебя? Хочет от тебя отделаться?

— Он спер мои кинокарты, — бросил Мик.

— Но я же отправила их в Париж, пост-рестант, — удивилась Сибил. — Все, как ты велел.

— Да я не про те. Кинокарты к речи!

— Твои театральные карты? И он их украл?

— Он знал, что мне нужно будет упаковать их вместе с другими вещами, чтобы везти во Францию, разве ты не понимаешь? Подсматривал, наверное, а потом взял да спер их из моего багажа. Говорит, что я ему больше не нужен, что он наймет какого-нибудь лягушатника и тот будет гонять ему кино по дешевке. Так прямо и говорит.

— Но это же воровство!

— Он предпочитает термин «заимствование». Говорит, что *снимет копию*и тут же отдаст мне колоду обратно. И что я вроде как ничего не теряю, представляешь?

Сибил была ошарашена. Может, он шутит?

— Но ведь это все равно воровство!

— А вот ты объясни это Сэмюэлю, мать его, Хьюстону! Он тут как-то спер целую страну — обобрал до нитки, подчистую!

— Но ты же — его человек! Ты не позволишь, чтобы он тебя обокрал!

— Ну, если уж на то пошло, — оборвал ее Мик, — ты могла бы поинтересоваться, на что я заказывал эту хитрую французскую программу. Ведь я, так сказать, позаимствовал на это деньги генерала. — Он хищно оскалился. — Первый, думаешь, раз мы друг другу такие сюрпризы устраиваем? Это ж вроде проверки на прочность. Нашему драгоценному генералу палец в рот не клади; чтобы иметь с ним дело, нужно быть ой каким шустрым…

— Господи милосердный, — выдохнула Сибил, падая в шезлонг. — Мик, если б ты знал, чего я только не передумала…

— Так возьми себя в руки. — Мик выдернул ее из шезлонга. — Мне нужны эти карты, а они у него в комнате. Ты их отыщешь и заберешь, а я вернусь сейчас к ним, как ни в чем не бывало. — Он рассмеялся. — Сам же и виноват, организовал эту комедию на лекции, иначе он десять раз бы подумал, прежде чем выкинуть такой финт. А так

послушал старый прохвост вас с Корни Симпсом, и взбрело в его тупую башку, что он и вправду здесь что-то значит и может крутить всеми как хочет и поплевывать. Ничего, мы с тобой его сделаем, еще как сделаем, он у нас волком выть будет…

— Мик, мне страшно, — сказала Сибил. — Я не умею воровать!

— Умеешь, умеешь, все ты прекрасно умеешь.

— А давай ты тоже пойдешь со мной и поможешь.

— Ни в коем случае! Он тогда сразу обо всем догадается. Я сказал им, что это один мой приятель из газеты. Если я задержусь тут слишком долго, он нюхом почует, что тут что-то не так.

— Ладно, — уступила Сибил. — Дай мне ключ от его комнаты.

— Ключ? Нет у меня никаких ключей!

— Ну тогда и говорить не о чем, — облегченно вздохнула Сибил. — Ведь я же все-таки не взломщица.

— Тише ты, не ори на всю гостиницу, — яростно прошипел Мик.

Да он же пьяный, сообразила Сибил. Она никогда еще не видела Мика по-настоящему пьяным, сейчас же он был под крупным, очень крупным

градусом. Это не сказывалось ни на голосе, ни на походке, однако придавало ему наглую, безумную смелость.

— Я достану тебе ключ. Подойди к конторке, поговори с этим типом. Займи его чем-нибудь. Только на меня не смотри. — Он подтолкнул ее в спину. — Действуй!

Охваченная ужасом, Сибил подошла к конторке. В дальнем ее конце стоял телеграфный аппарат, мерно тикающий латунный механизм на низкой мраморной подставке, украшенной гирляндами позолоченных виноградных листьев. Блестящая стрелка, вертящаяся под невысоким стеклянным колпаком, указывала то на одну, то на другую букву расположенного по кругу алфавита. С каждым ее подрагиванием в мраморном основании что-то методично щелкало, и устройство выпускало новые четверть дюйма аккуратно перфорированной желтой бумажной ленты. Портье, пробивавший дыроколом стопку бумаг, оставил свое занятие, нацепил на нос пенсне и направился в ее сторону.

— Да, мадам?

— Мне нужно послать телеграмму. Это довольно срочно.

Портье без спешки, но быстро изготовил к рабо-

те откидной латунный перфоратор, пододвинул к себе маленькую коробочку с перфокартами и разлинованный телеграфный бланк. Затем он извлек самописку, ту самую, которой пользовалась недавно Сибил.

— Слушаю вас, мадам. Гражданский индекс?

— О… Чей индекс, мой или его?

— Это зависит от ваших намерений, мадам. Вы планируете платить через национальный кредит?

— А можно выписать счет на мою комнату? — увильнула от прямого ответа Сибил.

— Разумеется, мадам. Номер комнаты? Сибил замялась:

— Пожалуй, я лучше заплачу наличными.

— Очень хорошо. Гражданский индекс адресата?

— Боюсь, я его не знаю. — Сибил нервно прикусила костяшку пальца.

— Но ведь вы *знаете* имя и адрес? — терпеливо спросил портье.

— О да, — обрадовалась Сибил. — Мистеру Чарльзу Эгремонту, Ч.П. [37], «Буки», Белгрейвия

---

[37] Примечания: 37

Ч. П. — принятое в Великобритании сокращение от «член парламента»

[38], Лондон. Клерк не торопясь вывел на бланке адрес.

— Посылать телеграмму по одному адресу, без индекса, заметно дороже, мадам. Вам есть прямой смысл направить ее через Центральное статистическое бюро.

Сибил не смотрела на Мика. Не позволяла себе смотреть. Теперь же углом глаза она увидела, как через вестибюль мелькнула темная фигура. Мик бежал, согнувшись чуть ли не вдвое, ботинки он снял, связал шнурками и повесил на шею. Добежав до высокой, по пояс, конторки, он схватился за нее обеими руками, взметнулся в воздух и исчез.

И все это — без единого звука.

— Это связано с тем, как машина обрабатывает сообщения, — объяснял портье.

— Понятно, — кивнула Сибил. — Но индекса у меня нет, так что придется заплатить побольше. Это очень важно.

— Да, мадам. Нисколько не сомневаюсь. Продолжайте, пожалуйста, я запишу все под вашу диктовку.

— Думаю, мне не обязательно указывать свой

---

[38] Примечания: 38

Белгрейвия — фешенебельный район Лондона недалеко от Гайд-парка

адрес и сегодняшнюю дату? Я хочу сказать, телеграмма — это ведь не письмо, не так ли?

— Да, мадам.

— Или повторять в тексте его адрес?

— Краткость — суть телеграфии, мадам.

А Мик пробирается сейчас к доске с ключами. Сибил ничего не видела, однако ей казалось, что она слышит шорох его движений, почти что чувствует его запах, и портье стоит только взглянуть вправо, чтобы обнаружить, что к нему подползает полубезумный, скорчившийся, как обезьяна, вор.

— Запишите, пожалуйста, следующее… — Сибил на секунду смолкла. — Дорогой Чарльз. — Портье прилежно записывал. — Девять лет назад вы подвергли меня худшему бесчестью, какое только может выпасть женщине.

Портье в ужасе уставился на свою ручку; из-под тугого крахмального воротничка поползла к щекам красная краска.

— Вы обещали спасти моего несчастного отца, а вместо того развратили меня душой и телом. Сегодня я покидаю Лондон в обществе влиятельных друзей. Им прекрасно известно, как вы предали Уолтера Джерарда и меня. Не пытайтесь отыскать меня, Чарльз. Это будет бесполезно. Я всем

сердцем надеюсь, что вы и миссис Эгремонт уснете сегодня спокойно. — Сибил передернуло. — И подпись: Сибил Джерард.

— Да, мадам, — выдавил клерк.

А Мик снова перепрыгнул конторку, низко присел за ней, прячась от глаз портье, и заковылял прочь, как огромная, карикатурная утка. Мгновение спустя он скрылся за парой пухлых кресел.

— Сколько я вам должна? — вежливо осведомилась Сибил.

— Два шиллинга шесть пенсов. — Портье заикался и не смел поднять глаза.

Она вынула из муфты кошелек, отсчитала деньги и отошла, оставив красного, как рак, портье пробивать телеграфные карточки.

Мик лениво, словно в задумчивости, пересек вестибюль и остановился возле газетной стойки. Тут он наклонился и сделал вид, что завязывает шнурки; в руке его блеснуло что-то металлическое. Не потрудившись даже поймать взгляд Сибил, Мик засунул ключ за бархатную подушку шезлонга, выпрямился, поправил галстук, смахнул с рукава невидимую соринку и прошел в курительную.

Сибил подошла к шезлонгу, присела, делая вид, что просматривает толстый, с раззолоченным

корешком том ежемесячника «Доклады Королевского общества», и осторожно, кончиками пальцев, поискала за спиной ключ. Вот он, с номером 24 на медном овале головки. Устало — и, по возможности, благопристойно — зевнув, она встала и направилась по лестнице наверх — леди, заскучавшая над чрезмерно унылым журналом, удаляется к себе в номер.

Ноги у нее отчаянно ныли.

По пути к номеру Хьюстона в пустом, ярко освещенном коридоре Сибил изумилась своей нечаянной смелости, почти жалея об отправленной телеграмме. Нуждаясь в каком-нибудь драматичном послании, чтобы отвлечь портье, она вспомнила Чарльза Эгремонта и выплеснула наружу вскипевшую неожиданно ярость. Странно, даже неприятно — ведь она считала, что давно выбросила этого человека из головы.

Легко представить себе страх на лице Эгремонта, когда тот будет читать телеграмму. Она слишком хорошо помнила это пустое напыщенное лицо, лицо благостное, которое всегда извинялось, всегда поучало, и хныкало, и клянчило, и плакало — и делало гадости. Дурак, тупой беспросветный дурак.

Он-то дурак, а кто такая *ты?* Раскисла, подда-

лась на уговоры Мика и вот теперь крадешься по коридору — очень правильное слово, именно *крадешься*, чтобы не щипцы какие-то там со столика в парикмахерской взять, а совершить самую настоящую *кражу*. Будь у тебя хоть на грош ума, вышла бы ты сейчас из этой гостиницы, затерялась в Лондоне и навсегда забыла бы про Мика, пусть ищет. Да и не стал бы он тебя искать. Клятва? А что клятва! Ну нарушила бы ты ее, добавила бы еще один грех к списку прочих, ничуть не меньших. Ну почему, почему ты здесь, почему ты позволяешь, чтобы он крутил тобой как хочет?

Она остановилась перед нужной дверью, оглядела пустынный коридор, повертела в пальцах украденный ключ. Почему она это делает? Потому что Мик сильный, а она слабая? Потому что ему известны тайны, неизвестные ей? Только сейчас у Сибил появилось подозрение, что она влюбилась. Может быть, она действительно испытывает к Мику нечто вроде любви, а если да, то это многое объясняет, можно успокоиться и не изводить себя. Если это любовь, она вправе сжечь за собой все мосты, парить в небесах, жить, повинуясь сердцу, а не уму. И если она любит Рэдли, у нее есть наконец что-то, что она знает, а он нет. Тайна, принадлежащая ей, только ей.

Сибил опасливо оглянулась, вставила ключ в скважину и повернула. Проскользнув внутрь, она тихо прикрыла дверь и привалилась к ней спиной. Света в номере не было.

В воздухе явно ощущался запах гари — верное свидетельство, что где-то здесь стоит масляная лампа.

Прямо напротив двери проступали контуры квадратного окна, из узкой щелки между неплотно сдвинутыми шторами сочился тусклый газовый свет. Сибил вытянула перед собой руки, оторвалась от двери и осторожно пошла по комнате; через несколько шагов она наткнулась на что-то громоздкое (бюро, как выяснилось позднее) и тут же заметила слабый отблеск света на ламповом стекле. Осторожно, чтобы ничего не уронить, она взяла лампу, встряхнула ее и услышала негромкое бульканье. Заправлена, так что теперь дело за Люцифером.

Сибил ощупала бюро, немного удивилась, что все ящики выдвинуты, и начала их обшаривать. Бумага, канцелярские принадлежности. Ничего полезного. И сильно пахнет чернилами — пролили их тут, что ли?

Коробку люциферов она узнала не столько наощупь, сколько по характерному погромы-

хиванию. Пальцы почти не слушались. Первый люцифер затрещал и с шипением погас, заполнив комнату гнусным запахом серы. Второй осветил лампу. Левой, отчаянно дрожавшей рукой она подняла стекло и поднесла пламя к черной полоске фитиля.

Из трюмо на Сибил широко раскрытыми от страха глазами уставилось ее собственное освещенное лампой отражение, потом оно повторилось в зеркальных дверцах шкафа. На полу, и на кровати беспорядочно валялись груды одежды и словно огромный, окутанный тенью ворон…

На подлокотнике кресла сидел человек — с длинным, зловещего вида ножом в руке.

Скрипнула кожа, человек медленно поднялся — как большая деревянная кукла, годами пылившаяся на чердаке. Он был закутан в длинный темно-серый плащ. Нижнюю часть его лица скрывал черный платок.

— Только без шума, мисс. — Страшный человек чуть приподнял свой тяжелый, вроде тех, какими мясники рубят мясо, клинок. — Сэм идет?

Сибил наконец обрела голос:

— Только не убивайте меня! Пожалуйста!

— Ну надо же, этот старый козел все никак не уймется. — Тягучий техасский говорок цедил

слова, как вязкую патоку, Сибил едва их разбирала. — Ты его подружка?

— Нет! — еле выдавила Сибил. — Нет, клянусь вам, нет! Я… я собиралась его обокрасть, честное слово! Человек с ножом зловеще молчал.

— Да ты посмотри, — процедил он наконец, — что тут делается.

Сибил в страхе оглянулась. Кто-то неленивый перевернул весь номер вверх дном.

— Здесь нечего красть, — сказал незнакомец. — Ты знаешь, где он?

— Внизу, — голос Сибил срывался. — Он пьяный! Но я его не знаю, честное слово! Меня послал сюда мой любовник, вот и все! Я не хотела, он меня заставил!

— Стихни, — прервал ее излияния незнакомец. — Я не стану без нужды обижать белую женщину. Потуши лампу.

— Отпустите меня, — взмолилась Сибил. — Я уйду и никому ничего не скажу! Я… я не хотела сделать ничего плохого!

— Плохого? — В тягучем голосе — зловещая, не оставляющая надежды уверенность. — Плохо будет только Хьюстону, но это воздаяние по заслугам.

— Я не брала карты! Я даже их не трогала!

— Карты? — Он рассмеялся — сухой, из горла идущий звук.

— Эти карты, они не его. Он сам их украл!

— Хьюстон много чего украл, — сказал незнакомец; было заметно, что он озадачен, не знает, что делать со свалившейся ему на голову девицей. — Как тебя звать?

— Сибил Джонс. — Она хватила глоток воздуха. — Я — британская подданная.

— Ну надо же, — прищелкнул языком незнакомец.

Его лица не было видно. По верхнему краю дочерна загорелого лба тянулась полоска бледной кожи, усеянная бисеринками пота. След от шляпы, догадалась Сибил. Широкополой шляпы, защищающей от техасского солнца. Техасец шагнул вперед, забрал у нее лампу и прикрутил фитиль. Его пальцы были сухими и жесткими, как дерево.

В темноте, наполнившей номер, Сибил слышала отчаянный стук своего сердца и с ужасом ощущала присутствие этого человека.

Тишина становилась невыносимой.

— Вам, наверное, очень одиноко здесь, в Лондоне? — попытала удачу Сибил.

— Может, Хьюстону и одиноко. У меня совесть

почище. — Голос техасца звучал резко, неприязненно. — Ты хоть раз его спрашивала, одиноко ли ему?

— Да я его даже не знаю, — настаивала Сибил.

— Ты — здесь. Женщина, которая пришла в его номер одна.

— Я пришла за кинокартами. Это такие картонки с дырочками. Вот и все, честное слово! Никакого ответа.

— Вы знаете, что такое кинотроп?

— Хрень какая-то железная, — устало отозвался техасец.

Снова молчание.

— Не ври мне. Ты — шлюха и ничего больше. Ты не первая шлюха, какую я вижу, и… — Он зашелся мокрым, болезненным кашлем.

— Но с виду ты вроде и ничего. — В темноте, когда не видно ножа и маски, этот человек не казался таким уж страшным. — В Техасе ты могла бы выйти замуж. Начать все сначала.

— Вот бы здорово было, — вздохнула Сибил.

— У нас там мало белых женщин, на всех не хватает. Нашла бы себе приличного мужика, а не какого-то там сутенера. — Он отхаркался на пол. — Ненавижу сутенеров. — Слова падали холодно и ровно, безо всякого выра-

жения. — Ненавижу, как ненавижу индейцев! Или мексиканцев. Мексиканских индейцев… Французско-мексиканские индейцы, три сотни вооруженных ублюдков, а то и четыре. На лошадях, добыли где-то заводные винтовки, сущие дьяволы.

— Но техасцы ведь герои, — рискнула вставить Сибил, отчаянно пытаясь вспомнить название из лекции Хьюстона. — Я слышала о… об Аламо.

— Голиад. — Голос упал до сухого шепота. — Я был в Голиаде.

— Про это я тоже слышала, — поспешила сказать Сибил. — Вы покрыли себя неувядающей славой. Техасец откашлялся и снова сплюнул.

— Мы сопротивлялись два дня. Не было воды. Полковник Фаннин сдался. Нас взяли в плен, все было мило и вежливо. А назавтра вывели за город и хладнокровно расстреляли, всех. Выстроили в шеренгу и начали. Это была бойня, настоящая бойня.

Сибил молчала.

— Бойня в Аламо. А трупы они сожгли… Расстреляли отряд Мейера. Заставили их тянуть бобы. Маленький глиняный горшочек, тянешь жребий, вытащишь черный боб, и они тебя убивают. Вот что такое мексиканцы.

— Мексиканцы, — повторила она.

— Команчи еще хуже.

Откуда-то из ночи донесся визг тормозов, а затем глухое ритмичное постукивание.

Черные бобы. Голиад. У нее кружилась голова. Бобы, и расстрелы, и этот человек с продубленной солнцем и ветром кожей. От него пахло, как от поденщика, — лошадьми и потом. Как-то на Нил-стрит она заплатила два пенни, чтобы посмотреть диораму какой-то огромной американской пустыни, ужас искореженного камня. Слушая техасца, который, судя по его виду, родился и вырос именно в такой пугающей обстановке, Сибил вдруг осознала, что первобытные просторы из речи Хьюстона, все эти дикие дебри с их невероятными названиями и в самом деле реальны, что там действительно живут люди. Мик говорил, что Хьюстон украл когда-то целую страну, — и вот теперь за ним пришел ангел мщения. Она с трудом поборола идиотское желание расхохотаться.

Потом ей вспомнилась та старуха, торговка каменным маслом в Уайтчепеле, и как она смотрела на Мика, когда тот ее расспрашивал. Возможно, он, этот ангел Голиада, и не один. Как удалось столь странной личности попасть в «Гранд»,

проникнуть в запертую комнату? Как может спрятаться такой человек даже в огромном Лондоне, даже в бессчетных толпах оборванных американских беженцев?

— Пьяный, говоришь? — снова подал голос техасец.

— Что? — вздрогнула Сибил.

— Хьюстон.

— Хьюстон? Да. Он в курительной. Очень пьяный.

— Пусть выпьет напоследок. Он один?

— Он… — *Мик.* — Он там с каким-то высоким человеком. Я его не знаю.

— Бородатый? Рука сломана?

— Я…Да.

Техасец втянул воздух сквозь стиснутые зубы и пожал плечами; скрипнула кожа.

Слева что-то звякнуло. В слабом свете зашторенного окна Сибил уловила, как блеснули, сдвинулись с места грани дверной ручки. Техасец вскочил на ноги.

Одной рукой он плотно зажал ей рот, в другой у него был устрашающего вида кинжал, нечто вроде тесака, только с заостренным концом. Кинжал находился так близко от лица Сибил, что она разглядела медную накладку на тупой стороне

клинка и зазубрины на этой накладке. А потом дверь стала медленно открываться, и внутрь проскочил Мик, его голова и плечи — черный силуэт на фоне льющегося из коридора света.

Техасец отшвырнул ее в угол между бюро и стенкой, и Сибил, похоже, ударилась головой. Она стояла на коленях, окруженная смятым кринолином, и смотрела, как огромная рука хватает Мика за горло, поднимает в воздух, прижимает к стенке, как ноги Мика судорожно бьются, выстукивают по деревянной панели барабанную дробь, а потом в живот Мика косо, снизу вверх, вошел длинный блестящий клинок, вырвался и вошел снова, и в ноздри ударила жаркая вонь Мясницкого ряда.

Все потеряло реальность. Теперь Сибил воспринимала происходящее как сон, или театральный спектакль, или кино — кино, где бальзовых кубиков так много, и они такие крошечные, и программа, ими управляющая, так умело составлена, что экранная реальность даже реальнее обычной, настоящей реальности. Техасец аккуратно опустил Мика на пол, прикрыл и запер дверь; двигался он неспешно и методично.

В глазах у Сибил поплыло, она обмякла и привалилась к стене. Техасец взял Мика за воротник

и потащил поглубже в тень, к зеркальному шкафу. Каблуки Мика неприятно скребли по полу. Потом техасец встал на колени, послышался шорох одежды, шлепок отброшенного в сторону бумажника, потом зазвенела мелочь, одна монета упала на паркет, покатилась, еще раз звякнула и стихла.

А от двери доносились скребущие звуки, брякал металл о металл — чья-то пьяная рука пыталась вставить ключ в замочную скважину.

Хьюстон настежь распахнул дверь и ввалился в комнату, тяжело опираясь на свою трость. Потом громко рыгнул и потер живот, место старой раны.

— Сучьи дети… — Хриплый, совершенно пьяный голос.

Генерала качало, заносило в сторону, каждый его шаг сопровождался резким стуком трости.

— Рэдли? Где ты там спрятался, недоносок? Вылезай!

Тяжелые башмаки прошаркали рядом с бюро. Сибил еле успела отдернуть пальцы. Техасец прикрыл дверь.

— Рэдли!

— Здравствуй, Сэм.

Здесь, в этой темноте, где пахло бойней и незри-

мо двигались великаны, комната над «Оленем» казалась далекой, как первые воспоминания детства. Хьюстон пошатнулся, ударил тростью по шторам, сорвал их, и тут же свет уличного фонаря зажег морозные узоры на забранных решетчатым переплетом стеклах, хлынул в комнату, выхватил из тьмы фигуру техасца, и черный платок, и мрачные глаза над краем платка, глаза отрешенные и безжалостные, как зимние звезды. Хьюстон попятился, полосатое одеяло соскользнуло с плеч на пол, тускло блеснули ордена.

— Меня прислали рейнджеры, Сэм. Многоствольный пистолет Мика казался в руке техасца детской игрушкой.

— Кто ты, сынок? — спросил Хьюстон. В его низком голосе не осталось вдруг и следа опьянения. — Ты Уоллес? Сними эту тряпку. Поговорим, как мужчина с мужчиной…

— Ты, генерал, никем больше не командуешь. И зря ты взял то, что взял. Ты ограбил нас, Сэм. Где они? Где деньги казначейства?

— Тебя ввели в заблуждение, рейнджер. — В тягучем и приторном, как патока, голосе — бесконечное терпение, абсолютная искренность. — Я знаю, кто послал тебя, мне известны их лживые поклепы. Но клянусь тебе, я ничего не крал. Эти

деньги находятся в моих руках по праву, это неприкосновенный фонд техасского правительства в изгнании.

— Ты продал Техас за британское золото. Нам нужны эти деньги на оружие. Мы дохнем с голоду, а они нас убивают. — Пауза. — И ты еще собирался им помочь.

— Республика Техас не может бросать вызов могущественнейшим державам мира, рейнджер. Я знаю, что в Техасе плохо, и мне больно за мою страну, но мира не будет, пока я вновь не стану у руля.

— У тебя ведь не осталось денег, верно? — В голосе рейнджера клокотала ненависть. — Я все проверил, здесь их нет. Ты продал свое роскошное поместье… Ты все спустил, Сэм, спустил на шлюх, на выпивку, на хитрые спектакли для иностранцев. А теперь ты хочешь вернуться на штыках мексиканской армии. Ты — вор, пропойца и предатель.

— Да шел бы ты на хрен! — загрохотал Хьюстон и рванул на груди сюртук. — Трусливый убийца! Грязный сукин сын! Если ты такой смельчак, что можешь убить отца своей страны, целься сюда в сердце. — Он ударил себя в грудь кулаком.

— За Техас!

Дерринджер Мика выплюнул оранжевое с голубой оторочкой пламя, отшвырнул Хьюстона к стене. Генерал рухнул на пол, а мститель налетел на него, согнулся, чтобы ткнуть стволами маленького пистолета леопардовый жилет. Следующий выстрел прогремел у самой груди Хьюстона, затем еще один. Вместо четвертого выстрела с громким щелчком сломался курок.

Рейнджер отшвырнул пистолет в сторону. Хьюстон лежал навзничь, без движения, по леопардовому жилету катились красные бусинки.

Из соседней комнаты послышались сонные встревоженные крики. Схватив трость Хьюстона, техасец принялся молотить ею по окну. Стекла разлетались вдребезги, одно за другим, на тротуар сыпались осколки, затем не выдержал и решетчатый переплет. Мститель взлетел на подоконник и на мгновение замер. Ледяной ветер взметнул полы его плаща; оцепеневшая Сибил невольно вспомнила первое свое впечатление: огромный черный ворон.

Качнулся вперед и пропал — мститель, убийца Хьюстона, черный ангел Голиада, — и пропал, оставив ее один на один с тишиной и подступающим к горлу ужасом. Сибил на четвереньках поползла по заваленной хламом комнате, по-

ползла наугад, безо всякой цели. Сильно мешал кринолин, но тело ее двигалось будто само по себе. Под руку попалась тяжелая трость; золоченый набалдашник в форме ворона отломался и лежал рядом.

Хьюстон застонал.

— Тише, пожалуйста, — проговорила Сибил. — Вы убиты.

— Кто вы? — спросил он и закашлялся.

Острые осколки стекла впивались ей в ладони. Как ярко они блестят. Трость, как она теперь разглядела, была полой внутри, из нее выпал плотный комок ваты, в котором сверкали… Бриллианты. Ее руки собрали камешки в горстку, обернули их ватой и запихнули добычу за корсаж.

Она повернулась к Хьюстону. Генерал так же лежал на спине, по леопардовому жилету медленно, словно в страшном сне, расползалось красное пятно.

— Помогите мне, — прохрипел Хьюстон. — Я не могу дышать.

Он дернул пуговицы жилета, и тот распахнулся, открыв внутренние кармашки из черного шелка, а в них — аккуратные свертки, заклеенные в плотную коричневую бумагу. Колоды перфокарт,

загубленные пулевыми отверстиями… И кровь — по крайней мере, одна из пуль пробила картонную броню и вошла в тело.

Сибил встала и, пошатываясь, побрела к двери. Проходя мимо зеркального шкафа, она услышала под ногами хлюпанье, недоуменно опустила глаза и увидела красную лужу. Рядом, почти невидимый в тени, валялся сафьяновый, тоже красный, футляр для визитных карточек. Сибил подняла футляр, раскрыла его и увидела два билета, зажатые большой никелированной скрепкой.

— Помогите мне встать. — Заметно окрепший голос Хьюстона звучал раздраженно и настойчиво. — Где моя трость? Где Рэдли?

Пол качался, словно палуба корабля, однако Сибил продолжила свой путь к двери, вышла в коридор, плотно прикрыла за собой дверь и чинно, как благовоспитанная барышня из хорошей семьи, засеменила по ярко освещенным и до крайности респектабельным коридорам «Гранд-Отеля».

* * *

Вокзал Лондон-бридж Юго-Восточной железнодорожной компании, грязно-серый чугун и черное от копоти стекло. Внутри — огромный,

продутый сквозняками зал. Вдоль бесконечных рядов скамеек расхаживают квакеры, предлагая сидящим пассажирам брошюры. Ирландские солдаты в красных мундирах и с красными от выпитого за ночь джина глазами провожают бритоголовых миссионеров хмурыми взглядами. Французские пассажиры все как один возвращаются домой с ананасами, сладкими экзотическими дарами лондонских доков. Даже пухленькая актриса, сидящая напротив Сибил, везла ананас — сквозь материю, обтягивающую верх ее корзины, торчали зеленые колючки.

Поезд пролетел Бермондси, дальше замелькали маленькие улочки, двухэтажные кирпичные, крытые красной черепицей дома, все новенькое как с иголочки, чистенькое. А еще дальше — мусорные кучи, огороды, пустыри. Туннель.

Тьма пахла пороховым дымом.

Сибил закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, то увидела ворон, хлопающих крыльями над пустошью; провода электрического телеграфа то опускались почти до края окна, то взмывали вверх, мелькал столб с белыми чашечками, и провода вновь устремлялись вниз. Вниз-вверх, вниз-вверх, и каждый промежуток между столбами приближал ее к

Франции.

На дагерротипе, заснятом сотрудником отдела полиции нравов Сюрте Женераль 30 января 1855 года, — молодая женщина, сидящая за столиком на террасе кафе «Мадлен», дом № 4 по бульвару Малешерб. Перед сидящей в одиночестве женщиной — фарфоровый чайник и чашка. Увеличение выявляет некоторые детали костюма: ленты, оборки, кашемировую шаль, перчатки, серьги, изысканную шляпку. Одежда женщины — французского производства, новая и высокого качества. Ее лицо, слегка размытое из-за длинной выдержки, кажется задумчивым.

Увеличение деталей фона позволяет увидеть дом № 3 по бульвару Малешерб, принадлежащий Южноатлантической судоходной компании. В витрине конторы помещается крупная модель трехтрубного пироскафа. Судно — французского производства и спроектировано для трансатлантической колониальной торговли. Пожилой человек, лица которого не видно, погружен в созерцание модели. Фигура этого случайного персонажа выделяется на фоне смазанных быстрым движением силуэтов парижских прохожих. Голова его непокрыта, плечи ссутулены, он тяжело опирается на трость, судя по всему — из дешевого

ротанга. Он не замечает молодой женщины, как и она — его.

Она — Сибил Джерард.

Он — Сэмьюэль Хьюстон.

Их дороги расходятся навсегда.

ИТЕРАЦИЯ ВТОРАЯ

ДЕРБИ

Он застыл на полушаге, готовый исчезнуть в гуще воскресной толпы. Объектив выхватил часть лица: высокая скула, густая, темная, коротко подстриженная бородка, правое ухо; между вельветовым воротником и полосатой кепкой — случайная прядь волос. И тяжелые кованые ботинки, и обшлага брюк, забранные в короткие кожаные гетры, густо заляпаны известковой суррейской грязью. Левый погончик поношенного плаща надежно застегнут над ремнем полевого бинокля. Под распахнутым по жаре плащом поблескивают надежные латунные пуговицы в виде коротких палочек. Руки человека глубоко засунуты в карманы.

Его зовут Эдвард Мэллори [39].

Мэллори пробирался среди экипажей, лошадей в шорах, меланхолично хрустящих травой, среди томительно знакомых запахов детства — упряжи, пота, навоза. Его руки проверили содержимое

---

[39] Примечания: 39

Мэллори, Э. А. (1785–1902) — «удивительно долгоживущий шляпник из Новой Англии» (Эйлин Ганн, «Разностный словарь»)

карманов. Ключи, портсигар, бумажник, футляр для визитных карточек. Толстая роговая рукоять шеффилдского складного ножа. Полевой блокнот, это — самое ценное. Носовой платок, огрызок карандаша, несколько монет. Будучи человеком практичным, доктор Мэллори знал, что в собравшейся на скачки толпе непременно шныряют воры и по виду их отличить невозможно. Вором здесь может оказаться любой. И от этого никуда не денешься.

Какая-то раззява неосмотрительно заступила ему дорогу, и сапожные гвозди зацепили край ее кринолина. Женщина обернулась, болезненно сморщилась и рывком высвободила ткань; кринолин громко скрипнул, а Мэллори учтиво коснулся кепи и прибавил шагу. Типичная фермерша, громоздкая, неуклюжая краснощекая баба, домашняя и английская, как корова. Мэллори была привычнее иная, более дикая порода женщин: смуглые низкорослые скво племени шайенов с их десятками блестящих от жира косиц и расшитыми бисером ноговицами. Кринолины казались ему каким-то странным вывертом эволюции; неужели дочерям Альбиона доставляет удовольствие таскать на себе эти птичьи клетки из китового уса и стали?

Бизон, вот на кого похожа женщина в кринолине. У американского бизона, сраженного пулей крупнокалиберной винтовки, резко подламываются ноги, он оседает в траву, превращается в такой же вот бугор. Великие стада Вайоминга встречают смерть совершенно неподвижно, лишь недоуменно поводят ушами на отдаленные хлопки выстрелов.

Теперь Мэллори пробирался через другое стадо, про себя удивляясь загадочному всесилию моды. На фоне своих дам мужчины казались существами иного биологического вида: никаких крайностей во внешнем облике — за исключением разве что блестящих цилиндров. Впрочем, Мэллори органически не мог считать какой бы то ни было головной убор экзотичным, слишком уж много знал он о шляпах, о тусклых, прозаичных секретах их изготовления. Вот эти, скажем, цилиндры, разве не ясно, что все они — за крайне редким исключением — откровенная дешевка. Массовый фабричный раскрой, машинная формовка. Смотрится, надо признать, вполне пристойно, немногим хуже, чем настоящие, вышедшие из рук опытного мастера, а стоят раза в два дешевле. Мэллори помогал когда-то отцу в его маленькой мастерской в Льюисе: орудовал

шилом, простегивал фетр, натягивал заготовки на болванки, шил. Отца, опускавшего фетр в ртутную ванну, ничуть не беспокоил жуткий запах…

Неизбежная кончина отцовского ремесла не вызывала у Мэллори ни тени сентиментальности. А потом он и вовсе выбросил эти мысли из головы, увидев полосатый парусиновый навес, стойку и небольшую толпу, полностью состоявшую из мужчин. Это зрелище вызвало у него острый приступ жажды. Обогнув троицу джентльменов со стеками, оживленно обсуждавших шансы фаворитов, он протиснулся к стойке и призывно постучал серебряным шиллингом.

— Что желаете, сэр? — осведомился бармен.

— Хакл-бафф [40].

— Сэр родом из Сассекса?

— Да. А что?

— Я не смогу подать вам настоящий хакл-бафф, сэр, — нет ячменного отвара. — На багровом лице появилось крайнее сожаление, тут же, впрочем, исчезнувшее. — За пределами Сассекса его почти не спрашивают.

— А я два года не пробовал хакл-баффа, — вздох-

---

[40] Примечания: 40

Хакл-бафф — черничный напиток на ячменном отваре, нечто вроде темного пива. Согласно другим источникам, хакл-бафф — это горячий напиток из пива с добавлением бренди и яйца.

нул Мэллори.

— Если желаете, я приготовлю вам первоклассный бамбу [41]. Очень похож на хакл-бафф. Нет? Тогда хорошую сигару. Всего два пенни! Прекрасный виргинский табак. — Бармен извлек из деревянного ящичка кривоватую черуту.

Мэллори покачал головой:

— Я очень упрям в своих пристрастиях. Хакл-бафф или ничего.

— Вас не переубедить, — улыбнулся бармен. — Сразу видно истинного сассексца! Я и сам оттуда родом. Примите эту прекрасную сигару безвозмездно, сэр, как *савенюр*.

— Очень мило с вашей стороны, — удивился Мэллори, тронул пальцами кепи и зашагал дальше. Вытряхнув на ходу из портсигара люцифер, он чиркнул палочкой о подметку, раскурил черуту и беспечно заткнул большие пальцы за проймы жилета.

По вкусу сигара напоминала отсыревший порох; после первой же затяжки Мэллори поспешно выдернул ее изо рта. Скрутку из паршивого черновато-зеленого листа опоясывала полоска газетной бумаги с маленьким, в звездах и полосах,

---

[41] Примечания: 41

Бамбу — пунш из рома или джина с добавлением сахара и мускатного ореха

иностранным флажком и надписью: «ВИКТОРИ БРЭНД». Все понятно, армейский хлам этих самых янки. Отброшенная сигара угодила в бок цыганской кибитки, выбросила фейерверочный сноп искр и тут же оказалась в чумазых ручонках черноголового оборвыша.

Слева от Мэллори ипподромную толпу рассекал роскошный, темно-вишневого цвета паровой экипаж. Высоко вознесенный над людским морем возница потянул за рычаг тормоза, громко затрезвонил медный колокольчик, и толпа неохотно раздвинулась. На высоких бархатных сиденьях разместились пассажиры; шарнирная крыша была сложена гармошкой назад, чтобы пропускать солнце. Ухмыляющийся старый бонвиван в лайковых перчатках смаковал шампанское в компании двух юных девиц — то ли дочерей, то ли содержанок. На дверце экипажа гордо красовался герб — скрещенные серебряные молотки на лазоревой шестеренке. Какая-то неизвестная Мэллори эмблема радикалов. Он знал гербы всех лордов-ученых, но слабо ориентировался в геральдике капиталистов.

Машина катила на восток, к гаражам дерби; Мэллори шел следом по расчищенной от людей дороге, легко поспевая за медлительной маши-

ной и улыбаясь тому, как ломовые извозчики стараются унять перепуганных лошадей. Он вытащил из кармана справочник, оступившись при этом в колее, выбитой толстыми колесами брума [42], и перелистнул пестрящие яркими иллюстрациями страницы. Издание было прошлогоднее, лазоревой шестеренки с серебряными молоточками в нем не нашлось. Удивляться особенно нечему, теперь что ни неделя, то новый лорд. А все эти ихние светлости прямо без ума от своих паровых шарабанов.

Машина держала курс на клубы сероватого пара, поднимающиеся над трибунами Эпсома [43]; она неуклюже перевалила через поребрик мощеной подъездной дорожки, и тут Мэллори увидел гараж, длинную несуразную постройку в так называемом современном стиле — железный наружный каркас, крыша из луженой, на болты посаженной жести. Все это уныние малость расцвечено пестрыми вымпелами и жестяными колпачками вентиляционных труб.

Пыхтя и отдуваясь, машина заползла в свое

---

[42] Примечания: 42

Брум — закрытый двухместный экипаж в одну лошадь

[43] Примечания: 43

Эпсом (в данном случае «Эпсом-Дауне») — ипподром в городе Эпсом графства Суррей.

стойло. Возница открыл клапаны, раздалось громкое шипение, взлетело и тут же рассосалось облачко пара. Гаражные механики забегали с масленками, господа же тем временем сошли вниз по складному трапу. Направляясь к трибуне, лорд и две его спутницы прошли мимо Мэллори; свежеиспеченная, из грязи да в князи, британская аристократия, они не сомневались, что этот мужлан смотрит на них во все глаза, — и высокомерно его игнорировали. Возница с увесистой корзиной потащился следом за ними. Мэллори коснулся пальцем своей полосатой, точно такой же, как у водителя, кепки и подмигнул, но не был удостоен ответом.

Шагая вдоль гаражей и сверяя гербы на пароходах по справочнику, Мэллори удовлетворенно помечал каждую новую находку огрызком карандаша. Вот Фарадей, величайший физик Королевского общества [44], вот — Колгейт [45], мыльный

---

[44] Примечания: 44

Королевское общество (полное название «Королевское общество Лондона по повышению научных знаний») — ведущий научный центр, выполняющий функции Академии наук; старейшее научное общество Великобритании, учреждено в 1660 г.

[45] Примечания: 45

Колгейт. — Компания «Колгейт» (с 1953 г. — «Колгейт-Пальмолив») действительно существует с начала XIX в., но является американской. Основана Уильямом Колгейтом, нью-йоркским свечным фабрикантом и мыловаром

магнат. А вот поистине находка — инженер-провидец Брюнель. Очень немногие кареты могли похвастаться древними гербами, гербами землевладельцев, чьи отцы были герцогами и графами в те дни, когда еще существовали подобные титулы. Кое-кто из поверженного старого дворянства мог позволить себе пар; другие обладали некоторой предприимчивостью и прилагали все усилия, чтобы остаться на поверхности.

Подойдя к южному крылу гаража, Мэллори обнаружил, что оно окружено баррикадой из чистеньких, пахнущих смолой козел. Этот участок, зарезервированный для гоночных пароходов, патрулировался отрядом пешей полиции в полном обмундировании. Один из полицейских был вооружен самострельным, с пружинным заводом, карабином «каттс-модзли» знакомой Мэллори модели — шесть таких входили в снаряжение вайомингской экспедиции. Хотя шайены относились к короткоствольному бирмингемскому автомату с полезным для нужд экспедиции благоговением, Мэллори знал, что эта игрушка капризна и ненадежна. К тому же стреляет куда угодно, кроме цели, так что толку с нее кот наплакал, разве что если выпустить все тридцать патронов очередью в настигающую тебя свору

преследователей — что и проделал однажды сам Мэллори через кормовую амбразуру самоходного форта экспедиции.

А вот этот молоденький розовощекий фараон, разве имеет он хоть малейшее понятие, что такое очередь из «каттс-модзли», выпущенная в толпу? В английскую, например, толпу. Мэллори поежился и постарался стряхнуть мрачные мысли.

По ту сторону заграждения каждое стойло было укрыто от вездесущих шпионов и букмекеров отдельной брезентовой ширмой, туго натянутой на вкопанные в землю столбики. Мэллори не без труда протолкался сквозь оживленную толпу зевак и энтузиастов пара; когда же у самых ворот его бесцеремонно остановили два фараона, он предъявил свое регистрационное удостоверение и гравированное приглашение от Братства паровых механиков. Тщательно записав номер, полисмены сверили его со списком в толстом блокноте, показали, где находится указанный в приглашении гараж, и настоятельно рекомендовали идти прямо, не шляться по охраняемой территории без дела.

В качестве дополнительной предосторожности Братство поставило и собственного часового. Грозный страж, примостившийся на складном

стуле возле брезента, угрожающе щурил глаза и сжимал в руках увесистый разводной ключ. Мэллори снова показал свое приглашение; отогнув узкий брезентовый клапан, часовой просунул в щель голову, крикнул: «Твой брат, Том!» — и пропустил гостя в гараж.

Свет дня померк, в нос ударила резкая вонь смазки, металлической стружки и угольной пыли. Четверо паровых механиков, все в одинаковых полосатых кепках и кожаных передниках, изучали какой-то чертеж. Резкий свет карбидной лампы играл на изогнутых, покрытых эмалью поверхностях странной машины.

В первое мгновение Мэллори решил, что перед ним лодка, маленький пироскаф — алый корпус, нелепо подвешенный между двух огромных колес, но затем, подойдя поближе, он понял, что это — ведущие, а не гребные колеса; бронзовые, безукоризненно отшлифованные штоки уходили в пазы неправдоподобно тонкой обшивки. Нет, не лодка, а паровой экипаж, только экипаж необычный, напоминающий по форме… каплю? Нет, скорее уж огромного головастика. Третье колесо, миниатюрное и даже немного смешное, было установлено на конце длинного узкого хвоста, в шарнирной стойке.

На тупом полукруглом носу машины прямо под огромным изогнутым листом великолепного свинцового стекла (предназначенным, надо понимать, для защиты машиниста от встречного потока воздуха), четко виднелись черные с золотом буквы: «ЗЕФИР».

— Иди сюда! — махнул рукой Том. — Что ты там стоишь как неродной.

Остальные встретили его слова сдержанным смехом.

Ну и нахалюга же, внутренне улыбнулся Мэллори; его подкованные сапоги громко скребли по цементному полу. Ишь, и усы у маленького братика появились, да какие роскошные — кошка лизнет и ничего не останется.

— Мистер Майкл Годвин, сэр. — Мэллори протянул руку своему давнему другу, а ныне — наставнику девятнадцатилетнего Тома.

— Доктор Мэллори, сэр! — отозвался Годвин, невысокий и кряжистый, лет сорока от роду механик с изрытыми оспой щеками, соломенными волосами, длинными густыми бакенбардами и острым блеском глубоко посаженных глаз. Он собрался было поклониться, но вовремя передумал и, несильно хлопнув Мэллори по спине, представил его своим товарищам. Последние

звались Элайджа Дуглас, старший подмастерье, и Генри Честертон, мастер второй ступени.

— Весьма польщен, — коротко кивнул Мэллори. — Я ожидал от вас многого — и все равно поражен увиденным.

— И что вы думаете об этом красавце, доктор Мэллори?

— Трудно заподозрить его в родстве с нашим фортом.

— «Зефир» не предназначен для работы в Вайоминге, — улыбнулся Годвин, — чем и объясняется прискорбная нехватка брони и оружия. Форма определяется функцией — так, кажется, звучит любимая ваша присказка?

— Маловат он вроде для гоночной машины, — осторожно заметил Мэллори. — Да и форма, как бы это получше сказать, *своеобразная.*

— *В*основу нашей конструкции положены научные принципы, сэр. Новейшие принципы. Тут, кстати, очень интересная история, причем история, связанная с одним из ваших коллег. Вы помните покойного профессора Радвика?

— Да, разумеется, Фрэнсис Радвик… — Мэллори растерянно смолк. — Но только Радвик и новые принципы?.. Не вяжется это как-то.

Дуглас и Честертон смотрели на него с откро-

венным любопытством.

— Мы оба — палеонтологи. — Мэллори чувствовал себя очень неловко. — Но этот малый воображал себя вроде как аристократом. Задирал нос, придерживался каких-то допотопных теорий. Не умел логически мыслить — хотя это, конечно же, мое личное мнение.

Было видно, что механики воспринимают его слова весьма скептически.

— Я не из тех, кто дурно отзывается о мертвых, — поспешно добавил Мэллори. — У Радвика была своя компания, у меня — своя, и хватит об этом.

— Но вы ведь помните, — настаивал Годвин, — его гигантскую летающую рептилию?

— Кецалькоатлус [46], — кивнул Мэллори. — Серьезное открытие, тут уж не поспоришь.

---

[46] Примечания: 46

Кецалькоатлус — самый крупный летающий ящер (птерозавр) и вообще самое крупное летающее существо, когда-либо жившее на Земле. Размах крыльев его достигал 15 метров, и махать ими он, конечно, не мог — только планировал. Раскопан действительно в Техасе, — но уже лишь в 1971 г. — Дугласом Лоусоном и профессором Уонном Лэнг-стоном, название получил в 1975 г. (по имени Кецалькоатля — «пернатого змея» — божества в мифологии инков и тольтеков). Для полноты картины: первые в США останки птеродактиля были обнаружены в 1871 г. вышеупомянутым Отнилом Маршем, первые в мире — в 1784 г. итальянским натуралистом Космо Алессандро Коллини в меловых породах в Баварии; название «птеродактиль» предложил в 1809 г. Жорж Кювье.

— Кости отослали для изучения в Кембридж, — продолжал Годвин, — в Институт машинного анализа.

— Я сам собираюсь там поработать по бронтозаврусу, — кивнул Мэллори. Ему очень хотелось сменить тему.

— Так вот, — продолжил Годвин, — у них там в институте лучшие математики Британии, и они день за днем гоняли свои исполинские машины, пока мы с вами мерзли в топях Вайоминга. Долбили дырки в карточках, чтобы разобраться, как могла летать такая громадина.

— Я знаком с проектом, — кивнул Мэллори. — Радвик опубликовал по этой теме пару статей. Но воздушная динамика — не моя специальность. Честно говоря, я не ожидаю от нее серьезных теоретических результатов. Слишком уж она, простите за каламбур, *воздушна.*

— А вдруг она может дать серьезные *практические*результаты? — улыбнулся Годвин. — В анализе принимал участие сам лорд Бэббидж.

Мэллори задумался.

— Надо думать, что в пневматике все же есть какой-то смысл, раз уж она привлекла внимание великого Бэббиджа. Развитие искусства воздухоплавания? Армия очень интересуется

воздушными шарами, а на военные науки у нас денег не жалеют.

— Нет, сэр, я имел в виду практическое конструирование.

— Конструирование летающих машин? — Мэллори помедлил. — Но вы же не станете меня убеждать, что эта ваша таратайка *летает?*

Механики вежливо рассмеялись.

— Нет, — успокоил его Годвин. — К тому же все эти священнодействия с машиной так и не решили поставленной задачи. Зато теперь мы кое-что понимаем в воздушных потоках, начинаем осознавать принципы атмосферного сопротивления. Принципы совершенно новые, не получившие еще широкой известности.

— Но мы, механики, — с гордостью вставил мистер Честертон, — уже использовали их практически, при конструировании «Зефира».

— Мы называем это «обтекаемая форма», — подал голос Том.

— Значит, вы придали своей машине «обтекаемую форму», да? Вот почему она так похожа на… гм…

— На рыбу, — подсказал Том.

— Вот именно, — воскликнул Годвин. — Рыба! И все это связано с поведением текучих сред.

Вода. Воздух. Хаос и турбулентность! И все это поддается расчету.

— Поразительно, — отозвался Мэллори. — Так, значит, эти принципы турбулентности…

Соседнее стойло взорвалось оглушительным грохотом; стены задрожали, а с потолка посыпалась сажа.

— Это итальянцы, — крикнул Годвин. — В этом году они привезли нечто чудовищное!

— И воняет эта гадость соответственно, — пожаловался Том.

Годвин склонил голову на бок и прислушался.

— Слышите, как стучат штоки на обратном ходе поршня? Плохая подгонка. Ну чего еще ждать от этих нерях иностранцев! — Он отряхнул припорошенную сажей кепку о колено.

Голова у Мэллори раскалывалась от шума.

— Давайте я куплю выпить! — прокричал он.

— Что? — непонимающе приложил руку к уху Годвин.

Мэллори поднес ко рту кулак с поднятым большим пальцем. Годвин ухмыльнулся. Он крикнул что-то Честертону, получил ответ и вытащил Мэллори из гаража на свет божий.

— Штоки у макаронников ни к черту, — радостно сообщил часовой.

Годвин кивнул, отдал ему свой кожаный передник, накинул неприметный черный сюртук и сменил полосатую кепку на соломенную, с низкой тульей и широкими полями шляпу.

Они вышли за барьер.

— Я могу урвать лишь пару минут, — извинился Годвин, — за ними же глаз да глаз. — Он надел дымчатые очки. — Кое-кто из этих энтузиастов знает меня в лицо, могут увязаться следом… Да ладно, ерунда это все. Рад видеть вас снова, Нед. Добро пожаловать в Англию.

— Я вас надолго не задержу, — успокоил его Мэллори. — Просто хотел перекинуться парой слов наедине. О мальчике, о его успехах.

— О, Том — отличный малый, — отозвался Годвин. — Учится, старается.

— Надеюсь, у него будет все в порядке.

— Я тоже надеюсь, — кивнул Годвин. — Искренне вам сочувствую, Том ведь рассказал мне о вашем отце. Что он тяжело болен и все такое.

— Старый Мэллори, он не уйдет, пока у него есть дочки на выданье, — процитировал Мэллори с густым сассексским акцентом. — Вот что отец всегда нам говорит. Он хочет иметь полную уверенность, что все его девочки благополучно

вышли замуж. Упорный старик.

— Думаю, он счастлив иметь такого сына, как вы, — заметил Годвин. — Ну а как вам показался Лондон? Вы приехали воскресным поездом?

— Я еще не был в Лондоне, просидел все время в Льюисе, с семьей. Сел там на утренний поезд до Лезерхеда, а остаток пути прогулялся пешком.

— Пешком из Лезерхеда? Это же миль десять, если не больше!

— Вы что, забыли, как я искал окаменелости? — улыбнулся Мэллори. — Двадцать миль в день, без дорог и тропинок, по вайомингским валунам и осыпям. Меня потянуло вновь побродить по дорогам старой доброй Англии. Я ведь только-только из Торонто, верхом на наших ящиках с загипсованными костями, а вы уже который месяц дома, варитесь во всей этой каше. — Он повел рукой вокруг.

— Да, — кивнул Годвин, — но как вам все-таки эта страна, на свежий взгляд, после долгого отсутствия?

— Антиклиналь [47] Лондонского бассейна, — пожал плечами Мэллори. — Палеоценовые и эоценовые меловые отложения, чуть-чуть голо-

[47] Примечания: 47

Антиклиналь — складка пластов горных пород, обращенная выпуклостью вверх.

ценовой кремнистой глины…

— Все мы — голоценовая кремнистая глина, — рассмеялся Годвин. — Ну вот и пришли, эти ребята продают вполне приличное пойло.

Они спустились по пологому склону к подводе с бочонками, окруженной плотной толпой жаждущих. Хакл-баффа тут, конечно же, не было, и Мэллори купил пару пинт эля.

— Рад, что вы приняли наше приглашение, — сказал Годвин. — Я знаю, что вы, сэр, человек занятой. Все эти ваши знаменитые геологические дискуссии и…

— Не более занятой, чем вы, — возразил Мэллори. — Серьезная конструкторская работа, практичная и полезная. Завидую я вам, честное слово.

— Нет, нет, — настаивал Годвин. — Ваш брат, он считает вас настоящим гением. И мы, все остальные, тоже! У вас, Нед, большое будущее, ваша звезда еще только восходит.

— Да, — кивнул Мэллори, — в Вайоминге нам очень повезло, и наше открытие не осталось незамеченным научной общественностью. Но без вас и вашего самоходного форта эти краснокожие быстренько бы сделали нам типель-тапель.

— Не такие уж они оказались и страшные, глот-

нули виски и размякли.

— Туземцы высоко чтят британское оружие, — возразил Мэллори. — А разглагольствования о старых костях не производят на них ровно никакого впечатления.

— Ну не скажите, — ответил Годвин, — я преданный сторонник партии, а потому согласен с лордом Бэббиджем: «Теория и практика должны быть едины, как кость и мышцы».

— Это следует обмыть, — подытожил Мэллори. — Прошу вас, позвольте мне, — добавил он, видя что Годвин лезет в карман. — Я ведь еще не истратил свой бонус за экспедицию.

Годвин с кружкой в руке отвел Мэллори подальше от остальных пьющих. Осторожно оглянувшись, он снял очки и поглядел Мэллори в глаза.

— Нед, вы верите в свою удачу?

Мэллори задумчиво взялся за подбородок:

— Продолжайте.

— Букмекеры расценивают шансы «Зефира» очень низко, ставки — десять к одному.

— Я не игрок, мистер Годвин, — хмыкнул Мэллори. — Дайте мне надежные факты и доказательства, вот тогда я приму решение. Я же не какой-нибудь заполошный дурак, чтобы надеять-

ся на не заработанные в поте лица богатства.

— В Вайоминге вы рисковали — рисковали жизнью.

— Да, но тогда все зависело от моих собственных способностей и способностей моих сотоварищей.

— Вот именно! — воскликнул Годвин. — Я стою в точности на тех же позициях! Если вы никуда не торопитесь, я хотел бы рассказать вам о нашем Братстве паровых механиков. — Он понизил голос. — Глава нашего профсоюза, лорд Скоукрофт… Лорд, а в недобрые старые времена простой Джим Скоукрофт, один из лучших наших агитаторов. Но мало-помалу Джим примирился с радикалами, теперь он богат и уже посидел в парламенте и все такое прочее. Умный мужик, очень умный. Когда я пришел к нему с планами постройки «Зефира», он ответил мне точно так же, как вы сейчас: факты и доказательства. «Мастер первой степени Годвин, — сказал он, — я не могу субсидировать ваш проект из заработанных тяжким трудом взносов нашего Братства, если вы не сможете показать мне черным по белому, какую это принесет нам выгоду». Тогда я сказал ему: «Ваша светлость, личные паровые экипажи — предмет роскоши, а их изготовление — одна из самых выгодных отраслей производства в им-

перии. Когда мы выйдем на Эпсом-Дауне и наша машина оставит конкурентов далеко позади, вся аристократия встанет в очередь за знаменитой продукцией паровых механиков». И так оно и будет, Нед.

— Если вы выиграете гонку, — охладил его пыл Мэллори.

Годвин серьезно кивнул:

— Я не даю твердых обещаний. Я — механик; мне ли не знать, как железо может гнуться и ломаться, рваться и ржаветь. Вы тоже знаете это, Нед, ведь сколько раз чинил я у вас на глазах этот проклятый форт, чинил, пока мне не начинало казаться, что еще чуть-чуть и я сойду сума… Но я полагаюсь на факты, на цифры. Я знаю перепады давления и мощность двигателя, вращательный момент и диаметр колес. Если не случится какой-нибудь дурацкой поломки, наш маленький «Зефир» промчится мимо соперников, как будто они вкопаны в землю.

— Звучит великолепно. Я рад за вас. — Мэллори отпил из кружки. — Ну а что будет, если поломка все-таки произойдет?

— Тогда, — улыбнулся Годвин, — я проиграю и останусь без гроша за душой. Лорд Скоукрофт был весьма щедр — по своим меркам, — но в таком

проекте, как наш, не обойтись без непредвиденных расходов. Я вложил в эту машину все — и бонус за экспедицию от Королевского общества, и даже небольшое наследство, оставленное мне незамужней тетушкой, да будет земля ей пухом.

Мэллори был потрясен.

— Как, абсолютно все?

— За исключением того, что я *знаю*, уж это-то, слава Господу, никто у меня не отберет, — криво усмехнулся Годвин. — Прокормлюсь ремеслишком. Если что, снова завербуюсь в экспедицию Королевского общества, платят там вполне прилично. Но я рискую всем, что у меня есть в Англии. Или грудь в крестах, или голова в кустах — безо всяких промежуточных вариантов. Мэллори снова помял подбородок.

— Я поражаюсь вам, мистер Годвин. Вы всегда казались мне таким практичным.

— Доктор Мэллори, сегодня на меня будут смотреть сливки британского общества. Премьер-министр здесь. Принц-консорт здесь. Леди Ада Байрон здесь и, если верить слухам, делает крупные ставки. Ну когда еще представится второй такой шанс?

— Да, я понимаю вашу логику, — задумчиво кивнул Мэллори, — хотя и не совсем с ней согла-

сен. Но, с другой стороны, в вашем положении подобный риск вполне допустим. Насколько я помню, вы не женаты.

Годвин отхлебнул эля.

— Как и вы, Нед, — Годвин приложился к кружке, — как и вы.

— Да, но у меня сидят по лавкам восемь младших братьев и сестер, мой старый отец смертельно болен, а мать еле ходит. Ревматизм. Я не могу рисковать средствами к существованию своей семьи.

— Ставки десять к одному, Нед. Это же просто смешно! И какой идиот их назначил! Тут бы вернее было пять к трем в пользу «Зефира».

Мэллори промолчал.

— Жаль, — вздохнул Годвин. — А мне так хотелось, чтобы кто-нибудь из друзей выиграл на этих скачках, выиграл по-крупному. Сам-то я этого сделать не могу. Очень хотелось бы, но потратил на «Зефир» все, до последнего фунта.

— Пожалуй, я сделаю небольшую ставку, — осторожно сказал Мэллори. — Во имя дружбы.

— Поставьте десять фунтов за меня, — вскинул голову Годвин. — Десять фунтов, в долг. Если вы проиграете, я найду со временем способ рассчитаться. Если выиграете, мы разделим сто фунтов

поровну. Ну, что скажете? Вы согласны?

— Десять фунтов… Большие деньги.

— Я сумею рассчитаться.

— В этом-то я ничуть не сомневаюсь… — Отказаться было невозможно. Этот человек дал Тому место в жизни, и Мэллори чувствовал себя перед ним в долгу. — Хорошо, мистер Годвин. Только для вас.

— Вы не пожалеете. — Годвин сокрушенно отряхнул засаленные рукава сюртука. — Пятьдесят фунтов мне совсем не помешают. Удачливый изобретатель, уверенно поднимающийся и так далее, не должен одеваться как священник из глухой деревушки.

— Вот уж не подумал бы, что вы станете сорить деньгами на такую ерунду.

— Это не ерунда — одеваться в соответствии со своим положением. — Годвин окинул Мэллори цепким взглядом. — Это ведь ваш старый, еще вайомингский плащ, верно?

— Весьма практичная одежда, — кивнул Мэллори.

— Только не для Лондона. Не для того, чтобы читать лекции светским дамам, воспылавшим любовью к естественной истории.

— Я не стыжусь того, что я есть, — набычился

Мэллори.

— Ну да, — кивнул Годвин. — Простецкий парень Нед Мэллори является на скачки в кепке механика, чтобы ребята не робели, встретившись со знаменитым ученым. Я знаю, почему вы так сделали, Нед, и мне это очень нравится. Но помяните мое слово, когда-нибудь вы станете лордом Мэллори, это уж как Бог свят. У вас будет шелковый фрак и ленточка в петлице, ордена и медали ото всех научных обществ. Это же вы откопали сухопутного левиафана, сумели разобраться в неразберихе его окаменелых костей. Так что, Нед, пора взглянуть правде в глаза.

— Все не так просто, как вы думаете, — возразил Мэллори. — Вы не знакомы с политикой Королевского общества. Я — катастрофист [48]. А когда дело доходит до раздачи должностей и

[48] Примечания: 48

Катастрофист — последователь теории катастроф, согласно которой в истории Земли периодически повторяются события, внезапно изменяющие первоначально горизонтальное залегание горных пород, рельеф земной поверхности и уничтожающие все живое. Концепция была выдвинута в 1812 г. французским ученым Жоржем Кювье для объяснения смены фаун и флор, наблюдаемых в геологических породах, за период времени с библейского сотворения мира.

наград, заправляют всем униформисты [49]. Люди вроде Лайелла [50] или этого проклятого дурака Радвика.

— Чарльз Дарвин — лорд. Гидеон Мэнтелл [51] — лорд, а его игуанодон — просто креветка по сравнению с вашим бронтозаврусом.

— Не говорите дурно о Гидеоне Мэнтелле! Он — величайший ученый, каким когда-либо славился Сассекс, и он был очень добр ко мне.

Годвин заглянул в свою пустую кружку.

— Прошу прощения, — сказал он. — Мне не следовало высказывать свое мнение так откровенно, я и сам это понимаю. Здесь не дикий Вайоминг, где все мы сидели у лагерного костра, не зная чинов и различий, и чесали языками о чем ни попадя.

---

[49] Примечания: 49

Униформисты — приверженцы униформизма. Униформизм — геологическая гипотеза, согласно которой в геологическом прошлом действовали те же силы и с той же интенсивностью, что и в настоящее время; поэтому для выяснения событий геологического прошлого можно переносить без поправок знания, полученные при изучении современных геологических явлений. Гипотеза выдвинута Джеймсом Хаттоном (1726–1797), термин же введен в 1832 г. Уильямом Уэвеллом.

[50] Примечания: 50

Чарльз Лайвлл (1797–1875) — английский естествоиспытатель, развивал учение о медленном, постепенном изменении земной поверхности под влиянием постоянных геологических факторов. Наиболее видный сторонник униформизма, перенес идеи Хаттона из геологии в биологию, заложил фундамент, на котором Дарвин вскоре основал теорию эволюции. Основной труд Лайелла — многотомные

«Принципы геологии» (начало 1830-х; исправленный и дополненный вариант — 1860-е).

[51] Примечания: 51

Гидеон Олджертон Мэнтелл (1790–1852) — английский врач, геолог и палеонтолог. Обнаружил останки четырех из пяти видов динозавров, известных в его время, в том числе игуанодона. Вел раскопки преимущественно в Сассексе.

Он снова надел дымчатые очки.

— Но я хорошо помню ваши теоретические рассуждения, как вы объясняли нам смысл этих костей. «Форма определяется функцией». «Выживают наиболее приспособленные». Новые формы идут в авангарде. Сперва они могут выглядеть необычно, но природа испытывает их в борьбе против старых, и если они устоят и победят, то их потомки унаследуют мир. — Годвин поднял взгляд. — Если вы не понимаете, что эта ваша теория имеет самое прямое отношение к моим конструкциям, то вы — совсем не тот человек, каким я вас считаю.

Мэллори снял кепку.

— Это мне следует просить у вас прощения, сэр. Простите мне мою дурацкую вспыльчивость. Надеюсь, вы всегда будете говорить со мной откровенно, мистер Годвин, будут у меня на груди ленточки или нет. И да не стать мне никогда настолько ненаучным, чтобы закрывать глаза на честную правду. — Он протянул руку.

Годвин ее пожал.

На ипподроме запели фанфары, и тут же шум толпы стал громче, напряженнее. Люди устремились к трибунам, словно гигантское стадо — на водопой.

— Пойду сделаю ставку, о которой мы тут спорили, — сказал Мэллори.

— А мне пора к ребятам. Зайдете к нам после гонок? Чтобы разделить выигрыш?

— Непременно.

— Позвольте, я отнесу буфетчику вашу кружку, — предложил Годвин.

Отдав механику кружку, Мэллори зашагал прочь.

Расставшись со старым другом, Мэллори тут же пожалел о своем неосторожном обещании. Десять фунтов — огромные деньги, в университете ему хватало такой, ну, может, чуть большей суммы на год.

И все же, размышлял он, шагая к палаткам букмекеров, Годвин — великолепный механик и честнейший человек. Нет никакой причины сомневаться в его оценках исхода гонки, а человек, крупно поставивший на «Зефир», может покинуть этим вечером Эпсом с суммой, равной доходу за несколько лет. Если рискнуть тридцатью фунтами или сорока…

У Мэллори было в банке почти пятьдесят фунтов — большая часть его экспедиционного бонуса. Еще двенадцать фунтов он держал при себе в пропотелом парусиновом поясе, надежно

затянутом под жилетом.

Ему вспомнился несчастный отец, одержимый безумием шляпника, отравленный ртутью, трясущийся и бессмысленно бормочущий в кресле у камина. Часть денег была заранее отведена на покупку угля для этого камина.

И все же… *получить четыреста фунтов*…Нет, он сохранит выдержку и поставит только десять, выполнит свое обещание Годвину — вот и все. Десять фунтов — потеря тяжелая, но не фатальная. Мэллори просунул пальцы правой руки между пуговицами жилета и нащупал клапан парусинового пояса.

Он решил сделать ставку в наисовременнейшей фирме «Дуайер и К°», а не в почтенной и, возможно, чуть-чуть более респектабельной «Таттерсоллз». Мэллори нередко проходил мимо ярко освещенного заведения Дуайера на Сент-Мартинз-лейн, из ярко освещенных окон которого непрестанно доносился глухой, прерывистый рокот трех вычислительных машин. Он поостерегся делать такую крупную ставку у кого-нибудь из десятков букмекеров, вознесенных над толпой на высоких табуретах, хотя они были — по необходимости — почти так же надежны, как и крупные фирмы. Мэллори однажды стал свидетелем того,

как в Честере едва не линчевали проштрафившегося букмекера. Он еще не забыл, как над толпою взвился вопль: «Жулик!», пронзительный, как «Грабят!» или «Горим!», как озверевшие игроки бросились на человека в черной шапочке, сбили его с ног и долго, остервенело пинали. Под поверхностным добродушием посетителей скачек таилась первобытная жестокость. Лорд Дарвин выслушал рассказ об этом инциденте с большим интересом и провел аналогию с поведением вороньей стаи…

Очередь к кассе паровых заездов продвигалась медленно, и Мэллори начал думать о Дарвине. Он считал нелюдимого лорда одним из величайших умов столетия, был давним и страстным его поклонником, однако начал последнее время подозревать, что тот считает своего младшего коллегу излишне торопливым — хотя и ценит его поддержку. Так оно или не так, но помощи от Дарвина не дождешься, проблемы профессиональной карьеры кажутся ему мелкими, не заслуживающими внимания. Иное дело Томас Генри Гексли [52] — видный социальный теоре-

[52] Примечания: 52

Томас Генри Гексли (1825–1895) — английский биолог, соратник Чарльза Дарвина и виднейший пропагандист его учения. В 1881–1885 гг. президент Королевского общества. Дедушка Олдоса Хаксли.

тик, прекрасный биолог и оратор.

В соседней, справа от Мэллори, очереди скучал светский хлыщ с последним номером «Спортинг Лайф» подмышкой; над его нарочито неброской одеждой явно трудился кто-то из лучших модельеров Лондона, если не Парижа. На глазах у Мэллори хлыщ подошел к окошку и поставил сто фунтов на Гордость Александры, это бывают же у лошадей такие клички.

— Десять фунтов на «Зефир», на выигрыш, — сказал Мэллори, протягивая в окошко одну пятифунтовую банкноту и пять фунтовых.

Пока кассир методично пробивал перфокарту, Мэллори изучал подвижное, из кинокубиков, табло соотношения ставок, вывешенное за глянцевой, под мрамор, стойкой. Фаворитами были французы — «Вулкан» от «Компань женераль де тракьсон» [53], пилот — некий мистер Рейнал. Мэллори отметил для себя, что итальянцы стоят немногим выше, чем «Зефир» Годвина. Это что же, все уже в курсе про штоки?

Кассир протянул ему синий листок, копию пробитой карточки.

— Очень хорошо, сэр, благодарю вас. — Он уже

---

[53] Примечания: 53
Compagne Generale de Traction (фр.) — Всеобщая компания тяги.

глядел мимо, на следующего клиента.

— Вы примете чек, выписанный на Сити-бэнк? — спросил Мэллори.

— Разумеется, сэр, — ответил кассир, вскинув бровь; можно было подумать, что он только сейчас заметил кепку и плащ Мэллори. — При том условии, что он будет помечен вашим гражданским индексом.

— Тогда, — к собственному своему изумлению сказал Мэллори, — я поставлю на «Зефир» еще сорок фунтов.

— На выигрыш, сэр?

— На выигрыш.

Мэллори любил наблюдать и анализировать поведение людей и считал себя довольно приличным в этом деле специалистом. Он обладал, как заверял его Гидеон Мэнтелл, острым, ничего не упускающим глазом натуралиста. И действительно, теперешним своим положением в научной иерархии Мэллори обязан был тому, что без устали обшаривал этим самым своим глазом монотонный отрезок каменистого берега вайомингской реки и в конце концов вычленил из кажущегося хаоса форму.

Однако сейчас потрясенный безрассудством сделанной ставки, чудовищностью последствий

в случае проигрыша, Мэллори не находил ни малейшего утешения в пестроте собравшейся на скачки толпы. Алчный, многоголосый рев, взорвавшийся, как только лошади взяли старт, окончательно переполнил чашу его терпения.

Он ушел — едва ли не сбежал — с трибуны в надежде стряхнуть нервное напряжение. У перил, огораживавших финишную прямую, скопились десятки повозок и сотни людей, вопивших во всю глотку, когда мимо них проносились лошади. Здесь толпились люди победнее, не желавшие выкладывать шиллинг за место на трибунах, а заодно и те, кто честным или бесчестным способом зарабатывал на них деньги: наперсточники, цыгане, карманники. Мэллори принялся протискиваться к краю толпы, в надежде немного отдышаться.

И тут его ни с того ни с сего пронзила пугающая мысль: не потерялись ли квитанции; он застыл как вкопанный и начал судорожно рыться в карманах.

Нет, вот они, эти синие листочки, его билеты к катастрофе.

Мэллори двинулся дальше — и чуть не попал под копыта двух запряженных в открытую коляску лошадей. Взбешенный и негодующий, он

схватился за упряжь ближайшей лошади, устоял кое-как на ногах и начал на чем свет стоит честить раззяв, которые едут прямо на людей.

Рядом с его головой щелкнул кнут. Встав на козлы, возница пытался выбраться из толпы. Синий, до рези в глазах яркий костюм, большой искусственный рубин в узле шелкового, цвета лососины галстука — возница явно принадлежал к племени ипподромных пижонов. Под уродливо вздутым лбом, чью мертвенную бледность еще более подчеркивали темные растрепанные волосы, беспокойно бегали мрачные, лихорадочно поблескивающие глаза — колоритный малый словно смотрел всюду сразу. Всюду — кроме беговой дорожки, приковавшей к себе внимание толпы. Странный тип, странный возница двух не менее странных пассажирок.

Лицо первой было скрыто вуалью, одета она была в темное, почти мужское платье и держала в руках длинный деревянный ящик, нечто вроде футляра для инструментов. Когда коляска застряла, эта женщина поднялась на ноги, уцепилась, пьяно пошатываясь, за дверцу и попыталась выйти; ящик свой она перехватила под мышку. Намерение осталось неосуществленным — спутница рванула ее за локоть и усадила на место.

Мэллори изумленно наблюдал за происходящим. Дело в том, что второй в коляске была рыжеволосая девица в аляповатом наряде, уместном разве что в трактире или того похуже. Ее хорошенькое размалеванное личико было отмечено печатью мрачной, неколебимой решимости.

Прямо на глазах у Мэллори рыжая девка ударила даму костяшками согнутых пальцев под ребра, ударила умело, жестоко и почти незаметно. Таинственная дама сложилась пополам и рухнула на сиденье.

Безобразная сцена взывала к немедленному действию. Мэллори бросился к коляске и распахнул лакированную дверцу.

— Что это значит? — гневно воскликнул он.

— Мотай отсюда, — нежно посоветовала девица.

— Я видел, как вы ударили эту даму. Да как вы смеете?

Коляска дернулась, едва не сбив Мэллори с ног, однако он быстро оправился, рванулся вперед и схватил даму за руку. Под темной вуалью угадывалось округлое, нежное — и неестественно сонное, почти летаргическое лицо.

— Немедленно остановитесь!

Не совсем, видимо, сознавая, что коляска дви-

жется, дама поднялась на ноги, снова попыталась выйти — и снова пошатнулась. Взглянув на свои руки, она увидела ящик и передала его Мэллори, передала легко и естественно, словно госпожа — слуге.

Мэллори споткнулся, обеими руками сжимая неудобный ящик. В толпе раздались возмущенные возгласы — восседавший на козлах пижон гнал, не разбирая дороги, прямо на людей. Коляска снова остановилась, лошади всхрапывали и тянули постромки.

Дрожа от ярости, пижон отбросил кнут, спрыгнул на землю и двинулся к Мэллори, бесцеремонно расталкивая привлеченных скандалом зевак. По дороге он выхватил из кармана квадратные розовые очки и нацепил их на скрытые напомаженными волосами уши. Остановившись перед Мэллори, пижон расправил покатые плечи и приказал:

— Верните эту вещь.

Рука, повелительно указывающая на ящик, была затянута в канареечно-желтую, под стать остальному наряду перчатку.

— А в чем, собственно, дело? — возмутился Мэллори.

— Отдай, или хуже будет.

Мэллори окинул плюгавого наглеца изумленным взглядом. Он бы, пожалуй, рассмеялся, если бы не заметил в бегающих за квадратными очками глазах сумасшедшего блеска, присущего рабам лауданума.

— Мадам, — сказал Мэллори, неторопливо устанавливая ящик на землю между заляпанными грязью ботинками, — вы можете сойти с коляски без малейших опасений. Эти люди не имеют права принуждать вас…

Пижон сунул руку под умопомрачительно синий сюртук и рванулся вперед. Мэллори отбросил его толчком ладони и тут же почувствовал, как что-то обожгло ему левую ногу.

Пижон едва не упал, взвыл от ярости и снова пошел в атаку; в руке его узко блеснула сталь.

Мэллори принадлежал к практикующим последователям системы научного боксирования мистера Шиллингфорда. В Лондоне он еженедельно спарринговал в одном из гимнастических залов Королевского общества, а за месяцы, проведенные в дебрях Северной Америки, успел близко познакомиться с самыми грязными приемами драки.

Ребром левой ладони он отбил держащую стилет руку, а правым кулаком ударил противника

в зубы.

Сверкнул, падая на утоптанную землю, узкий обоюдоострый клинок с рукоятью из черной гуттаперчи. Коротышка сплюнул сгусток крови, но все же не утратил боевого задора; дрался он агрессивно, но, по счастью, неумело. Мэллори принял первую стойку Шиллингфорда и встретил ипподромного жучка — а кем, собственно, мог еще быть этот тип? — ударом в голову.

Теперь толпа, отпрянувшая при первом обмене ударами и блеске стали, сомкнулась вокруг дерущихся; внутреннее кольцо состояло по преимуществу из рабочих и жуликов. Народ крепкий и веселый, они были в восторге от неожиданного развлечения. Когда Мэллори достал противника своим любимым прямым в челюсть, болельщики подхватили того под руки и толкнули назад, прямо под следующий удар. Пижон рухнул на землю, нежно-оранжевый шелк его галстука был залит кровью.

— Я тебя уничтожу! — прохрипел поверженный герой. Один из его зубов, верхний глазной, торчал окровавленным осколком.

— Берегись! — послышался чей-то крик.

Мэллори повернулся. Рыжеволосая стояла прямо у него за спиной, глаза ее бешено расши-

рились, а в руке что-то блестело — стеклянный, вроде бы, пузырек. Заметив, что взгляд девицы метнулся вниз, Мэллори мгновенно заступил между нею и продолговатым деревянным ящиком. После нескольких секунд игры в гляделки, когда девица, казалось, взвешивала шансы, она поспешила к нокаутированному пижону.

— Я тебя уничтожу! — повторил тот и снова сплюнул кровь.

Рыжая девица помогла своему дружку подняться на ноги. Толпа свистела, обзывала его трусом и пустобрехом.

— Попробуй, — предложил, показывая кулак, Мэллори.

Сильно помятый красавчик взглянул на Мэллори со звериной, бездонной ненавистью, тяжело оперся о плечо девицы и исчез вместе с ней в толпе. Мэллори торжествующе подхватил ящик, повернулся и стал проталкиваться сквозь кольцо хохочущих мужчин; кто-то от полноты души шарахнул его по спине.

Он подошел к коляске и шагнул внутрь, в потертый бархат и кожу. Шум толпы стихал — заезд закончился, победитель известен.

Дама обвисла на обтрепанном сиденье, ее вуаль чуть колыхалась. Мэллори быстро оглянулся,

опасаясь нападения, но увидел только равнодушную толпу; окружающее странным образом преобразилось, мгновение застыло, будто он видел дагерротип, запечатлевший малейшие оттенки светового спектра.

— Где моя компаньонка? — Голос дамы звучал тихо и почти безразлично.

— А кто она такая, эта ваша компаньонка, мадам? — Голова у Мэллори немного кружилась, левая штанина насквозь пропиталась кровью. — Не думаю, чтобы ваши друзья сколько-нибудь подходили для сопровождения леди…

Он тяжело опустился на сиденье, зажал рану ладонью и попытался разглядеть скрытое вуалью лицо. Замысловато уложенные локоны, светлые и, похоже, тронутые сединой, свидетельствовали о неустанных заботах хорошей камеристки. И было в этом лице что-то до странности знакомое.

— Я вас знаю, мадам? — спросил Мэллори. Ответа не последовало.

— Могу я вас проводить? — предложил он. — У вас есть здесь *приличные* друзья, мадам? Кто-нибудь, кто мог бы о вас позаботиться?

— Королевская ложа, — пробормотала женщина.

— Вы желаете пройти в королевскую ложу?

Потревожить королевскую семью, свалив им на голову эту сумасшедшую, — подобная идея выходила за рамки разумного, но затем Мэллори подумал, что там непременно дежурят полицейские, каковые, собственно, и обязаны заниматься подобными историями. Так что не будем спорить с этой несчастной.

— Прекрасно, мадам. — Мэллори сунул ящик под мышку, другую же руку галантно предложил даме. — Мы немедленно проследуем в королевскую ложу. Идемте.

Слегка прихрамывая, Мэллори повел странную незнакомку сквозь бурлящий людской поток к трибунам. По дороге дама немного пришла в себя. Ее рука покоилась на его локте легко, как паутинка.

Мэллори ждал, пока царящий кругом гвалт хоть слегка поутихнет. Такой момент представился, когда они совсем уже подошли к белой колоннаде трибун.

— Разрешите мне представиться, мадам? Меня зовут Эдвард Мэллори. Член Королевского общества, палеонтолог.

— Королевское общество, — рассеянно повторила женщина, голова ее покачивалась, как бутон на стебле. Затем она пробормотала что-то еще.

— Прошу прощения?

— Королевское общество! Мы обескровили все тайны мироздания…

Мэллори слегка ошалел.

— Фундаментальные соотношения науки о гармонии, — голос очень культурный, очень спокойный и безмерно усталый, — допускают механическое отображение, что дает возможность создавать нетривиальные научные музыкальные произведения любой степени сложности и продолжительности.

— Конечно, конечно, — попытался успокоить ее Мэллори.

— Я полагаю, джентльмены, — прошептала женщина, — что результаты моих изысканий вас не разочаруют. Мои стройные, послушные войска смогут — на свой манер — достойно служить правителям земли. Но из какого же материала должны состоять мои армии? Огромные *множества* чисел.

Она лихорадочно схватила Мэллори за руку.

— Мы неудержимо двинемся под звуки *музыки.* — В ее голосе звучала странная горячечная убежденность. — Тайна сия велика есть. Разумеется, мои войска будут состоять из множества *чисел*, иначе невозможно. Но что же это должны

быть за числа? Есть такая загадка…

— Это ваш ларец, мадам? — спросил Мэллори в надежде, что вид знакомого предмета вернет незнакомку в реальный мир.

Однако боевой трофей рыцарственного палеонтолога не вызвал у нее ничего, кроме легкого недоумения. Если бы не полное отсутствие резьбы и прочих украшений, этот аккуратный, с латунными накладками ящичек из полированного розового дерева и вправду мог бы служить ларцом для перчаток. Узкая длинная крышка запиралась на пару крохотных латунных крючков. Странная особа провела по крышке пальцем, словно убеждая себя в физическом существовании этого объекта и явственно вздрогнула. Судя по всему, ящичек напомнил ей о недавних — и совсем еще не завершившихся — неприятностях.

— Вы сохраните его, сэр? — Это была не просьба, а мольба. — Вы возьмете его себе, на время?

— Разумеется! — не мог не растрогаться Мэллори. — Разумеется, сохраню. Пусть эта вещь лежит у меня сколько угодно.

Они медленно пробирались к лестнице королевской ложи. Ногу Мэллори обжигала резкая боль, штанина стала липкой от крови, голова кружилась сильнее, чем следовало бы при такой

пустячной ране — что-то в странных словах и еще более странном поведении женщины вышибло его из равновесия. Или, мелькнула неприятная мысль, стилет был намазан каким-то ядом. Мэллори уже жалел, что не прихватил его для анализа. Быть может, эту женщину тоже накачали какими-то наркотиками, чем объясняется ее кажущееся безумие. Быть может, он расстроил какой-то план похищения…

Внизу расчищали дорожку для гонки пароходов. Пять массивных машин — и крошечный «Зефир» — занимали свои места. Мэллори остановился, не в силах оторвать глаз от стального головастика, с которым он по собственной глупости связал свою судьбу; в тот же самый момент женщина выпустила его руку и устремилась к сверкающим свежей побелкой стенам королевской ложи.

Удивленный Мэллори бросился, прихрамывая, в погоню. У входа женщину притормозили охранники — двое полицейских в штатском, очень высокие и, похоже, хорошо тренированные. Легким, привычным жестом женщина откинула вуаль, и Мэллори разглядел наконец ее лицо.

Это была Ада Байрон, дочь премьер-министра. Леди Ада Байрон, королева вычислительных

машин.

Она проскользнула мимо охранников и исчезла за дверью, даже не обернувшись, без единого слова благодарности. Мэллори со все тем же ящиком в руках поспешил за ней следом.

— Подождите! — крикнул он. — Ваша светлость!

— Минутку, сэр. — Один из полицейских — тот, что повыше, — вскинул мясистую ладонь и оглядел Мэллори с головы до ног, не обойдя вниманием ни деревянного ящика, ни мокрой от крови штанины. Его верхняя губа чуть скривилась. — Вы приглашены в королевскую ложу?

— Нет, — торопливо заговорил Мэллори, — но вы должны были видеть, как сюда только что вошла леди Ада. С ней случилось нечто ужасное, и мне кажется, она сейчас не совсем в себе. Я смог оказать ей некоторую помощь…

— Ваше имя и фамилия, сэр? — рявкнул второй полицейский.

— Эдвард… Миллер. — В последнее мгновение Мэллори почувствовал какой-то странный холодок и решил воздержаться от излишней — и опасной — откровенности.

— Вы позволите взглянуть на ваше удостоверение личности, мистер Миллер? — спросил

первый полицейский. — Что это у вас там? Если вы не возражаете, я хотел бы заглянуть внутрь?

Мэллори прижал ящик к груди и попятился. Полицейский смотрел на него брезгливо и с подозрением — смесь крайне неустойчивая и опасная.

Снизу, с беговой дорожки, донесся грохот. Из разошедшегося шва итальянской машины вырвался столб пара, на трибунах возникла небольшая паника. Мэллори воспользовался случаем и заковылял прочь; полисмены не стали его преследовать — не решившись, по всей видимости, оставить пост.

Раненая нога мешала идти быстро, но его подгоняло желание поскорее затеряться в толпе. Движимый непонятным страхом, предчувствием какой-то опасности, он затолкал полосатую кепку в карман.

Удалившись от королевской ложи на почтительное расстояние, Мэллори нашел свободное место и сел; окованный латунью ящик он пристроил себе на колени. Дырка в штанине оказалась совсем маленькой, однако кровь все еще текла. Садясь, Мэллори болезненно поморщился и прижал к ране ладонь.

— Вот же зараза, — просипел сзади мужской

голос, полный пьяной самоуверенности. — Этот фальстарт сорвет давление. Тут все дело в теплоемкости. А значит, победит тот, у кого самый большой котел.

— Ну и кто же это будет? — поинтересовался его спутник, по всей видимости сын.

Сиплоголосый зарылся в программку гонок.

— «Голиаф», владелец лорд Ханселл. Точно такая же машина выиграла и прошлогодние гонки.

Мэллори глянул вниз, на изрытую подковами дорожку. Водителя итальянской машины уносили на носилках, после того как не без труда извлекли из тесной кабины. Столб пара стал заметно ниже, но все еще застилал трибуны. К безжизненному металлическому остову спешили служители с упряжкой лошадей.

Из труб остальных машин вырывались острые белые струйки пара. Весьма впечатляла дымовая труба «Голиафа», увенчанная ослепительно надраенной медной короной; рядом с ней хрупкая, укрепленная растяжками труба «Зефира», имевшая в поперечном сечении все ту же каплевидную, обтекаемую форму, казалась совсем игрушечной.

— Жуткое дело! — высказался тот, что по-

моложе. — Этому бедному иностранцу, ему ж наверняка голову снесло взрывом, это уж и к бабке не надо.

— Черта с два! — возразил старший. — У него же вон какой шлем был.

— Так он же не шевелится, сэр.

— Если итальянцы не понимают в технике, им тут делать нечего, — презрительно заметил старший.

Ломовые лошади оттащили вышедший из строя пароход в сторону; заскучавшие было зрители ожили.

— А вот теперь мы увидим настоящее соревнование! — сказал старший.

Мэллори, ожидавший начала гонки с не меньшим, чем сосед, напряжением, неожиданно для себя обнаружил, что открывает загадочный ящик; его большие пальцы подняли латунные крючки, словно по собственной воле. Обклеенный изнутри зеленым сукном ящик был плотно набит тонкими молочно-белыми пластинками. Мэллори вытащил одну из них наугад, примерно из середины пачки. Машинная перфокарта, изготовленная по французским стандартам, только вот материал какой-то странный, неестественно гладкий и упругий. В углу карточки виднелись

цифры, написанные бледно-лиловыми чернилами: #154.

Мэллори аккуратно вернул карточку на место и захлопнул крышку.

Взмах флажка — и машины сорвались с места.

Лидировали «Голиаф» и французский «Вулкан». Непредвиденная задержка *(фатальная*задержка, с тоской подумал Мэллори) охладила крохотный котел «Зефира», вызвав тем самым непоправимую уже потерю энергии. «Зефир» катился в кильватере более крупных машин, комично подскакивая на глубоко перепаханной их колесами колеях. Судя по всему, Честертону никак не удавалось набрать мощность.

Мэллори ничуть этому не удивлялся и ни на что больше не надеялся.

На первом же повороте началась борьба между «Вулканом» и «Голиафом», еще три машины чуть поотстали и катились ровной, как на параде, колонной. Наперекор всякому здравому смыслу «Зефир» выбрал для поворота самый длинный путь — по наружной кромке, далеко за пределами колеи своих конкурентов. Создавалось впечатление, что мастер второй ступени Генри Честертон, сидевший за рулем крохотной машины, просто свихнулся. Мэллори наблюдал за происходящим

со спокойствием конченого человека.

А потом «Зефир» совершил невообразимый рывок. С непринужденной, сказочной легкостью он обошел всех остальных и выскользнул вперед, как арбузное семечко из плотно сжатых пальцев. На полумильном повороте его хвостовое колесико почти оторвалось от земли, но самое неожиданное произошло на финальной прямой: небольшой бугорок сыграл роль трамплина, и вся машина взмыла в воздух. Затем огромные, бешено вращающиеся колеса снова коснулись дорожки, раздался металлический скрежет, к небу взлетели клубы пыли. Только теперь Мэллори заметил, что над трибунами повисло гробовое молчание.

Ни одного выкрика, ни одного свистка — даже в тот момент, когда «Зефир» пересекал финишную черту. Затем он заскользил юзом и остановился, несколько раз подпрыгнув на выбоинах, оставленных колесами соперников.

Прошли целых четыре секунды, прежде чем ошеломленный судья махнул флажком. «Голиаф» и прочие стальные мастодонты еще только проходили поворот трека в добрых ста ярдах позади.

Потрясенные трибуны взорвались ревом — не столько радости, сколько полнейшего неверия и

даже какого-то странного гнева.

Генри Честертон выбрался из кабины. Закинув назад концы длинного белого шарфа, он небрежно прислонился к сверкающей обшивке «Зефира» и с холодным высокомерием стал наблюдать, как остальные машины, ожесточенно пыхтя, подползают к финишной черте. За эти немногие секунды они постарели на столетия. Мэллори смотрел на них, как на живые окаменелости.

Он опустил руку в карман. Квитанции были в полной сохранности. Материальная природа их ничуть не изменилась, но теперь эти маленькие синие бумажки неопровержимо свидетельствовали о выигрыше в четыреста фунтов. Нет, в *пятьсот* — пятьдесят из которых предстояло передать главному победителю мистеру Майклу Годвину.

В ушах Мэллори, среди все нарастающего гула толпы, прозвучал чей-то голос.

— Теперь я богат, — спокойно произнес этот голос. Его собственный голос. Теперь он был богат.

* * *

Перед нами светский дагерротип, один из тех, которые распространялись представителями британской аристократии в узком кругу друзей

и знакомых. Предполагаемым автором является Альберт, принц-консорт, человек, чей общеизвестный интерес к науке обеспечил ему тесные, доверительные отношения с радикалистской элитой Британии. Размеры помещения и богатство драпировок заднего плана укрепляют в мысли, что съемка производилась в Виндзорском замке, в личном фотографическом салоне принца Альберта.

На снимке изображены Ада Байрон, а также ее компаньонка и суа-дизан [54] чапероне, леди Мэри Сомервилл [55]. Лицо леди Сомервилл, автора трактата «О единстве физических наук» и переводчицы «Небесной механики» Лапласа, выражает отрешенное смирение женщины, свыкшейся с экстравагантными выходками своей более молодой компаньонки. На обеих женщинах — позолоченные сандалии и белые

---

[54] Примечания: 54

Soi-disant (фр.) — самозваный.

[55] Примечания: 55

Мэри Сомервилл — Мэри Ферфакс Грейг Сомервилл (1780–1872), английский ученый, математик и переводчик. Урожденная Мэри Ферфакс, дочь вице-адмирала Уильяма Ферфакса, замужем сперва за генконсулом России в Великобритании своим троюродным братом Сэмюэлем Грейгом (сыном адмирала Сэмюэля Грейга, главнокомандующего русским флотом при Екатерине), затем за флотским хирургом доктором Уильямом Сомервиллом. Первая женщина, избранная в Королевское астрономическое общество. Учитель и друг Ады Байрон, познакомившая ее с Чарльзом Бэббиджем.

мантии, несколько напоминающие греческие тоги, но с заметным привкусом французского неоклассицизма. В действительности, это орденская форма женщин, принадлежащих к «Обществу Света», тайному внутреннему органу и основному проводнику международной пропаганды промышленной радикальной партии. На голове пожилой миссис Сомервилл — бронзовый ободок, украшенный астрономическими символами, тайный знак высокого положения, этой фам-савант [56] в европейских научных советах.

Леди Ада, чьим единственным украшением является перстень с печаткой на указательном пальце правой руки, возлагает лавровый венок на мраморный бюст Исаака Ньютона. Несмотря на тщательно выбранную точку съемки, странное одеяние не льстит леди Аде, и ее лицо отражает внутреннее напряжение. В конце июня 1855 года, когда был сделан данный дагерротип, леди Аде было сорок лет. Незадолго до того она потеряла значительную сумму денег на скачках, но есть основания полагать, что эти игорные долги, хорошо известные в кругу ее близких друзей, просто маскируют исчезновение еще больших

[56] Примечания: 56
Femme savante (фр.) — женщина-ученый.

сумм, скорее всего — выманенных у нее посредством шантажа.

Она — королева вычислительных машин, заклинательница чисел. Лорд Бэббидж называл ее «маленькая Ада». Она не играет никакой официальной роли в правительстве, а краткий расцвет ее математического гения остался уже в прошлом. Но в то же самое время она, по всей видимости, является основным связующим звеном между своим отцом, великим оратором промышленной радикальной партии, и Чарльзом Бэббиджем, серым кардиналом и виднейшим социальным теоретиком.

Ада — мать.

Ее мысли сокрыты.

ИТЕРАЦИЯ ТРЕТЬЯ

ПЛАЩ И КИНЖАЛ

Представьте себе Эдварда Мэллори, поднимающегося по центральной лестнице Дворца палеонтологии, лестнице воистину великолепной. Массивные, черного дерева перила покоятся на кованой решетке с орнаментом из древних папоротников, китайских гинкго и цикад.

Заметим далее, что следом за ним шагает краснолицый носильщик с дюжиной глянцевых свертков — плодом длительного, методичного обхода лондонских магазинов. Навстречу Мэллори спускается лорд Оуэн [57], личность весьма корпулентная, с перманентно брюзгливой миной на лице и столь же перманентно слезящимися глазами. Глаза выдающегося анатома пресмыкающихся похожи на устриц, думает Мэллори. На устриц, изъятых из раковин и приготовленных

---

[57] Примечания: 57

Оуэн, Ричард (1804–1892) — английский анатом, зоолог и палеонтолог, ярый оппонент Дарвина. Первым описал археоптерикса (1863) — однако, как выяснилось в 1954 г., допустил при этом несколько грубейших ошибок: например, перепутал местами грудь и спину, а также не отметил отсутствия киля (это означало, что археоптерикс не мог махать крыльями — только планировать) и формы черепа, близкой к рептилиям.

к расчленению. Мэллори приподнимает шляпу. Оуэн в ответ бормочет нечто неразборчивое, что можно принять за приветствие.

Сворачивая на первую лестничную площадку, Мэллори замечает группу студентов, расположившуюся у открытого окна; студенты мирно беседуют, а тем временем над гипсовыми чудищами, украшающими сад камней Дворца, опускаются сумерки.

Вечерний бриз колышет длинные льняные занавески.

Мэллори повернулся перед зеркалом платяного шкафа — правым боком, левым, потом опять правым. Расстегнув сюртук, он засунул руки в карманы брюк, чтобы лучше был виден жилет с узором из крохотных синих и белых квадратиков. «Клетка Ады» — называли такой рисунок портные, поскольку создала его сама Леди, запрограммировав станок Жаккарда так, чтобы он ткал чистейшую алгебру. Жилет — это главный штрих, подумалось Мэллори, хотя к нему чего-то еще не хватает, возможно — трости. Щелкнув крышкой серебряного портсигара, он предложил господину в зеркале дорогую сигару. Прекрасный жест, но невозможно же таскать с собой серебряный портсигар, как дамскую муфту; это уже будет

полный моветон.

От переговорной трубы, чей раструб выступал из стены в непосредственном соседстве с дверью, донесся резкий металлический стук. Мэллори пересек комнату и откинул медную, покрытую с оборота резиной, заслонку.

— Мэллори слушает! — крикнул он, наклонившись.

— К вам посетитель, доктор Мэллори, — прозвучал призрачный, бестелесный голос дежурного. — Послать вам его карточку?

— Да, пожалуйста!

Мэллори, не привыкший обращаться с решеткой пневматического устройства, завозился с позолоченной задвижкой. Черный гуттаперчевый цилиндр снарядом вылетел из трубы, пересек по параболе комнату и врезался в стенку. Подобрав его, Мэллори равнодушно отметил, что оклеенная обоями стена покрыта десятками вмятин. Открутив крышку цилиндра, он вытряхнул его содержимое. «Мистер Лоренс Олифант

[58], — гласила надпись на роскошной кремовой карточке. — Журналист и литератор». Адрес на Пикадилли и телеграфный номер. Журналист довольно видный, если судить по карточке.

Дилетант. Вполне возможно, что у его семьи хорошие связи. По большей части такие ретивые пустозвоны совершенно бесполезны для науки.

— В Географическом, доктор Мэллори, — начал Олифант, — идут сейчас ожесточенные споры относительно предмета исследований. Вы, вероятно, знакомы с этой полемикой?

— Я был за границей, — ответил Мэллори, — и не в курсе многих новостей.

— Без сомнения, вас занимала собственная научная полемика, — понимающе улыбнулся Олифант. — Катастрофа против единообразия.

---

[58] Примечания: 58

Лоренс Олифант (1829–1888) — английский писатель, путешественник, мистик и вообще крайне колоритная личность. Сын британского государственного служащего, много путешествовал; первые его самостоятельные странствия послужили основой для книг «Путешествие в Катманду» (1852) и «Русские берега Черного моря осенью 1852 года, с путешествием по Волге, а также через страну Донских казаков» (1853). Служил секретарем при дипломате графе Элджине, военным корреспондентом «Тайме», неофициальным наблюдателем и первым секретарем британской миссии в Японии (в каковом качестве получил в 1861 г. ранение, когда токийские самураи атаковали миссию). Его «Рассказ о миссии графа Элджина в Китай и Японию» (1859) — захватывающее изложение «политики канонерок» XIX в. В1865 г. выпустил сатирический роман «Пикадилли: Фрагмент современной биографии» и в том же году избирается в парламент от консерваторов. Однако в 1867 г. вступает вместе с матерью (и несколькими учившимися в

Лондоне японскими студентами) в «Братство общей жизни» — утопическую коммуну, организованную Томасом Лейком Харрисом в штате Нью-Йорк. Олифант предоставляет в распоряжение Харриса все свое состояние (по причине, как иногда полагают, умственного расстройства, вызванного наследственным сифилисом). В 1881 г. порывает с Харрисом и годом позже основывает в Хайфе собственную утопическую коммуну — вместе со своей второй женой, дочерью утописта Роберта Оуэна. В 1878 г. предложил премьер-министру Дизраэли план еврейской колонизации Палестины, поддержанный британским МИДом и восточно-европейскими евреями, — но не турецким султаном, во владении которого находилась Палестина.

Радвик не раз высказывался по этому вопросу. И весьма, скажу я вам, горячо.

— Сложная проблема, — пробормотал Мэллори. — Более чем запутанная.

— Лично мне доводы Радвика кажутся довольно шаткими, — небрежно бросил Олифант — к приятному удивлению Мэллори; почтительное внимание, светившееся в глазах журналиста, также приятно щекотало самолюбие не избалованного поклонниками ученого. — Позвольте мне подробнее разъяснить цель моего визита. У нас в Географическом некоторые полагают, что много разумнее было бы не лезть в Африку на поиски истоков Нила, а обратиться к изучению истоков нашего собственного общества. Почему мы должны ограничивать исследования физической географией, когда существует столько проблем географии политической и даже моральной, проблем, не только не разрешенных, но даже плохо еще сформулированных?

— Весьма любопытно, — кивнул Мэллори, совершенно не понимая, к чему клонит его собеседник.

— Как выдающийся исследователь, — продолжил Олифант, — что бы вы ответили на предложение такого, примерно, рода... — Он

словно разглядывал некую пылинку, повисшую где-то на полпути между ним самим и собеседником. — Предположим, сэр, что требуется исследовать не бескрайние просторы Вайоминга, а некий определенный уголок нашего Лондона…

Мэллори тупо кивнул. А в своем ли он уме, этот Олифант?

— Не следует ли нам, сэр, — в голосе журналиста появилась дрожь с трудом сдерживаемого энтузиазма, — провести абсолютно объективные, чисто статистические исследования? Не следует ли нам изучить общество с невиданной прежде точностью и подробностью? Выводя тем самым новые принципы — из бесчисленных актов взаимодействия людей; из самых потаенных перемещений денег; из бурного течения прохожих и экипажей по улицам… Предметы, которые мы неопределенно относим по ведомству полиции, здравоохранения, общественных служб — но подвергнутые тщательнейшему рассмотрению острым, ничего не упускающим глазом ученого!

Взгляд Олифанта пылал неподдельным энтузиазмом, ясно показывая, что вся его недавняя вялая расслабленность была напускной.

— В теории, — неуверенно начал Мэллори, — такой подход представляется весьма перспектив-

ным, но я сильно сомневаюсь, чтобы научные общества могли обеспечить машинное время, необходимое для столь обширного и амбициозного проекта. Как вспомнишь, сколько пришлось мне воевать, чтобы провести элементарную оценку напряжений в обнаруженных мною костях. На машинное время огромный спрос. Да и с чего бы это Географическое общество взялось за такое дело? С какой такой стати станут они разбрасываться деньгами, необходимыми для экспедиционной работы? Уж скорее прямой запрос в парламент…

— Правительству не хватает фантазии, интеллектуальной смелости, да и просто трезвой объективности.

Ну а если бы вам предложили машины полиции, а не того же Кембриджского института? Как бы вы к этому отнеслись?

— Вычислительные машины полиции? — поразился Мэллори. Идея показалась ему совершенно невероятной. — Ну зачем им делиться с кем-то своими машинами?

— Ночью их машины почти бездействуют, — улыбнулся Олифант.

— Бездействуют? — переспросил Мэллори. — Вот это уже крайне интересно. Но если эти

машины поставить на службу науке, мистер Олифант, легко ожидать, что другие, более неотложные проекты быстро съедят все свободное машинное время. Без мощной поддержки предложение вроде вашего просто не сможет пробиться к началу очереди.

— Но в принципе вы согласны? — не отставал Олифант. — Вас смущает только техническая сторона дела или что-нибудь еще? Были бы доступны ресурсы, а основную идею вы считаете интересной?

— Прежде чем активно поддержать такой проект, я должен ознакомиться с подробным рабочим планом. Кроме того, я сильно сомневаюсь, что мое слово будет иметь какой-то вес в Географическом обществе. Вы же знаете, что я не являюсь его членом.

— Вы преуменьшаете свою растущую славу, — возразил Олифант. — Избрание Эдварда Мэллори, открывателя сухопутного левиафана, пройдет в Географическом на ура.

Мэллори потерял дар речи.

— Вот, скажем, Радвик, — небрежно заметил Олифант. — После этой истории с птеродактилем он сразу стал действительным членом.

Мэллори неуверенно откашлялся.

— Я думаю, что стоит…

— Я почел бы за честь, если бы вы позволили мне заняться этим делом лично, — сказал Олифант. — Все пройдет без сучка без задоринки, уж это я вам обещаю.

Уверенный тон Олифанта не оставлял места сомнениям. Мэллори склонил голову перед неизбежным. Этот журналистик не оставил ему места для маневра, тем более что членством в богатом и могущественном Географическом обществе никак не стоило пренебрегать. Новая ступенька профессиональной карьеры. Он уже видел новую аббревиатуру, приписанную к своему имени: Мэллори, Ч.К.О., Ч.К.Г.О. [59]

— Это вы оказываете мне честь, сэр, — сказал Мэллори, — только слишком уж много из-за меня хлопот.

— Я питаю глубочайший интерес к палеонтологии, сэр.

— Удивлен, что подобный интерес проявляет автор путевых заметок.

Олифант сложил длинные пальцы домиком и

---

[59] Примечания: 59

Ч.К.О., Ч.К.Г.О. — принятые в Великобритании сокращения: Ч.К.О. — член Королевского общества (F.R.S. — Fellow of the Royal Society), Ч.К.Г.О. — член Королевского географического общества (F.R.G.S. — Fellow of the Royal Geographical Society)

поднес их к тщательно выбритой верхней губе.

— Доктор Мэллори, я обнаружил, что «журналист» — удобное расплывчатое обозначение, позволяющее заниматься любыми, пусть даже крайне необычными исследованиями. По натуре своей я человек широких, хоть и прискорбно поверхностных интересов. — Он патетически развел руками. — Я прилагаю все свои силы, чтобы служить истинным ученым, при том что собственное мое положение во внутренних кругах великого Географического кажется мне не очень заслуженным, да я к нему никогда и не стремился. Внезапная слава может иметь самые неожиданные последствия.

— Должен сознаться, что я не знаком с вашими сочинениями, — смутился Мэллори. — Я был на другом континенте и основательно запустил чтение. Надо понимать, ваши книги имели большой успех.

— Да при чем тут книги? — удивился Олифант. — Я участвовал в этой истории с Токийской миссией. В Японии. В конце прошлого года.

— Кошмарный эпизод в нашем посольстве, так, кажется? Кого-то там вроде ранили? Я тогда был в Америке…

Олифант помедлил, потом согнул левую руку

и оттянул безупречный манжет. Чуть повыше кисти, на внешней ее стороне, краснел длинный узкий, затянутый сморщенной кожей шрам. Ножевой порез. Хуже того — удар саблей, прямо по сухожилиям. Только тут Мэллори заметил, что два пальца на левой руке Олифанта скрючены и не двигаются.

— Так это были вы! Лоренс Олифант, герой Токийской миссии! Вот теперь все встало на место. — Мэллори погладил бороду. — Напрасно на вашей карточке нет *этого*, тогда бы я сразу вас вспомнил.

Олифант опустил рукав, вид у него был несколько смущенный.

— Шрам от японского меча — довольно необычное удостоверение личности…

— Теперь я вижу, сэр, что ваши интересы действительно разнообразны.

— Иногда приходится заниматься самыми неожиданными делами. В интересах нации, каковы бы они ни были. Да вы и сами прекрасно знакомы с подобными ситуациями.

— Боюсь, я не совсем вас понимаю…

— Профессор Радвик, *покойный*профессор Радвик был достаточно близко знаком с такими делами. Теперь Мэллори понял смысл намеков

Олифанта.

— В вашей карточке, сэр, вы значитесь журналистом. Подобные вещи с журналистами не обсуждают.

— Боюсь, — вежливо улыбнулся Олифант, — ваша тайна давно не является тайной. Ее знают участники вайомингской экспедиции. Пятнадцать человек, далеко не все они умеют держать язык за зубами. Люди Радвика тоже знали о его тайной деятельности. И те, кто все это организовал, кто просил вас исполнить их замыслы, тоже знают.

— А откуда, сэр, это известно *вам?*

— Я расследовал убийство Радвика.

— И вы думаете, что смерть Радвика связана с его… С его деятельностью в Америке?

— Не думаю, а *знаю.*

— Прежде чем продолжить эту беседу я хотел бы несколько прояснить ситуацию, мистер Олифант. О какой такой «деятельности» вы все время говорите? Кто ее «организовал» и «просил исполнить их замыслы»?

— Прекрасно, — пожал плечами Олифант. — Я говорю об официальной организации, которая уговорила вас заняться контрабандой. Вооружить американских дикарей самострельными

винтовками.

— И название этой организации?

— Комиссия по свободной торговле Королевского общества, — устало вздохнул Олифант. — Они существуют — официально — для изучения международных торговых отношений. Пошлины, инвестиции и все такое прочее. Боюсь, однако, что их амбиции несколько выходят за рамки официальных полномочий.

— Комиссия по свободной торговле — вполне законный орган правительства.

— В дипломатических кругах, доктор Мэллори, ваши действия могут быть расценены как нелегальная попытка вооружить врагов нации, с которой Британия официально не находится в состоянии войны.

— Судя по всему, — гневно начал Мэллори, — вы относитесь с большим недоверием и даже неодобрением к…

— …контрабанде оружия. Я прекрасно понимаю, что она была, есть и будет. — Олифант замолк и снова оглядел гостиную. — Вот только заниматься ей должны соответствующие службы, а не добровольцы-энтузиасты с преувеличенными представлениями о своей роли в международной политике.

— Вам не нравится участие в этой игре любителей? Олифант встретился с Мэллори взглядом, но промолчал.

— И вы, мистер Олифант, предпочитаете профессионалов. Людей вроде вас.

— *Профессиональное* агентство не бросает своих людей на произвол судьбы. — Олифант подался вперед, поставил локти на колени и чуть сощурился. — И не допускает, мистер Мэллори, чтобы иностранные агенты выпускали им кишки — да еще в самом сердце Лондона. Как ни печально, сэр, но и вы попали в аналогичное положение. Комиссия по свободной торговле не будет вам более помогать, сколь бы успешно ни выполняли вы их задания в прошлом. Вас даже не известили, что вашей жизни угрожает опасность. Или я не прав, сэр?

— Фрэнсис Радвик был убит в драке, в притоне для крысиных боев. И это было давно.

— Это было в январе — прошло только пять месяцев. Радвик вернулся из Техаса, где он втайне вооружал племя команчей винтовками, поставленными вашей Комиссией. В ночь, когда убили Радвика, некто совершил покушение на жизнь бывшего президента Техаса. Президент Хьюстон чудом спасся, буквально чудом. Его секретарь,

британский гражданин, был зверски зарезан. Убийца все еще разгуливает на свободе.

— Вы думаете, что Радвика убил техасец?

— Почти уверен. Деятельность Радвика малоизвестна здесь, в Лондоне, но не составляет тайны для несчастных техасцев, которые регулярно извлекают британские пули из трупов своих товарищей.

— Мне кажется, вы понимаете наши действия крайне превратно и однобоко. — Мэллори с трудом сдерживал закипающую ярость. — Если бы не оружие, они не стали бы нам помогать. Без помощи шайенов прокопались бы там многие годы…

— Сомневаюсь, — качнул головой Олифант, — чтобы ваши доводы убедили техасского рейнджера. Или нашу прессу.

— У меня нет намерения обсуждать эти вопросы с прессой, и я крайне сожалею о нашей с вами беседе. Я плохо понимаю, почему вы относитесь к Комиссии с таким предубеждением.

— Я знаю о Комиссии гораздо больше, чем мне хотелось бы. Я пришел сюда, чтобы предупредить вас, доктор Мэллори, а не за информацией. Это я говорил слишком открыто — по необходимости, поскольку топорная работа Комиссии поставила

вас в опасное положение, сэр.

Спорить было трудно.

— Серьезный аргумент, — кивнул Мэллори. — Вы предупредили меня, сэр, и я благодарен вам за это. — Он на секунду задумался. — Но при чем тут Географическое общество, мистер Олифант? Оно-то здесь каким боком?

— Наблюдательный путешественник может послужить интересам своей нации безо всякого ущерба для науки, — улыбнулся Олифант. — Географическое общество давно уже является важным источником разведывательных данных. Составление карт, морские маршруты…

— А ведь их вы не называете любителями, мистер Олифант, — мгновенно среагировал Мэллори. — Хотя они тоже рыщут в плащах и с кинжалами там, где не надо.

Повисло молчание.

— Они — наши любители, — сухо пояснил Олифант после довольно заметной паузы.

— Ив чем же конкретно заключается разница?

— Разница, доктор Мэллори, и вполне конкретная, заключается в том, что любителей Комиссии убивают.

Мэллори хмыкнул и откинулся на спинку кресла. Мрачная теория Олифанта не выглядела

такой уж безосновательной. Внезапная смерть Радвика, его соперника и самого сильного научного противника, всегда казалась ему слишком уж удачным подарком судьбы.

— А как он выглядит, этот ваш техасский убийца?

— По описаниям, это — высокий темноволосый мужчина крепкого сложения. Одет в широкополую шляпу и длинный светлый плащ.

— А это, случаем, не может быть плюгавый ипподромный ходок со лбом, как тыква, Мэллори тронул свою голову, — и стилетом в кармане?

— С нами крестная сила, — еле слышно выдавил Олифант.

Мэллори едва сдержал улыбку. Возможность привести этого лощеного шпиона в замешательство доставляла ему искреннее удовольствие.

— Он хотел пырнуть меня, этот малый, — сказал Мэллори, утрируя свой сассексский акцент. — В Эпсоме. На удивление мерзкий тип.

— И что же вы?

— Начистил паршивцу морду, что же еще? — пожал плечами Мэллори.

Олифант на секунду онемел, а затем весело расхохотался.

— А с вами, доктор Мэллори, не соскучишься.

— Тоже самое я мог бы сказать и о вас, сэр. — Мэллори чуть помедлил. — Однако следует заметить, что этот человек вряд ли охотился за мной. С ним была девица — *уличная*девица — и некая леди, с которой эти двое обращались до крайности грубо…

— Продолжайте, пожалуйста. Все это весьма любопытно.

— Боюсь, я не смогу сказать вам большего, — качнул головой Мэллори. — Упомянутая мною леди принадлежит к высшим кругам.

— Ваша тактичность, сэр, — ровно проговорил Олифант, — делает вам честь как джентльмену. Однако нападение с ножом — уголовное преступление, и весьма серьезное. Вы обратились в полицию?

— Нет, — ответил Мэллори, наслаждаясь еле сдерживаемым возбуждением Олифанта, — и все по той же причине. Я боялся скомпрометировать леди.

— Возможно, — задумчиво сказал Олифант, — все это было специально задумано, чтобы ваша смерть выглядела как результат заурядной драки на скачках. Нечто подобное было проделано с Радвиком — который умер, как вы помните, в крысином притоне.

— Сэр, — возмутился Мэллори, — Ада Байрон выше таких подозрений.

— Дочь премьер-министра? — поразился Олифант.

— А что, разве есть другая Ада Байрон?

— Нет, конечно же, нет. — Мгновенно появившееся напряжение мгновенно же и прошло, в голосе Олифанта появилась прежняя легкость. — Но, с другой стороны, есть немало женщин, похожих на леди Аду, ведь наша королева вычислительных машин является также и королевой моды. Тысячи женщин следуют ее вкусам.

— Я не был представлен леди Аде, мистер Олифант, однако видел ее на заседаниях Королевского общества. Я присутствовал на ее лекции по машинной математике. Я не мог ошибиться.

Олифант достал из кармана куртки кожаный блокнот и положил его на колено, достал и раскрыл самописку.

— Я бы очень просил вас рассказать об этом инциденте.

— Строго конфиденциально?

— Даю вам слово.

Мэллори представил настойчивому собеседнику несколько урезанную версию фактов — по возможности точно описал мучителей Ады и все

сопутствующие обстоятельства, однако тактично умолчал о деревянном ящике с французскими перфокартами из камфорированной целлюлозы. Он считал это частным делом двух лиц: леди попросила джентльмена сохранить принадлежащий ей предмет, джентльмен согласился — и теперь обязан свято выполнять свое обещание. Деревянный ящик с карточками, тщательно завернутый в белый мешочек для образцов, лежал среди окаменелых ископаемых в одном из личных шкафов Мэллори в Музее практической геологии, ожидая дальнейшего развития событий.

Олифант закрыл блокнот, убрал ручку и подал знак официанту. Узнав Мэллори, официант принес ему хакл-бафф; Олифант предпочел розовый джин.

— Мне бы хотелось свести вас кое с кем из моих друзей, — сказал Олифант. — В Центральном статистическом бюро хранятся обширные досье на преступников — антропометрические замеры, машинные портреты и тому подобное. Вполне возможно, что вы сумеете опознать напавшего на вас человека и его сообщницу.

— Прекрасно, — кивнул Мэллори.

— Кроме того, вам будет предоставлена поли-

цейская охрана.

— Охрана?

— Естественно, не из обычной полиции. Кто-нибудь из Особого бюро. Их люди весьма тактичны.

— Но я не хочу, чтобы какой-то фараон все время дышал мне в затылок! — возмутился Мэллори. — Что люди скажут?

— Я больше бы волновался о том, что они скажут, когда вас найдут в каком-нибудь закоулке со вспоротым животом. Двое известных ученых, двое специалистов по динозаврам, два загадочных убийства. Пресса будет в полном экстазе.

— Мне не нужно охраны. Я не боюсь этого мелкого сутенера!

— Возможно, этот тип и вправду не стоит особого внимания. Вот удастся вам его опознать — все и прояснится. Конечно же, — негромко вздохнул Олифант, — в масштабах Империи обсуждаемая нами история выеденного яйца не стоит. И все же я отметил бы, что неизвестные злоумышленники имеют в своем распоряжении деньги, могут при необходимости пользоваться услугами некоторых наших соотечественников — сомнительного сброда, прикармливающегося за счет иностранцев, — и, наконец, пользуются тайными симпатиями американских беженцев, спасаю-

щихся здесь от войн, сотрясающих Новый Свет.

— И вы думаете, что леди Ада могла оказаться замешанной в эту грязную историю?

— Нет, сэр, ни в коем случае. Такое просто невозможно. Женщина, которую вы видели, никак не могла быть Адой Байрон.

— Тогда и дело с концом, — развел руками Мэллори. — Скажи вы мне, что тут затронуты интересы леди Ады, я согласился бы почти на что угодно. Однако в данной ситуации я уж как-нибудь справлюсь сам.

— Как знаете, — пожал плечами Олифант. — Да, может быть, сейчас и рановато прибегать к столь решительным мерам. У вас есть моя карточка? Если что-нибудь еще, дайте мне знать.

— Непременно. Олифант встал.

— И если кто-нибудь спросит, мы сегодня не обсуждали ничего, кроме дел Географического общества.

— Вы так и не сказали, на кого вы работаете, мистер Олифант. Я не имею в виду редакторов и издателей.

— Подобные сведения, — покачал головой Олифант, — никогда не приносят пользы, сэр. И могут принести уйму неприятностей. С вашей стороны, доктор Мэллори, было бы очень благоразумно не

связываться впредь с рыцарями плаща и кинжала. Будем надеяться, что вся эта история окажется в конечном итоге пустышкой и растает без следа, как ночной кошмар. Я же, безусловно, выдвину вашу кандидатуру в Географическое общество и искренне надеюсь, что вы всерьез рассмотрите мое предложение относительно полицейских машин.

С этими словами необычный посетитель встал, повернулся и зашагал прочь по роскошному ковру Дворца; его длинные ноги мелькали, как ножницы.

* * *

Одной рукой сжимая ручку новенького саквояжа, другой цепляясь за свисающие сверху ременные петли, Мэллори проталкивался на выход. Когда паробус притормозил, давая дорогу грязному грузовику с асфальтом, Мэллори спрыгнул на мостовую.

Несмотря на все свои усилия, он ошибся паробусом. Или, возможно, заехал гораздо дальше, чем нужно, — углубившись в свежий номер «Вестминстерского ревю». Он купил этот журнал потому, что там была статья Оли-фанта, своего рода патологоанатомическое исследование

причин и хода Крымской войны. Олифант, как выяснилось, считался чем-то вроде эксперта по Крымскому региону, поскольку опубликовал свои «Русские берега Черного моря» за год с лишним до начала военных действий. В книге подробно описывалась веселая и довольно богатая событиями поездка репортера по Крыму. Статья в «Вестминстерском ревю» пестрила весьма ядовитыми намеками и выпадами; вполне возможно, что раньше, до знакомства с Олифантом, Мэллори их бы и не заметил.

— Ты это мне, начальник? — удивленно поднял голову малолетний оборванец, обмахивавший тротуар метлой.

К печальному своему удивлению, Мэллори осознал, что говорит сам с собой — стоит посреди улицы в полном отупении и бормочет что-то о пройдошливости этого Олифанта. Пытаясь привлечь внимание ошалелого господина, мальчишка сделал обратное сальто. Мэллори бросил ему монету, окончательно понял, что не знает этих мест, и зашагал куда глаза глядят; вскоре он оказался на Лестер-сквер, чьи дорожки и тенистые аллеи являлись идеальным местом, чтобы схлопотать по голове или — при мирном развитии событий — попросту остаться без ко-

шелька. Особенно ночью, поскольку окрестные улицы кишели мелкими театриками, а также заведениями, где развлекали зрителей немудреными пантомимами и картинками волшебного фонаря.

Миновав Уитком-стрит, а затем Оксендон-стрит, Мэллори оказался на Хеймаркете, таком странном в разгар ясного летнего дня, когда здешние сиплоголосые сирены расползлись по домам и завалились спать. Из любопытства он прошелся по улице. Днем Хеймаркет выглядел совсем иначе — каким-то запущенным, уставшим от себя самого. Наконец, обратив внимание на неспешную походку Мэллори, к нему подкатился сутенер с предложением купить «французские дирижабли», наилучшее предохранительное средство от французской же язвы.

Мэллори отдал ему деньги и закинул покупку в саквояж.

Повернув налево, он окунулся в пыхтящий грохот и суету Пэлл-Мэлл; здесь вдоль широкой асфальтированной мостовой тянулись кованые решетки закрытых клубов, их мраморные фасады стояли в глубине, подальше от уличной бестолковщины. За Пэлл-Мэлл в дальнем конце площади Ватерлоо высилась колонна герцога

Йоркского. Старый добрый герцог Йоркский, у которого было десять тысяч солдат [60], превратился теперь в почерневшую от копоти статую; рядом со стальными шпилями штаб-квартиры Королевского общества его колонна казалась жалким столбиком.

Теперь Мэллори ориентировался. Он поднялся на пешеходный мост, пересекавший Пэлл-Мэлл; внизу рабочие с платками на головах долбили перекресток стальной лапой экскаватора. Присмотревшись, он сообразил, что они готовят площадку под новый монумент, не иначе как в честь крымской победы. Мэллори спустился и зашагал по Риджент-стрит к Серкусу, где толпа нескончаемо извергалась из прокопченных мраморных вестибюлей подземки. Тут он отдался на волю стремительному людскому потоку.

И чуть не задохнулся от оглушительной вони;

---

[60] Примечания: 60

Старый добрый герцог Йоркский, у которого было десять тысяч солдат — герой одного из самых популярных английских детских стишков (см. ниже). Имеется в виду герцог Йоркский Фредерик Август (1763–1827), сын Георга III. Колонна, на которой установлен его памятник, имеет высоту свыше тридцати метров. У герцога Йоркского был отряд — Десять тысяч солдат. Герцог велел им подняться на холм, А потом спуститься назад. И когда они были вверху — то вверху, И когда они были внизу — то внизу, А когда они были на полпути — То ни вверху, ни внизу. (Пер. М. Пчелинцева) Что характерно: ни историкам, ни фольклористам так и не удалось достоверно определить, какое именно сражение имелось здесь в виду.

на какое-то мгновение Мэллори показалось, что адские миазмы исходят от самой толпы, от ее одежды и башмаков. Но нет, эта вонь обладала невероятной, нечеловеческой интенсивностью, в ней ощущалась яростная химия раскаленной золы и человеческих выделений, просачивающихся сквозь многометровую толщу земли; было ясно, что отравленный воздух выдавливается из душного чрева города мчащимися во мраке туннелей поездами. Толпа тащила Мэллори по Джермин-стрит; несколько секунд — и ноздри ему прочистил головокружительный запах сотен сортов сыра, исходивший из знаменитого магазина «Пакстон и Уитфилд». Подойдя к Дюк-стрит, он задержался возле кованых фонарей «Кавендиш-Отеля», запер саквояж на ключ и перешел на другую сторону улицы, где высился Музей практической геологии, цель его путешествия.

Мощное, похожее на крепость здание чем-то напоминало духовный облик своего куратора. Поднявшись по ступеням в желанную каменную прохладу, Мэллори раскрыл переплетенную в кожу книгу посетителей, широко, с росчерком расписался и прошел в огромный центральный зал, вдоль стен которого сверкали застекленные, из красного дерева стенды. Дневной свет попадал

сюда сверху; вот уж кому не грозит безработица, подумал Мэллори, заметив под огромным прозрачным куполом люльку стекломоя. Справится с последним стеклом — будет самое время мыть первое.

На первом этаже Музея были выставлены позвоночные, а также подходящие к случаю чудеса из области стратиграфической геологии. Выше, на обнесенной перилами галерее, располагались стенды поменьше — с беспозвоночными. Сегодня посетители радовали глаз своей многочисленностью; просто удивительно, сколько пришло сюда женщин и детей, в том числе большая группа грубоватых, не очень опрятных мальчишек в форме, скорее всего дети рабочих, обучающиеся в какой-нибудь из государственных школ. Они изучали стенды серьезно и внимательно, поминутно обращаясь с вопросами к одетым в красные куртки смотрителям.

Мэллори открыл высокую, безо всякой таблички дверь и оказался в коридоре, по обеим сторонам которого шли двери кладовых. Кабинет куратора располагался в самом конце коридора; из-за закрытой двери доносился громкий, хорошо поставленный голос, голос человека, привыкшего к тому, что каждое его слово выслушивается с

благоговейным вниманием. Мэллори постучал и с улыбкой прислушался: невидимый глазу оратор завершал особо цветистый период.

— Войдите, — прогремел могучий голос.

Увидев Мэллори, Томас Генри Гексли поднялся из-за стола и протянул руку. Куратор диктовал что-то своему секретарю, желторотому очкарику с внешностью честолюбивого старшекурсника.

— Пока все, Харрис, — сказал Гексли. — Пришлите, пожалуйста, мистера Рикса с его рисунками бронтозавруса.

Секретарь поместил свои записи в кожаную папку, отвесил Мэллори почтительный поклон и удалился.

— Как жизнь, Нед? — На Мэллори смотрели близко посаженные, почти нечеловечески наблюдательные глаза, сумевшие в свое время заметить в корне человеческого волоса «слой Гексли». — Ты неплохо выглядишь. Можно сказать, великолепно.

— Да вот, повезло тут однажды, — туманно объяснил Мэллори.

К немалому его удивлению, из-за захламленного стола Гексли появился маленький светловолосый мальчик, одетый в аккуратную матроску и короткие штаны.

— А *это* еще кто такой? — деланно нахмурился Мэллори.

— Подрастающее поколение. — Гексли нагнулся и взял ребенка на руки. — Ноэль [61] пришел сегодня помогать отцу. Скажи доктору Мэллори здрасьте, сынок.

— Здвавствуйте, мистер Меллови, — пропищал мальчик.

— *Доктор* Мэллори, — мягко поправил Гексли. Глаза Ноэля испуганно округлились.

— Вы *медицинский* доктор, мистер Меллови? — Мальчик явно надеялся на отрицательный ответ.

— Ну как же это так, мастер Ноэль? — расплылся в улыбке Мэллори. — При нашем последнем свидании вы еще едва ходили, а теперь я вижу настоящего маленького джентльмена. — Он знал, что Гексли обожает ребенка. — А как поживает ваш маленький братик?

— Теперь у него есть еще и сестра, — объявил Гексли, опуская ребенка на пол, — появившаяся на свет, пока ты отсутствовал.

— Вот же вам всем радость, мастер Ноэль!

Мальчик неуверенно улыбнулся, а затем за-

---

[61] Примечания: 61

Ноэль — Ноэль Гексли (1856–1860), первый сын Томаса Генри Гексли, умер от скарлатины.

прыгнул в отцовское кресло. Мэллори поставил саквояж на низенький книжный шкаф, хранивший переплетенное в сафьян собрание трудов Кювье [62], и начал открывать замки.

— А у меня, Томас, есть для тебя подарочек, от шайенов. — Он затолкнул пакетик с «дирижаблями» под «Вестминстерское ревю», вынул маленький, перевязанный бечевкой сверток и передал его Гексли.

— Надеюсь, это не какая-нибудь этнографическая безделушка, — заметил Гексли, аккуратно перерезая бечевку. — Терпеть не могу все эти бусы-перья.

Сверток содержал шесть коричневых сморщенных облаток размером с полукроновую монету.

— С любовью и почтением от главного их шамана.

— Эти шаманы, они ведь очень похожи на наших англиканских епископов, или нет? — Гексли посмотрел один из кожистых предметов на свет. — Высушенная растительная субстанция. Кактус?

---

[62] Примечания: 62

Кювье, Жорж Леопольд Кретьен Фредерик Даго-бер (1769–1832) — выдающийся французский естествоиспытатель, известный своими трудами в области сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных. Тезис катастрофизма выдвинут им впервые в работе «Исследование костей ископаемых позвоночных» (1812).

— Думаю, да.

— Джозеф Хукер [63] из Кью нам сказал бы точно.

— Американский колдун довольно точно уловил цель нашей экспедиции. Он решил, что мы намерены вернуть мертвое чудовище к жизни. Так вот, Томас, эти облатки дадут тебе силы путешествовать далеко-далеко, ты найдешь душу этого существа и приволочешь ее назад.

— И что же мне с ними делать? Нанизать на шнурок, как четки?

— Нет, Томас, съесть. Ты их съедаешь, а потом начинаешь петь, бить в бубны и кружиться, как дервиш, пока не свалишься. Насколько я понимаю, такова стандартная методика, — с серьезнейшим видом объяснил Мэллори.

— Некоторые растительные яды способны вызывать видения, — заметил Гексли, убирая облатки в ящик стола. — Спасибо, Нед. Я позабочусь, чтобы они были должным образом каталогизированы. Боюсь, нашего мистера Рикса совсем одолели заботы. Обычно он более расторопен.

---

[63] Примечания: 63

Джозеф Долтон Хукер (1817–1911) — крупнейший английский ботаник (систематик растений), директор Королевского Ботанического сада в Кью, сторонник дарвинизма и друг Дарвина. Председатель Королевского общества (1872–1877).

— Сегодня у вас там много народа, — заметил Мэллори.

Сынишка Гексли достал из кармана конфету и принялся с хирургической аккуратностью ее разворачивать.

— Да, — кивнул Гексли. — Британские музеи — наши твердыни интеллекта, как красноречиво выразился некий парламентарий с присущим этой породе красноречием. Но при всем при том бессмысленно отрицать, что образование, массовое образование — главнейшая из наших задач. Хотя бывают дни, когда мне очень хочется бросить все это к черту и уйти в экспедицию — ну чем я, спрашивается, хуже тебя?

— Ты нужен здесь, Томас.

— Вот-вот, — отмахнулся Гексли. — Все вы так говорите. Я поставил себе за правило выбираться отсюда хотя бы раз в год. Съезжу в Уэльс, поброжу по холмам. Отдохновение души… — Он помолчал. — Ты уже слышал, что меня выдвигают в лорды?

— Нет! — восхитился Мэллори. — Том Гексли — лорд! Это надо же! Ты меня радуешь! Гексли неожиданно помрачнел.

— Я видел лорда Форбса [64] в Королевском обществе. «Ну, — сказал Форбс, — рад сообщить, что ваши заслуги получили высочайшую оценку. Отбор в Палату лордов производился в пятницу вечером, и, по моим сведениям, вы прошли». — Гексли артистически изобразил жесты Форбса, его манеру выражаться, даже интонации. — Я еще не видел списка, — теперь он говорил своим собственным голосом, — но Форбсу можно верить.

— Конечно же! — радостно согласился Мэллори. — Форбс, он человек надежный.

— А вот я, — охладил его Гексли, — не спешу радоваться, ведь официально ничего еще не объявлено. Меня очень беспокоит здоровье премьер-министра.

— Да, — кивнул Мэллори, — жаль, что он болен. Но ты-то здесь при чем? Твои достижения говорят сами за себя!

— Время выбрано не случайно, — покачал головой Гексли. — Я подозреваю, что это тактический ход Бэббиджа и его ближайших сподвижников, последняя попытка набрать в Палату лордов

---

[64] Примечания: 64

Форбс, Эдвард (1815–1854) — английский естествоиспытатель, один из пионеров биогеографии. Анализировал распределение флоры и фауны Британских островов и связь его с геологическими метаморфозами.

побольше ученых, пока Байрон еще на коне.

— Что за странные мысли! — удивился Мэллори. — Кто, как не ты, был активнейшим сторонником Эволюции во всех дебатах? К чему сомневаться в своем счастье? Мне это представляется элементарнейшей справедливостью!

Гексли схватился за лацканы сюртука — жест, выражавший у него высшую степень искренности.

— Стану я лордом или нет, могу сказать одно: сам я в это дело не вмешивался. Я ни о чем не просил, и если получу титул, то не посредством каких-то там закулисных махинаций.

— Но мне казалось, что отбор лордов не связан ни с какими махинациями, — удивился Мэллори.

— Еще как связан! — отрезал Гексли. — Хотя ты и не услышишь такого от меня прилюдно. — Он понизил голос. — Но мы с тобой знаем друг друга уже много лет. Я рассчитываю на тебя как на союзника, Нед, и как на честного человека.

Гексли вышел из-за стола и начал нервно вышагивать по турецкому ковру.

— В таком важном деле ложная скромность бессмысленна. У нас есть серьезные обязанности — перед самими собой, перед внешним миром,

перед наукой. Мы купаемся в похвалах — удовольствие, на мой взгляд, ниже среднего, — а заодно претерпеваем бесчисленные трудности, в том числе и страдания, и даже опасности.

Сперва радостная новость, затем тревожные, несколько загадочные откровения — от всего этого кругом шла голова. Впрочем, Гексли всегда создавал вокруг себя какую-то особую напряженную атмосферу; так было даже в давние студенческие годы. Впервые после Канады Мэллори почувствовал, что возвратился в настоящий свой мир, в мир более чистый, возвышенный, где обитал разум Томаса Гексли.

— Опасности какого рода? — спросил он после довольно длительной паузы.

— Нравственные опасности. И физические тоже. Борьба за власть всегда сопряжена с риском. Лордство — пост политический. Партия и правительство, Нед. Деньги и законы. Соблазны и постыдные компромиссы… Ресурсы нации не безграничны, конкуренция велика. Нишу науки и образования следует защищать, нет, — *расширять!*.Так или иначе, — невесело улыбнулся Гексли, — нам приходится рисковать. В противном случае остается только опустить руки и отдать мир грядущего на волю дьявола. Лично я

скорее умру, чем стану смотреть, как распродают науку!

Пораженный резкостью Гексли, Мэллори взглянул на мальчика, который сосал свою конфету и от скуки колотил ногами по креслу.

— Ты самый подходящий для этого человек, Томас, — сказал он после секундного раздумья, — и всегда можешь рассчитывать на мою помощь.

— Спасибо, Нед, я был в тебе уверен. Я очень рассчитываю на твою смелость, на твое ослиное упорство. За два года каторжного труда в дебрях Вайоминга ты показал себя крепким, как сталь! А тут я на каждом шагу вижу людей, которые с пеной на губах распинаются о своей преданности науке, а сами только и мечтают, что о золотых медалях и профессорских мантиях. Гексли ходил все быстрее и быстрее.

— Моровое поветрие, настоящее моровое поветрие. Более того, — он резко остановился, — иногда я начинаю опасаться, не коснулось ли оно и меня. Ты понимаешь, Нед, как это страшно?

— Это невозможно, — заверил его Мэллори.

— Хорошо, что ты снова с нами, — Гексли снова заметался по кабинету. — И что ты теперь — знаменитость! Мы должны на этом сыграть. Я хочу, чтобы ты написал о своих подвигах книгу.

— Странно, что ты об этом заговорил, — отозвался Мэллори. — У меня в саквояже как раз лежит образчик подобной литературы. «Миссия в Китай и Японию» Лоренса Олифанта. Толковый парень, очень сообразительный.

— Олифант из Географического общества? Безнадежный случай. Слишком сообразительный и врет, как политик. Нет, ты должен писать совсем просто — настолько просто, чтобы тебя мог понять и самый рядовой механик, из тех, что украшают свои гостиные пемброков-скими столами и фарфоровыми селянками! Поверь мне, Нед, это нужно для большого дела. А заодно принесет тебе хорошие деньги.

Мэллори несколько растерялся.

— Ну, говорю я вроде и ничего, если под настроение, — но взять вот так и написать целую книгу…

— Ничего, — улыбнулся Гексли, — мы подыщем тебе какого-нибудь писаку с Граб-стрит [65], чтобы навел полный лоск, так сейчас все делают. У меня

[65] Примечания: 65

В XVIII в. на Граб-стрит жили неимущие литераторы. Ко времени описываемых событий выражение «писака с Граб-стрит» стало обозначать литературного поденщика.

тут есть на примете один парень, Дизраэли [66], сын того Дизраэли, который основал «Дизраэлиз Квотерли». Малость с поворотом, пишет всякие бульварные романчики. Но довольно надежен, пока не напьется.

— Бенджамин Дизраэли? Моя сестра Агата обожает его романы.

Кивок Гексли тактично намекал Мэллори, что женщину из клана Гексли никогда не застали бы за чтением такой макулатуры.

— Нам еще следует обсудить твое выступление на симпозиуме Королевского общества, твою будущую речь о бронтозаврусе. Это будет значительное событие, прекрасный случай завоевать публику. У тебя есть хороший портрет для афиши?

— Откуда же? — удивился Мэллори.

— Тогда обратись к Моллу и Полибланку — они дагерротипируют весь высший свет.

---

[66] Примечания: 66

Дизраэли, Бенджамин, лорд Биконсфильд(1804–1881) — премьер-министр Великобритании в 1868 и 1874–1880 гг., лидер консервативной партии, писатель. В частности, автор романа «Сибил, или Две нации» (1845), героями которого являются чартист Уолтер Джерард, его дочь Сибил, ее возлюбленный Чарльз Эгремонт и шестнадцатилетний рабочий Денди Мик, склонный к желчным тирадам, белым брюкам свободного покроя, шейным платкам розового шелка и блестящим булавкам. В финале, после кровавых массовых волнений и смерти отца, Сибил узнает о своем тщательно скрывавшемся аристократическом происхождении и воссоединяется с Эгремонтом.

— Постараюсь запомнить.

На стене кабинета висела большая, в раме красного дерева, лекционная доска; Гексли подошел к ней, взял массивную серебряную держалку для мела, написал косыми, словно летящими буквами: *Молл и Полибланк* — и обернулся.

— Еще тебе понадобится кинотропист, и у меня как раз есть такой подходящий человек. Мы часто прибегаем к его услугам. Работает хорошо, бывает, что *слишком*хорошо. Следи за ним в оба, иначе симпозиум превратится в демонстрацию клакерских фокусов, а о тебе господа ученые попросту забудут. «Наполнять золотой рудой малейшую трещинку» [67], так это у него называется. Весьма смышленый джентльмен.

На доске появилась новая надпись: *Джон Китс.*

— Вот это, Томас, действительно нужное дело.

— И еще, Нед… — Гексли замялся. — Я как-то стесняюсь об этом говорить…

— В чем дело?

— Не хотелось бы задевать твои чувства…

Мэллори натянуто улыбнулся.

---

[67] Примечания: 67

«Наполнять золотой рудой малейшую трещинку» — пассаж из письма Дж. Китса П. Б. Шелли от 16.08.1820, являющийся аллюзией на аллегорическую поэму Э. Спенсера «Королева фей».

— Я знаю, что оратор из меня не ах, но ведь ничего, читал я лекции, и никто особо не жаловался.

Гексли помолчал, потом внезапно поднял руку.

— Что это такое?

— Мел, — послушно ответил Мэллори.

— Как-как-как? Я что-то не понял.

— Мел. — На этот раз Мэллори почти поборол свою сассексскую манеру растягивать гласные.

— Вот видишь, с твоим произношением нужно что-то делать. У меня есть очень хороший преподаватель дикции. Француз, но говорит по-английски лучше любого англичанина. Ты не поверишь, что он делает с людьми за какую-нибудь неделю занятий, настоящие чудеса.

— Это что же, — нахмурился Мэллори, — ты хочешь сказать, что мне необходимы чудеса?

— Да нет, что ты! Просто нужно научиться слушать самого себя. Назвать тебе имена ораторов, прибегавших к услугам этого человека в начале своей карьеры, так ты не поверишь. — На доске появилась третья строчка: *Жюль Д'Аламбер.* — Берет он довольно дорого, но… Да ты записывай, а то ведь забудешь.

Мэллори обреченно вздохнул и вынул блок-

нот.

В дверь постучали. Гексли взял кусок фетра с ручкой из черного дерева и обмахнул доску.

— Войдите! — На пороге появился плечистый мужчина в заляпанном гипсом фартуке с огромной папкой в руках. — Нед, ты, конечно же, помнишь мистера Тренхэма Рикса, он у нас теперь помощник куратора.

Рикс сунул папку под мышку и протянул Мэллори руку. За два последних года он расстался с частью волос и заметно прибавил в весе. И самое главное — поднялся по служебной лестнице.

— Прошу прощения за задержку, сэр, — обратился Рикс к своему шефу. — Мы там в мастерской отливаем из гипса позвонки и немного увлеклись. Поразительная структура. Одни уже размеры доставляют немало хлопот.

Гексли начал расчищать угол стола, но тут Ноэль дернул его за рукав и что-то прошептал ему на ухо.

— Хорошо, сейчас, — улыбнулся Гексли. — Простите нас, джентльмены. — Он вывел мальчика из кабинета.

— Поздравляю вас с повышением, мистер Рикс, — сказал Мэллори.

— Благодарю вас, сэр. — Рикс открыл папку

и надел пенсне. — Мы очень благодарны вам за столь великолепное открытие. Хотя, должен сказать, оно бросает вызов самим размерам нашего учреждения. Вот, — он постучал пальцем по листу ватмана, — посмотрите.

— А где же череп? — поинтересовался Мэллори, внимательно изучив план центрального зала с наложенным на него скелетом левиафана.

— Шея полностью выдвигается в холл, — гордо сообщил Рикс. — Нам придется передвинуть несколько стендов…

— У вас есть вид сбоку?

— Да, конечно.

Мэллори хмуро склонился над новым наброском.

— Кто надоумил вас расположить скелет таким образом?

— Пока еще очень мало работ по этому существу, — обиженно отозвался Рикс. — Наиболее обширной и подробной является статья доктора Фоука в последнем номере «Трансэкшнз». — Он вынул из своей папки журнал.

— Фоук безбожно извратил природу этого вида, — отмахнулся Мэллори.

Рикс удивленно моргнул:

— Но репутация доктора Фоука…

— Фоук — униформист! Он же состоял при Радвике хранителем образцов и всегда подпевал своему шефу!

Статья Фоука полна нелепостей. Он заявляет, что это животное было холоднокровным и обитало по большей части в воде! Что оно питалось водяными растениями и еле двигалось.

— Но существо таких размеров, доктор Мэллори, такого невероятного веса!.. Естественно заключить, что наиболее подходящей средой обитания...

— Ясно. — Мэллори с трудом сдерживался. Но, с другой стороны, зачем обижать Рикса? Он же технический работник, ничего сам не понимает и старается как лучше. — Вот почему шея у вас вытянута почти на уровне пола... и почему у него такие конечности, сочленения в суставах точь-в-точь как у ящерицы... даже как у *земноводных.*

— Да, сэр, — кивнул Рикс. — Шея длинная — он мог собирать водные растения, почти не двигаясь. Ну разве что хищник нападет. Хотя я уж и не знаю, как это нужно проголодаться, чтобы напасть на подобного монстра.

— Мистер Рикс, зря вы представляете себе бронтозавруса чем-то вроде саламандры-переростка. Вас сильно обманули. Скорее он был похож на

современного слона или жирафа, только гораздо крупнее. А длинная шея помогала ему обрывать и поедать верхушки деревьев.

Взяв карандаш, Мэллори начал быстро и умело набрасывать схему скелета.

— Большую часть времени он проводил на задних ногах, опираясь на хвост, причем голова поднималась высоко над землей. Обратите внимание на утолщение хвостовых позвонков. Верный признак огромных нагрузок — вследствие двуногой позы. — Он постучал карандашом по схеме и продолжил: — Стадо подобных существ могло быстренько обглодать целый лес. Они мигрировали, мистер Рикс, как это делают слоны, на огромные расстояния и очень быстро, все сметая на своем пути.

Бронтозаврусу была свойственна вертикальная стойка, о чем свидетельствует и узость грудной клетки. Ноги у него были весьма массивные и прямые, располагались они вертикально. Ходил бронтозаврус не сгибая коленей, примерно так же, как слон. Так что не было в нем ничего лягушачьего.

— Я смоделировал позу крокодила, — запротестовал Рикс.

— Кембриджский институт машинного анали-

за закончил наконец расчет нагрузок. — Мэллори отошел к своему саквояжу, вытащил оттуда переплетенную пачку распечаток и бросил ее на стол. — Эта тварь и мгновения не смогла бы простоять на суше, если бы ее ноги находились в таком дурацком положении.

— Да, сэр, — кивнул Рикс. — Именно это и оправдывает акватическую гипотезу.

— Но вы посмотрите на его пальцы! — возмутился Мэллори. — Толстые, как булыжники, ну разве это похоже на гибкие перепончатые лапы пловца? А какие у него фланцы поясничных позвонков! Чтобы дотянуться повыше, это существо сгибалось в тазобедренном суставе — прямо как подъемный кран!

— Доктор Фоук будет несколько огорошен. — Рикс снял пенсне и начал протирать стекла платком. — Равно как и многие из его коллег.

— И это еще только цветочки, — зловеще посулил Мэллори.

В кабинет вернулся Гексли-старший, ведя за руку Гексли-младшего.

— О боже, — вздохнул он, посмотрев на Рикса, а затем на Мэллори. — Уже началось.

— Да все эта галиматья Фоука, — смутился Мэллори. — Он тщится доказать, что динозавры были

не приспособлены к жизни! Выставляет моего левиафана плавучим слизняком, щиплющим травку.

— Но с мозгами у него было слабовато, тут уж не поспоришь, — заметил Гексли.

— Из чего совсем не следует, что он был рохлей. Все уже признали, что динозавр Радвика мог летать. Эти существа были быстрыми и активными.

— По правде говоря, теперь, когда Радвика с нами больше нет, все громче звучат голоса сомневающихся, — сказал Гексли. — Кое-кто утверждает, что его летающая рептилия не летала, а только планировала.

— Так что же, все возвращается к этой… *первоначальной* теории? — Только присутствие ребенка не позволило Мэллори выругаться. — Униформисты хотят, чтобы эти существа были тупыми и вялыми! Тогда динозавры хорошо лягут на их кривую развития, черепашьими шажками поднимающуюся к сияющим высотам дней нынешних. В то время как, допустив катастрофу, вы неизбежно признаете за этими великолепными существами гораздо большую степень дарвиновской приспособленности, что может оскорбить нежные чувства крохотных

современных млекопитающих, вроде Фоука и его дружков-приятелей.

Гексли сел и подпер щеку ладонью:

— Так ты не согласен с предполагавшейся схемой?

— Кажется, доктор Мэллори предпочитает, чтобы этот зверь стоял на задних лапах, — вмешался Рикс. — В соображении отобедать древесными кронами.

— А мы можем придать ему такое положение, мистер Рикс?

Ошарашенный Рикс засунул пенсне в карман фартука и поскреб в затылке:

— Да, пожалуй, что и да, сэр. Если установить его посередине зала и прикрепить растяжками к куполу… Если шея не влезет, так мы ее слегка пригнем. Пускай смотрит прямо на зрителей — эффект будет потрясающий!

— Кинем косточку церберу популярности, — ухмыльнулся Гексли. — Правда, палеонтология — дама трепетная, может и в обморок хлопнуться. Честно говоря, я еще слабо ориентируюсь в этом вопросе. До статьи Фоука у меня как-то руки не доходят, а тебе, Мэллори, еще только предстоит изложить свои взгляды печатно. К тому же мне не слишком по душе точка зрения катастрофистов.

Natura non facit saltum [68].

— Но Природа *движется* скачками, — возразил Мэллори. — Машинные расчеты математических моделей это доказали. Сложные системы могут совершать внезапные переходы.

— Да Боге ней, с теорией. У тебя есть прямые доказательства?

— Есть, и довольно много. Я оглашу их на лекции. Остались определенные шероховатости, и все же картина убедительная, гораздо убедительнее, чем у противников.

— И ты готов поставить на нее свою репутацию ученого? Ты продумал каждый вопрос, каждое возражение?

— Я могу ошибаться в чем-то, — сказал Мэллори, — а они ошибаются *полностью.*

Гексли постучал самописной по столу.

— А что если я спрошу — для затравки, — как это существо могло питаться ветками? Голова его не больше лошадиной, а зубы на удивление слабы.

— Оно не жевало зубами, — без запинки отра-

---

[68] Примечания: 68

Natura non facшt saltum — природа не делает скачка (лат.); лозунг униформистов в их споре с катастрофистами. Выражение принадлежит шведскому естествоиспытателю Карлу Линнею (ок. 1751). Более известно в форме «Natura non facit saltus» (природа не делает скачков).

портовал Мэллори. — У него был зоб, уложенный камнями, вот они-то все и перемалывали. Судя по размеру грудной клетки, этот орган был около ярда длиной и весил добрую сотню фунтов. Стофунтовый зоб обладает большей мускульной силой, чем челюсти четырех слонов.

— А зачем рептилии столько пищи?

— Бронтозаврус не был теплокровным в точном смысле этого термина, но обладал активным обменом веществ. Дело тут в отношении поверхности к объему. Телесная масса такого размера сохраняет тепло даже в холодную погоду. Уравнения совсем элементарные, — улыбнулся Мэллори. — Численное их решение на одной из малых машин заняло менее часа.

— А что начнется потом — страшно подумать, — пробормотал себе под нос Гексли.

— Неужели мы позволим политике встать на пути истины?

— Туше [69]. Тут он нас поймал, мистер Рикс… Боюсь, придется вам переделать все наново, а ведь сколько ухлопано трудов.

— Да что там, — беззлобно улыбнулся Рикс. — Ребята из мастерской любят трудные задачи.

---

[69] Примечания: 69

Touche (фр.) — буквально «прикосновение». Фехтовальный термин, обозначающий успешный удар.

Кроме того, доктор Гексли, позволю себе заметить, что во время подобных споров посещаемость Музея взлетает к небесам.

— Еще одна мелочь, — торопливо вставил Мэллори. — Состояние черепа. Череп этого экземпляра, увы, весьма фрагментарен, тут потребуется тщательное изучение, кое-что придется делать почти наугад. Мне хотелось бы принять участие в этой работе. Вы пустите меня в свою мастерскую, мистер Рикс?

— Разумеется, сэр. Я скажу, чтобы вам дали ключи.

— Лепке из гипса я учился у лорда Гидеона Мэнтелла, и как же давно это было, — скромно вздохнул Мэллори. — А с тех пор никакой практики. Будет очень интересно познакомиться с новейшими приемами этого достойнейшего ремесла, с работой прославленных мастеров.

— Я искренне надеюсь, что мы тебя не разочаруем, Нед, — с некоторым сомнением улыбнулся Гексли.

* * *

Мэллори вытирал платком взмокшую от жары шею, с тоской взирая на штаб-квартиру Центрального статистического бюро.

Временная дистанция в двадцать пять веков не помешала ему узнать Древний Египет достаточно близко — и возненавидеть это царство мертвых. Прокладка французами Суэцкого канала была героическим предприятием, а потому все египетское сразу же стало парижской модой. Лихорадка охватила и Британию, затопив нацию галстучными булавками со скарабеями, чайниками с крылышками, аляповатыми стереоснимками поваленных обелисков и малюсенькими — в аккурат для каминной полки — безносыми сфинксами из мыльного камня. Стараниями промышленников звероголовые языческие божки вырвались на простор, их можно было встретить и на занавесках, и на коврах, и на обивке экипажей, и где угодно. Но что доводило Мэллори до полного бешенства, так это отношение публики к пирамидам и прочим развалинам; все эти восторженные ахи и охи, вся эта идиотская болтовня про тайны древних цивилизаций претила его здравому смыслу.

Он, конечно же, с восхищением читал о триумфах техники в Суэце. Испытывая нехватку угля, французы заправляли топки своих гигантских экскаваторов битумизированными мумиями — их складывали в поленницы, как дрова, и про-

давали на вес. Но разве отсюда следует, что все географические журналы должны быть забиты сплошной египтологией?

Огромное, псевдоегипетское по орнаменту здание Центрального статистического бюро грузно расселось в правительственном сердце Вестминстера; его пирамидальная верхняя часть круто сходилась к острому известняковому навершию. Чтобы компенсировать потерю объема наверху, нижняя часть этого уродливого сооружения была раздута, как гигантская каменная брюква.

Истыканные дымовыми трубами стены поросли беспорядочным лесом вентиляторов, чьи беспрестанно машущие лопасти были, конечно же, выполнены в форме ястребиных крыльев. И всю эту бесформенную громаду пронизывали толстые черные телеграфные кабели, сводившие сюда информацию из всех уголков империи. Бесчисленные провода, спускавшиеся по стенам к столь же бесчисленным телеграфным столбам, напоминали такелаж какого-то невозможного, фантастического парусника.

Опасливо поглядывая на облепивших провода голубей, Мэллори пересек плавящийся от жары асфальт Хосферри-роуд.

Крепостные ворота Бюро, обрамленные колон-

нами с лотосовидными капителями и англизированными бронзовыми сфинксами, имели высоту футов в двадцать. По их углам были прорезаны обычные обиходные двери; Мэллори хмуро шагнул в прохладные сумерки, в неистребимый запах щелока и льняного масла. Убийственный зной раскаленных лондонских улиц остался позади, а заодно и дневной свет — в этом треклятом месте совсем не было окон, только газовые рожки в неизбежно египетском стиле, пламя которых зыбко колыхалось в веерообразных рефлекторах из полированной жести.

Не ожидая приглашения, Мэллори предъявил стоявшему за конторкой клерку свое удостоверение личности. Клерк или, может, какой-нибудь там полицейский, поскольку одет он был в новомодную милитаризированную форму Бюро, прилежно записал, куда направляется посетитель, а затем достал поэтажный план здания и красными чернилами нанес на него извилистый маршрут.

Мэллори, еще не совсем опомнившийся после утренней встречи с номинационным комитетом Географического общества, не стал особо рассыпаться в благодарностях. Каким-то там образом — кто его знает, за какую из закулисных ниточек

дернули на этот раз, но смысл дела был достаточно ясен: Фоук просочился в номинационный комитет Географического. Фоук, чья аквати-ческая теория бронтозавруса была отвергнута Музеем Гексли, воспринял древоядную гипотезу Мэллори как личное оскорбление; в результате то, что было обычно приятной формальностью, превратилось в очередное публичное судилище над радикальным катастрофизмом. В конечном итоге Мэллори получил необходимое количество голосов — Олифант слишком уж хорошо подготовил почву, чтобы наспех организованная Фоуком засада могла иметь серьезный успех, — и тем не менее от всего случившегося остался неприятный осадок. Его репутации был нанесен урон. Доктора Эдварда Мэллори — «левиафанного Мэллори», как предпочитали называть его грошовые газеты — выставили каким-то фанатиком, если не занудой. И это — в присутствии таких великих географов, как исследователь Конго Эллиот и

Бертон [70], сумевший проникнуть в таинственную Мекку.

Стараясь не сбиться с предначертанного (красными чернилами) пути, Мэллори пробирался хитросплетением коридоров Бюро — и недовольно бурчал себе под нос. В академических войнах он никогда не был любимчиком Фортуны — не то что Томас Гексли. Бессчисленные схватки с сильными мира сего создали Томасу репутацию кудесника дебатов, в то время как он, Мэллори, дошел до того, что тащится сейчас по этому освещенному газом мавзолею, чтобы опознать какого-то ипподромного сутенера.

За первым же поворотом Мэллори обнаружил мраморный барельеф, изображавший нашествие жаб [71], которое он всегда числил среди любимых

---

[70] Примечания: 70

Бертон — сэр Ричард Фрэнсис Бертон (1821–1890), знаменитый британский исследователь, востоковед, полиглот и этнолог. Владел 25 языками (с диалектами — до 40), выпустил 43 книги с описаниями своих путешествий и 30 томов переводов. Впечатления от военной службы в Индии (1840-е) послужили основой для четырех книг, в их числе «Синд и народы, населяющие долину Инда» (1851) — блестящее этнологическое исследование, при том что этнология как наука была тогда еще, можно сказать, в пеленках. Прославился описанием своего путешествия (1853) в запретную для «неверных» Мекку — и хотя был отнюдь не первым проникшим туда европейцем, его описание явилось наиболее точным и профессиональным: «Паломничество в Мекку и Медину» (1855–1856). Занимался поисками истоков Белого Нила, открыл озеро Танганьика. Служил консулом на Фернандо По (испанский остров у западного побережья Африки), в Сантосе (Бразилия), Дамаске и Триесте, где прожил последние 18 лет жизни. Его скандальные

по викторианским меркам труды с описанием племенных обычаев Западной Африки (фетишизм, ритуальные убийства, каннибализм, девиантная сексуальность) пользуются неизменным уважением современных антропологов. Переводил Камоэнса, Катулла, подготовил комментированный перевод «Кама Сутры» (1883) и первый полный — «1001 ночи» (1885–1888). Поставив себе цель открыть для западной общественности сокровищницу восточной эротики, снабжал издания обширным этнологическим комментарием и статьями о порнографии, гомосексуализме, половом воспитании женщин и др., предвосхищая некоторые дальнейшие изыскания Хейвлока Эллиса и Фрейда.

[71] Примечания: 71

Нашествие жаб — Исход, 8:1-15. 169

своих библейских сюжетов, — и тут же чуть не угодил под стальную тележку, до краев нагруженную колодами перфокарт.

— Поберегись! — крикнул возчик в грубошерстной куртке с медными пуговицами и в кепке с длинным козырьком.

К немалому своему изумлению, Мэллори увидел, что и сам возчик не бежит, а *едет*. На его ногах были крепкие ботинки со шнуровкой, снабженные маленькими резиновыми колесиками [72]. Он промчался по коридору, ловко управляя тяжелой тележкой, и исчез за поворотом.

Один из поперечных коридоров был перекрыт полосатыми козлами; там, в тусклом свете газовых рожков, ползали на четвереньках два человека, судя по всему — психи. Мэллори присмотрелся. Да нет, вроде не психи. Просто пухловатые, среднего возраста женщины в безупречно белых балахонах, с волосами, забранными в тугие, эластичные тюрбаны. Издалека их одежда жутковатым образом напоминала саваны. Одна из живых покойниц поднялась на ноги, раздвинула телескопическую ручку швабры и начала

[72] Примечания: 72

Роликовые коньки появились в Голландии в XVIII в., однако массовую известность данное средство передвижения приобрело с 1863 г., когда были изобретены четырехколесные ролики на резиновом ходу.

аккуратно обметать потолок.

Понятно, уборщицы.

Справляясь по карте, Мэллори нашел лифт; одетый в форменную куртку служитель доставил его на один из верхних этажей. Воздух здесь был сухой и неподвижный, а людей в коридорах больше. На фоне все тех же странноватых полицейских резко выделялись солидные джентльмены, скорее всего — адвокаты, или нотариусы, или парламентские агенты крупных капиталистов, люди, для которых информация о состоянии и настроениях общества была хлебом насущным. Политики, то есть коммерсанты, чей товар не ощутимее воздуха. Да, конечно же, где-то там, в другой жизни, у них есть и жены, и дети, и каменные особняки, но сейчас эти люди напоминали то ли жрецов какой-то странной религии, то ли призраков.

Заметив очередного рассыльного на колесиках, Мэллори отскочил в сторону, схватился за чугунную колонну — и обжег руку. За причудливым орнаментом из цветов лотоса — самый обыкновенный дымоход. И даже не самый обыкновенный, а скверно отрегулированный — если судить по глухому рокоту, доносящемуся сквозь толстые литые стенки.

Свернув после тщательного изучения карты направо, Мэллори оказался в коридоре, чьи стены чуть не полностью состояли из дверей. Между кабинетами беспрестанно шныряли клерки в белых халатах; они с привычной ловкостью уворачивались от юных колесников, толкавших перед собой все те же тележки с перфокартами. Здесь газовые светильники горели ярче, пламя в них дрожало и стелилось от постоянного сквозняка. Мэллори оглянулся через плечо. В конце коридора помещался гигантский вентилятор забранный стальной сеткой. Негромко поскрипывала приводная цепь, уходившая куда-то вниз, к скрытому в недрах пирамиды двигателю.

Мэллори начал испытывать некоторое головокружение. Зря он сюда пришел, совершенно зря. Разобраться в странном происшествии на скачках необходимо, но можно же придумать для этого что-нибудь получше, а не устраивать охоту на бумажную тень ипподромного сутенеришки с дружком Олифанта в качестве егеря. Его подавляло здесь все: и стерильный, безжизненный, мылом пропахший воздух, и сверкающий пол, и безукоризненно чистые стены. Здание, где нет ни крупицы мусора, — это нечто фантастическое, ирреальное. Эти кабинеты напомнили ему дру-

гую прогулку по лабиринтам…

Лорд Дарвин.

Мэллори и великий естествоиспытатель бродили по зеленым, сплошь изрезанным заборами и живыми изгородями лугам Кента, Дарвин тыкал во влажную черную почву тростью и говорил — со всегдашней своей методичностью, с ошеломляющим количеством подробностей — о земляных червях. О земляных червях, которые невидимо и вечно трудятся под ногами человечества, в результате чего огромные валуны медленно погружаются в суглинок. Дарвин замерял подобный процесс в Стоунхендже, пытаясь определить возраст этого загадочного сооружения.

Мэллори подергал себя за бороду, и думать позабыв о карте. У него в глазах копошились черви, копошились все лихорадочнее и лихорадочнее, пока земля не начала вскипать, не пошла пузырями, как ведьмовское варево [73]. За какие-то годы, а может, и за месяцы все памятники более медлительных эпох утонут, как останки кораблекрушений, лягут на дно подстилающих скальных пород…

---

[73] Примечания: 73

«Пузыри земли» являются аллюзией на «Макбет» (1.3). В таком соседстве «ведьмовское варево» тоже нужно понимать как аллюзию на «Макбет» (IV.1).

— Сэр, вам помочь?

Мэллори вздрогнул и очнулся. Видение растаяло, божественное откровение не состоялось, обернулось чем-то жалким и неприятным, вроде незавершенного чиха. Несвоевременный помощник, пожилой клерк в белом халате и круглых очках, смотрел с почти нескрываемым подозрением.

Но что еще хуже — и Мэллори это прекрасно сознавал, — он снова бормотал вслух. О земляных червях, скорее всего.

Он неохотно протянул клерку план.

— Я ищу КК-пятьдесят, по пятому уровню.

— Это значит — «Количественная криминология», сэр. А здесь у нас «Сдерживание и устрашение».

Клерк указал на табличку над дверью ближайшего кабинета. Мэллори тупо кивнул.

— КК — сразу за «Нелинейным анализом», первый поворот направо.

Мэллори зашагал дальше, спиною чувствуя скептический взгляд клерка.

Отдел КК оказался большим залом, разгороженным на крохотные клетушки. Вдоль невысоких, примерно по плечо, внутренних стенок сплошными рядами тянулись картотечные стел-

лажи, разделенные на множество выложенных асбестом ячеек. Облаченные в фартуки и нитяные перчатки клерки сидели за наклонными столами, изучая и обрабатывая перфокарты с помощью всевозможных клакерских приспособлений: здесь были механические сортировщики, держалки, желатиновые цветокодировочные нашлепки, часовые лупы, промасленная бумага и тонкие, с обтянутыми резиной кончиками пинцеты. Знакомая обстановка приободрила Мэллори, вывела его из недавнего мрачного настроения.

Клетушка, именовавшаяся КК-50, была кабинетом заместителя директора Бюро по количественной криминологии, которого, по словам Олифанта, звали Уэйкфилд.

Мистер Уэйкфилд не имел своего стола, иначе говоря, его столом являлось все пространство кабинета. Пюпитры для письма, выпрыгивавшие из стен под действием хитроумных шарниров, были лишь малой частью наисовременнейшей конторской системы, включавшей в себя стойки для газет, зажимы для писем, огромные картотечные шкафы, каталоги, шифровальные книги, клакерские руководства, хитроумный, со многими циферблатами хронометр, три телеграфных аппарата, чьи позолоченные иглы выщелкивали

букву за буквой, и перфораторы, деловито пробивающие ленту.

Повелитель всей этой таинственной техники оказался белесым шотландцем с чахлыми, песочного цвета волосами. Глаза у него были какие-то слишком уж подвижные, чтобы не сказать бегающие. Не исправленный в детстве неправильный прикус наградил его отчетливой вмятиной на нижней губе.

Выглядел Уэйкфилд лет на сорок — возраст необычайно юный, если принять во внимание занимаемый им пост. Как и большинство хороших клакеров, он вырос вместе со своей профессией. Первому вычислителю лорда Бэббиджа, всеми почитаемому реликту, не исполнилось еще и тридцати лет, но ошеломительный прогресс вычислительной техники определил уже судьбы целого поколения.

— Прошу простить меня за задержку, — сказал Мэллори. — Я слегка запутался в ваших коридорах. Для Уэйкфилда в этом не было ничего нового.

— Не хотите чаю? У нас замечательные бисквиты. Мэллори покачал головой и открыл серебряный портсигар.

— Курите?

Бледный Уэйкфилд побледнел еще больше.

— Нет! Нет, спасибо. Здесь курение строжайше запрещено.

— Понимаю… — Мэллори убрал портсигар. — Только я не очень понимаю, что может быть плохого от хорошей сигары.

— Пепел! — отрезал Уэйкфилд. — И частицы дыма! Они плавают в воздухе, попадают в смазку, загрязняют аналитические устройства. А прочистить все машины нашего Бюро… Вы и сами понимаете, какой это адский труд.

— Конечно, конечно, — согласился Мэллори и поспешно сменил тему. — Как вам, вероятно, известно, я палеонтолог, но все же имею какое-то представление о клакерстве. Сколько у вас тут ярдов зацепления?

— Ярдов? Мы считаем шестеренки *милями*, доктор Мэллори.

— Правда? У вас столько мощностей?

— Скажите лучше, столько возни, — отмахнулся Уэйкфилд; его руки были затянуты в ослепительно белые перчатки. — Шестеренки при вращении трутся, нагреваются, расширяются, зацепление становится слишком плотным, на зубцах появляются выбоины. В сырую погоду портится смазка, а в сухую — работающая

машина создает небольшой лейденский заряд, притягивающий всякую пыль и грязь. Сцепления заедает, перфокарты липнут к загрузчикам. — Он вздохнул. — Мы давно уже поняли, что никакие предосторожности, касающиеся чистоты, температуры и влажности не могут быть чрезмерными. Даже наши бисквиты к чаю пекут особо, чтобы снизить риск крошек!

Выражение «риск крошек» показалось Мэллори довольно комичным, но серьезное лицо Уэйкфилда не допускало и мысли о каких-либо шутках.

— А вы не пробовали уксусный очиститель Колгейта? — спросил Мэллори. — В Кембридже на него не нахвалятся.

— О да, — протянул Уэйкфилд, — старый добрый Институт машинного анализа. Нам бы их заботы! Они там в Кембридже трясутся над своей медью, сдувают с нее каждую пылинку — а почему бы и нет, если спешить некуда, если вся их работа — академические игрушки? А мы служим народу, вот и гоняем по сто раз самые громоздкие программы, гоняем, пока установочные рычажки не начинают гнуться!

Мэллори побывал недавно в Институте, кое-чего там поднахватался и решил теперь щегольнуть

своими знаниями.

— Вы слышали о новых кембриджских трансляторах? Они более равномерно распределяют износ зацеплений…

Уэйкфилд его не слушал.

— Для парламента и полиции наше Бюро — просто ресурс. Мы всем и всегда нужны, но при этом нас держат на коротком поводке. Субсидии! Они просто не способны представить себе наши потребности, сэр! Давняя печальная история, да вы и сами прекрасно это знаете, вы же ученый. Не хотелось бы говорить грубо, но Палата общин не в состоянии отличить вычислительную машину от кухонного автомата.

Мэллори подергал себя за бороду.

— Какая жалость. *Мили*зацеплений! На таких мощностях можно сделать все, что угодно, просто дух захватывает.

— Ну, вы скоро умерите свои восторги, доктор Мэллори, — сказал Уэйкфилд. — В клакерстве потребности пользователя всегда превышают мощность доступной машины. Это — почти закон природы!

— Возможно, это и закон, — согласился Мэллори. — Закон какого-то уголка природы, нам еще не известного…

Уэйкфилд вежливо улыбнулся и взглянул на часы.

— Очень жаль, что высокие устремления сплошь и рядом разбиваются о будничные заботы. Мне не часто случается обсудить философию машины. Ну разве что с моим самозваным коллегой, мистером Олифантом. Он не рассказывал вам о своих глобальных проектах?

— Очень кратко, — покачал головой Мэллори. — Думается, его планы э-э… социальных исследований потребуют больше вычислительных мощностей, чем имеется у нас в Великобритании. Чтобы отслеживать каждую сделку на Пикадилли и так далее. Честно говоря, все это показалось мне утопией.

— В принципе, сэр, — возразил Уэйкфилд, — это *полностью* осуществимо. Мы и сейчас дружески присматриваем за телеграфными сообщениями, предоставлением кредитов и тому подобным. Человеческий элемент — вот здесь возникают настоящие трудности, поскольку лишь квалифицированный аналитик способен обратить сырые машинные данные в пригодную для использования информацию. А амбициозный размах этого проекта, если сопоставить его с более чем скромными размерами фонда зарплаты, выделяемого

нашему Бюро…

— Мне никак не хотелось бы взваливать на ваши плечи дополнительный груз, — тактично перебил его Мэллори, — но мистер Олифант сказал, что вы могли бы помочь мне опознать разгуливающего на свободе преступника и его сообщницу. Я заполнил в трех экземплярах две ваши анкеты на обоих подозреваемых и отослал со специальным курьером…

— Да-да, — кивнул Уэйкфилд, — на прошлой неделе. И мы сделали все, что было в наших силах. Мы всегда рады оказать услугу столь выдающимся джентльменам, как мистер Олифант и вы. Нападение, угроза жизни прославленного ученого, все это, конечно же, серьезное дело. — Он взял остро заточенный карандаш и разлинованный блокнот. — Хотя, я бы сказал, как-то слишком уж заурядное, чтобы попасть в поле весьма специфических интересов мистера Олифанта, не так ли?

Мэллори промолчал.

— Не бойтесь говорить откровенно, сэр, — заверил его Уэйкфилд. — Мистер Олифант и его руководство обращаются к нашим услугам не в первый раз. И, разумеется, как офицер, принесший присягу короне, я могу гарантировать вам строжайшую конфиденциальность. Ничто

сказанное вами не выйдет из этих стен. — Он подался вперед. — Итак, сэр, что вы можете мне рассказать?

Мэллори на секунду задумался. Какую бы ошибку ни совершила леди Ада, какой опрометчивый поступок ни привел бы ее в сети ипподромного жучка и его сообщницы, ситуация вряд ли улучшится от того, что имя «Ада Байрон» попадет в этот блокнот. И Олифант, естественно, был бы против.

А потому он разыграл неохотное признание.

— Я нахожусь в неудобном положении, мистер Уэйкфилд, поскольку не вижу в этой истории ничего серьезного, ничего достойного вашего внимания. Как я уже указал в моей записке, на дерби я столкнулся с пьяным игроком, и тот стал размахивать ножом. Я не воспринял этого всерьез, — но мистер Олифант предположил, что мне и вправду может грозить некая опасность. Он напомнил мне, что недавно один из моих коллег был убит при весьма подозрительных обстоятельствах. И убийство до сих пор не раскрыто.

— Профессор Фенвик, специалист по динозаврам.

— Радвик, — поправил Мэллори. — Вы знакомы с этим делом?

— Заколот насмерть. На крысиных боях. — Уэйкфилд постучал по зубам резинкой карандаша. — Попало во все газеты, бросило довольно неприятную тень на ученое сообщество. По сути дела, Радвик подвел всех своих коллег.

— Я тоже так думаю, — кивнул Мэллори. — Но мистер Олифант полагает, что эти случаи могут быть связаны.

— Азартные игроки, подстерегающие ученых? Нет, — покачал головой Уэйкфилд, — я не вижу мотива. Разве что, простите мне подобное предположение, здесь замешан крупный игорный долг. Вы и Радвик были близкими друзьями? Делали вместе ставки?

— Нет. Я почти что и не был с ним знаком. И могу вас заверить, что у меня нет подобных долгов.

— Мистер Олифант сомневается, чтобы это была случайность, — заметил Уэйкфилд. Судя по всему, он поверил Мэллори и почти утратил интерес к разговору. — Хорошо, что вы решили не оставлять это дело без последствий и опознать негодяя. Если это все, что вам от нас нужно, мы постараемся помочь. Я поручу одному из сотрудников отвести вас в библиотеку и к машинам. Узнав номер напавшего на вас человека, мы окажемся на более твердой почве.

Он откинул резиновую заслонку и крикнул в переговорную трубу. Вскоре появился юный кокни в фартуке и нитяных перчатках.

— Это наш мистер Тобиас, — сказал Уэйкфилд. — Предоставляю его в ваше распоряжение. — Беседа закончилась; взгляд Уэйкфилда потух, его ждали другие дела. — Рад был с вами познакомиться, сэр. Пожалуйста, дайте мне знать, если вам потребуется что-либо еще.

— Огромное вам спасибо, — ответил Мэллори.

Мистер Тобиас подбрил волосы надо лбом на добрый дюйм, дабы придать себе модный интеллектуальный вид, но это было когда-то, сейчас же его голову украшал венец из колючей щетины. Мэллори последовал за мальчиком из канцелярского лабиринта в коридор, заметив дорогой его странную, вразвалочку походку. Каблуки грубых башмаков были настолько стоптаны, что виднелись гвозди, а дешевые бумажные брюки вздувались на коленях пузырями.

— Куда мы направляемся, мистер Тобиас?

— К машинам, сэр. Вниз.

У лифта они задержались — хитроумный индикатор показывал, что кабина находится на каком-то другом этаже. Мэллори вытащил из кармана золотую гинею.

— Вот.

— А это еще что? — спросил Тобиас, принимая деньги.

— Это то, что называется чаевыми, мой мальчик, — с деланой игривостью ответил Мэллори. — В обеспечение скорой и качественной работы. «Дабы гарантировать быстроту».

Тобиас осмотрел монету с таким вниманием, словно видел профиль Альберта первый раз в жизни, затем он сунул ее в карман и хмуро покосился на Мэллори.

Наконец двери лифта раскрылись; Тобиас с Мэллори втиснулись в переполненную кабину, и служитель тут же послал ее вниз, в чрево Бюро.

Тобиас провел своего подопечного мимо целой батареи выходов пневматической почты, через две двери, обитые по краю толстым фетром, и остановился. Рядом никого не было.

— Вам бы не следовало предлагать деньги государственному служащему.

— Но ведь для вас они совсем не лишние, — заметил Мэллори.

— Мои доходы за десять дней? Уж, конечно, нелишние. Но только если я буду уверен, что вы в полном порядке.

— У меня нет никаких злых умыслов, — тер-

пеливо объяснил Мэллори. — Я на незнакомой территории, а в таких случаях всегда полезно иметь местного проводника.

— А босс-то наш чем не годится?

— Я надеялся, что это мне скажете *вы*, мистер Тобиас.

Похоже, эти слова завоевали мальчишку больше, чем монета.

— Уэйки, он, в общем-то, ничего, — пожал плечами мистер Тобиас. — На его месте я вел бы себя точно так же. Но он прогнал сегодня *ваш*номер, начальник, и получил стопку распечаток дюймов этак в девять. У вас разговорчивые друзья, мистер Мэллори.

— Вот как? — натянуто улыбнулся Мэллори. — Любопытное, должно быть, чтение. И я бы не прочь взглянуть…

— Пожалуй, эти сведения и впрямь могут попасть в неположенные руки, — согласился мальчик. — Но кто-нибудь может вылететь за это с работы, если его застукают.

— А вам нравится ваша работа, мистер Тобиас?

— Маловато платят. А газовый свет портит глаза. Но есть тут и свои преимущества. — Он пожал плечами, толкнул дверь и прошел в комнату, три стены которой сплошь состояли из стеллажей

картотечных шкафов, а четвертой не было вовсе, ее заменяла перегородка из рифленого стекла.

Сквозь стекло смутно проглядывал необъятных размеров зал, уставленный вычислительными машинами; на какое-то мгновение Мэллори показалось, что стены здесь покрыты зеркалами, как в модном дансинге. Это походило на какую-то ярмарочную иллюзию, на обман зрения — исполинские, совершенно одинаковые механизмы из тысяч тускло поблескивающих латунных шестеренок, нечто вроде хронометров, но только размером с поставленный на попа железнодорожный вагон, каждый — на отдельном амортизирующем фундаменте. Высота помещения была футов тридцать; по выбеленному потолку бежали десятки и десятки приводных ремней. Машины поменьше приводились в действие массивными маховиками, укрепленными на толстых чугунных стойках. Одетые в белое клакеры, расхаживавшие по безупречно чистым проходам, казались рядом со своими машинами карликами; белые шапочки, полностью скрывавшие волосы, и белые марлевые повязки на лице придавали им сходство с хирургами.

— Весь день напролет таращиться в маленькие дырочки. — Тобиас глядел на все эти чудеса

техники с полным безразличием. — И чтобы никаких ошибок! Влупи не по той клавише, вот тебе и превратишь священника в поджигателя. Скольким несчастным сукиным детям исковеркали жизнь таким вот образом…

Его слова почти терялись за ровным пощелкиванием, доносившимся из машинного зала.

Двое посетителей библиотеки, серьезные, респектабельного вида мужчины, склонились над большим квадратным альбомом, раскрытым на цветной литографии.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал Тобиас.

Мэллори сел к столу во вращающееся кресло на резиновых колесиках, а тем временем Тобиас отправился на поиски нужного файла. Буквально через несколько секунд он расположился напротив Мэллори и начал перебирать карточки, время от времени прерываясь, чтобы ткнуть указательным пальцем в небольшую коробочку с воском. В конечном итоге на стол легли две перфокарты.

— Это ваши запросы, сэр?

— Я заполнял обычные анкеты. Но вы ведь храните всё в машинном формате, так ведь?

— Ну так что, КК принял запросы. — Тобиас вглядывался в карты. — Но нам пришлось пере-

править их в «Криминальную антропометрию». Эта карта уже была в работе — они провели предварительный отбор. Подождите, я сейчас. — Он принес чистый, со сменными листами клакерский справочник и сравнил одну из перфокарт с какими-то образцами. — А вы уверены, сэр, что заполнили *все* пункты анкеты?

— Вроде да, — ушел от прямого ответа Мэллори.

— Рост подозреваемого… — бормотал мальчишка, — размеры… Длина и ширина левого уха… левая ступня… левое предплечье… левый указательный…

— Я написал, как помню, — сказал Мэллори. — А почему тут все про левую сторону?

— Менее подвержена воздействию физического труда, — рассеянно ответил Тобиас. — Возраст, цвет кожи, волос, глаз. Шрамы, родимые пятна… ага, вот. Уродства.

— У него была шишка на лбу, ближе к виску, — сказал Мэллори.

— Фронтальная плагиоцефалия, — объяснил мальчик, сверившись по своему справочнику. — Редкость, вот почему я так удивился. Но это должно пригодиться.

В «Криминальной антропометрии» они там

все сдвинулись на черепах. — Он закинул перфокарты в прорезь и дернул шнурок; послышался отдельный звон колокольчика. Через пару секунд за перфокартами пришел один из клакеров.

— А что теперь? — поинтересовался Мэллори.

— Будем ждать, пока их прогонят.

— И долго это?

— Как правило, раза в два дольше, чем ожидаешь. — Тобиас откинулся на спинку стула. — Даже если ты удвоишь свою оценку. Что-то вроде закона природы.

Мэллори кивнул. Если задержки нельзя избежать, ее можно использовать.

— Давно вы здесь работаете, мистер Тобиас?

— Не настолько, чтобы крыша съехала. Мэллори улыбнулся.

— Думаете, я шучу? — хмуро бросил Тобиас.

— Почему же вы работаете в этой организации, если так ее ненавидите?

— Ее все ненавидят, у кого есть хоть капля здравого смысла, — ответил Тобиас. — Ну да, тут все прекрасно, если работать на верхних этажах, быть большой шишкой. — Он ткнул пальцем в потолок. — А кто такой я? В основном здесь такие и работают, маленькие люди. Мы нужны им десятками, сотнями. Мы приходим и уходим. Два,

ну три года такой работы — и привет. Глаза испорчены, нервы сорваны. А что? Точно. Таращиться целый день на эти дырочки, так это у кого хочешь крыша съедет, вместе с карнизом. — Тобиас сунул руки в карманы фартука. — А ведь наверняка, сэр, вы тут глядите на нас, на всякую мелочь в этих вот белых балахонах, и думаете про себя, что мы и внутри все одинаковые. Но это не так, сэр, совсем не так. Понимаете, в Британии совсем мало людей, умеющих прилично читать, писать и считать, здесь же без этого никак. А большинство тех, кто это умеет, находят гораздо лучшую работу, если не лень поискать. Так что Бюро достаются самые… ну… неуравновешенные. — Томас саркастически улыбнулся. — Иногда сюда берут даже женщин. Вязальщиц, потерявших работу из-за этих новых машин. Их нанимают считывать и пробивать карточки. Они же аккуратные, привыкли к мелкой работе, так что им в самый раз.

— Весьма странная политика, — заметил Мэллори.

— Давление обстоятельств, — пояснил Тобиас. — В нашем деле всегда так. Вы когда-нибудь работали на правительство Ее Величества, мистер Мэллори?

— В некотором роде, — пожал плечами Мэл-

лори.

Он работал на Комиссию по свободной торговле Королевского общества. Он поверил их патриотической болтовне, их обещаниям закулисного влияния, а они высосали из него все, что можно, и отпустили на все четыре стороны — выкручивайся как умеешь. Личная встреча с главой комиссии лордом Гальтоном [74], теплое рукопожатие, «глубочайшее сожаление», что не может быть и речи об «открытом признании его доблестной службы...» Вот и все. И ни клочка подписанной бумаги.

— А какая это была работа? — заинтересовался Тобиас.

— Вы видели когда-нибудь так называемого сухопутного левиафана?

---

[74] Примечания: 74

Гальтон, Фрэнсис (1822–1911) — английский исследователь, психолог и антрополог, кузен Дарвина. Основатель евгеники, выступал за повышение рождаемости у людей с лучшими умственными и физическими способностями и за понижение — с худшими. (В настоящее время евгенику как науку полагают в серьезной степени скомпрометированной — и отнюдь не только «большевистским и нацистским экспериментом»; принято считать, что врожденные способности могут значительно изменяться под влиянием социальных факторов и образования.) В области криминологии Гальтон предлагал использовать для опознания преступников составной портрет и отпечатки пальцев. Увлекался статистикой, в течение 34 лет занимался совершенствованием норм и средств измерения; одна из его ранних статей была посвящена статистическому анализу эффективности молитвы. В 1909 г. удостоен рыцарского титула.

— В музее, — кивнул Тобиас. — Его еще называли бронтозаврусом, такой слон-рептилия. У него зубы на конце хобота. Деревья ел.

— Смышленый вы парень, Тобиас.

— Так, значит, вы — левиафанный Мэллори! — восхищенно выдохнул Тобиас. — Знаменитый ученый!

Зазвонил колокольчик. Тобиас сорвался с места и подхватил с лотка широкую, сложенную гармошкой бумажную ленту.

— Отлично, сэр. Уже разобрались. Я же сразу сказал, что эта история с черепом поможет. — Тобиас развернул перед Мэллори ленту.

Это была подборка машинных портретов. Темноволосые англичане с внешностью висельников. Машинная печать, выполненная маленькими черными квадратиками, слегка искажала лица; казалось, что у всех этих людей темная пена на губах и грязь в уголках глаз. Выглядели они родными братьями — некий странный подвид рода человеческого, подвид ушлых и ни во что не верящих. Портреты были безымянными, под ними стояли только гражданские индексы.

— Вот уж не думал, что их будет так много, — поразился Мэллори.

— Было бы меньше, имей мы более точные

антропометрические параметры, — сказал Тобиас. — Но вы не торопитесь, сэр, посмотрите внимательнее. Или ваш жулик здесь, или его вообще нет в архиве.

Мэллори всматривался в хмурые лица пронумерованных бандитов; деформированные черепа придавали им особо отталкивающий вид. Он отчетливо помнил лицо жучка. Помнил, как оно перекосилось от бешенства, помнил кровавую слюну на сломанных зубах. Это зрелище навсегда врезалось ему в память, врезалось так же ярко, как схожие с костяшками пальцев позвонки, торчавшие из серого вайомингского сланца. Как тот долгий момент озарения, когда Мэллори заглянул в сердцевину тусклых каменных глыб и прозрел непреходящее сияние своего триумфа, свою грядущую славу. Точно так же тогда, на ипподроме, он видел в лице жучка смертельный вызов, способный переиначить всю его жизнь.

Но ни одно из этих ошалелых, угрюмых лиц никого ему не напоминало.

— А возможно такое, что этого человека у вас нет?

— Возможно, если на него нет уголовного досье, — сказал Тобиас. — Мы можем прогнать эту карту по полной программе, но на это уйдут

недели машинного времени и потребуется особое разрешение сверху.

— Отчего же так долго?

— В наших архивах есть данные на все население Британии. На каждого, кто когда-либо подавал прошение о приеме на государственную службу, или платил налоги, или был арестован. — Тобиас почти извинялся; было видно, что он искренне хочет помочь. — А может, этот тип иностранец?

— Я уверен, что это был англичанин и явный уголовник. Он вооружен и опасен. И все же его здесь нет.

— А может, просто плохие снимки? Эти самые уголовники, они же чего только ни вытворяют перед полицейским фотографом — и щеки надувают, и вату в нос засовывают, и все что угодно. Он должен быть здесь, точно должен.

— Не думаю. А есть еще какие-нибудь варианты? Тобиас сел и сокрушенно покачал головой.

— Это все, что у нас имеется, сэр. Если только вы не измените описание.

— А не могли кто-нибудь *убрат*ьего портрет?

— Это было бы искажение официальных данных, сэр. — Тобиас был потрясен. — Уголовное преступление, караемое депортацией в колонии

или каторгой. Да разве ж кто на такое пойдет?

Повисло напряженное молчание.

— А все-таки? — подстегнул его Мэллори.

— Ну, данные, сэр, это святая святых, ради них нас здесь и держат. Но *есть* некоторые высокопоставленные чиновники, не из нашего Бюро, — лица, заботящиеся о конфиденциальной безопасности государства. Да вы понимаете, о ком я.

— Нет, — качнул головой Мэллори, — не понимаю.

— Очень немногие джентльмены, облеченные большим доверием и полномочиями. — Тобиас оглянулся на других посетителей и понизил голос. — Возможно, вы слышали о том, что называется Особым кабинетом? Или Особым бюро полиции?

— Кто-нибудь еще?

— Ну, естественно, королевская семья. Все мы, в конце концов, слуги короны. Если бы сам Альберт приказал нашему министру статистики…

— А как насчет премьер-министра? Лорда Байрона? Тобиас ничего не ответил, лицо его как-то поскучнело.

— Праздный вопрос, — делано улыбнулся Мэллори. — Забудьте о нем. Это академическая

привычка — если меня заинтересовал какой-то предмет, я пытаюсь разобраться в нем до конца, до самых мелочей. Но здесь это абсолютно ни к чему. Взгляну-ка я еще раз. — Мэллори сделал вид, что повторно изучает. — Скорее всего, это мой собственный промах, да и света здесь маловато.

— Позвольте, я прибавлю газ, — вскочил Тобиас.

— Не стоит, — отмахнулся Мэллори. — Прибережем мое внимание для женщины. Возможно, с ней нам повезет больше.

Тобиас покорно сел. Минуты ожидания тянулись невыносимо долго, однако Мэллори разыгрывал ленивое безразличие.

— Неспешная работа, а, мистер Тобиас? Такого, как вы, должны манить более высокие цели.

— Мне ведь и вправду нравятся машины, — признался Тобиас. — Только не эти неповоротливые монстры, а более умные, более эстетичные. Я хотел выучиться на клакера.

— Тогда почему вы не в школе?

— Не могу себе этого позволить, сэр. Моей семье не под силу.

— А вы бы попробовали получить государственную стипендию. Пошли бы, сдали экзамены.

— Ходил я на эти экзамены, только ничего не

вышло, завалил анализ. — Тобиас помрачнел. — Да и какой из меня ученый? Искусство, вот чем я живу. Кинотропия!

— Театральное дело, а? Говорят, с этой страстью люди рождаются.

— Я трачу на машинное время каждый свой свободный шиллинг. — Глаза мальчика разгорелись. — У нас небольшой клуб энтузиастов. «Палладиум» сдает нам в аренду свой кинотроп — утром, когда нет представлений. Иногда среди любительской чуши можно увидеть потрясные вещи.

— Очень интересно, — отозвался Мэллори. — Я слышал, что… — Он с трудом вспомнил нужное имя. — Я слышал, что Джон Китс очень неплох.

— Старье с бордюром, — безжалостно отрезал Тобиас. — Вы бы вот посмотрели Сэндиса. Или Хьюза. Или Этти [75]! И еще один клакер, манчестерский, так у него работы вообще отпад

---

[75] Примечания: 75

Сэндис, Энтони Фредерик Огастес (1829–1904), английский художник, близкий к прерафаэлитам; наиболее известен иллюстрациями и гравюрами, являвшими уникальную смесь прерафаэлитской тематики и дюреровской точности штриха. Хьюз, Артур (1832–1915), художник-прерафаэлит, иллюстрировал сборник Кристины Россетти «Детские стихи и песни» (1872). Этти, Уильям (1787–1849), английский художник, один из последних академистов, предпочитал сюжеты из истории и мифологии; с конца 1830-х из экономических соображений специализировался преимущественно на обнаженной натуре, и не без примеси скандала.

— Майкл Рэдли. Я видел одно его шоу здесь, в Лондоне, прошлой зимой. Лекционное турне с каким-то американцем.

— Кинотропные лекции бывают весьма поучительны.

— Да нет, лектор там был какой-то жулик, политик американский. Будь моя воля, так я бы его вообще со сцены турнул, а картинки прогнал без звука.

Мэллори дал беседе иссякнуть. Тобиас некоторое время поерзал, желая поговорить еще и не решаясь на подобную вольность, но тут зазвонил колокольчик, и он вскочил как подброшенный и умчался, громко скребанув по полу подметками полуразвалившихся башмаков.

— Рыжие, — объявил он через несколько секунд, кладя перед Мэллори новую порцию распечаток.

Мэллори хмыкнул и погрузился в изучение снимков. Падшие, безнадежно погубленные женщины. Женщины, о чьем падении, о чьей гибели неопровержимо свидетельствовали их лица, оттиснутые на бумаге крошечными черными квадратиками машинной печати. В отличие от мужских, женские лица почему-то казались живыми. Вот круглолицая уроженка рабочих

кварталов Лондона, дикая необузданность ее взгляда даст сто очков вперед любой индейской скво. Глазастенькая ирландская девочка, и сколько же она, наверное, настрадалась из-за своего длинного, неестественно узкого подбородка. Уличная девка с пьяноватыми глазами и копной грязных нечесаных волос. Там — прямой, неприкрытый вызов, здесь — упрямо сжатые губы, а вот — застывшие измученные глаза пожилой женщины, чей затылок слишком сильно и слишком надолго сдавили фиксирующей скобой.

А эти глаза — сколько в них мольбы, сколько оскорбленной невинности… Постойте, постойте, да это же… Мэллори ткнул пальцем в снимок и поднял голову:

— Вот она!

— Ну, здорово! — вскинулся Тобиас. — Какой там у нее индекс?

Прикрепленный к столу ящичек из красного дерева оказался ручным перфоратором; Тобиас набил, поглядывая на распечатку, гражданский индекс женщины, вынул готовую карту из перфоратора и положил в лоток. Затем он смахнул крошечные бумажные квадратики со стола в ладонь и препроводил их в мусорную корзину.

— И что же? — спросил Мэллори, вынимая из

кармана записную книжку. — Теперь я получу досье этой женщины?

— Более или менее, сэр. Не полное досье, а резюме.

— И я смогу забрать эти документы с собой?

— Строго говоря, нет, сэр, поскольку вы не на службе закона… — Тобиас понизил голос. — А вообще-то, вы могли бы заплатить самому обычному магистрату или даже клерку и тайком получить эти сведения за каких-то несколько шиллингов. Если у вас имеется индекс, все остальное довольно просто. Это обычный клакерский трюк — читать машинное досье на кого-то из преступного мира; это называется «выдернуть» или «держать руку на пульсе».

— А если я закажу свое собственное досье? — заинтересовался Мэллори.

— Ну, сэр, вы же джентльмен, а не преступник. В обычных полицейских досье вас нет. Магистратам, судебным клеркам и всем таким, им придется заполнять особые формуляры и объяснять причину запроса. А у нас еще десять раз подумают, проводить поиск или послать их куда подальше.

— Юридические ограничения? — подсказал Мэллори.

— Нет, сэр, закон тут ничего не запрещает, просто очень уж хлопотно. Подобные поиски поглощают машинное время и деньги, а у нас и так вечно превышен бюджет и по тому, и по этому. Вот если бы подобный запрос сделал член парламента или кто-нибудь из лордов…

— А что, если в Бюро работает один из моих друзей? Человек, уважающий меня за мою щедрость.

— Не так это просто, сэр. — На лице Тобиаса появилось что-то вроде застенчивости. — Каждый прогон регистрируется, под каждым запросом стоит чья-то подпись. Сегодняшний поиск проводится для мистера Уэйкфилда, тут все в порядке, а вот этому вашему другу придется работать от чужого имени. Машинное жульничество, оно все равно что биржевое или кредитное, и карают за них одинаково. Влипнешь, так мало не покажется.

— Ну вот, — сказал Мэллори, — теперь все понятно. Я давно заметил, что по любому вопросу нужно обращаться к специалисту, досконально знающему свое дело. Позвольте предложить вам мою карточку.

Мэллори вынул из записной книжки визитную карточку от Молла и Полибланка. Плотно сложив

пятифунтовую банкноту, он прижал ее к оборотной стороне карточки и передал мальчику. Пять фунтов — сумма приличная. Обдуманное капиталовложение.

Тобиас порылся под фартуком, отыскал засаленный бумажник, сунул туда карточку и деньги, а взамен извлек обтрепанный кусочек глянцевого картона. «*Дж. Дж. Тобиас, эсквайр,* — гласила надпись, выполненная чрезмерно вычурной машинной готикой. — КИНОТРОПИЯ И ТЕАТРАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВА». Далее значился адрес в Уайтчепеле.

— Там внизу телеграфный номер, так вы на него не смотрите, — сказал он смущенно. — Я его больше не арендую.

— Вы случайно не интересовались французской кинотропией, мистер Тобиас? — спросил Мэллори.

— Да, сэр, — кивнул Тобиас. — С Монмартра приходит иногда вполне приличный материал.

— Насколько я понимаю, лучшие французские ординатёры используют специальные перфокарты.

— «Наполеоновский» формат, — подтвердил Тобиас. — Они поменьше, из искусственного материала и очень быстро вводятся. А для кино скорость первое дело.

— Вы, случайно, не знаете, где здесь, в Лондоне, можно было бы арендовать французское устройство ввода?

— Чтобы транслировать данные с французских карточек, сэр?

— Да, — ответил Мэллори, изображая небрежный интерес. — Я тут должен получить от французского коллеги некую информацию, чисто академическую, и все же дело требует определенной конфиденциальности. Я бы предпочел работать в частном порядке.

— Да, сэр, разумеется, — кивнул Тобиас. — То есть, я знаю парня, у которого есть французское вводное устройство, и он позволит вам делать с ним все, что угодно, если вы хорошо заплатите. В прошлом году среди клакеров Лондона была мода на французский формат. Но потом, после неприятностей с «Гран-Наполеоном», настроения переменились.

— Правда? — удивился Мэллори. Тобиас кивнул, обрадовавшись случаю выказать осведомленность.

— Сейчас все считают, сэр, что французы слишком уж замахнулись с этим их гигантским «Наполеоном» и где-то там что-то ляпнули.

Мэллори погладил бороду.

— А может, это просто профессиональная зависть?

— Вовсе нет, сэр! — с пылом заверил его Тобиас. — Каждый знает, что с «Гран-Наполеоном» в начале этого года случилась какая-то крупная неприятность. Они уж чего только не делали, но так и не смогли вернуть машину к нормальной работе. Кое-кто, — мальчик понизил голос, — даже поговаривает о саботаже! Вы знаете такое французское слово «саботаж»? Оно происходит от «сабо», это такие деревянные башмаки, их носят французские рабочие. В такой-то обуви они могут, пожалуй, ногами сшибить машину с фундамента! — Злорадство, светившееся в глазах Тобиаса, несколько встревожило Мэллори. — У французов сейчас что-то вроде луддитских беспорядков, ну точь-в-точь как у нас когда-то.

По комнате раскатились два коротких гудка; два усердных джентльмена, к которым за это время присоединился такой же усердный третий, закрыли альбомы и ушли.

Снова звякнул колокольчик, призывая Тобиаса к лотку. Мальчик медленно поднялся, поправил стул, прошел вдоль стола, полок, осмотрел альбомы на предмет несуществующей пыли и поставил их на полку.

— Там вроде наш ответ, — не выдержал Мэллори. Тобиас коротко кивнул, но не обернулся.

— Вполне вероятно, сэр, но я уже и так переработал. Эти два гудка…

Мэллори нетерпеливо поднялся и подошел к лотку.

— Нет, нет, — заорал Тобиас, — только в перчатках! Давайте лучше я!

— Плевал я на ваши перчатки! Да и кто там об этом узнает?

— «Криминальная антропометрия» — вот кто! Это их комната, и они просто ненавидят следы голых пальцев! — Тобиас вернулся к столу с пачкой бумаги. — Ну так вот, сэр, наша подозреваемая — Флоренс Бартлетт, урожденная Рассел, место рождения — Ливерпуль…

— Спасибо, Тобиас. — Мэллори сворачивал распечатки так, чтобы половчее уместить их под жилетом. — Очень благодарен вам за помощь.

* * *

Мэллори отлично помнил это вайомингское утро. Холодно было, как на Северном полюсе, вытоптанную, пожухлую траву покрывал толстый слой инея. Он сидел на корточках рядом с чуть теплым котлом самоходного форта, ворошил в

топке жалкую, еле тлеющую кучку бизоньего навоза и пытался согреть свой завтрак — заледеневшую, жесткую, как железо, полоску вяленого мяса. То же самое будет и на обед. И на ужин. Работа киркой и заступом покрыла руки Мэллори кровавыми мозолями; для полной радости, он умудрился их обморозить. А уж что на бороде висели сосульки замерзшего дыхания, так это ерунда, пускай себе висят. Жалкий и несчастный, он дал себе тогда торжественную клятву никогда впредь не жаловаться на летнюю жару.

Но кто же мог ожидать, что на Лондон обрушится такой адский, душный зной?

Эта ночь прошла без единого дуновения ветерка, и его постель превратилась в какое-то вонючее болото. Он спал поверх простыней, прикрывшись мокрым турецким полотенцем и вставая каждый час, чтобы смочить его вновь. Матрас промок, хоть выжимай, а в комнате было жарко и душно, как в теплице. К тому же она насквозь пропиталась табачным дымом — изучая полицейское досье Флоренс Рассел Бартлетт, Мэллори выкурил с полдюжины гаванских сигар. Большая часть досье была посвящена событиям весны 1853 года, убийству мистера Бартлетта, крупного ливерпульского торговца хлопком.

Это было отравление. Миссис Бартлетт несколько недель подмешивала мужу в «Водолечебный укрепитель доктора Гоува» мышьяк, извлеченный из бумаги от мух. Ночи, проведенные на Хеймаркете, просветили Мэллори, что средство доктора Гоува является на деле сильным афродизиаком, но досье скромно об этом умалчивало. Зато там упоминалась смерть матери Бартлетта в 1852 году от прободной язвы и его дяди с отцовской стороны в 1851 году от острой дизентерии — болезней, похожих по симптоматике на отравление мышьяком. Формальные обвинения по этим двум смертям так и не были предъявлены — миссис Бартлетт бежала из-под стражи, припугнув надзирателя Бог весть откуда добытым дерринджером.

В Центральном статистическом бюро подозревали, что она перебралась во Францию, поскольку кто-то приложил перевод доклада парижской полиции о событиях 1854 года. Некая Флоренс Мэрфи, промышлявшая нелегальными абортами, предположительно — американская беженка, была арестована и судима за то, что «облила серной кислотой с целью изуродовать или покалечить» Иветту Лемуан, жену известного лионского торговца шелком, — свою, судя по всему, соперницу.

Но уже в первую неделю суда «миссис Мэрфи» исчезла из-под стражи и из всех последующих донесений французской полиции.

Мэллори подошел к крану, ополоснул лицо, шею и подмышки. Серная кислота наводила на мрачные размышления.

Завязывая шнурки ботинок, он уже снова вытирал пот со лба. Выйдя из комнаты, Мэллори обнаружил, что невероятная для города жара повергла Дворец в полное оцепенение. Гнетущая влажность колыхалась над мраморными полами, как невидимая болотная жижа. Украшающие холл пальмы словно вышли из юрского периода. Он поплелся в столовую Дворца и несколько восстановил свои силы четырьмя холодными яйцами вкрутую, копченой селедкой, тушеными помидорами, куском ветчины, парой ломтиков охлажденной дыни и несколькими чашками кофе со льдом. Как и всегда, кормили здесь вполне прилично, хотя селедка чуть-чуть подванивала — мало удивительного в такую-то жару. Мэллори подписал счет и пошел за своей почтой.

Он был несправедлив к селедке. Вонял, как выяснилось, сам Дворец, вонял тухлой рыбой или чем-то похуже. Сквозь запах мыла, оставшийся в холле после утренней уборки, на мгновение про-

бился — и тут же снова исчез — таинственный, словно от какой-то дохлятины, смрад. Как на скотобойне? Да, похоже, только тут еще непонятная едкая примесь — не то уксус, не то еще какая-то кислота. Направляясь к столу дежурного, чтобы забрать свою почту, Мэллори мучительно припоминал, где же это он сталкивался с подобным зловонием прежде.

Немолодой, очумевший от жары клерк приветствовал его со всей возможной почтительностью — щедро раздаваемые чаевые всегда и везде обеспечивают уважение обслуживающего персонала.

— А что, в моем ящике ничего нет? — удивился Мэллори.

— Слишком он мал, доктор Мэллори. — Клерк нагнулся и вытащил из-за конторки большую проволочную корзину, до краев заваленную конвертами, журналами и посылками.

— Да-а, — протянул Мэллори. — И ведь день ото дня все хуже и хуже.

— Цена славы, сэр, — сочувственно кивнул клерк. Мэллори был ошеломлен.

— Считается, вероятно, что я буду все это читать…

— Позволю себе смелость сказать, сэр, что вам

стоило бы нанять личного секретаря.

Мэллори хмыкнул. Он питал отвращение к секретарям, камердинерам, дворецким, горничным — лакейство унижает человека. Когда-то его мать прислуживала в одной богатой сассексской семье. Было это давно, еще до радикалов, но рана никак не заживала.

Он отнес тяжелую корзину в тихий уголок библиотеки и принялся разбирать ее содержимое. Сперва журналы: солидные, с золотом на корешке «Труды Королевского общества», «Герпетология всех наций», «Журнал динамической систематики», «Annales Scientifiques de I'Ecole des Ordinateurs» с интересной, похоже, статьей о механических невзгодах «Гран-Наполеона»... Эти академические подписки чрезмерно обременительны, но зато доставляют радость редакторам, а довольный редактор скорее напечатает твою собственную статью.

Далее — письма. Мэллори быстро раскидал их на кучки. Сперва — письма попрошаек. Он опрометчиво ответил на пару тех, что казались очень уж слезными и искренними, после чего вымогатели набросились на него, как шакалы.

Вторая стопка — деловые письма. Приглашения выступить там-то и там-то, интервью; счета

от торговцев; полевые палеонтологи-катастрофисты наперебой предлагают соавторство.

Далее — письма, написанные женским почерком. Наседки от естествознания — «охотницы за цветочками», как называл их Гексли. Эти дамочки заваливали Мэллори десятками посланий, с одной-единственной целью получить у него автограф и, «если он будет столь любезен», подписанную визитную карточку. В некоторых конвертах попадались аккуратные рисуночки самых заурядных ящериц, сопровождаемые неизбежным обращением к его познаниям в области таксонометрии рептилий.

Некоторые корреспондентки выражали деликатное восхищение (иногда — в стихах) и приглашали предмет этого восхищения на чай, буде он когда-нибудь окажется в Шеффилде. Или в Ноттингеме. Или в Брайтоне.

Попадались и письма — их приметами были заостренный почерк, тройное (!!!) подчеркивание отдельных слов и надушенные, перевязанные ленточкой локоны, — выражавшие пылкое обожание, причем в выражениях настолько смелых, что Мэллори невольно краснел. Поначалу таких было не очень много, однако стоило «Еженедельнику английской хозяйки» поместить на своих

страницах портрет «знаменитого ученого», как урожай надушенных локонов резко возрос.

Мэллори внезапно остановился. Он едва не откинул в сторону письмо от самой младшей своей сестры Рут. Малышка Рут, хотя, конечно же, этой малышке уже ни много ни мало семнадцать лет. Он распечатал письмо.

МИЛЫЙ НЕД!

Я пишу тебе под диктовку мамы, потому что сегодня у нее совсем плохо с руками. Отец очень благодарит тебя за чудный плед из Лондона. Французское притирание очень помогло моим рукам (маминым), хотя больше коленям, чем рукам. Мы все по тебе очень скучаем в Льюисе, хотя знаем, что ты занят своими великими делами Королевского общества! Мы читаем вслух каждое твое американское приключение, как они написаны мистером Дизраэли в «Семейном музее». Агата спрашивает, не можешь ли ты, пожалуйста, пожалуйста! получить для нее автограф мистера Дизраэли, потому что она очень любит его роман «Танкред»! Но самая большая наша новость в том, что наш дорогой Брайан вернулся из Бомбея и благополучно проводит с нами этот самый день, 17 июня! И он привез с собой нашего дорогого будущего брата лейте-

нанта Джерри Ролингза, тоже из Сассексского артиллерийского полка, который просил нашу Маделайн подождать, как она, конечно же, и сделала. Теперь они поженятся, и мама хочет, чтобы ты знал, что это будет не в церкви, а гражданская церемония с Ч.П. мистером Уидерспуном в городской ратуше Льюиса. Мы ждем тебя 29 июня, когда отец отдаст свою почти последнюю дочку, — я не хотела этого писать, но мама меня заставила. С любовью от всех нас,

РУФЬ МЭЛЛОРИ (мисс).

Итак — малышка Маделайн разжилась наконец мужем. Бедняжка, четыре долгие года помолвки, тем более тревожной, если твой жених служит в такой гнилой дыре, как Индия. Маделайн обручилась в восемнадцать лет, а сейчас ей уже двадцать два. Нельзя принуждать юную, жизнерадостную девушку к такому долгому ожиданию; в последний свой визит Мэллори обнаружил, что жестокое испытание сделало Маделайн вспыльчивой и язвительной и домашние откровенно ее побаиваются. Скоро весь уход за стариками ляжет на плечи маленькой Рут. А когда и она выйдет замуж… ну что ж, тогда об этом и подумаем. Мэллори потер взмокшую от пота бороду. Маделайн выпала более тяжкая доля, чем

Эрнестине, Агате или Дороти. Нужно подарить ей что-нибудь красивое. Свадебный подарок должен быть весомым свидетельством, что время тревог и печалей осталось позади.

Мэллори отнес почту к себе в комнату, свалил ее на пол возле забитого под завязку бюро и покинул Дворец, вернув по дороге корзину дежурному.

На тротуаре перед Дворцом собралась группа квакеров, мужчины и женщины. Они уныло выводили какой-то из своих нравоучительных гимнов, нечто насчет «поезда в рай». Песенка никоим боком не касалась ни эволюции, ни святотатства, ни окаменелых останков доисторических животных — возможно, тоскливое однообразие бесплодного протеста утомило даже таких железных людей, как квакеры. Мэллори прошел мимо, не обращая внимания на протянутые брошюры. Было жарко, на редкость жарко, жарко как в пекле. И хоть бы самое легкое дуновение ветра, хоть бы самый крошечный просвет в облаках; высокое небо налилось свинцовой тяжестью, словно хотело разразиться дождем, но забыло, как это делается.

Мэллори прошел по Глостер-роуддоугла Кромвель-лейн; совсем недавно здесь поселился

бронзовый Кромвель на коне [76]; радикалы очень его любили. Здесь же останавливались паробусы через каждые десять минут, но все они были забиты до отказа — в такую погоду никому не хотелось идти пешком.

Совсем неподалеку, на углу Эшберн-Мьюз, располагалась станция метрополитена «Глостер-роуд», и Мэллори решил рискнуть. Смелую идею пришлось вскоре оставить — в двери подземки никто не входил, время от времени оттуда вылетали люди, спасающиеся от невозможной, невыносимой вони.

Лондонцы успели привыкнуть к сомнительным ароматам своей подземки, но это было нечто совсем иного порядка. В сравнении с удушающим зноем улиц, шедший снизу воздух был даже прохладен, однако в нем ощущался запах смерти, словно что-то сгнило в закупоренной стеклянной банке. Билетная касса была закрыта; на ее окошке висела записка: «ПРОСИМ ПРОЩЕНИЯ ЗА НЕУДОБСТВА». И ни слова, что там и почему, об истинной природе неполадок.

На противоположной стороне Кортфилд-роуд у гостиницы «Бейлиз» стояли запряженные

[76] Примечания: 76

Памятник Кромвелю установлен гораздо позже (1899) и в совершенно другом месте, а именно перед парламентом.

лошадьми кэбы. Мэллори совсем было собрался перейти улицу, как вдруг заметил неподалеку свободный вроде бы кэб. Сделав знак кучеру, он подошел к дверце и увидел пассажира, только что по-видимому приехавшего. Мэллори отступил на шаг, в естественной надежде, что пассажир сейчас сойдет, однако тот, явно недовольный присутствием незнакомца, прижал ко рту носовой платок, сложился пополам так, что голова его исчезла из вида, и зашелся сухим, мучительным кашлем. Возможно, он был нездоров — или только что из подземки, не успел еще отдышаться.

Нервы Мэллори были на пределе; он не стал ждать, сел в один из свободных кэбов и коротко приказал: «Пикадилли».

Кучер цокнул мокрой от пота кляче, и она уныло потрусила по Кромвель-роуд. Как только кэб двинулся с места и в окно повеяло слабым ветерком, жара стала не столь гнетущей, и Мэллори чуть приободрился. Кромвель-роуд, Терлоу-плейс, Бромптон-роуд — в своих грандиозных планах переустройства города правительство отвело эти части Кенсингтона и Бромптона под огромный комплекс музеев и дворцов Королевского общества.

Один за другим проплывали они за окном кэба

в невозмутимом величии своих куполов и колоннад: физика, экономика, химия… Некоторые новации радикалов вызывают, мягко говоря, удивление, размышлял Мэллори, но трудно отрицать разумность и справедливость того, что ученым, посвятившим себя благороднейшему труду на благо человечества, предоставляются великолепные здания. Кроме того, польза этих дворцов для науки многократно превышает затраты на их строительство.

По Найтсбридж-роуд, через Гайд-парк-корнер, к Наполеоновым вратам [77], дару Луи-Наполеона в память об англо-французской Антанте. Мощный остов огромной чугунной арки поддерживал целую толпу крылатых амурчиков и задрапированных дам с факелами. Красивый монумент, думал Мэллори, и к тому же в новейшем вкусе. Массивная элегантность врат словно отрицала самое мысль о том, что когда-либо существовали хоть малейшие разногласия между Великобританией и ее вернейшим союзником, имперской Францией. А «недоразумение» наполеоновских войн, криво усмехнулся про себя Мэллори, можно

[77] Примечания: 77
В действительности именно на этом месте стоит «Арка Веллингтона».

свалить на тирана Веллингтона [78].

Хотя памятника герцогу Веллингтону в Лондоне не было, Мэллори временами казалось, что память об этом человеке витает в городе, словно призрак. Триумфатор Ватерлоо, прославленный некогда как спаситель британской нации, Веллингтон был пожалован пэрством и занял высочайший государственный пост. Но в нынешней Англии его поносили как хвастливого и самодовольного изверга, второго короля Джона [79], палача своего народа. Ненависть радикалов к их давнему и грозному врагу выдержала испытание временем. Со смерти Веллингтона выросло уже целое поколение, но премьер-министр Байрон все еще при каждом удобном случае втаптывал память герцога в грязь.

---

[78] Примечания: 78

Веллингтон, Артур Уэллсли (1769–1852) — герцог, английский полководец, победитель Наполеона при Ватерлоо. Единственный, кому в Лондоне установлены две бронзовые конные статуи (причем одна отлита из трофейных французских пушек). В 1828–1830 гг. премьер-министр кабинета тори, в 1834–1835 гг. министр иностранных дел. Байрон (см. далее в тексте) действительно ненавидел Веллингтона лютой ненавистью и называл его победу при Ватерлоо случайным триумфом посредственности над гением. Налицо любопытная параллель с другим произведением в жанре альтернативной истории: в повести Уолтера Иона Уильямса «Стена, камень, мастерство» (1993) Байрон принимает участие в битве при Ватерлоо и берет Наполеона в плен (в названии повести разложена на три отдельных слова фамилия Мери Шелли по матери — Уоллстонкрафт).

[79] Примечания: 79

Король Джон — Иоанн Безземельный (1167–1216), английский король (с 1199) из династии Плантагенетов. В 1202–1204 гг. вел неудачные войны во Франции.

Мэллори был вполне лояльным членом радикальной партии, однако его не убеждала пустая брань. Про себя он придерживался собственного мнения о давно умершем тиране. В первое свое посещение Лондона шестилетний тогда Мэллори имел счастье видеть герцога; тот проезжал по улице в золоченой карете с эскортом из вооруженных, лихо галопирующих всадников. Мэллори тогда поразили не столько знаменитое крючконосое лицо, обрамленное бакенбардами и подпираемое высоким воротничком, суровое и молчаливое, сколько благоговейная смесь страха и радости на отцовском лице.

Было это очень давно, в 1831 году, первом году смутных времен и последнем старого режима Англии, однако вид лондонских улиц все еще пробуждал в Мэллори слабый отзвук детских впечатлений. Через несколько месяцев, уже в Льюисе, его отец бурно радовался, когда пришло известие о смерти Веллингтона от руки бомбиста. Но мальчик тайком плакал, сам не зная из-за чего.

Мэллори видел в Веллингтоне человека, безнадежно утратившего контакт с реальностью, слепую жертву непонятных ему самому сил; герцог напоминал ему не столько короля Джо-

на, сколько Карла Первого [80]... Он безрассудно защищал интересы тори, разложившейся аристократии, класса, обреченного уступить власть поднимающемуся среднему сословию и ученым-меритократам [81]. И это при том, что сам Веллингтон к аристократии не принадлежал, когда-то он был простым Артуром Уэллсли, ирландцем довольно скромного происхождения.

Кроме того, Мэллори представлялось, что Веллингтон проявил похвальное владение воинским искусством. Вот только зря он ушел в гражданскую политику. Реакционный премьер-министр Веллингтон трагически недооценил революционный дух грядущей научно-промышленной эры. Он заплатил за это отсутствие прозорливости своей честью, своей властью и своей жизнью.

А непонятая Веллингтоном Англия, Англия детства Мэллори, буквально в одночасье перешла от листовок, забастовок и демонстраций к мятежам, военному положению, резне, открытой классовой войне и почти полной анархии. Только

---

[80] Примечания: 80

Карл Первый (1600–1649) — король Англии с 1625 г. После восстания Кромвеля казнен по решению парламента.

[81] Примечания: 81

Меритократ — сторонник меритократии, т. е. такого устройства общества, где власть принадлежит самым достойным (от лат. meritus — достойный).

промышленная радикальная партия, с ее рациональным видением нового, всеобъемлющего порядка, спасла страну от падения в пропасть.

Но даже если и так, думал Мэллори, должен же хоть где-то быть памятник.

Кабриолет катил по Пикадилли — мимо Даунстрит, Уайтхос-стрит, Хаф-Мун-стрит. Мэллори достал из записной книжки визитную карточку Лоренса Олифанта; да, именно здесь он и живет, на Хаф-Мун-стрит. Сразу мелькнула соблазнительная мысль остановить кэб и забежать к журналисту. Можно надеяться, что в отличие от большинства изнеженных придворных бездельников Олифант не спит до десяти и у него, пожалуй, найдется ведерко со льдом и глоток чего-нибудь, способствующего потовыделению. Идея нагло поломать распорядок дня этого рыцаря плаща и кинжала и, быть может, застать его за какой-нибудь тайной интригой представлялась Мэллори весьма привлекательной.

Но сперва — главное. Возможно, он заглянет к Олифанту потом, на обратном пути.

Мэллори остановил кэб у входа в Берлингтонский пассаж [82]. На противоположной стороне

---

[82] Примечания: 82
центр небольших дорогих магазинов, расположен на Пикадилли.

улицы, среди россыпи ювелирных магазинов и бутиков, темнел гигантский, закованный в железо зиккурат Фортнума и Мейсо-на. Кэбмен безбожно ободрал Мэллори, однако тот находился в великодушном настроении и не стал спорить. Похоже, эти ребята обдирают сегодня всех подряд: чуть поодаль еще один джентльмен выскочил из экипажа и теперь ругался — в самой вульгарной манере — со своим кэбби.

Хождение по магазинам — лучший способ прочувствовать свежеобретенное, как снег на голову свалившееся богатство, в этом Мэллори не сомневался. Он добыл эти деньги рискованным, почти безумным поступком, но тайну их происхождения не знал никто посторонний. Кредитные машины Лондона с равной готовностью отщелкивали деньги из призрачных доходов игрока и из скромного достояния безутешной вдовы.

Так что же купить? Эту вот гигантскую железную вазу, на восьмиугольной подставке, с восемью ажурными экранами, подвешенными перед желобчатой ножкой и придающими всему предмету исключительную легкость и элегантность? Или вот эту настенную подвеску из резного кизила, предназначенную скорее всего под хороший, венецианского стекла термометр?

Или солонку черного дерева, украшенную крошечными колоннами и горельефами? Тем более что к ней прилагается серебряная ложечка с витой ручкой, разрисованная трилистниками и дубовыми листьями, а также обеспечивается гравировка монограммы — «по желанию и выбору покупателя».

У «Дж. Уокера и К°», в небольшом, но весьма тонном заведении, выгодно выделяющемся даже среди роскошных, с зеркальными витринами магазинов знаменитого Пассажа, Мэллори обнаружил подарок, который показался ему наиболее подходящим. Это были часы с восьмидневным заводом и мелодичным, вроде звона церковных колоколов, боем. Механизм, который показывал также дату, день недели и фазы луны, был выдающимся образчиком британского ремесла, хотя, конечно же, у тех, кто ничего не смыслит в механике, наибольшее восхищение вызовет элегантный корпус. Корпус этот, изумительно отлитый из папье-маше, покрытый лаком и инкрустированный бирюзово-синим стеклом, венчала группа крупных позолоченных фигур. Последние представляли юную, очаровательную, очень легко одетую Британию, с восхищением взирающую на прогресс, вносимый Временем

и Наукой в счастье и цивилизованность народа Британии. Сия, весьма похвальная тема была дополнительно иллюстрирована серией из семи резных картинок, ежедневно сменявших друг друга под действием спрятанного в основании часов механизма.

Стоило это чудо ни много ни мало четырнадцать гиней. Да и то правда, разве же можно оценивать произведение искусства в вульгарных фунтах-шиллингах-пенсах? На секунду у Мэллори мелькнула сугубо приземленная мысль, что счастливой чете больше бы пригодилась звонкая пригоршня тех самых гиней. Но деньги скоро уйдут, как это у них принято, особенно — если ты молод. А хорошие часы будут украшать дом не одно поколение.

Мэллори заплатил наличными, отказавшись от предложенного кредита с выплатой в течение года. Пожилой, весьма высокомерный продавец, обильно потевший в высокий крахмальный воротничок, продемонстрировал систему пробковых прокладок, которые предохраняли механизм от повреждений при транспортировке. К часам прилагался запирающийся футляр с ручкой, точно подогнанный по их форме и оклеенный темно-красным бархатом.

Мэллори прекрасно понимал, что ему ни за что не втиснуться с этим ящиком в переполненный паробус. Придется опять нанять экипаж и привязать футляр с часами к расположенному сверху багажнику. Перспектива весьма тревожная, поскольку Лондон буквально кишел «тягалами». Эти малолетние воры с обезьяньей ловкостью взбирались на крыши проезжих экипажей и зазубренными ножами перепиливали багажные ремни. Когда кэб останавливался, ворье разбегалось по каким-то там своим притонам, передавая добычу из рук в руки, пока содержимое чьего-нибудь саквояжа не расходилось по дюжине старьевщиков.

Мэллори протащил покупку через дальние ворота Берлингтонского пассажа, где ему лихо отсалютовал постовой констебль.

Снаружи, в Берлингтонских садах, молодой человек в помятой шляпе и грязном засаленном пальто, непринужденно отдыхавший на бетонном поребрике клумбы, поднялся вдруг на ноги.

Оборванец похромал в сторону Мэллори, его плечи обмякли в театральном отчаянии. Он коснулся полей шляпы, изобразил жалобную улыбку и торопливо заговорил:

— Милостивый сэр если вы простите человеку

впавшему в жалкое состояние хотя не всегда это было так и произошло не по моей вине а исключительно по причине слабого здоровья присущего всей моей семье а также многих ничем не заслуженных страданий вольность обратиться к вам в общественном месте в таком случае милостивый сэр вы оказали бы мне огромное одолжение сказав который час.

Час? Неужели этот тип откуда-то узнал, что Мэллори только что купил большие часы? Но замызганный юнец не обратил на внезапное замешательство Мэллори никакого внимания и продолжал все тем же занудным голосом:

— Сэр просьба о вспомоществовании отнюдь не входит в мои намерения поскольку я был взращен достойнейшей матерью и нищенство не моя профессия и я не знал бы даже как заниматься таким ремеслом посети меня столь постыдное намерение ибо я скорее умру от лишений но сэр заклинаю вас во имя милосердия оказать мне честь послужить вам носильщиком этого ящика который отягощает вас за ту цену какую ваша гуманность могла бы счесть соответствующей моим услугам…

Рот попрошайки резко, чуть не со стуком захлопнулся, губы сжались в тонкую прямую

линию, как у швеи, перекусывающей нитку, расширившиеся глаза смотрели куда-то через плечо Мэллори. Он отступил на три шага, все время держа Мэллори между собой и неизвестным объектом своего созерцания. А потом повернулся на полуоторванных каблуках и нырнул — уже безо всякой хромоты — в толпу, запрудившую тротуары Корк-стрит.

Мэллори повернулся. За спиной у него стоял высокий, сухопарый господин с носом пуговкой и длинными бакенбардами, в долгополом сюртуке а-ля принц Альберт и вполне заурядных брюках. Поймав на себе взгляд Мэллори, господин поднял к лицу платок, зашелся долгим кашлем, благопристойно отхаркался и промокнул глаза. Затем он вздрогнул, словно вспомнил что-то важное, повернулся и зашагал к Берлингтонскому пассажу. И хоть бы взглянул на Мэллори.

Мэллори внезапно заинтересовался, хорошо ли упакованы часы. Поставив футляр на мостовую, он начал внимательно изучать сверкающие латунные застежки. Мысли у него неслись вскачь, а по спине бежали мурашки. Мошенника выдал трюк с платком. Мэллори видел его у станции подземки в Кенсингтоне; это был тот самый закашлявшийся господин, который упорно не

желал вылезать из кэба. А затем пришла догадка: кашлюн был также и тем грубияном, который спорил с кэбменом о плате на Пикадилли. Он следовал за Мэллори по пятам от самого Кенсингтона. Он за ним следит.

Крепко сжав ручку футляра с часами, Мэллори неспешно зашагал по Берлингтон — Гарденс, затем свернул направо, на Олд-Бонд-стрит. Нервы его были напряжены до предела, тело дрожало от охотничьего нетерпения. Ну надо же было так опростоволоситься, ругал он себя, ну зачем ты вылупил глаза на этого типа. Теперь он понимает, что попался, и будет действовать осторожнее. Мэллори шел, всем своим видом изображая беззаботность. Чуть дальше он задержался перед витриной ювелирной лавки и стал внимательно изучать — не разложенные на бархате камеи, браслеты и диадемы, а отражение улицы в безупречно чистом, забранном чугунной решеткой стекле.

Кашлюн не замедлил объявиться. Теперь он держался поодаль, прячась за людей. Кашлюну было лет тридцать пять, в бакенбардах его проступала седина, темный, машинной работы сюртук не представлял собой ничего примечательного. Лицо — самое заурядное, ну разве что чуть по-

тяжелее, чем у среднего лондонца, и взгляд чуть похолоднее, и губы под носом-пуговкой сложены в мрачноватую усмешку.

Мэллори снова свернул, на этот раз — налево, на Брутон-стрит; с каждым шагом громоздкий футляр мешал ему все больше и больше. Витрин с повернутыми под удобным углом стеклами больше не попадалось. Пришлось приподнять шляпу перед хорошенькой женщиной и посмотреть ей вслед, будто любуясь щиколотками. Ну, и конечно — вот он, голубчик, тащится следом, как на веревке привязанный.

Возможно, кашлюн — сообщник того жучка и его бабенки. Наемный головорез, убийца с дерринджером в кармане сюртука. Или со склянкой. Волосы на затылке Мэллори зашевелились от ожидания пули или жидкого огня купоросного масла.

Мэллори пошел быстрее, футляр болезненно бил его по ноге. На Беркли-сквер небольшой паровой кран, героически пыхтевший между двух покалеченных платанов, лупил чугунным шаром по наполовину уже разваленному георгианскому фасаду, каковое зрелище собрало толпу зевак. Мэллори протиснулся вперед к самому барьеру, в облако едкой пыли, и немного расслабился,

наслаждаясь минутой безопасности. Скосив глаза, он снова увидел кашлюна; выглядел тот довольно зловеще и явно нервничал от того, что потерял свою жертву.

Несколько успокаивало то, что в поведении этого человека не чувствовалось бешеной ярости, мрачной решимости убить, он просто стоял и пытался высмотреть среди ног зрителей футляр с часами. Но пока не высмотрел.

Надо смываться, пока не поздно. Прячась за деревьями, Мэллори перебежал площадь, а затем свернул на Чарлз-стрит, сплошь застроенную огромными особняками восемнадцатого века. Настоящие дворцы, все за узорными коваными решетками, на каждой решетке — герб. Современный. За спиной послышалось чуфыканье. Роскошный, весь в лаке и золоте паровой экипаж, выезжающий из каретного сарая, предоставил Мэллори долгожданную возможность остановиться и посмотреть назад.

Все надежды рухнули. Кашлюн был в каком-то десятке ярдов позади — малость запыхавшийся, с покрасневшим от удушливой жары лицом, но нисколько не обманутый жалкими исхищрениями своей жертвы. Преследователь ждал, пока Мэллори двинется дальше, и старательно не смотрел в

его сторону. Вместо этого он с показным вожделением пялился на дверь трактира под названием «Я последний на свете форейтор-скороход» [83]. Ну и что же теперь делать? Вернуться, войти в трактир, а там, в толпе, как-нибудь стряхнуть этого типа с хвоста? Или запрыгнуть в последнюю секунду на подножку отъезжающего паробуса — если, конечно же, удастся проделать подобный трюк с громоздким ящиком в руках.

Ни один из этих вариантов не сулил надежды на успех. Кашлюн имел железное преимущество — он знал территорию и все профессиональные приемы лондонского преступного мира, Мэллори же ощущал себя неповоротливым вайомингским бизоном. Часы все больше оттягивали ему руку, он подхватил их и побрел дальше. Рука болела, он определенно терял силы…

Около Куинз-уэй мощный драглайн и два обычных экскаватора разносили в капусту Пастуший

---

[83] Примечания: 83

Трактир под таким названием действительно расположен на Чарлз-стрит невдалеке от Беркли-сквер (четыре звезды по каталогу лондонских пабов). В 1986 г. американская писательница Марта Прайме озаглавила таким образом один из серии детективных романов о Ричарде Жюри, названных по конкретным лондонским пабам. Собственно «форейторы-скороходы» были распространены в Шотландии в начале XVIII в.: они бежали перед упряжкой и по бокам кареты (с длинными шестами — дабы извлекать экипаж из канавы или грязи), оповещая хозяина трактира, что едут гости. Среди аристократов было даже принято устраивать соревнования — чей форейтор скороходнее.

рынок.

Будущую стройплощадку окружал забор, в щитах которого любопытные уже успели понаделать щелей и дырок. Рыбницы в косынках и поминутно сплевывающие жвачку огородники, согнанные с привычных мест, организовали последнюю линию обороны прямо под забором. Мэллори прошел вдоль импровизированных прилавков с провонявшими устрицами и вялыми, усохшими овощами. В конце забора по какому-то недосмотру планировки остался узкий проход: пыльные доски — с одной стороны, выкрошенный кирпич — с другой. Между сырых от мочи булыжников пробивалась трава. Мэллори заглянул в проход как раз в тот момент, когда с корточек, оправляя юбки, поднялась старуха в капоре. Она прошла мимо Мэллори, будто его не замечая. Мэллори прикоснулся к шляпе.

Вскинув футляр над головой, он осторожно поставил его на поросшую мхом стену и подпер для надежности куском кирпича, а потом положил рядом шляпу.

И прижался спиной к забору.

Ждать пришлось совсем недолго.

Мэллори прыгнул вперед, сильно ударил кашлюна под ложечку, а затем, когда тот захри-

пел и согнулся пополам, добил коротким ударом в челюсть. Кашлюн упал на колени, шляпа его отлетела далеко в сторону.

Мэллори схватил поверженного противника за шиворот и с силой швырнул его в стену. Кашлюн ударился о кирпичи и растянулся навзничь, хватая ртом воздух; густые бакенбарды облипли грязью. Двумя руками Мэллори схватил его за горло и за лацкан сюртука.

— Кто ты такой?!

— Помогите! — жалко просипел незнакомец. — Убивают!

Мэллори затащил его на несколько ярдов в глубь прохода.

— Не прикидывайся идиотом! Зачем ты за мной следишь? Кто тебе платит? Как тебя звать?

— Отпустите меня… — Незнакомец отчаянно вцепился в запястье Мэллори.

Его сюртук распахнулся. Мэллори заметил коричневую кожу плечевого ремня и мгновенно вытащил из-под мышки бандита оружие.

Нет, не пистолет. Предмет, лежащий в его руке, оказался длинным и гладким, как змея. Черная резиновая дубинка с расплющенным на манер рожка для обуви концом и плетеной кожаной рукояткой. Судя по хлесткой упругости, внутри

нее скрывалась стальная пружина.

Хороший удар такой штукой — и кости вдребезги. Мэллори взвесил дубинку в руке, а затем широко размахнулся.

— Отвечай!

Ослепительный удар молнии взорвал его затылок. Мэллори чувствовал, что теряет сознание, падает лицом на мокрые вонючие булыжники; он выронил дубинку и едва успел выставить перед собой руки, тяжелые и бесчувственные, как свиные окорока из мясной лавки. Второй удар благополучно скользнул по плечу, Мэллори откатился в сторону и зарычал, немного удивившись, что этот хриплый, утробный звук исходит из его собственного горла. Он ударил нападавшего ногой и каким-то образом попал ему по голени. Тот громко выругался и отскочил.

Мэллори привстал на четвереньки. Второй бандит оказался невысоким, но крепким мужиком в маленьком круглом котелке, насаженном почти по самые брови. Стоя над вытянутыми ногами кашлюна, он угрожающе взмахнул темным, похожим на колбасу предметом. Кожаный мешочек с песком? Или даже с дробью?

Голова Мэллори кружилась, к горлу подступала тошнота, по шее бежала горячая струйка крови.

Он чувствовал, что в любой момент может потерять сознание, упасть — а тогда, подсказывал ему звериный инстинкт, тебя забьют насмерть.

Мэллори вскочил, повернулся и на подкашивающихся ногах выбежал из вонючего закоулка. В голове у него трещало и поскрипывало, словно разъехались все кости черепа; красный туман застилал глаза.

Пробежав один квартал, Мэллори свернул за угол, привалился к стене, упер руки в колени и начал жадно хватать воздух ртом. Из носа у него текло, желудок выворачивался наизнанку. Пожилые, хорошо одетые супруги брезгливо покосились на неприглядную фигуру и прибавили шаг. Мэллори ответил им жалким, вызывающим взглядом. У него было странное ощущение, что только дай этим респектабельным ублюдкам почуять запах крови — и они разорвут его на куски.

Время шло. Мимо проходили лондонцы — с выражением равнодушия, любопытства, легкого неодобрения, — полагая, что он пьян или болен. Мэллори всмотрелся сквозь слезы в здание на противоположной стороне улицы и разглядел аккуратную эмалированную табличку.

Хаф-Мун-стрит. Хаф-Мун-стрит, где живет Оли-

фант.

А записная книжка, она же могла вывалиться во время драки… Мэллори нащупал в кармане привычный кожаный переплет, немного успокоился и стал искать визитку Олифанта. Пальцы его дрожали.

Дом Олифанта оказался в дальнем конце улицы. Подходя к нему, Мэллори уже не шатался, отвратительное ощущение, что голова вот-вот расколется, сменилось мерзкой пульсирующей болью.

Олифант жил в георгианском особняке, поделенном на квартиры. Первый этаж украшала узорная решетка, зашторенный фонарь выходил на мирные лужайки Грин-парка. Милое, цивилизованное место, совершенно неподходящее для человека, получившего дубинкой по черепу, почти без сознания и истекающего кровью. Мэллори схватил дверной молоток в форме слоновьей головы и яростно забарабанил.

Слуга окинул Мэллори недоуменным взглядом.

— Чем могу быть… Господи! — Его глаза испуганно расширились. — Мистер Олифант!

Мэллори неуверенно вошел в сверкающую — изразцовый пол и навощенные стенные панели

— переднюю. Через несколько секунд появился Олифант. Несмотря на ранний час, на нем был безукоризненный вечерний костюм — вплоть до микроскопического галстука-бабочки и хризантемы в петлице.

Журналист оценил обстановку с первого взгляда.

— Блай! Бегите на кухню, возьмите у повара бренди. Таз с водой. И чистые полотенца.

Блай, как звали слугу, исчез. Подойдя к открытой двери, Олифант настороженно посмотрел налево, направо, затем захлопнул дверь и повернул в замке ключ. Взяв нежданного гостя за локоть, он отвел его в гостиную; Мэллори устало опустился на рояльную скамеечку.

— Итак, на вас напали, — произнес Олифант. — Набросились сзади. Подлая засада, как я полагаю.

— Насколько там плохо? Мне самому не видно.

— Удар тупым предметом. Крупная шишка, кожа рассечена. Довольно много крови, но сейчас ссадина подсыхает.

— Это серьезно?

— Бывает и хуже, — усмехнулся Олифант. — А вот сюртук ваш порядком попорчен.

— Они тащились за мной по всей Пикадил-

ли, — обиженно сказал Мэллори. — Второго я не видел, а когда увидел, было поздно… Проклятье! — Он резко выпрямился. — А как же часы? Часы, свадебный подарок. Я оставил их в закоулке у Пастушьего рынка. Мерзавцы их украдут!

Появился Блай с тазом и полотенцами. Пониже и постарше своего хозяина, он был чисто выбрит, имел мощную шею и карие, чуть навыкате глаза; его волосатые запястья были толстые, как у шахтера. Чувствовалось, что отношения у них с Олифантом легкие, почти дружеские, отношения не хозяина и слуги, а скорее уж аристократа старой закваски и доверенного лица. Обмакнув полотенце в таз, Олифант зашел Мэллори за спину.

— Не шевелитесь, пожалуйста.

— Мои часы, — повторил Мэллори.

— Блай, — вздохнул Олифант, — не могли бы вы позаботиться о потерявшейся собственности этого джентльмена? Это, разумеется, до некоторой степени опасно.

— Хорошо, сэр, — бесстрастно ответил Блай. — А гости, сэр?

Олифант на мгновение задумался.

— А почему бы вам не взять гостей с собой, Блай? Уверен, они будут рады прогуляться. Вы-

ведите их через черный ход. И постарайтесь не привлекать к себе особого внимания.

— Что мне им сказать, сэр?

— Правду, а что же еще? Скажите им, что на друга дома совершили нападение иностранные агенты. Только подчеркните, что никого убивать не нужно. А если они не найдут часов доктора Мэллори, пусть не считают, что это как-то характеризует их способности. Пошутите, если надо, да все, что угодно, — лишь бы они не думали, что потеряли лицо.

— Понимаю, сэр, — кивнул Блай и удалился.

— Мне очень неловко вас беспокоить, — пробормотал Мэллори.

— Глупости. Для того мы и существуем. — Олифант взял хрустальный стакан и налил на два пальца бренди.

Бренди оказался очень приличным, Мэллори сразу почувствовал, что кровь по жилам бежит быстрее; боль в голове не утихала, однако от недавнего шока, оцепенения не осталось почти ни следа.

— Вы были правы, а я нет, — сказал он. — Они выслеживали меня, как зверя! Это не просто хулиганы, они хотели меня искалечить или даже убить, в этом я абсолютно уверен.

— Техасцы?

— Лондонцы. Высокий малый с бакенбардами и маленький толстяк в котелке.

— Наемники. — Олифант обмакнул полотенце в таз. — На мой взгляд, здесь не помешала бы пара швов. Вызвать врача? Или вы доверитесь мне? В полевых условиях я, бывало, подменял хирурга.

— Я тоже, — кивнул Мэллори и долил бренди. — Делайте, пожалуйста, все, что надо.

Пока Олифант ходил за иглой и шелковой нитью, Мэллори снял сюртук, сжал заранее челюсти и занялся изучением голубых в цветочек обоев. К счастью, операция прошла почти безболезненно, журналист стягивал края раны на редкость ловко и споро.

— Неплохо, совсем неплохо, — сказал он, любуясь своей работой. — Держитесь подальше от нездоровых миазмов, и тогда, при удаче, обойдется без лихорадки.

— Сейчас весь Лондон — сплошные миазмы. Эта проклятая погода… я не доверяю докторам, а вы? Они сами не понимают, о чем говорят.

— В отличие от дипломатов — и катастрофистов? — широко улыбнулся Олифант.

Ну как тут обидишься? Мэллори осмотрел свой сюртук; ну да, конечно, весь воротник в крови.

— А что теперь? Идти в полицию?

— Это, естественно, ваше право, — сказал Олифант, — но было бы благоразумно — и патриотично — опустить некоторые детали.

— Например, леди Аду Байрон?

— Выдвигать дикие предположения о дочери премьер-министра, — нахмурился Олифант, — было бы *весьма* неразумно.

— Понимаю. А как насчет контрабанды оружия для Комиссии по свободной торговле Королевского общества? Не имея никаких доказательств, я готов, однако, предположить, что скандалы Комиссии вовсе не связаны со скандалами леди Ады.

— Лично я, — улыбнулся Олифант, — был бы только рад публичному разоблачению промахов вашей драгоценной Комиссии, однако об этом тоже следует умолчать — в интересах британской нации.

— Понимаю. И что же тогда остается? Что я скажу полиции?

— Что по неизвестным причинам вас оглушил неизвестный бандит. — По губам Олифанта скользнула усмешка.

— Но это же чушь какая-то! — возмутился Мэллори. — Да какой тогда вообще толк ото

всей вашей шатии-братии? Тут же все-таки не салонная игра в шарады! Я опознал эту мерзавку, которая помогала удерживать леди Аду! Ее звать…

— Флоренс Бартлетт, — кивнул Олифант. — Только потише, пожалуйста.

— Откуда вы… — Мэллори не закончил фразу. — Это что, этот ваш дружок, мистер Уэйкфилд? Он наблюдал за всем, что я делал в Статистическом бюро, и немедленно кинулся к вам с докладом.

— Уэйкфилд обязан наблюдать за работой своих машин, сколь бы докучной ни была эта обязанность, — невозмутимо парировал Олифант. — Вообще-то я надеялся услышать все от *вас*, тем более что предмет вашего увлечения — самая настоящая фам-фаталь [84]. Но вы, похоже, не горите желанием поделиться информацией, сэр.

Мэллори хмыкнул.

— Нет никакого смысла впутывать в это дело обычную полицию, — продолжил Олифант. — Я и раньше говорил, что вам необходима особая защита. Теперь, боюсь, мне придется настаивать.

— Час от часу не легче, — пробормотал Мэл-

---

[84] Примечания: 84
Femme fatale (фр.) — роковая женщина.

лори.

— У меня есть великолепная кандидатура. Инспектор Эбенезер Фрейзер из Особого отдела Боу-стрит. *Того самого*Особого отдела, так что не стоит говорить об этом вслух. Вы быстро убедитесь, что деликатность инспектора Фрейзера — *мистера*Фрейзера — ничуть не уступает его компетентности. Забота такого специалиста обеспечит вам полную безопасность, что будет для меня огромным облегчением.

В глубине дома хлопнула дверь. Послышались шаги, шорох, позвякивание металла и какие-то голоса. Затем появился Блай.

— Мои часы! — воскликнул Мэллори. — Слава тебе, Господи!

— Вот, — сказал Блай, опуская на пол футляр. — Ни единой царапины. Кто-то поставил их на стену и подпер обломком кирпича. Место довольно укромное. Скорее всего, бандиты собирались вернуться за своей добычей позднее.

— Прекрасная работа, Блай, — кивнул Олифант. И вопросительно посмотрел на Мэллори.

— А еще там было вот это, сэр. — Блай предъявил в лепешку раздавленный цилиндр.

— Это одного из мерзавцев, — заявил Мэллори. Растоптанная шляпа кашлюна была насквозь

пропитана мочой, хотя никто не счел уместным упомянуть столь непристойный факт.

— Вашу шляпу мы, к сожалению, не нашли, — сказал Блай. — Украл, наверное, какой-нибудь мальчишка.

Чуть поморщившись от отвращения, Олифант осмотрел загубленный цилиндр, перевернул его, внимательно изучил подкладку.

— Имени производителя нет. Мэллори взглянул на шляпу.

— Фабричная работа. По-моему, «Мозес и сын». Ей около двух лет.

— Ну что ж, — удивленно сморгнул Олифант, — я полагаю, эта улика исключает иностранцев. Наверняка, коренной лондонец. Пользуется дешевым фиксатуаром, но при этом не дурак — если судить по объему черепа. Отправьте это на помойку, Блай.

— Да, сэр, — кивнул Блай и удалился.

— Ваш слуга Блай сделал мне огромное одолжение. — Мэллори нежно погладил футляр с часами. — Как вы думаете, он не будет возражать, если я его отблагодарю?

— Будет, — качнул головой Олифант, — и самым решительным образом.

Мэллори почувствовал свою оплошность и

скрипнул зубами.

— А как насчет этих ваших *гостей?* Могу я поблагодарить *их?*

— Почему бы и нет! — улыбнулся Олифант и провел Мэллори в столовую.

С обеденного, красного дерева стола мистера Оли-фанта были сняты ножки; огромная полированная столешница опиралась на резные наугольники, возвышаясь над полом всего на несколько дюймов. Вокруг нее, скрестив ноги, сидели пятеро азиатов: пять серьезных мужчин в носках, безукоризненных вечерних костюмах с Савил-роу и шелковых цилиндрах, низко натянутых на коротко стриженные головы. Волосы у них были не только очень короткие, но и очень темные.

Единственная в компании женщина стояла на коленях у дальнего конца стола. Бесстрастное, как маска, лицо, черные шелковистые волосы, уложенные в высокую, невероятно сложную прическу, и просторный туземный балахон, ярко расцвеченный бабочками и кленовыми листьями, делали ее фигурой весьма экзотичной.

— Доктор Эдвард Мэллори *сан-о госёкай симасу*

[85], - провозгласил Олифант.

Мужчины встали — встали своеобразным, очень изящным способом: чуть откинув корпус назад, они подводили под себя правую ногу, ловко вскакивали и застывали неподвижно. Все это было похоже на какой-то сложный балетный номер.

— Эти господа состоят на службе его императорского величества микадо Японии, — продолжал Олифант. — Мистер Мацуки Коан, мистер Мори Аринори [86], мистер Фусукава Юкиси [87], мистер Канайе Нагасава [88], мистер Хисанобу Самесима [89]. — По мере того как он представлял мужчин, каждый из них кланялся Мэллори в пояс.

Женщину Олифант не представил, да и мудрено бы — она сохраняла прежнюю позу, словно не

---

[85] Примечания: 85

«San-o goshoukai shimasu» (яп.) — Позвольте представить вам господина..

[86] Примечания: 86

Мори Аринори (1847–1889) — японский государственный деятель, дипломат, наиболее отъявленный «западник» начала эпохи реставрации Мейдзи. В 1865 г. тайно послан в Англию, где изучал военно-морскую топографию, математику, физику; через два года по приглашению своего наставника Лоренса Олифанта отправился в США и провел год в утопическом Братстве новой жизни. В 1868 г. вернулся в Японию и годом позже был вынужден подать в отставку, так как предложил, несколько преждевременно, запретить ношение мечей. Выступал за религиозную свободу и светское образование, за общественную (но не политическую) эмансипацию женщин, предлагал отказаться от японского языка в пользу английского. В 1871–1873 гг. служил послом

в Вашингтоне. В 1889 г. убит фанатиком-синтоистом — в тот самый день, когда вступила в силу конституция Мейдзи.

[87] Примечания: 87

Фусукава Юкиси (1835–1901) — правильнее Фукудзава Юкити, японский писатель, педагог и «западник» эпохи реставрации Мейдзи. Участник первой японской дипломатической миссии в США (1860), а также в Европу (1862). Член общества «Мейрокуся», наиболее вероятный автор лозунга «Цивилизация и просвещение» и самый активный его популяризатор. Ни разу в жизни не занимая государственного поста, пользовался тем не менее огромным авторитетом.

[88] Примечания: 88

Канайе Нагасава (1852–1934) — настоящее имя Исонага Хикосуке. В 1865 г. тайно послан в Англию, затем благодаря Лоренсу Олифанту стал последователем Томаса Лейка Харриса. Неизвестно, принял ли Нагасава в итоге христианство, но когда община перебралась из штата Нью-Йорк в Калифорнию (1875), ему было доверено управлять виноградниками. Впоследствии отошел от дел коммуны и занялся исключительно виноделием. А также разводил лошадей.

[89] Примечания: 89

Хисанобу Самесима (1846–1880) — правильнее Хисанобу Самедзима, японский дипломат, посол. Еще один «птенец гнезда Олифантова», в конце 1860-х гг. член Братства новой жизни.

замечая происходящего. Мэллори счел за лучшее не упоминать о ней и не обращать на нее особого внимания. Он повернулся к Олифанту:

— Это ведь японцы, да? Вы же вроде говорите на их тарабарщине?

— Поднахватался немного.

— Не могли бы вы тогда выразить им благодарность за доблестное спасение моих часов?

— Мы вас понимаем, доктор Мэллори, — сказал один из японцев. Мэллори мгновенно забыл их невозможные имена, но этого вроде бы звали Юкиси. — Нам выпала большая честь оказать услугу британскому другу мистера Лоренса Олифанта, заслужившего признательность нашего суверена. — Мистер Юкиси снова поклонился. Мэллори совершенно растерялся.

— Благодарю вас за столь учтивые слова, сэр. Должен сказать, у вас весьма изысканная манера выражаться. Я не дипломат и просто благодарю вас от всего сердца. С вашей стороны было очень любезно…

Японцы о чем-то переговаривались.

— Мы надеемся, вы не слишком тяжело пострадали в варварском нападении на вашу британскую персону со стороны иностранцев, — сказал мистер Юкиси.

— Нет, — вежливо улыбнулся Мэллори.

— Мы не видели ни вашего врага, ни каких-либо других грубых или склонных к насилию личностей.

Сказано это было мягко, без нажима, но с каким-то опасным поблескиванием глаз, не оставлявшим ни малейших сомнений в том, как поступили бы Юкиси и его друзья, попадись им подобная личность. В целом японцы походили на ученых, двое из них были в простых, без оправы очках, а третий щеголял моноклем на ленточке и модными желтыми перчатками. Все они были молоды и ловки, а цилиндры сидели на их головах воинственно, словно шлемы викингов.

Длинные ноги Олифанта внезапно подломились, и он с улыбкой опустился во главе стола. Мэллори тоже сел — не так, конечно, умело и громко хрустнув коленными чашечками. Японцы последовали примеру Олифанта, быстро сложившись в прежнюю позу невозмутимого достоинства. Женщина не шевелилась.

— При данных обстоятельствах, — задумчиво произнес Олифант, — учитывая кошмарную жару и утомительную погоню за врагами отечества, небольшое возлияние представляется вполне уместным. Он взял со стола медный колокольчик

и коротко позвонил. — Итак, больше непринужденности, согласны? *Нами о ономи ни наримасу ка*? [90]

Очередное совещание японцев сопровождалось широко распахнутыми глазами, довольными кивками и одобрительным бормотанием:

— Уисуки…

— Значит, виски. Великолепный выбор, — одобрил Олифант.

Буквально через секунду Блай вкатил в гостиную сервировочный столик, сплошь уставленный бутылками.

— У нас кончился лед, сэр.

— В чем дело, Блай?

— Продавец льда отказывается продать повару хоть сколько-нибудь. С прошлой недели цены утроились!

— Ладно, в куклину бутылку лед все равно не поместится. — Олифант изрек эту чушь как нечто вполне разумное. — Доктор Мэллори, смотрите внимательнее. Мистер Мацуки Коан, который происходит из весьма передовой провинции Сацума, как раз собирался продемонстрировать нам одно из чудес японского ремесла — вы бы не

---

[90] Примечания: 90
Nani o onomi ni narimasu ka? (ял.) — Что вы будете пить?.

напомнили мне имя мастера, мистер Мацуки?

— Она изготовлена членами семьи Хосокава, — поклонился мистер Мацуки. — По велению нашего господина — *сацума даймё* [91].>

— Я полагаю, Блай, — сказал Олифант, — что на этот раз приятные обязанности гостеприимного хозяина достанутся мистеру Мацуки.

Блай передал мистеру Мацуки бутылку виски; мистер Мацуки начал переливать ее содержимое в изящную керамическую фляжку, стоявшую по правую руку японки. Женщина никак не реагировала, и Мэллори начал уже подозревать, что она парализована или больна. Потом мистер Мацуки с резким деревянным щелчком вложил фляжку в правую руку японки. Далее он взял позолоченную заводную ручку, невозмутимо вставил ее женщине в спину и начал вращать. Из внутренностей женщины донесся высокий звук взводимой пружины.

— Это манекен! — вырвалось у Мэллори.

— Скорее марионетка, — поправил Олифант. — А по-научному — автомат.

— Понимаю, — облегченно вздохнул Мэллори. — Что-то вроде знаменитой утки Вокансона,

---

[91] Примечания: 91

Satsuma daimyo (яп.) — сацумский феодал (Сацума — древнее название острова Кюсю).

да? — Он рассмеялся. Ну как же можно было не догадаться, что это неподвижное лицо, полускрытое черными волосами, не более чем раскрашенная деревяшка. — Удар, должно быть, сдвинул мне мозги. Господи, да это же настоящее чудо!

— Каждый волосок парика вставлен вручную, — продолжал Олифант. — Подарок императора Ее Величеству королеве Британии. Хотя могу предположить, что эта особа придется по вкусу и принцу-консорту, и особенно юному Альфреду.

В локте и в запястье марионетки размещались скрытые просторным одеянием шарниры; она разливала виски с мягким шорохом скользящих тросиков и приглушенным деревянным пощелкиванием.

— Очень похоже на станок Модзли [92] с машинным управлением, — заметил Мэллори. — Это оттуда ее срисовали?

— Нет, — качнул головой Олифант, — продукт полностью местный. — Мистер Мацуки передавал по столу маленькие керамические чашечки с

---

[92] Примечания: 92

Модзли, Генри (1771–1831) — английский механик, инженер. Пионер точной металлообработки, изобрел один из первых токарных станков. Также известен его потомок доктор Генри Модзли (1835–1918), в честь которого названа лондонская больница Модзли; он был одним из первых врачей, полагавших, что душевные расстройства в некоторых случаях излечимы.

виски. — В ней нет ни кусочка металла — только бамбук, плетеный конский волос и пружины из китового уса. Японцы делают такие игрушки — *каракури*, как они их называют, — с незапамятных времен.

Мэллори пригубил виски. Скотч, причем — молт [93]. Принятый ранее бренди слегка туманил голову, а тут еще эта механическая кукла… Он чувствовал себя нечаянным участником какой-то рождественской пантомимы.

— Она ходит? — спросил он. — Играет на флейте? Или еще что-нибудь?

— Нет, только разливает, — качнул головой Олифант. — Но зато обеими руками.

Мэллори чувствовал на себе взгляды японцев. Было совершенно ясно, что для них в этой кукле нет ничего чудесного. Они хотели знать, что думает о ней он, британец, хотели знать, восхищен ли он.

— *Весьма* впечатляет, — осторожно начал Мэллори. — Особенно, если учесть отсталость Азии.

— Япония — это Британия Азии, — заметил

[93] Примечания: 93

Молт — не марочное виски. Марочное виски (так же, как и марочный коньяк) должно иметь стандартный вкус, что достигается смешиванием партий разных лет производства; «молт» же этой операции не подвергается.

Олифант.

— Мы знаем, что в ней нет ничего особенного. — Глаза мистера Юкиси сверкнули.

— Нет, она ведь действительно чудо, — настаивал Мэллори. — Вы могли бы показывать ее за деньги.

— Мы знаем, что в сравнении с огромными британскими машинами она примитивна. Как верно говорит мистер Олифант, мы — ваши младшие братья в этом мире.

— Но мы будем учиться, — вмешался другой японец. Этого вроде бы звали Аринори. — Мы в долгу перед Британией! Британские стальные корабли открыли наши порты для свободного мореплавания [94]. Мы пробудились, и мы восприняли великий урок, который вы нам преподали.

---

[94] Примечания: 94

В действительности конец изоляции Японии положила (примерно в то же время, в 1854 г.) американская эскадра коммодора М. Перри. Собственно говоря, в первой половине XIX в. и Великобритания, и Россия, и США неоднократно посылали экспедиции в Японию с целью убедить японцев открыть порты для иностранных судов: англичане имели в азиатском регионе обширные торговые интересы, американцам требовались базы для китобойного флота, а Российская империя начала освоение Восточной Сибири. Японцы же, опасаясь повторения на своей почве китайских событий периода «Опиумных войн», последовательно проводили политику изоляционизма. К 1856 г. у Японии были уже подписаны торговые соглашения с Великобританией, Россией и Голландие.

Мы уничтожили *сегунат* его отсталое *бакуфу* [95]. Теперь микадо поведет нас по дороге прогресса.

— Мы с вами будем союзниками, — гордо провозгласил мистер Юкиси. — Азиатская Британия принесет цивилизацию и просвещение всем народам Азии.

— Весьма похвальные намерения, — кивнул Мэллори. — Однако создание цивилизации, строительство империи — дело долгое и каверзное. Это труд не на годы, а на века…

— Мы всему научимся от вас. — Лицо мистера Аринори раскраснелось, жара и виски заметно его разгорячили. — Подобно вам, мы построим великие школы и огромный флот. У нас есть уже одна вычислительная машина, в Тосу! Мы купим их еще. Мы будем строить собственные машины!

Мэллори хмыкнул. Странные маленькие иностранцы светились юностью, интеллектуальным идеализмом и особенно — искренностью. Жалко ребят.

— Прекрасно! Ваши высокие стремления, молодой сэр, делают вам честь! Только ведь это совсем не просто. Британия вложила в свои машины

---

[95] Примечания: 95
Bakufu (яп.) — сёгунат.

огромный труд, наши ученые работают над ними уже не одно десятилетие, и чтобы вы за несколько лет достигли нашего уровня…

— Мы пойдем на любые жертвы, — невозмутимо ответил мистер Юкиси.

— Есть и другие пути возвысить вашу страну, — продолжал Мэллори. — Вы же предлагаете невозможное!

— *Мы пойдем на любые жертвы.*

«Что-то я тут не то наговорил», — с тоскою подумал Мэллори и взглянул на Олифанта, но тот сидел с застывшей улыбкой, наблюдая, как заводная девушка наполняет фарфоровые чашки. В комнате ощущался явственный холодок.

Тишина прерывалась лишь пощелкиванием автомата. Мэллори встал; его голова раскалывалась от боли.

— Я очень благодарен вам за помощь, мистер Олифант. Вам и вашим друзьям. Но я не могу больше задерживаться. Я бы и рад, но груз неотложных дел…

— Вы вполне в этом уверены? — сердечно спросил Олифант.

— Да.

— Блай! — крикнул Олифант. — Пошлите поваренка за кэбом для доктора Мэллори!

* * *

Ночь Мэллори провел в каком-то тусклом оцепенении. Он никак не мог убедить кашлюна в преимуществе катастрофизма перед униформизмом и был бесконечно рад, когда настойчивый стук вырвал его из этого сумбурного сна.

— Минутку!

Скинув ноги с кровати, Мэллори зевнул и осторожно ощупал затылок. Рана немного кровоточила, оставив розоватый потек на наволочке, но опухоль спала, и воспаления вроде бы не было. Скорее всего, это следовало отнести на счет терапевтического воздействия бренди.

Натянув на потное тело ночную рубашку, Мэллори завернулся в халат и открыл дверь. В коридоре стояли комендант Дворца, ирландец по фамилии Келли, и две угрюмые уборщицы. Уборщицы были вооружены швабрами, ведрами, черными резиновыми воронками и тележкой, заставленной большими бутылями.

— Который час, Келли?

— Девять часов, сэр.

Келли вошел, негромко посасывая желтые зубы; женщины со своей тачкой вкатились следом. Яркие бумажные наклейки гласили, что в

каждой керамической бутыли содержится «патентованный окисляющий деодорайзер Конди. Один галлон».

— А это еще что такое?

— Манганат натрия, сэр, для очистки канализации Дворца. Мы планируем промыть каждый клозет. Прочистить трубы вплоть до главного коллектора.

Мэллори поправил халат. Было как-то неловко стоять перед уборщицами босиком и с голыми щиколотками.

— Келли, ни черта это вам не даст, промой вы свои трубы хоть до самого ада. Это же Лондон в разгар кошмарно жаркого лета. Сейчас Темза, и та воняет.

— Но надо же что-то делать, сэр, — возразил Келли. — Гости жалуются самым решительным образом. И я их за это не виню.

В унитаз была залита целая посудина ярко-красной отравы. Резкий аммиачный запах деодорайзера мгновенно заглушил прежнюю, почти уже незаметную вонь, стоявшую в комнате Мэллори. Чихая и кашляя, женщины поскребли фаянс, после чего Келли с видом художника, наносящего последний мазок на картину, дернул ручку сливного бачка.

Наконец вся троица удалилась, и Мэллори стал одеваться. Он проверил блокнот. Вечер предстоял весьма насыщенный, но на утро намечалась всего одна встреча. Мэллори успел уже узнать, что Дизраэли — личность крайне безалаберная, так что лучше отводить на него целую половину дня. Если повезет, можно успеть отнести сюртук во французскую чистку или сходить к парикмахеру, привести в порядок волосы на затылке, а то ведь сплошные кровавые колтуны, ужас.

Когда он добрался до столовой, там болтали за чаем двое запоздалых посетителей — хранитель фондов Белшо и мелкий музейный служащий по фамилии, кажется, Сиднем.

Заметив, что Белшо обернулся, Мэллори вежливо кивнул — и не получил ответа. Более того, по лицу хранителя было видно, что тот изумлен, чуть ли не возмущен. Мэллори сел на обычное свое место, под золоченым канделябром. Белшо и Сиднем начали тихо, но очень оживленно переговариваться.

Мэллори ничего не понимал. Ну да, конечно же, они с Белшо никогда не были представлены друг другу, но разве из этого следует, что нужно обижаться на обычные проявления вежливости? А с чего это пухлые щечки Сиднема вдруг побе-

лели, и чего это он поглядывает искоса, думает, что незаметно? Мэллори проверил ширинку. Да нет, застегнута. А ведь эта парочка, они и правда встревожены. Может, рана открылась и кровь на воротник хлещет? Нет, и тут все в порядке.

Дальше — больше. По лицу официанта, принимавшего заказ, можно было подумать, что копченая селедка и яйца — предметы до крайности непристойные.

Впавший в полное замешательство Мэллори решил плюнуть на все приличия, подойти к Белшо и выяснить отношения напрямую. Он даже начал было составлять небольшую вводную речь, но тут Белшо и Сиднем встали и ушли из столовой, даже не допив чай. Мэллори съел свой завтрак с мрачной неторопливостью, твердо решив не расстраиваться из-за всякой чуши.

Потом он зашел за почтой. Всегдашнего дежурного за конторкой не оказалось — слег с катаром легких, как объяснил замещавший его клерк. Мэллори отнес корзинку в библиотеку. По утреннему времени там было всего пятеро посетителей; они сидели группой в углу и что-то горячо обсуждали. Секундное впечатление, что и эти коллеги пялятся на него, как на какую-нибудь диковину, Мэллори решительно отмел — чушь,

этого просто не может быть.

Мэллори рассеянно разбирал почту, голова у него побаливала, мысли разбегались. Все та же тоска неизбежной профессиональной корреспонденции, обычная доза восторженных посланий и «прошу не отказать в моей просьбе». Похоже, без личного секретаря и впрямь не обойтись.

Вот именно, и не окажется ли наилучшим кандидатом на этот пост мистер Тобиас из Центрального статистического бюро? Быть может, предложение работы по совместительству побудит мальчонку к более решительным действиям — в архивах Бюро хранится уйма информации, с которой хотелось бы познакомиться поближе. Вот, скажем, досье леди Ады, если такое сокровище вообще существует. Или досье скользкого мистера Олифанта, с его вечными улыбочками и туманными заверениями. Или лорда Чарльза Лайелла, орденоносного вождя униформистов.

Да нет, куда там, одернул себя Мэллори. Большие люди, до них не доберешься. Вот прощупать Питера Фоука — и на том бы спасибо. Фоук… Ну до чего же мерзкая личность, так и норовит сделать какую-нибудь гадость, прямо землю носом роет. Ничего, мы еще разоблачим его интриги, так или иначе — но разоблачим.

Сейчас, роясь в корзинке с почтой, Мэллори был в этом совершенно уверен. Все темные тайны выйдут на свет божий, как кости из сланцевых отложений. Случай позволил ему краем глаза взглянуть на темные делишки радикальской элиты. Теперь — это потребует лишь времени и труда — он вытащит из окаменевшей матрицы всю тайну.

А это что еще такое? Пакет совершенно непривычных размеров, толстый, почти квадратный, чуть не сплошь облепленный разноцветными марками французской экспресс-почты. Конверт цвета слоновой кости, глянцевый и удивительно плотный, был изготовлен из какого-то необычного водонепроницаемого материала, чего-то вроде слюды. Мэллори вынул свой шеффилдский нож, выбрал самое маленькое из его лезвий и вскрыл странное послание.

Внутри оказалась машинная перфокарта «наполеоновского» формата; начало не предвещало ничего хорошего. Встревоженный Мэллори вытряхнул карту на стол. Получилось это только с третьей попытки — изнутри конверт оказался влажноватым. И добро бы просто влага — судя по резкому, неприятному запаху, перфокарту обрызгали какой-то химической заразой.

Перфокарта без единой дырочки, но зато с аккуратно
напечатанным текстом: «ДОКТОРУ ЭДВАРДУ МЭЛЛОРИ, ДВОРЕЦ ПАЛЕОНТОЛОГИИ, ЛОНДОН. ВЫ НЕЗАКОННО ХРАНИТЕ СОБСТВЕННОСТЬ, УКРАДЕННУЮ В ЭПСОМЕ. ВЫ ВЕРНЕТЕ ЭТУ СОБСТВЕННОСТЬ ЦЕЛОЙ И НЕВРЕДИМОЙ, СЛЕДУЯ ИНСТРУКЦИЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В КОЛОНКЕ ЧАСТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ ЛОНДОНСКОЙ ДЕЙЛ И ЭКСПРЕСС. ДО ТЕХ ПОР, ПОКА МЫ НЕ ПОЛУЧИМ УКАЗАННУЮ СОБСТВЕННОСТЬ, ВЫ ПОДВЕРГНЕТЕСЬ РЯДУ НАКАЗАНИЙ, АПОГЕЕМ КОТОРЫХ В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ЯВИТСЯ ПОЛНОЕ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ВАШЕ УНИЧТОЖЕНИЕ. ЭДВАРД МЭЛЛОРИ, НАМ ИЗВЕСТНЫ ВАШ ИНДЕКС, ВАША ЛИЧНОСТЬ, ВАШЕ ПРОШЛОЕ И ВАШИ УСТРЕМЛЕНИЯ. МЫ ПОЛНОСТЬЮ ОСВЕДОМЛЕНЫ О КАЖДОЙ ВАШЕЙ СЛАБОСТИ. СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО. БЫСТРОЕ И ПОЛНОЕ ПОВИНОВЕНИЕ ВАША ЕДИНСТВЕННАЯ НАДЕЖДА. КАПИТАН СВИНГ» [96].

---

[96] Примечания: 96

Капитан Свинг — легендарный бунтарь, личность мифическая; во время так называемых свинговских бунтов (1830–1833) за подписью «капитан Свинг» (или просто «Свинг») рассылались анонимные письма с требованием повысить зарплату батракам и сельскохозяйственным рабочим.

Мэллори застыл в изумлении, на него накатила волна воспоминаний. Снова Вайоминг, утро, когда он встал с походной койки и обнаружил, что под боком у него пригрелась гремучая змея. Ночью он чувствовал рядом какое-то странное шевеление, но не понял, что это и почему. И вот оно — внезапное чешуйчатое доказательство.

Ну-ка, ознакомимся с этой штукой получше. Камфорированная целлюлоза, облитая чем-то вонючим, — и крохотные черные буквы начинают почему-то бледнеть. Гибкая перфокарта раскалялась. Мэллори уронил ее на стол, с трудом подавив крик удивления. Карта изгибалась, корежилась, темнела по краям, от нее стали отслаиваться тонкие, как луковая шелуха, чешуйки. Затем взвилась тонкая струйка желтоватого дыма, и Мэллори собразил, что эта штука вот-вот полыхнет огнем.

Он выхватил из корзинки первый попавшийся журнал — пухлый серый том «Ежеквартальных докладов Ирландского геологического общества» и торопливо прихлопнул перфокарту. После двух резких ударов та распалась в волокнистое месиво, прилипшее к обгорелой полировке стола.

Мэллори вскрыл какое-то из попрошайных писем, вытряхнул из конверта содержимое, а на его

место смахнул пепел. Стол, похоже, не слишком пострадал…

— Доктор Мэллори?

Мэллори виновато поднял глаза и увидел совершенно незнакомого человека. Высокий, чисто выбритый лондонец, очень неприметно одетый, с худым серьезным лицом, в левой руке — пачка газет и блокнот.

— Очень неудачный препарат, — сымпровизировал Мэллори. — Законсервирован в камфоре! Кошмарная методика! — Он закрыл конверт и непринужденно сунул его в карман.

Незнакомец молча протянул ему визитную карточку.

На карточке Эбенезера Фрейзера значились его имя, фамилия и телеграфный номер; внизу стоял миниатюрный оттиск государственной печати. И ничего больше. На обороте — гравированный портрет, та же самая костлявая физиономия, закаменевшая в суровую, не допускающую никаких шуточек маску. Это что же, он всегда такой или только на работе?

Мэллори поднялся, чтобы предложить Фрейзеру руку, но тут же сообразил, что пальцы у него измазаны едкой гадостью. Поэтому он только поклонился и тут же снова сел, украдкой вытирая

руку о штанину. Кожа большого и указательного пальцев казалась сухой, как от формальдегида.

— Надеюсь, вы вполне здоровы, сэр? — осведомился Фрейзер, усаживаясь за стол. — Оправились от вчерашнего нападения?

Мэллори покосился в угол. Те пятеро так и сидели кучкой, очень, похоже, заинтересованные как странным поведением коллеги, так и неожиданным появлением Фрейзера.

— Ерунда, — отмахнулся Мэллори. — В Лондоне такое может случиться с каждым.

Фрейзер скептически приподнял бровь.

— Я очень сожалею, мистер Фрейзер, что эта досадная неприятность прибавила вам хлопот.

— Не стоит беспокойства, сэр. — Фрейзер открыл кожаный блокнот и извлек из кармана по-квакерски скромного сюртука самописку. — Вы бы не отказались ответить мне на несколько вопросов?

— Правду говоря, сейчас я несколько занят… Бесстрастный взгляд Фрейзера заставил его умолкнуть.

— Я здесь уже три часа, сэр. Ожидал удобного момента для беседы.

Бессвязные извинения Мэллори Фрейзер пропустил мимо ушей.

— Часов в шесть утра прямо у входа во дворец я стал свидетелем любопытной сцены. Мальчишка-газетчик кричал, что левиафанный Мэллори арестован за убийство.

— Я? Эдвард Мэллори? Фрейзер кивнул.

— Ничего не понимаю. Зачем газетчику выкрикивать такую идиотскую ложь?

— Газеты шли отлично, — сухо заметил Фрейзер. — Я вот тоже купил.

— И что, скажите на милость, имеет сказать обо мне эта газета?

— Ни слова о каком бы то ни было Мэллори. Вот, взгляните сами. — Фрейзер уронил на стол лондонскую «Дейли-экспресс».

Мэллори взял газету, положил ее в корзинку.

— Какая-то дикая шутка, — неуверенно предположил он. — От уличных мальчишек можно ждать чего угодно…

— Когда я снова вышел на улицу, маленький негодник уже сделал ноги, — продолжал Фрейзер. — Но многие из ваших коллег слышали его вопли. Здесь все утро только об этом и говорят.

— Ясненько, — протянул Мэллори. — Это объясняет некоторые… Да уж! — Он кашлянул, прочищая горло. Фрейзер бесстрастно за ним наблюдал.

— А теперь взгляните на это, сэр. — Полицейский вынул из своего блокнота лист бумаги, развернул его и пододвинул к Мэллори.

Машинный оттиск дагерротипа. Труп, лежащий на прозекторском столе, половые органы скромно прикрыты тряпочкой, живот вспорот до самой грудины, судя по всему, одним кошмарной силы ножевым ударом. Мраморно-бледная кожа груди, ног и вздувшегося живота жутковато контрастирует с глубоким загаром рук и лица.

Это был Фрэнсис Радвик.

Под снимком стояла подпись: «НАУЧНОЕ ВСКРЫТИЕ
БРЮШНОЙ ПОЛОСТИ. „БАТРАХИАЛЬНЫЙ“ ИНДИВИД ЗАРЕЗАН И ВСКРЫТ В ПРОЦЕССЕ КАТАСТРОФИЧЕСКОЙ
АУТОПСИИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ».

— Силы небесные! — вырвалось у Мэллори.

— Из официального полицейского досье, — пояснил Фрейзер. — Судя по всему, снимок попал в руки какого-то шутника.

Страшно. Страшно и странно.

— И что бы это значило?

Фрейзер открутил колпачок самописки.

— Сэр, что такое «батрахиальный»?

— Относящийся к земноводным, в первую оче-

редь — к лягушкам и жабам, — неохотно ответил Мэллори. — От греческого «батрахос», лягушка. — Он с трудом подыскивал слова. — Однажды — несколько лет назад, во время дискуссии — я сказал, что его теории… что геологические теории Радвика…

— Я слышал эту историю сегодня утром, сэр. Складывается впечатление, что среди ваших коллег она достаточно широко известна. — Фрейзер перелистнул блокнот. — Вы сказали мистеру Радвику: «И вы напрасно приписываете ходу эволюции батрахиальную медлительность вашего собственного интеллекта». — Он сделал паузу. — В покойнике действительно было что-то лягушачье, не так ли, сэр?

— Это произошло в Кембридже, во время публичных дебатов, — медленно проговорил Мэллори. — Мы были очень возбуждены…

— Радвик тогда заявил, что вы «сумасшедший, как шляпник», — задумчиво заметил Фрейзер. — Говорят, вы восприняли это замечание весьма болезненно.

Мэллори побагровел.

— Он не имел права так говорить, да еще с этаким аристократическим апломбом…

— Вы были врагами?

— Да, но… — Мэллори отер пот со лба. — Не думаете же вы, что *я* имею какое-либо отношение…

— Не по собственному умыслу, в этом я уверен, — заверил его Фрейзер. — Но ведь вы, сэр, родом из Сассекса? Из города под названием Льюис?

— Ну и что?

— Насколько я понимаю, десятки подобных снимков были отосланы из почтовой конторы Льюиса.

— Десятки? — потрясение переспросил Мэллори.

— Да, разосланы вашим коллегам по Королевскому обществу, сэр. Анонимно.

— Господи Боже, — выдохнул Мэллори. — Они хотят меня уничтожить! Фрейзер промолчал.

Мэллори снова взглянул на снимок — и вдруг его сердце сжалось от сострадания.

— Ох, Радвик, Радвик, несчастный ты сукин сын! Это что же они с ним сделали!

Фрейзер наблюдал за ним с вежливым интересом.

— Он был одним из нас! — Мэллори захлестнул неподдельный гнев. — Хреновый теоретик, но блестящий полевой работник. А какое несчастье его семье!

Фрейзер сделал пометку в блокноте.

— Семья… Нужно будет сделать запрос. Возможно, им тоже указали на вас как на убийцу.

— Когда убили Радвика, я был в Вайоминге. Это все знают!

— Богатый человек может использовать наемников.

— Я не богатый человек. Фрейзер снова промолчал.

— Не был богатым, — поправился Мэллори, — в то время не был…

Фрейзер неспешно листал блокнот.

— Я выиграл деньги.

Фрейзер вскинул на секунду глаза и снова занялся своим блокнотом.

— Понятно, — горько усмехнулся Мэллори. — Драгоценные коллеги успели заметить, что я слишком уж много трачу. И заинтересовались — с чего бы это вдруг. И начали строить догадки.

— У зависти длинный язык, сэр.

Мэллори ощутил приступ головокружительного страха, опасность повисла в воздухе, словно осиный рой. Мгновение спустя — под тактичное молчание Фрейзера — он снова взял себя в руки. Нет, они его не запугают, не лишат рассудка. Надо что-то делать. Свидетельством чему — эта мер-

зость. Мэллори мрачно склонился над жуткой полицейской фотографией.

— Здесь написано: «Продолжение следует». Это угроза, мистер Фрейзер. Намек, что последуют аналогичные убийства. «Катастрофическая аутопсия» — это выражение отсылает к нашему научному спору. Можно подумать, что Радвик погиб из-за этого спора!

— Ученые воспринимают свои разногласия очень серьезно, — заметил Фрейзер.

— Если я верно вас понял, мои коллеги считают, что эти снимки разослал я, да? Что я, подобно беспринципным политикам, нанимаю убийц? Что я опасный маньяк, который похваляется убийством своих соперников?

Фрейзер молчал.

— Боже мой! — обреченно вздохнул Мэллори. — Ну и что же мне делать?

— Мое руководство предоставило мне в этой операции полную свободу действий, — официальным тоном объявил Фрейзер. — Мне придется просить вас, доктор Мэллори, довериться моему благоразумию.

— Но что мне делать с уроном, нанесенным моей репутации? Мне что, подходить к каждому человеку в этом здании и умолять его о проще-

нии? И говорить… говорить ему, что я не какой-то там изверг?

— Правительство не допустит, чтобы видный ученый подвергался подобным издевательствам, — бесстрастно заверил его Фрейзер. — Не далее как завтра комиссар полиции сообщит Королевскому обществу, что вы стали жертвой злонамеренной клеветы и свободны от каких-либо подозрений по делу Радвика.

Мэллори потер подбородок.

— Вы думаете, это поможет?

— В случае необходимости мы сделаем публичное заявление для газет.

— А не может ли статься, что подобная огласка возбудит против меня еще большие подозрения?

— Доктор Мэллори, — вздохнул Фрейзер, — мое Бюро существует для раскрытия и уничтожения заговоров. У нас есть немалый опыт. У нас большие возможности. Неужели вы думаете, что мы не справимся с какой-то жалкой кучкой преступников? Мы схватим всех причастных к этому заговору, и рядовых исполнителей, и главарей, и сделаем это скорее, если вы, сэр, будете со мной откровенны и расскажете все, что вам известно.

Мэллори откинулся на спинку кресла.

— Как правило, мистер Фрейзер, я человек от-

кровенный. И если бы эта история не была такой темной и скандальной…

— Положитесь на мой здравый смысл.

Мэллори взглянул на стеллажи красного дерева, на подшивки журналов, на переплетенные в кожу тома и огромные атласы. В воздухе библиотеки висел едкий запашок недоверия, подозрительности. Вчера, после уличной стычки, Дворец казался ему спасительным убежищем, теперь же здесь стало тесно и душно, как в крысиной норе.

— Здесь не место ее рассказывать, — пробормотал Мэллори.

— Да, сэр, — согласился Фрейзер. — Но вы занимайтесь своими делами как обычно. Ведите себя уверенно, словно ничего не случилось, и тогда ваши враги могут решить, что их маневр не удался.

Совет казался вполне разумным. По крайней мере это было какое-то реальное действие. Мэллори встал.

— Заниматься повседневными делами? Да, пожалуй что и так.

Фрейзер тоже поднялся.

— С вашего разрешения, я буду сопровождать вас, сэр. Думаю, мы решительно покончим с вашими неприятностями.

— Знай вы всю эту проклятую историю, вы бы так не говорили, — проворчал Мэллори.

— Мистер Олифант полностью меня проинформировал.

— Сомневаюсь, — фыркнул Мэллори. — Он предпочел закрыть глаза на худшую ее часть.

— Я не лезу во всю эту чертову политику, — все так же мягко заметил Фрейзер. — Идемте, сэр?

Лондон накрыло пологом желтой мглы.

Он висел над городом в мрачном величии, подобный студенистому, с грозовой плотью военному кораблю. Его щупальцы — грязь, поднимающаяся из дымовых труб, — скручивались и извивались в полном безветрии, чтобы расплескаться о мерцающую облачную крышу. Невидимое солнце лило тусклый, жидкий свет.

Мэллори изучал улицу; было что-то зловещее в этом лондонском летнем утре — должно быть, из-за жутковатого янтарного света.

— Мистер Фрейзер, насколько я понимаю, вы родились и выросли в Лондоне?

— Да, сэр.

— Вам *когда-нибудь*случалось видеть такое? Фрейзер взглянул на небо.

— Разве что в детстве, сэр, в те времена угольные туманы были просто страшные. Но радикалы

построили высокие дымовые трубы, теперь всю эту гадость уносит в провинцию. Обычно уносит.

Необычайное зрелище захватывало. Мэллори впервые в жизни пожалел, что лишь поверхностно знаком с положениями пневмодинамики. В этом неподвижном, как крышка кастрюли, облаке было что-то нездоровое, ему недоставало естественной турбулентности. Словно кто-то взял и начисто отключил динамику атмосферы.

Зловонная подземка, обмелевшая, насыщенная сточными водами Темза, а теперь еще и это.

— Сегодня вроде бы не так жарко, как вчера. — В голосе Мэллори не было особой уверенности.

— Вчера было солнце, сэр.

На улицах царила сутолока, какая бывает лишь в Лондоне. Все кабриолеты были разобраны, паробусы забиты, улицы запружены телегами и какими-то невообразимыми колымагами, ноздри задыхающихся лошадей почернели, в неподвижном воздухе висела густая, как смрад выгребной ямы, брань кучеров. Чуть не каждый паровой экипаж волочил за собой прицепную тележку на широких, с резиновыми шинами колесах, доверху нагруженную припасами, — летний исход аристократии из Лондона превращался в паническое бегство. Тоже ведь не дураки, усмехнулся

про себя Мэллори.

Дизраэли жил на Флит-стрит; перспектива тащиться через весь город пешком ужасала. Немного посовещавшись, Мэллори с Фрейзером решили плюнуть на неизбежную вонь и попытать счастья в подземке.

Однако тут же выяснилось, что Британское братство саперов и шахтеров бастует. У входа на станцию Глостер-роуд обвисли в полном безветрии знамена и транспаранты, пикетчики возводили из мешков с песком заграждения, все это несколько напоминало действия оккупационной армии. Откровенная наглость забастовщиков не вызывала у собравшейся толпы ни малейшего негодования, люди смотрели на происходящее с любопытством и некоторой робостью. Возможно, они искренне радовались, что эту вонючую дыру заткнули, но скорее — попросту боялись «кротов». Одетые в каски стачечники выплеснулись из лондонских подземелий, как воинственная орда мускулистых чумазых кобольдов.

— Не нравится мне это, мистер Фрейзер.

— Мне тоже, сэр.

— Давайте поговорим с этими ребятами.

Мэллори пересек улицу и подошел к кряжистому багроволицему кроту, который что-то орал и

настырно совал людям листовки.

— В чем тут дело, брат сапер?

Крот оглядел Мэллори с головы до ног и усмехнулся, не выпуская изо рта слоновой кости зубочистку; в его правом ухе висела большая позолоченная серьга. Или даже золотая — Шахтерское братство, владевшее множеством ценных патентов, было очень и очень богатеньким профсоюзом.

— Вот вы, мистер, вы спросили меня вежливо, как человека, и я вам тоже скажу все, как есть, как человеку. Это все эти долбаные пневматические поезда, это ж надо было какому-то мудаку их придумать. Мы сразу так и говорили, петицию лорду Бэббиджу послали, что не будут эти трижды долбаные туннели проветриваться, с какого бы им хрена? А к нам тогда пришел какой-то козел и начал вешать нам лапшу, что все, значит, будет как в аптеке, уж я-то знаю, я, говорит, ученый — он, значит, ученый, а мы, получается, говно. А теперь под землей — вонь, как у того козла в жопе, и вся его хрень ученая плитой накрылась, широкой и мохнатой.

— Это — серьезное дело, сэр.

— А то не серьезное.

— А вы знаете, как звали консультировавшего

вас ученого?

Крот поговорил с парой своих собратьев.

— Лорд по фамилии Джефферис.

— Я же знаю Джефферисa! — удивленно воскликнул Мэллори. — Он заявлял, что птеродактиль Радвика не мог летать. Он якобы доказал, что это была «малоподвижная планирующая рептилия», не способная махать крыльями! Да этот ублюдок вообще ничего не понимает! Его следует под суд отдать за мошенничество!

— А вы что, мистер, вы тоже ученый?

— Только не такой, как этот ваш Джефферис, — отрезал Мэллори.

— А хрен ли с вами таскается этот приятель, лягаш долбаный? — Крот возбужденно дернул себя за серьгу. — Вы с ним что, так вот все и запишете в свои блокнотики?

— Ни в коем случае, — с достоинством отозвался Мэллори. — Просто мы хотели знать всю правду о происходящем.

— Если вы, ваше ученое превосходительство, хотите узнать всю эту в рот конем долбаную правду, сбегайте вниз и наскребите себе с потолка ведерко тамошнего протухшего говна. Золотарей с двадцатилетним стажем, даже их наизнанку выворачивает, такая там вонища!

Крот шагнул в сторону и загородил дорогу юной особе в кринолине с ленточками.

— Вниз нельзя, милочка, сегодня поезда не ходят… Мэллори двинулся дальше.

— Ну, это ему так с рук не сойдет! — зловеще пробормотал он. — Когда ученый берется за промышленную консультацию, он должен быть твердо уверен в своих выкладках!

— Все дело в погоде, — примирительно сказал Фрейзер.

— Вовсе нет! Все дело в этике ученого! Я сам получил подобное предложение — один йоркширский малый задумал построить оранжерею, наподобие грудной клетки бронтозавруса. Каркас, говорю я ему, получится отличный, никаких проблем, только вот швы между стеклами обязательно потекут. Он подумал, подумал, да и бросил свою затею. Я сам, собственными руками отрезал себе возможность получить гонорар за консультации — зато сохранил честное имя ученого. — Мэллори откашлялся и сплюнул в канаву. — Джефферис, конечно же, олух, но все равно не верится, чтобы он мог дать Бэббиджу такой идиотский совет.

— Никогда не видел, чтобы ученый так откровенно говорил с кротом…

— Тогда вы не знаете Неда Мэллори! Я уважаю всякого честного человека, знающего свое дело.

Фрейзер задумался. Судя по выражению лица, у него остались некоторые сомнения.

— Опасные бунтовщики, эти ваши шахтеры.

— Прекрасный радикалистский профсоюз. Они и раньше поддерживали партию и до сих пор это делают.

— И перебили немало полицейских — тогда, в смутные времена.

— Веллингтоновских полицейских, — уточнил Мэллори.

Фрейзер мрачно кивнул.

Не оставалось ничего другого, как идти к Дизраэли пешком. Ноги у Фрейзера были длинные, походка размашистая, он поспевал за Мэллори без малейшего труда и не имел особых возражений против вынужденной прогулки в компании подопечного. Они повернули назад и вскоре оказались в Гайд-парке, где Мэллори надеялся глотнуть свежего воздуха. Листья деревьев совсем увяли в липком неподвижном воздухе, а зеленоватый свет, струившийся на землю сквозь ветви, казался мрачным, почти зловещим.

Небо превратилось в чашу, полную дыма, бурлящего и с каждой минутой делающегося все

гуще и гуще. Устрашающее зрелище вызвало среди лондонских скворцов настоящую панику, огромная их стая с криком кружила над парком. Мэллори восхищенно наблюдал за птицами. Стайная активность представляла собой весьма элегантный пример групповой динамики. Просто удивительно, как систематическое взаимодействие такого большого числа особей может образовывать в воздухе настолько изящные формы: трапеция, затем скошенный треугольник, постепенно превращающийся в слабо изогнутый полумесяц, затем середина полумесяца вспучивается, по нему проходит нечто вроде волны… Можно написать очень интересную статью.

Мэллори споткнулся о корень. Фрейзер поддержал его за локоть.

— Сэр?

— Да, мистер Фрейзер?

— Поглядывайте, пожалуйста, по сторонам — за нами может быть хвост.

Мэллори огляделся, без особого, правда, толку: парк был переполнен, однако среди гуляющих не замечалось ни кашлюна, ни его дружка в котелке. Никто не прятался за кустами, никто не размахивал дубинками.

На Роттен-роу небольшой отряд конных ама-

зонок — «очаровательных наездниц», как их называли газеты (нельзя же писать «состоятельных куртизанок»), — сгрудился вокруг лежащей на земле всадницы: гнедой мерин выбросил ее из седла *(женского*, разумеется, седла). Подойдя поближе, Мэллори и Фрейзер увидели, что несчастный мерин попросту запарился, обессилел и упал; весь в мыле, он лежал чуть поодаль и тяжело дышал. Наездница не получила ни царапины, только перемазалась в траве. Она крыла последними словами Лондон и его поганый воздух, и подружек, подбивших ее послать коня в галоп, и некоего господина, подарившего ей эту клячу.

Фрейзер из деликатности сделал вид, что не заметил этой малопристойной сцены.

— Сэр, при моей работе быстро учишься ценить пребывание на открытом воздухе. Сейчас рядом нет ни дверей, ни замочных скважин. Не могли бы вы проинформировать меня о своих неприятностях самыми простыми словами — описать события так, как вы видели?

Мэллори ответил не сразу. Он испытывал сильное искушение довериться Фрейзеру; из всех этих облеченных властью людей, к чьей помощи он мог бы прибегнуть, один лишь этот полицейский

казался способным заглянуть в корень проблем. И все же доверяться было опасно — опасно не для него одного.

— Мистер Фрейзер, эта история затрагивает репутацию благородной леди. Прежде чем я начну говорить, я должен взять с вас слово джентльмена, что вы не повредите ее интересам.

Фрейзер шел, заложив руки за спину, и молчал.

— Это — Ада Байрон? — спросил он после минуты размышлений.

— Абсолютно верно! — поразился Мэллори. — Это что же, Олифант вам рассказал, да?

— Нет, — покачал головой Фрейзер. — Мистер Олифант очень сдержан. Но нам, профессионалам с Боустрит, часто поручают притушить ту или иную семейную неприятность Байрона. Мы, можно сказать, стали специалистами в этой области.

— Но вы угадали почти сразу, мистер Фрейзер! Как это возможно?

— Печальный опыт, сэр. Мне знакомы эти ваши слова, мне знаком этот благоговейный тон — «интересы благородной леди». — Фрейзер оглядел мрачный парк, его изогнутые скамейки из тика и чугуна, заполненные мужчинами с расстегнутыми воротничками, женщинами,

раскрасневшимися, обмахивающимися веерами, ордами вялых, одуревших от зловонного зноя городских детишек. — Все эти герцогини, графини — их роскошные усадьбы сгорели в смутные времена. А радикальные аристократки могут выпендриваться сколько угодно, но никто не назовет их на прежний манер «благородными леди» — разве что королеву или нашу так называемую королеву машин.

Инспектор осторожно переступил через маленький птичий трупик: посреди посыпанной гравием дорожки лежал, раскинув крылья и выставив сморщенные коготки, мертвый скворец. Через несколько ярдов им обоим пришлось замедлить шаг, чтобы проложить себе дорогу среди нескольких дюжин подобных трупов.

— Возможно, вам лучше будет начать с самого начала, сэр. С покойного мистера Радвика и той давней истории.

— Ладно. — Мэллори отер с лица пот и брезгливо взглянул на платок, испещренный крупицами копоти. — Я — доктор палеонтологии. Из чего следует, что я — преданный сторонник партии. Я родился в семье довольно скромного достатка и только благодаря радикалам смог защитить докторскую. С отличием. Я полностью поддерживаю

правительство.

— Продолжайте, — кивнул Фрейзер.

— Два года я провел в Южной Америке, но это не было самостоятельной работой, руководил раскопками лорд Лаудон. Когда мне предложили возглавить собственную экспедицию, причем щедро финансируемую, я согласился без малейших колебаний. Как выяснилось позднее, то же самое — и по сходным причинам — сделал и несчастный Фрэнсис Радвик.

— Вы оба получили деньги от Комиссии по свободной торговле Королевского общества.

— Не только деньги, но и приказы, мистер Фрейзер. Я провел через американский фронтир пятнадцать человек. Разумеется, мы вели раскопки и мы сделали великое открытие. Но кроме того, мы провезли контрабандой оружие, чтобы помочь краснокожим сдерживать янки. Мы составили карты дорог от самой Канады, подробно занося на них характер ландшафта. Если когда-нибудь вспыхнет война между Британией и Америкой… — Мэллори запнулся. — Ну, в Америке и так уже идет самая настоящая война, не так ли? Мы поддерживаем южных конфедератов, хотя и не признаемся в этом публично.

— И вы даже не подозревали, что эта секретная

деятельность чревата опасностями?

— Опасности? Конечно, всем нам грозили опасности. Но не дома, не в Англии… Когда убили Радвика, я был в Вайоминге; я ничего не знал о его смерти, пока не прочел заметку в канадской газете. Для меня это было настоящим потрясением. Я ожесточенно спорил с Радвиком в вопросах теории, и я знал, что он отправился на раскопки в Мексику, но понятия не имел, что нас объединяет общая тайна. Откуда мне было знать, что Радвик тайно работает на Комиссию; я знал только то, что он добился больших успехов. — Мэллори вздохнул. — Пожалуй, я даже ему завидовал. Он был чуть постарше меня и учился у самого Бакленда [97].

— Бакленда?

— Один из величайших умов в нашей области. Его уже нет на свете. Правду говоря, я не слишком хорошо знал Радвика. Он был малоприятным человеком, холодным и высокомерным. Лучше всего ему давались заморские раскопки, на

---

[97] Примечания: 97

Бакленд, Уильям (1784–1856) — английский священнослужитель и геолог, с 1813 г. профессор минералогии в Оксфордском университете. Занимался палеонтологией, пытался примирить новейшие геологические открытия с Библией и антиэволюционными теориями. Первым в Англии обнаружил свидетельства прохождения ледников. В 1824 и 1840 гг. избирался президентом Географического общества.

хорошем расстоянии от добропорядочного общества. — Мэллори отер платком шею. — Когда я прочел о его смерти в каком-то притоне, меня это вовсе не удивило.

— Вы не знаете, был ли Радвик знаком с Адой Байрон?

— Нет, — удивился Мэллори, — ничего такого я не знаю. Мы с ним занимали в ученых кругах не слишком высокое положение, никак не на уровне леди Ады! Возможно, они были представлены, но если бы она ему благоволила, я бы об этом услышал.

— Вы назвали его блестящим.

— Блестящий полевой работник, а не в светском смысле.

— Похоже, мистер Олифант полагает, — сменил тему Фрейзер, — что Радвика убили техасцы…

— Я знать не знаю ни о каких техасцах, — раздраженно оборвал его Мэллори. — Да и кто там что знает о том Техасе? Какая-то богом забытая страна! Если техасцы и вправду убили несчастного Радвика, то королевскому флоту следует в порядке возмездия обстрелять их порты или что еще в этом роде. — Он покачал головой. Все это грязное дело, которое когда-то казалось столь дерзким и изобретательным, теперь представ-

лялось чем-то подлым и бесславным, на уровне мелкого жульничества. — Дураки мы были, что связались с этой Комиссией, — что Радвик, что я. Горстка богатых лордов плетет себе тайные интриги, чтобы поизводить янки. А эти янки, их республики и без того рвут друг другу глотку из-за рабства, или местного самоуправления, или еще какой чертовой дури! Лордам игрушки, Радвик погиб, когда мог бы жить себе да жить и откапывать новые чудеса. Вспоминать стыдно!

— Некоторые скажут, что это был ваш патриотический долг. Что вы боролись за интересы Англии.

— Так или не так, — вздохнул Мэллори, — но знали бы вы, какое это облегчение, говорить обо всем этом открыто после долгого молчания.

Мэллори чувствовал, что его рассказ не произвел на Фрейзера особого впечатления. Скорее всего, для инспектора Особого отдела это была старая, навязшая на зубах история, а может — крошечный фрагмент злодеяний куда более мрачных и серьезных. Как бы там ни было, Фрейзер не стал вдаваться в политику, сосредоточив все свое внимание на подробностях сугубо криминального свойства.

— Расскажите мне о первом нападении на вас.

— Это произошло на дерби. Я увидел, как некая дама с вуалью в наемном экипаже подвергается самому грубому и неподобающему обращению со стороны своих спутников, мужчины и женщины, каковых я счел за преступников; позднее выяснилось, что имя этой женщины Флоренс Рассел Бартлетт — как вам, скорее всего, уже известно.

— Да. Мы весьма активно разыскиваем эту миссис Бартлетт.

— Мне не удалось идентифицировать ее напарника. Но я вроде бы краем уха слышал его имя: Свинг. Или капитан Свинг.

Брови Фрейзера чуть приподнялись.

— Вы сказали об этом мистеру Олифанту?

— Нет. — Мэллори чувствовал, что идет по тонкому льду.

Фрейзер задумался.

— Может, оно и к лучшему, — сказал он в конце концов. — У мистера Олифанта иногда разыгрывается фантазия, а «капитан Свинг» весьма популярен в среде заговорщиков. Мифическая личность, вроде Неда Лудда — «генерала Лудда». Когда-то банды Свинга были, так сказать, сельскими луддитами. Мелкие вредители — сено поджигали и все такое прочее. Но в смутные времена они совсем распоясались, перебили уйму

дворян, пожгли дотла их усадьбы.

— Понятно, — кивнул Мэллори. — Так вы что, думаете, этот малый луддит?

— Луддитов больше нет. — В голосе Фрейзера звучала легкая насмешка. — Они вымерли, как ваши динозавры. Я скорее подозреваю, что это какой-то зловредный любитель старины. У нас есть его описание, есть собственные методы — когда мы его возьмем, непременно поинтересуемся, с чего бы это такой странный псевдоним.

— И этот парень был ничуть не похож на батрака — этакий тебе ипподромный щеголь, подделывающийся под француза. Когда я вступился за леди, он выхватил стилет! Зацепил меня по ноге. Слава еще Богу, что клинок не был отравленный.

— Возможно, и был, — заметил Фрейзер. — Яды — распространенные яды — вовсе не так сильны, как принято думать…

— Так вот, я сбил мерзавца с ног, после чего он и его сообщница сбежали, оставив свою жертву в кэбе. Сукин сын дважды поклялся, что убьет меня. «Уничтожит», так вот красиво он выражался… Затем я понял, что загадочная дама не кто иная, как леди Ада Байрон. Она говорила весьма странным образом — словно была чем-то опоена

или потеряла разум от страха… Она просила меня проводить ее к королевской ложе, но, когда мы туда подошли, сбежала без единого слова благодарности.

Мэллори немного помолчал.

— Вот, в общем-то, и все. Вскоре после этого я выиграл значительную сумму денег, поставив на гоночный пароход, построенный одним из моих друзей. Он дал мне очень полезную информацию, и в один миг она превратила меня из скромного ученого в состоятельного человека. — Он подергал себя за бороду. — При всей разительности этого превращения, в то время оно казалось меньшим из чудес.

— Понимаю. — Фрейзер надолго замолчал. Они вышли на уголок Ораторов, где потные, раскрасневшиеся мужчины поливали скептически настроенную толпу потоками пламенного красноречия; трибунами им служили ящики из-под мыла.

Все так же молча они пересекли шумный, суматошный Найтсбридж. Мэллори ждал, что Фрейзер заговорит, но тот молчал. У высоких кованых ворот Грин-парка полицейский повернулся и несколько секунд изучал улицу, по которой они только что прошли.

— Мы можем срезать через Уайтхолл, — сказал он наконец. — Я знаю, как там пройти.

Мэллори согласно кивнул.

У Букингемского дворца менялся караул. Королевская семья по обычаю проводила лето в Шотландии, но гвардейская бригада отправляла свой ежедневный ритуал и в отсутствие королевы. На горделиво вышагивающих лейб-гвардейцах было крымское полевое обмундирование — бесформенные тускло-коричневые куртки и брюки, беспорядочно заляпанные темными и светлыми пятнами. Новейшая, разработанная британскими учеными ткань делала солдат почти невидимками и, судя по восторженным отзывам военных корреспондентов, приводила русских в полное замешательство. Вслед за гвардейцами упряжка артиллерийских лошадей тащила большую армейскую каллиопу; веселые трели альтов и воодушевляющее гудение басов звучали в гнилом, неподвижном воздухе странно и жутковато.

Мэллори ждал, когда же Фрейзер что-нибудь решит. Наконец он не выдержал.

— Вы верите, что я встретился с Адой Байрон, мистер Фрейзер?

Фрейзер прочистил горло и несколько смущенно сплюнул.

— Да, сэр, верю. Мне не слишком нравится вся эта история, но я не нахожу в ней ничего необычного.

— Ничего необычного?

— Да, сэр. Мне понятно, как такое могло случиться. Это игорные дела. У леди Ады есть «Модус».

— «Модус»? Что это такое?

— Это легенда игроков, доктор Мэллори. «Модус» — игорная система, секретная машинная программа, способная взять верх над всеми исхищрениями букмекеров.

Каждый жуликоватый клакер мечтает о «Модусе», сэр. Это — их философский камень, способ сотворить золото из ничего.

— Это что, правда? Такой сложный анализ, неужели он возможен?

— Не знаю, сэр, но, если возможен, леди Ада Байрон вполне могла его осуществить.

— Друг Бэббиджа, — задумчиво проговорил Мэллори. — Да, я могу в это поверить. Вполне могу.

— Так вот, — продолжал Фрейзер, — возможно, ей только так кажется. Я не математик, но я знаю, что до сих пор ни одна игорная система не работала. Как бы там ни было, наша леди снова

вляпалась. — Фрейзер сокрушенно вздохнул. — Она гоняется за этим клакерским фантомом уже много лет, а попутно якшается с шулерами, низкопробными клакерами, ростовщиками, а то и с кем похуже. Ее игорные долги достигли скандальных размеров!

Мэллори задумчиво сунул большие пальцы за ремень.

— Ну что ж! Если Ада действительно нашла «Модус», у нее больше не будет долгов!

— Простите, сэр, но я никак не ожидал от вас подобной наивности. — Фрейзер смотрел на ученого с искренним состраданием, как на сельского дурачка. — Появление настоящего «Модуса» подорвет саму концепцию скачек! Все эти наши околоспортивные господа лишатся средств к существованию… Видели когда-нибудь, как ипподромная толпа бьет проштрафившегося букмекера? Будь эта ваша Ада хоть самый великий синий чулок, здравого смысла у нее не больше, чем у курицы!

— Она — великий ученый, мистер Фрейзер! Истинный гений. Я читал работы леди Байрон, применяемая в них математика…

— Леди Ада Байрон, королева машин. — В голосе Фрейзера было больше усталости, чем

презрения. — Сильная женщина! Совсем как ее мать, да? Носит зеленые очки и пишет ученые книги… Она хочет опрокинуть вселенную и сыграть полушариями в кости. Женщины не умеют вовремя остановиться…

— Вы женаты, мистер Фрейзер? — улыбнулся Мэллори.

— Бог миловал, — пробурчал инспектор.

— Я тоже, пока. А леди Ада никогда не была замужем. Она обручилась с наукой.

— Каждая женщина нуждается в муже, чтобы тот держал ее в узде. — В голосе Фрейзера звучала страстная убежденность. — Так и только так промыслил Господь.

Мэллори нахмурился.

Заметив это, Фрейзер несколько изменил формулировку:

— Это эволюционная адаптация рода человеческого.

Мэллори медленно кивнул.

Инспектор Фрейзер явно не горел желанием встретиться с Бенджамином Дизраэли; он не слишком убедительно объяснил, что необходимо наблюдать за улицами на предмет шпионов, однако было вполне очевидно, что полицейский наслышан о хозяине дома и не доверяет его сдер-

жанности. И с должным на то основанием.

Мэллори встречал в Лондоне немало деловых людей, но Диззи [98] Дизраэли был всем лондонцам лондонец. Мэллори не питал к Дизраэли особого уважения, однако находил его занятным собеседником. Дизраэли знал — или делал вид, что знает, — все закулисные интриги в Палате общин, все свары среди издателей и ученых, все званые вечера и литературные четверги у леди Такой-То и леди Как-Бишь-Ее-Там. Его умение казаться всеведущим граничило с чудом.

Мэллори случайно узнал, что Дизраэли, вполне добропорядочного агностика, забаллотировали на выборах в три или четыре клуба, возможно — из-за его еврейского происхождения. Впрочем, образ жизни и манеры этого человека оставляли стойкое впечатление, что всякий лондонец, с ним не знакомый, либо имбецил, либо безнадежно отстал от жизни. От Диззи исходили какие-то эманации, какая-то мистическая аура, и даже Мэллори при всем его скептицизме не мог этого не ощущать.

Одетая в домашний чепец и передник служанка сообщила гостю, что хозяин уже встали

---

[98] Примечания: 98
Dizzy (англ.) — букв, головокружительный.

и завтракают. «Господи, — вздохнул Мэллори, глядя на Дизраэли, с энтузиазмом поглощающего тушенную в джине макрель, — эта рыба воняет почище лондонской подземки». Утренний туалет литератора состоял из шлепанцев, турецкого халата и бархатной фески с кисточкой.

— Доброе утро, Мэллори. Точнее говоря — кошмарное утро. Жуткое.

— Жутковатое.

Дизраэли отправил в рот остатки макрели, допил чашку черного, как деготь, кофе и принялся набивать первую за день трубку.

— По правде говоря, вас-то мне и не хватало. Вы ведь немного клакер, понимаете в технике?

— А в чем дело?

— Новомодная хреновина. Купил ее в ту среду. Продавец клялся и божился, что она облегчит мне жизнь.

Кабинет Дизраэли был сплошь завален ершиками для чистки трубок, скандальными журналами и недоеденными сэндвичами. На полу громоздились вороха тонкой деревянной стружки и пробковых амортизационных вкладышей.

«Хреновина» оказалась печатной машиной «Кольт и Максвелл»; журналисту удалось вытащить ее из упаковочного ящика и установить на

изогнутые чугунные ножки. Перед машиной на освобожденном от хлама пятачке невообразимо грязного дубового пола стояло патентованное канцелярское кресло.

— С виду все в порядке, — пожал плечами Мэллори. — А что там не работает?

— Ну, я могу качать педаль и с ручками тоже справляюсь, — объяснил Дизраэли. — Во всяком случае, стрелка по буквам ходит. Но все равно эта штука ничего не печатает.

Мэллори сдвинул боковую заслонку кожуха, ловко продел перфорированную ленту через приводные шкивы, потом проверил подачу бумаги, судя по всему, Дизраэли не сумел правильно зацепить шестеренки привода. Мэллори устроился в канцелярском кресле, качнул пару раз педаль, чтобы разогнать маховик, и взялся за рукоятки.

— Что мне напечатать? Продиктуйте что-нибудь.

— Знание — сила, — с готовностью отозвался Дизраэли.

Стрелка быстро запрыгала по нанесенным на стеклянный диск буквам; перфолента поползла наружу, аккуратно наматываясь на пружинную шпульку; печатное колесико уверенно защелкало. Дав замереть маховику, Мэллори вытянул из

прорези лист бумаги с единственной строчкой букв: «ЗНАНИЕ — СИЛА».

— Тут нужна определенная сноровка, — сказал он, передавая страницу журналисту. — Но вы быстро наловчитесь.

— Да я от руки пишу быстрее! — возмутился Дизраэли. — И куда лучшим почерком!

— Разумеется, — терпеливо ответил Мэллори, — но в результате у вас получается только один экземпляр. А здесь — немного работы ножницами и клеем, и вы сможете запустить перфоленту по кругу. Машина будет выплевывать страницу за страницей, пока вам не надоест крутить педаль. Сколько надо копий, столько и получите.

— Замечательно. — В голосе Дизраэли не чувствовалось особого воодушевления.

— И потом, вы сможете править написанное. Это просто, нужно лишь немного порезать и поклеить.

— Профессионалы *никогда*не переписывают, — скривился Дизраэли. — А что, если мне захочется написать что-нибудь элегантное и пространное — так сказать, на одном дыхании? Что-нибудь вроде… — Дизраэли взмахнул дымящей трубкой. — «Бывают борения разума, подобные

титаническим судорогам самое Природы, когда все вокруг кажется анархией и первозданным хаосом, однако часто именно в эти моменты величайшего смятения возникает, словно в родовых схватках Вселенной, некий новый принцип упорядоченной организации, некий новый побудительный мотив, и этот новый принцип, этот мотив смиряет и приводит к гармоническому соответствию страсти и стихии, грозившие отчаянием и ниспровержением всех основ».

— Недурно, — похвалил Мэллори.

— Нравится? Из вашей новой главы. Но как я могу сосредоточиться на красноречии, если все время приходится что-то там крутить и нажимать, прямо как какой-нибудь там прачке?

— Ну, если вы ошибетесь, всегда можно перепечатать страницу.

— А говорили, что это устройство сэкономит бумагу.

— Вы можете нанять квалифицированного секретаря и диктовать.

— Но они-то говорили, что эта штука сэкономит мне еще и деньги! — Дизраэли сунул в рот янтарный мундштук своей пенковой трубки и яростно затянулся. — Да чего там попусту языком чесать, все равно не отвертишься. Издатели силой навя-

жут нам это нововведение. «Ивнинг Телеграф» уже теперь делает весь набор на машинах. Профсоюзы наборщиков на дыбы, в правительстве целый скандал… Ладно, хватит болтать о наших литературных проблемах. За работу, а? Боюсь, нам придется поспешить. Мне бы хотелось набросать сегодня по меньшей мере две главы.

— Что так?

— Я уезжаю на континент с компанией друзей, — объявил Дизраэли. — Наверное, в Швейцарию. Какой-нибудь небольшой кантон высоко в Альпах, где несколько веселых писак смогут глотнуть свежего воздуха.

— Здесь совсем паршиво, — согласился Мэллори. — Очень зловещая погода.

— В салонах только об этом и говорят. — Дизраэли сел за стол и принялся охотиться по ящикам за своими набросками. — Летний Лондон всегда смердит, но в этом году у нас Великий Смрад. Весь бомонд разъехался, а кто не уехал — уедет со дня на день. Сомневаюсь, чтобы в Лондоне остался хоть один светский человек. Говорят, даже парламент сбежит выше по реке, в Хэмптон-Корт, а Дом правосудия — в Оксфорд!

— Неужели правда?

— Да, совершенно точно. Будут приняты край-

ние меры. Все, конечно же, планируется втихую, чтобы предотвратить панику. — Дизраэли повернулся вместе с креслом и подмигнул. — Но меры грядут, это уж будьте уверены.

— Какие меры, Диззи?

— Рационирование воды, закрытие дымовых труб, отключение газовых фонарей и все в таком роде, — весело сообщил Дизраэли. — Что бы там ни говорили о новой аристократии, институт меритолордов [99] дал нам хотя бы уверенность, что руководство страны не состоит из *идиотов.*

Он разложил по столу заметки.

— У правительства готовы в высшей степени научные планы на случай любой чрезвычайной ситуации. Вторжения, пожары, засухи, эпидемии… — Он лизнул большой палец и зашуршал заметками. — Некоторые люди просто обожают мыслить о немыслимом.

Все это не укладывалось в голове.

— А что конкретно содержится в этих чрезвычайных планах? — с недоверием спросил Мэллори.

---

[99] Примечания: 99

Меритолорд — член Палаты лордов (пэр) не по рождению, а получивший титул за особые заслуги.

Последнее верно, только если гены, отвечающие за эти признаки распложены на разных хромосомах.

— Много всякого. Планы эвакуации, наверное.

— Не хотите же вы сказать, что правительство думает эвакуировать Лондон?

— Понюхай вы Темзу возле здания Парламента, — косо усмехнулся Дизраэли, — вы бы не удивлялись, что наши солоны решили сделать ноги.

— Настолько плохо, да?

— Темза превратилась в зловонную, ядовитую, кишащую всеми болезнями сточную канаву, — провозгласил Дизраэли. — Ее воды до предела насыщены сбросами пивоварен и литейных мастерских, газовых и химических заводов! Устои Вестминстерского моста облеплены жуткими лохмами гнили, каждый проходящий по Темзе пироскаф взбивает из этой отвратительной жижи такое зловоние, что команда едва не падает в обморок!

— Передовицу писали? — улыбнулся Мэллори.

— Для «Морнинг Клэрион», — пожал плечами Дизраэли. — В этом жанре непременно приходится чуть-чуть сгущать краски. Но погодка сейчас абсолютно дикая, тут уж не поспоришь. Несколько дней хорошего дождя, чтобы промыть Темзу и взломать этот гнетущий облачный купол, и все будет в порядке. Ну а еще пара недель такой

кошмарной погоды, и тем, кто постарше или слаб легкими, сильно не поздоровится.

— Вы, правда, так думаете?

— Говорят, в Лаймхаузе снова свирепствует холера, — зловеще прошептал Дизраэли.

По спине Мэллори пробежал холодок.

— *Кто*говорит?

— Госпожа Сплетня. Но кто сейчас ей не поверит? В такое мерзкое лето весьма вероятно, что испарения и миазмы разнесут смертельную заразу. — Дизраэли выколотил трубку и начал снова набивать ее черным турецким табаком. — Я очень люблю этот город, Мэллори, но бывают времена, когда благоразумие должно брать верх над привязанностью. Я знаю, у вас семья в Сассексе. На вашем месте, я бы уехал туда не теряя ни минуты.

— Но мне предстоит выступить с докладом, через два дня. О бронтозаврусе. С кинотропным сопровождением!

— Отмените выступление, — посоветовал Дизраэли, возясь с многоразовой спичкой. — Или отложите.

— Не могу. Оно должно стать событием, я надеюсь на большой общественный резонанс!

— Мэллори, никто туда не придет. Во всяком

случае, никто из тех, кто действительно что-то значит. Ваш доклад будет напрасным сотрясением воздуха.

— Придут рабочие, — упрямо сказал Мэллори. — Простые люди, которым не по карману летние каникулы на природе.

— О! — кивнул Дизраэлли, выдувая колечко дыма. — Это будет роскошно. Ребята, читающие по складам грошовые ужастики. Не забудьте порекомендовать им мои сочинения.

Мэллори упрямо сжал челюсти.

— Давайте-ка лучше работать, — вздохнул Дизраэли. — Нам надо многое успеть. — Он взял со стеллажа последний номер «Семейного музея». — Что вы думаете о куске, напечатанном на той неделе?

— Прекрасно. Лучший из всех, что были.

— Только слишком уж много этих дурацких теорий, — пожаловался Дизраэли. — Нужно обращаться к чувствам.

— А что плохого в теории, если это — хорошая теория?

— Ну кому же, кроме специалистов, интересно читать о шарнирном давлении в челюстных костях рептилии? По правде говоря, единственное, что публике хочется знать о динозаврах, — поче-

му эти чертовы твари взяли вдруг и передохли?

— Так мы же договорились приберечь это под конец.

— О, да. Великолепная будет кульминация — вся эта история с огромной кометой, врезающейся в Землю, гигантской пылевой бурей, уничтожающей миллионы рептилий, и тому подобное. Очень драматично, очень катастрофично, за это-то публика и любит катастрофизм. Катастрофа *занимательнее*, чем вся эта униформистская болтовня о том, что Земле сотни миллионов лет. Надоедливо и скучно — сплошное занудство от начала и до конца!

— Да при чем тут обращение к вульгарным эмоциям! — возмутился Мэллори. — У меня есть веские доказательства! Взгляните на Луну — вся ее поверхность изрыта кометными кратерами!

— Да, да, — рассеянно отозвался Дизраэли, — точная наука, честь ей и хвала.

— Никто не в силах объяснить, почему Солнце способно светить хоть десяток миллионов лет. Никакое горение не может длиться так долго — это нарушает элементарные законы физики!

— Давайте оставим это на время. Я целиком и полностью согласен с вашим другом Гексли, что мы должны просвещать невежественную пуб-

лику, однако нужно время от времени бросать ей косточку. Наши читатели желают побольше узнать о левиафанном Мэллори как о человеке.

Мэллори саркастически хмыкнул.

— Вот почему нам нужно вернуться к той истории с индейской девушкой.

— Да какая там «девушка»? — взмолился Мэллори. — Это была пожилая туземка…

— Мы уже сообщили читателям, что вы никогда не были женаты, — невозмутимо продолжал Дизраэли. — И вы не хотите признаться, что у вас есть возлюбленная в Англии. Пришло время вывести на сцену эту индейскую деву. Нет никакой необходимости описывать события прямолинейно, со всеми непристойными подробностями. Просто несколько добрых слов о девушке, пара вскользь оброненных намеков — женщины от этого без ума. А они читают гораздо больше мужчин. — Дизраэли отвинтил колпачок самописки. — Вы еще не сказали мне ее имя.

— У шайенов нет имен в нашем понимании. Особенно у женщин.

— Но хоть как-то же ее называли?

— Ну, иногда ее звали Вдовой с Красным Одеялом, а иногда ее звали Матерью Пятнистой Змеи или Матерью Хромой Лошади. Но вообще-то я

не стал бы ручаться ни за одно из этих имен. Переводчиком у нас был вечно пьяный француз-полукровка, не знавший толком ни английского, ни шайенского.

Дизраэли был явно разочарован.

— Так вы что, никогда с ней не говорили?

— Ну, это как сказать. Я вроде неплохо добивался своего при помощи жестов. Ее имя было — Уак-си-ни-ха-уа или Уак-ни-си-уа-ха — что-то вроде того.

— А что, если я назову ее Девой Прерий?

— Диззи, это была вдова. С двумя взрослыми детьми. У нее не хватало нескольких зубов, и она была жилистая, как волчица.

— Вы совсем не хотите мне помочь, — вздохнул Дизраэли.

— Ладно, — Мэллори подергал себя за бороду. — Она была хорошей швеей, можете упомянуть об этом. Мы завоевали ее… гм… расположение, дав ей иглы. Стальные иглы вместо заостренных кусков бизоньей кости. И, конечно же, стеклянные бусы. Они все без ума от стеклянных бус.

— Поначалу робкая Фиалка Прерий избегала белых людей, однако мало-помалу любовь к женскому рукоделию взяла в ней верх над застенчивостью, — пробормотал Дизраэли и начал

быстро строчить.

Дизраэли сочинял невероятную романтическую историю, интриговал будущих читательниц скромными, благопристойными намеками; Мэллори слушал его и неуютно ежился.

Насколько же это далеко от правды. Правду бумага не выдержит. Мэллори успел вроде бы выкинуть всю эту убогую историю из головы. Но, как оказалось, не совсем. Пока Дизраэли усердно карябал свою сентиментальную ахинею, правда накатила на Мэллори со всей жестокой отчетливостью.

* * *

Высокие конусообразные шатры замело снегом, и все шайены упились в стельку. Визжащий, улюлюкающий, подвывающий пандемониум — несчастным и в голову не шло, что спиртное для них яд, верная гибель. Они носились как угорелые, палили из винтовок в пустые американские небеса и падали с закатившимися глазами на промерзшую землю, в объятия видений. Стоило им начать, свистопляска могла продолжаться часами.

Мэллори не хотелось идти к вдове. Он боролся с искушением много дней, но в какой-то момент

осознал, что с этим делом надо кончать. Тогда он вылакал из бутылки дюйма два дешевого бирмингемского самогона, который они привезли вместе с винтовками, и пошел в палатку, где вдова сидела на одеялах и шкурах перед костерком из бизоньего навоза. Двое ее детей поднялись и вышли наружу, в снег и ветер.

Мэллори показал ей новую иголку и начал объясняться, делая руками непристойные жесты. Вдова кивнула с преувеличенным старанием человека, для которого кивок — элемент чуждого языка, затем скользнула в свое гнездо из шкур, легла на спину, раздвинула ноги и вытянула вверх руки. Мэллори взобрался на нее, накрылся одеялом, вытащил из штанов набрякший, ноющий член и ввел его по принадлежности. Он думал, что дело кончится быстро и, возможно, без особого стыда, но все это было слишком непривычно. Совокупление тянулось так долго, что женщина начала поглядывать на него с каким-то робким раздражением, а потом осторожно подергала его за бороду. Наконец тепло, блаженное трение, резкий звериный запах что-то в нем растопили, и он кончил долго и сильно, кончил в нее, хотя и не намеревался этого делать. Три других раза, когда он навещал вдову, он вовремя

выходил, боясь наградить это несчастное существо ребенком. Ему было жаль, что в первый раз так получилось. Но если она была к их отъезду беременна, скорее всего, ребенок был не его, а кого-то другого из экспедиции.

* * *

В конце концов Дизраэли покончил с Фиалкой Прерий, и все пошло вроде бы легче, однако теперь Мэллори пребывал в полном смятении. Цветистая проза литератора была тут, собственно, и ни при чем, дьявола разбудила яростная сила его собственных воспоминаний. Призрак вернулся за отмщением. Мэллори был переполнен похотью и терял над собой контроль. После Канады он ни разу не имел дела с женщиной, да к тому же та француженка в Торонто была не слишком уж чистой. Ему отчаянно хотелось женщину. Англичанку, какую-нибудь пейзанку с упругими белыми ногами и веснушками на пухлых плечах…

Мэллори вышел на Флит-стрит. На открытом воздухе его глаза сразу же начали слезиться. Прохожих было много, однако Фрейзера среди них не замечалось. На город опустилась мгла, невероятная даже по меркам этого невероятного лета.

К полудню купол собора Святого Павла окутался саваном грязного тумана. Шпили и рекламные щиты Ладгейт-Хилла скрылись в грязно-серой вате маслянистого дыма. Флит-стрит превратилась в бурлящий, грохочущий хаос, надсадное пыхтение пароходов мешалось с криками, лошадиным ржанием и пистолетными щелчками кнутов. Женщины шли по тротуарам ссутулившись, прикрываясь грязными от сажи зонтиками, все прохожие прижимали к носу и глазам скомканные платки. Мужчины и мальчишки тащили саквояжи и баулы с резиновыми ручками, их веселенькие соломенные канотье уже покрылись пятнами сажи. По зависшей над улицей эстакаде железной дороги «Лондон, Четем и Дувр» пропыхтел переполненный прогулочный поезд, дым из его трубы завис в тяжелом, недвижном воздухе, как грязно-черный транспарант.

Мэллори взглянул на небо. Волокнистая медуза городских дымов исчезла, поглощенная все разрастающейся глыбой беспросветной мглы. То тут, то там на мостовую плавно ложились серые хлопья, отдаленно похожие на снег. Одна из этих чешуек кристаллизованной грязи села Мэллори на рукав; при первом же прикосновении она рассыпалась тончайшим пеплом.

— Доктор Мэллори!

Фрейзер стоял на противоположной стороне Флит-стрит под фонарем и призывно махал рукой; в спокойном обычно полицейском чувствовалось какое-то необычное возбуждение. Не исключено, осознал Мэллори, что он давно так уже кричит и машет.

Кэбы, паровые экипажи, все возможные и невозможные виды телег и повозок двигались сплошным потоком, как стадо взбесившихся, непрерывно блеющих овец. Мэллори перебежал улицу, ежесекундно выскакивая из-под колес, и остановился, задыхаясь.

Рядом с Фрейзером стояли двое незнакомцев, их лица были плотно обернуты платками. Тот, что повыше, успел уже надышать на белой ткани неприятное желто-коричневое пятно.

— А ну-ка, уберите эти тряпки, — скомандовал Фрейзер.

Незнакомцы угрюмо стянули платки под подбородки.

— Да это же кашлюн! — поражение воскликнул Мэллори.

— Позвольте мне, — недобро усмехнулся Фрейзер, — представить вам двух моих давних знакомых. Это мистер Дж. С. Тейт, а это — его

партнер, мистер Джордж Веласко. Они считают себя конфиденциальными агентами или чем-то в этом роде. — Рот Фрейзера растянулся в нечто, почти напоминающее улыбку. — Насколько я знаю, вы, джентльмены, уже встречались с доктором Эдвардом Мэллори.

— Знаем мы его, как же, — буркнул Тейт. Левую его скулу украшал багровый вздувшийся кровоподтек. — Псих он долбаный, и больше никто! Бедлам [100] по нему плачет.

— Мистер Тейт был сотрудником лондонской полиции, — объяснил Фрейзер, окинув Тейта тяжелым взглядом. — Пока не потерял свою должность.

— Я ушел в отставку! — вскинулся Тейт. — Я ушел из принципа, поскольку в лондонской полиции нельзя добиться справедливости — да ты, Эбенезер Фрейзер, и сам это не хуже меня знаешь.

— Что касается мистера Веласко, он один из так называемых рыцарей плаща и кинжала, — невозмутимо продолжал Фрейзер. — Отец его прибыл

---

[100] Примечания: 100

Бедлам — разговорное название «Вифлеемской королевской больницы», старейшей психиатрической клиники Великобритании; основана в Лондоне в 1247 г.; название стало нарицательным для обозначения сумасшедшего дома.

в Лондон как испанский беженец-роялист, а наш юный мастер Джордж с охотой берется за любую работу — фальшивые паспорта, подглядывание в замочную скважину, избиение видных ученых…

— Я британский гражданин. Я здесь родился и вырос. — Не по-лондонски смуглый полукровка одарил Мэллори ненавидящим взглядом.

— Не задирай нос, Фрейзер, — сказал Тейт. — Когда-то ты точно так же топал по участку, как и я, а если теперь ты большая шишка, то только потому, что готов помалкивать обо всяких грязных скандалах. Ну и что ты намерен делать? Наденешь на нас браслеты, посадишь в каталажку? Валяй, у меня тоже есть друзья.

— Не бойся, Тейт, я не позволю доктору Мэллори вас побить. А в благодарность вы нам расскажете, с чего это вы за ним следите.

— Профессиональная тайна, — запротестовал Тейт. — Нельзя стучать на клиента.

— Не будь дураком, — ласково посоветовал Фрейзер.

— Вот этот ваш джентльмен, он долбаный убийца! Выпотрошил своего противника, как селедку.

— Никого я не убивал, — отрезал Мэллори. — Я ученый Королевского общества, а не какой-нибудь уголовник!

Тейт и Веласко скептически переглянулись; губы Веласко задрожали, затем он не выдержал и захихикал.

— Что тут смешного? — спросил Мэллори.

— Их нанял один из ваших коллег, — объяснил Фрейзер. — Это внутренняя интрига Королевского общества, не так ли, мистер Тейт?

— Я же сказал, что ничего не скажу, — пробурчал Тейт.

— Это Комиссия по свободной торговле? — резко спросил Мэллори. Ноль реакции. — Это был Чарльз Лай-ел л?

Тейт закатил покрасневшие от дыма глаза и ткнул Веласко локтем в бок.

— Ну, конечно же, Фрейзер, ну кто бы сомневался, что этот доктор Мэллори чист, как первый снег. — Он отер грязное лицо еще более грязным платком. — Хорошенькое получается дело, а тут еще Лондон воняет, как месяц не чищенная помойка, и вся наша страна попала в лапы бездушных ученых придурков, которым деньги девать некуда!

Мэллори с трудом подавил желание напомнить наглому ублюдку вкус своего кулака; вместо этого он неторопливо, аристократическим жестом огладил бороду и холодно заметил:

— Не знаю, кто вам платит, но вряд ли он так уж обрадуется, что мы с мистером Фрейзером вас разоблачили.

Тейт смотрел на Мэллори и молча переваривал услышанное. За напускным безразличием Веласко явно угадывалось желание смыться при первой же возможности.

— Наше знакомство началось с безобразной драки, — продолжал Мэллори, — но я человек разумный, а потому способен подняться над более чем естественным негодованием и взглянуть на ситуацию объективно! Теперь, когда мы вас знаем, ваши услуги утратили всякую ценность для клиента, не так ли?

— Ну а если даже и так? — вскинулся Тейт.

— Ваши услуги могли бы пригодиться некоему Неду Мэллори. Сколько вам платит этот ваш не в меру любопытный хозяин?

— Осторожнее, Мэллори, — предостерег Фрейзер.

— Если вы наблюдали за мной достаточно, то должны были убедиться, что я отнюдь не скопидом, — многообещающе заметил Мэллори.

— Пять шиллингов в день, — пробормотал Тейт.

— Каждому, — вставил Веласко. — Плюс рас-

ходы.

— Да врут они всё, — возмутился Фрейзер.

— В конце недели в моей комнате во Дворце палеонтологии вас будут ждать пять золотых гиней, — пообещал Мэллори. — В обмен на эту сумму я хочу, чтобы вы обошлись с вашим бывшим клиентом в точности так же, как обходились со мной, — элементарная справедливость! Следуйте за ним тайно, куда бы он ни пошел, и докладывайте мне обо всем, что увидите. Вас ведь за тем нанимали, разве не так?

— Более или менее, — признал Тейт. — Давайте сделаем так. Вы, сквайр, даете эти пять желтых прямо сейчас. Мы обсудим ваше предложение, подумаем, а потом или согласимся — или вернем вам деньги.

— Хорошо, — кивнул Мэллори, — я дам вам часть этих денег. Но тогда и вам придется предоставить мне какую-нибудь информацию.

Тейт и Веласко быстро переглянулись.

— Дайте нам минутку переговорить.

Частные детективы протолкались сквозь сплошной поток пешеходов к обнесенному решеткой обелиску и начали оживленно жестикулировать.

— Эта парочка и в год пяти гиней не стоит, —

проворчал Фрейзер.

— Я прекрасно понимаю, что они отъявленные негодяи, — согласился Мэллори, — но меня это ничуть не волнует. Мне нужно то, что они знают.

Некоторое время спустя Тейт вернулся, лицо его снова закрывал платок.

— Нас нанимал Питер Фоук. — Голос отставного полицейского звучал приглушенно. — Я бы в жизнь не сказал — клещами бы из меня ничего не вырвать; но пидор этот хрен знает что из себя строит, прямо как лорд какой или хрен знает что. Не верит он, видите ли, в нашу порядочность. Не доверил нам действовать в его интересах. Словно мы своего дела не знаем.

— Да черт с ним, — махнул рукой Веласко. Зажатые между платком и полями котелка локоны выпирали по сторонам, как набриолиненные крылья. — Веласко с Тейтом не станут ссориться с легавыми из-за какого-то там Питера, в рот его и в ухо, Фоука.

Мэллори вынул из бумажника новенькую хрустящую фунтовую купюру, и она тут же исчезла в ловких, как у опытного шулера, пальцах Тейта.

— Еще одну такую же для моего друга, чтобы скрепить сделку.

— А что вы мне сообщили такого особенного? Я с самого начала подозревал Фоука.

— Вы, сквайр, еще кое-чего не знаете, — затараторил Тейт. — Мы не одни вас выслеживали. Вы вот топаете, как слон, бормочете что-то себе под нос, а не видите, что за вами все время таскаются модный такой парень и его баба. Три дня подряд таскались.

— Но сегодня-то их нет, — констатировал Фрейзер. — Так ведь?

— Думаю, — хохотнул Тейт, — они увидели тебя и свалили. От такой кислой морды кто хочешь свалит. Нервные они очень, эта парочка, дерганые.

— Они знают, что вы их заметили? — спросил Фрейзер.

— Они же не придурки какие, Фрейзер. Крутая парочка — что он, что она. Парень из ипподромной публики, это я зуб даю, и девка тоже совсем не из простых. К Веласко подкатывалась, все хотела узнать, кто нас нанял. — Тейт помедлил. — Мы не сказали.

— А что они о себе говорили? — резко спросил Фрейзер.

— Она назвалась сестрой Фрэнсиса Радвика, — ответил Веласко. — Расследует убийство брата.

Прямо так и сказала, сама, я ее даже ни о чем не спрашивал.

— Ну, мы-то в эту парашу не поверили, — продолжал Тейт. — Она совсем не похожа на Радвика. Но вообще-то баба на все сто — личико, рыжие волосы. Никакая она не сестра, уж скорее сожительница.

— Она убийца! — вырвалось у Мэллори.

— Будете смеяться, сквайр, но как раз то же самое она сказала про вас.

— Вы знаете, где их найти? — спросил Фрейзер.

Тейт покачал головой.

— Мы могли бы поискать, — предложил Веласко.

— Почему бы вам не заняться этим одновременно со слежкой за Фоуком, — предложил Мэллори. — У меня есть подозрение, что они могут быть заодно.

— Фоук уехал в Брайтон, — сказал Тейт. — Не вынес смрада — тонкая, мать его, натура. И если придется ехать в Брайтон, нам с Веласко не помешали бы деньги на проезд.

— Представите мне счет, — проговорил Мэллори, вручая Веласко вторую фунтовую банкноту.

— Доктор Мэллори желает получить подробно расписанный счет, — подчеркнул Фрейзер. — С

квитанциями.

— Будьте спокойны, сквайр. — Тейт тронул шляпу в полицейском салюте. — Рад служить интересам нации.

— И держитесь в рамках приличий, Тейт. Тейт пропустил эту рекомендацию мимо ушей и нагловато улыбнулся своему новому работодателю.

— Увидимся, сквайр.

— Плакали ваши денежки, — сказал Фрейзер, глядя, как героические сыщики растворяются в толпе. — Эту парочку вы никогда больше не увидите.

— На два фунта, и столько радости, — ухмыльнулся Мэллори. — Я считаю, что дешево отделался.

— Ошибаетесь, сэр. Есть куда более дешевые способы.

— По крайней мере теперь я не получу дубинкой по голове.

— Не получите, сэр. *От них* не получите.

* * *

Мэллори и Фрейзер перекусили прямо на улице сэндвичами с индейкой и беконом. На зубах скрипела копоть, совершенно непонятным способом проникшая в плотно закрытую мармитку

торговца. Все кэбы как под землю провалились. Станции метрополитена были закрыты, одуревшие от долгого стояния пикетчики поливали бранью вялых, ни в чем не повинных прохожих.

Вторая назначенная на сегодняшний день встреча, на Джермин-стрит, обернулась для Мэллори тяжким разочарованием. Он пришел в Музей, чтобы обсудить свое выступление, но мистер Китс, кинотропист Королевского общества, прислал телеграмму, что он очень болен, а Гексли уволокли в какой-то комитет, где ученые лорды обсуждали чрезвычайную ситуацию. Мэллори не сумел даже отменить свою речь, как предлагал Дизраэли, поскольку мистер Тренхэм Рикс заявил, что не имеет полномочий принимать подобные решения без Гексли, а Гексли уехал, не сказав куда, и даже не оставил телеграфного номера.

Словно чтобы окончательно испортить настроение, Музей практической геологии был почти пуст, шумные толпы школьников и натуралистов-любителей в одночасье исчезли, их место заняли унылые личности, пришедшие сюда не ради какой-то там науки, а в поисках прохлады и чуть более свежего воздуха. Они слонялись под гигантским скелетом левиафана, словно изнемо-

гая от желания переломать ему могучие кости и высосать костный мозг.

Единственное, что оставалось, — это плестись назад во Дворец палеонтологии и готовиться к ужину с Ассоциацией молодых агностиков. АМА представляла собой студенческое научное общество. Ожидалось, что Мэллори, главная звезда сегодняшнего сборища, сделает после ужина несколько глубокомысленных замечаний. Правду говоря, Мэллори и сам ждал этого события с некоторым нетерпением. При всей официальной унылости своего названия АМА была вполне жизнерадостной компанией, к тому же мужское общество позволит немного расслабиться и рассказать пару анекдотов, не совсем пригодных для нежных дамских ушек. Не ссылаясь, естественно, на первоисточник, на Диззи Дизраэли. Но теперь появлялся вопрос, многие ли из организаторов сборища остались в Лондоне? И осталось ли у этих самых оставшихся настроение где-то там собираться? И во что может превратиться ужин в верхнем зале паба «Черный монах», расположенного рядом с мостом Блэкфрайарз, в двух шагах от Темзы?

Улицы пустели прямо на глазах; лавка за лавкой вывешивали таблички: «ЗАКРЫТО». Мэллори

надеялся отыскать цирюльника, который подстриг бы ему волосы и бороду, но не тут-то было. Население Лондона бежало из города или попряталось за плотно закрытыми ставнями. Дым опустился уже до земли, смешавшись со зловонным туманом; этот желто ваты и гороховый суп залил весь город, сократив видимость до нескольких десятков ярдов. Редкие пешеходы выныривали из мглы, как пристойно одетые призраки. Фрейзер на обстановку не жаловался и выбирал путь с легкостью, заставлявшей заподозрить, что старый полицейский прошел бы по Лондону и с завязанными глазами. И он, и Мэллори давно уже закрыли лица платками. Разумная эта предосторожность немного раздражала Мэллори — немногословному Фрейзеру теперь вообще словно кляпом рот заткнули.

— Кинотропы — вот корень всех бед, — сказал Мэллори; они шли по Бромптон-роуд, мимо дворцов науки, окутанных зловонным туманом. — Когда я уезжал из Англии, такого и в помине не было. Два года назад этих штук было совсем мало. А теперь мне не позволяют выступить с публичной лекцией без кинотропа. — Он закашлялся. — Меня просто передернуло, когда я увидел, как этот длинный щит, ну тот, что вы-

вешен перед «Ивнинг Телеграф» на Флит-стрит, выщелкивает над головами толпы: «Поезда остановлены из-за забастовки кротов», «Парламент обеспокоен состоянием Темзы»…

— Ну что же в этом плохого? — удивился Фрейзер.

— Так ведь вся эта хрень ничего *не объясняет,* — продолжал горячиться Мэллори. — *Кто*в парламенте? *Каким*состоянием Темзы? Что об этом говорит парламент? Разумные вещи или глупости?

Фрейзер хмыкнул.

— Это же только видимость, что нас проинформировали. Но на самом деле ничего подобного! Одни заголовки, пустая болтовня. Нам не дали выслушать доводы, не дали взвесить доказательства. Никакие это не новости, а так, игрушка для бездельников.

— Считается, что пусть бездельники знают хоть что-то, чем вообще ничего.

— Так считают безмозглые идиоты! Скармливать людям это месиво из новостей, — все равно, что печатать не обеспеченные золотом банкноты или выписывать чеки на пустой счет. Если простой народ может думать только на таком уровне, то да здравствует Палата лордов!

Мимо них медленно пропыхтела пожарная карета, на подножках которой стояли усталые пожарники. Их одежда и лица почернели на каком-то пожаре, или от лондонского воздуха, или от гари, вылетающей из труб кареты. Мэллори усмотрел странную иронию в том, что пожарная машина черпает силы для своего передвижения в груде пылающего угля. Но, с другой стороны, это даже разумно: в такую жуткую погоду лошади не проскачут галопом и одного квартала, сколько их ни понукай.

Мэллори не терпелось вдохнуть немного чистого воздуха и смягчить горло хакл-баффом; он спешил во Дворец палеонтологии, как к спасительной пристани, однако с недоумением обнаружил, что там дыма больше, чем на улице. В холле стоял резкий удушливый чад, как от сгоревшего белья.

Надо думать, эти галлоны манганата натрия разъели канализационные трубы. Во всяком случае, вонь распугала наконец жителей Дворца, так как в вестибюле не было почти ни души, из столовой не доносилось ни звука.

Мэллори направился прямо в гостиную. Не успел он найти среди лакированных ширм и красной шелковой обивки официанта, как появился

Келли; выглядел комендант весьма решительно.

— Доктор Мэллори?

— Да, Келли?

— У меня для вас дурные новости, сэр. Прискорбное событие. Пожар, сэр.

Мэллори взглянул на Фрейзера.

— Да, сэр, — повторил портье. — Сэр, когда вы уходили сегодня, вы не могли случайно оставить одежду возле газового рожка? Или непотушенную сигару?

— Не хотите ли вы сказать, что пожар был в моей комнате!

— Боюсь, что так, сэр.

— Серьезный пожар?

— Жильцы думают, что да, сэр. И пожарные тоже. — Келли упустил из перечисления персонал Дворца, но его собственные чувства ясно читались на лице.

— Я всегда перекрываю газ! — воскликнул Мэллори. — Я не помню точно… Но я *всегда* перекрываю газ!

— Ваша дверь была заперта, сэр. Пожарникам пришлось ее взламывать.

— Давайте посмотрим, — мягко предложил Фрейзер.

Дверь в комнату Мэллори была выбита; мок-

рый, вздувшийся паркет сплошь засыпан песком. От письменного стола не осталось почти ничего, посреди ковра зияла огромная, с почерневшими краями дыра; о бумагах нечего было и говорить — они полыхнули в первую очередь. Стена позади стола и потолок над ним прогорели почти насквозь, балки и стропила обуглились, на месте платяного шкафа со всеми обновками лежала жалкая кучка обгорелых деревяшек и тряпок, щедро присыпанная осколками зеркала. Мэллори был вне себя от гнева, стыда и недобрых предчувствий.

— Вы заперли перед уходом дверь, сэр? — спросил Фрейзер.

— Я всегда ее запираю. Всегда!

— Могу я взглянуть на ваш ключ?

Мэллори протянул Фрейзеру кольцо с ключами. Инспектор опустился на колени возле изуродованной двери. С минуту он пристально изучал замочную скважину, потом поднялся на ноги.

— Вам не сообщали о появлении в вестибюле каких-нибудь подозрительных личностей? — спросил он у Келли.

— Позвольте узнать, сэр, по какому праву вы меня допрашиваете? — возмутился Келли.

— Инспектор Фрейзер, Боу-стрит.

— Нет, инспектор, — четко отрапортовал Келли. — Никаких подозрительных личностей не замечалось. Насколько мне известно.

— Имейте в виду, мистер Келли, что наша беседа является строго конфиденциальной. Полагаю, этот Дворец, подобно прочим учреждениям Королевского общества, предоставляет квартиры исключительно аккредитованным ученым?

— Это наше твердое правило, инспектор!

— Но вашим жильцам позволено принимать посетителей?

— Джентльменов, сэр. И дам в надлежащем сопровождении — ничего скандального, сэр!

— Прилично одетый гостиничный взломщик, — заключил Фрейзер. — И поджигатель. Не столь хороший поджигатель, как взломщик, если судить по тому, как примитивно он свалил бумаги под стол и за платяной шкаф. У него была отмычка для ригельного замка. Повозился немного, но сомневаюсь, чтобы на работу ушло больше пяти минут.

— Невероятно, — выдохнул Мэллори. Келли готов был разрыдаться.

— Ученому поджигают комнату! Я не знаю, что и сказать! Я не слышал о подобных злодеяниях со времен Лудда! Я в отчаянии, доктор Мэллори, — в

полном отчаянии!

— Мне следовало предупредить вас, мистер Келли, — покачал головой Мэллори. — У меня есть враги.

— Мы знаем, сэр. — Келли нервно сглотнул. — Среди персонала много об этом говорят.

Фрейзер тем временем осматривал останки стола, ковыряя в золе покореженной латунной вешалкой из платяного шкафа.

— Свечное сало, — пробормотал он.

— Слава Богу, что имущество жильцов застраховано, — вздохнул Келли. — Я не могу сказать точно, доктор Мэллори, распространяется ли наш полис на подобную ситуацию, однако искренне надеюсь, что мы сможем возместить вам ущерб! Прошу принять мои глубочайшие извинения!

— Удар, конечно же, болезненный. — Мэллори оглядывал царящий кругом разгром. — Но не столь болезненный, как они надеялись! Самые важные бумаги я храню в сейфе Дворца. И конечно же, я никогда не оставляю здесь деньги. — Он помедлил. — Надеюсь, уж с сейфом-то все в порядке, мистер Келли?

— Да, сэр, — откликнулся Келли. — Точнее говоря… Позвольте, сэр, я проверю его. — Он поспешно удалился.

— Ваш старый знакомый по дерби, — сказал Фрейзер. — Он побоялся следить за вами сегодня, но, как только мы ушли, пробрался сюда, взломал дверь и зажег свечи среди наваленных бумаг. К тому времени, когда подняли тревогу, он был уже далеко.

— Хорошо же он знает мой распорядок дня, — кисло усмехнулся Мэллори. — Он много чего обо мне знает. Индекс мой добыл. Думает взять меня голыми руками.

— Фигурально говоря, сэр. — Фрейзер отбросил латунную вешалку. — Герострат-самоучка, вот он кто. Опытный поджигатель использовал бы жидкий парафин, который уничтожает и самого себя, и все, с чем соприкоснется.

— Значит, я не смогу сегодня пойти к агностикам, Фрейзер. Мне нечего надеть!

— Я вижу, что вы принимаете удары судьбы очень мужественно — как то и подобает ученому и джентльмену, доктор Мэллори.

— Спасибо, — поклонился Мэллори. Повисло молчание. — Фрейзер, мне нужно выпить. Фрейзер медленно кивнул.

— Бога ради, Фрейзер, давайте пойдем куда-нибудь, где можно будет надраться по-настоящему, как последние мерзавцы, как рвань подзаборная,

в заведение, где нет никаких этих хрусталей, позолоты и лепных потолков. Плюнем на этот распрекрасный Дворец и пойдемте в какой-нибудь трактир, где не побрезгуют человеком, у которого не осталось ничего, кроме последнего сюртука на плечах!

Мэллори поковырял ногой в останках платяного шкафа.

— Я знаю, что вам нужно, сэр, — согласно откликнулся Фрейзер. — Веселое заведение, где можно выпустить пар — где есть выпивка, танцы и общительные дамы.

Мэллори обнаружил почерневшие латунные пуговицы своего вайомингского плаща и окончательно возненавидел негодяя, который устроил пожар.

— Вы ведь не станете водить меня на помочах? Я знаю, Олифант приказал вам нянчиться со мной. Не нужно, Фрейзер. У меня боевое настроение.

— Я понимаю вас, сэр. День выдался очень плохой. Но ничего, вы еще не видели Кремлорнские сады.

— Больше всего я хочу увидеть этого мерзавца в прицеле крупнокалиберной винтовки!

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, сэр.

Мэллори открыл серебряный портсигар — хоть

что-то из покупок да осталось, — раскурил свою последнюю сигару и после нескольких глубоких затяжек с наслаждением ощутил умиротворяющее действие табака.

— Ладно, — сказал он, — на худой конец сойдут и эти ваши Креморнские сады.

* * *

Следуя за Фрейзером по Кромвель-лейн мимо огромной груды светлого кирпича — Центра легочных заболеваний, — Мэллори невольно представил себе, какой кошмар творится там сегодня.

Истерзанный этим медицинским кошмаром, он был буквально вынужден завернуть в первый же попавшийся по дороге паб и выпить пять рюмок виски, на удивление приличного. Уютно расположившиеся в пабе туземцы вели себя вполне весело и дружелюбно; к сожалению, они то и дело скармливали свои трудовые двухпенсовики пианоле, лихо отзвякивавшей «Приди ко мне» — мотивчик, вызывавший у Мэллори почти физиологическую тошноту. Ну и ладно, это же еще не Креморнские сады.

На первые признаки серьезных беспорядков они наткнулись несколькими кварталами даль-

ше по Нью-Бромптон-роуд, возле мануфактуры «Беннет и Харпер. Ковровые покрытия». Толпа людей в униформе осадила заводские ворота. Какой-то трудовой конфликт.

Минуту спустя Мэллори и Фрейзер разобрались, что толпа почти полностью состоит из полицейских. «Беннет и Харпер» производили — из холста, пробковой крошки и какой-то угольной химии — симпатичный, с веселеньким рисунком, водонепроницаемый материал, очень подходивший для оклейки полов в кухнях, ванных и туалетах. Кроме этого материала, пользовавшегося большой любовью среднего класса, завод производил огромное количество удушливых газообразных отходов, без которых и средний класс и остальное население города вполне могли бы обойтись, а сейчас и тем более. Первыми официальными лицами на месте событий — во всяком случае, они приписывали себе такую честь — были инспекторы Королевской патентной службы, мобилизованные в соответствии с чрезвычайным планом правительства. Господа Беннет и Харпер, совсем не желавшие потерять дневную продукцию, оспорили полномочия патентной службы останавливать работы. Два инспектора из Промышленного комитета Ко-

ролевского общества, подъехавшие чуть позже, сослались на прецеденты. Беспорядки привлекли местного констебля, следом за ним примчался на паробусе летучий отряд городской полиции с Боу-стрит. Большинство паробусов было реквизировано правительством, равно как и весь парк наемных экипажей города, — в соответствии с чрезвычайным планом, предназначенным для борьбы с забастовками на железных дорогах.

Дымовые трубы уже не дымили — честь и хвала расторопной полиции и заботливому правительству, — но работники мануфактуры все еще оставались на ее территории, праздные и очень возбужденные, поскольку никто ничего не сказал им об оплаченном выходном, вполне ими заслуженном — так, во всяком случае, полагали они сами. Предстояло также выяснить, кто будет нести ответственность за охрану собственности господ Беннета и Харпера и кто может дать официальное разрешение снова запустить котлы.

Что еще хуже, возникли серьезные неполадки в полицейской телеграфной службе, завязанной, по всей вероятности, на вестминстерскую пирамиду Центрального статистического бюро. Смрад там что-нибудь разъел, предположил Мэллори.

— Вы же из Особого отдела, мистер Фрей-

зер, — невинно заметил он. — Почему бы вам не вправить мозги этим олухам?

— Очень смешно, — огрызнулся Фрейзер.

— А я-то все удивляюсь, почему это на улицах нет полицейских. Они же, наверное, вот так копаются на мануфактурах по всему Лондону!

— А вас это приводит в дикий восторг, — буркнул полицейский.

— Бюрократы! — торжествующе провозгласил Мэллори. — А ведь такое развитие событий было легко предсказуемо, изучи они повнимательнее теорию катастрофистов. Мы имеем дело с клубком синергических взаимодействий — система сваливается в хаос через каскад удвоения периода! [101]

— Господи, а это еще что такое?

---

[101] Примечания: 101

Каскадом удвоения периода (иначе сценарием Фейгенбаума) именуется известный феномен в теории нелинейных динамических систем, в частности в теории хаоса: при изменении одного из параметров период движения системы растет по степенному закону, в пределе система переходит от периодического движения к апериодическому (нерегулярному, хаотическому). Известен достаточно давно (в математике и различных прикладных областях), однако внимание широкой общественности привлек во второй половине 1970-х гг. после работ Цвитановича и Фейгенбаума, показавших универсальные свойства этого сценария. К теории катастроф, которая, как и теория хаоса, является одним из разделов теории нелинейных динамических систем, особого отношения не имеет. Тем более — к геологическому катастрофизму XIX в. Другое дело, что еще в 1845 г. П. Ф. Ферхюльст сформулировал биологический закон прироста популяции, учитывающий нелинейные эффекты, реализующий сценарий удвоения периода

(при приросте больше 245 %) и приводящий к хаосу (при приросте больше 257 %); однако значение закона Ферхюльста было осознано лишь через век с лишним.

— Говоря попросту, — улыбнулся Мэллори, — это значит, что все становится вдвое хуже и несется вдвое быстрее, пока вконец не развалится.

— Заумная белиберда. Неужто вы скажете, что это имеет какое-то отношение к положению дел в Лондоне?

— Очень интересный вопрос! — кивнул Мэллори. — Вы затронули глубочайшие метафизические корни проблемы. Если я строю работоспособную модель явления, значит ли это, что я его понимаю? А может быть, все дело в тривиальнейшем совпадении или в артефакте метода? Лично я убежденный аналогист и отношусь к машинному моделированию с величайшим доверием, однако это еще не значит, что его исходные предпосылки — истина в последней инстанции. Темное дело, Фрейзер, очень темное. Старик Юм да епископ Беркли [102] — вот кто собаку съел на таких вопросах.

— А вы, случаем, не пьяны, сэр?

— Просто в слегка приподнятом настрое-

---

[102] Примечания: 102

Юм, Дэвид (1711–1776) — английский философ-эмпирик, историк, экономист (друг Адама Смита). Считал невозможным какое-либо познание в отрыве от опыта. Беркли, Джордж (1685–1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма, автор работ по теории света и зрения.

нии, — пробубнил сквозь платок Мэллори. — В небольшом поддатии.

Они зашагали дальше, благоразумно предоставив полиции самостоятельно разбираться с проблемой газообразных промышленных отходов.

Внезапно Мэллори остро ощутил утрату своего старого доброго вайомингского плаща. Ему не хватало походной фляги, подзорной трубы, надежной тяжести винтовки за спиной. Холодных чистых просторов, где жизнь была полнокровной, а смерть — быстрой и честной. Ему хотелось в экспедицию, как можно дальше от Лондона. Можно отменить все договоренности. Можно подать заявку на финансирование в Королевское общество или, и того лучше, в Географическое. И мотать из этой Англии, мотать как можно скорее!

— Не стоит, сэр, — сказал Фрейзер. — Это будет еще хуже.

— Я что, опять говорил вслух?

— Да, сэр, немного.

— Где в этом городе можно найти хорошую винтовку, Фрейзер?

Челси-парк остался далеко позади, теперь они вышли на Камера-сквер. Расположенные здесь

магазины предлагали покупателю всевозможные оптические товары: таблотайпы и волшебные фонари, фенакистоскопы и любительские телескопы. Имелись здесь и простенькие микроскопы для юных натуралистов — копошащиеся в грязной воде анималькулы неизменно привлекают к себе внимание любознательных подростков. Крохотные существа не представляют никакого практического интереса, но их изучение может привести юные умы к доктринам истинной науки. Охваченный сентиментальными воспоминаниями, Мэллори остановился перед витриной с такими микроскопами. Они напомнили ему о добром старом лорде Мэнтелле, который дал ему его первую работу — уборщика в музее Льюиса. От уборки мальчик перешел к каталогизации костей и птичьих яиц, а затем к настоящей кембриджской стипендии. Старый лорд несколько усердствовал с розгой, но, как понимал теперь Мэллори, не более, чем он, Мэллори, того заслуживал.

В конце улицы раздался странный свистящий звук; Мэллори повернул голову и увидел, как из тумана вылетает какое-то не совсем реальное существо. Одежда на хлипкой, низко пригнувшейся фигурке развевалась и хлопала от скорости, из-

под мышек торчали длинные палки.

Мимо ошарашенного Мэллори со свистом и улюлюканьем пронесся самый обычный лондонский шпаненок лет тринадцати или около того, в ботинках на резиновых колесиках. Умело затормозив, мальчишка развернулся и двинулся назад, отталкиваясь палками от мостовой. Через несколько секунд Мэллори и Фрейзер оказались в окружении целой шайки кричащих и приплясывающих дьяволят. Ни на одном из них — за исключением первого — не было башмаков с колесиками, зато почти каждую физиономию прикрывала квадратная марлевая маска, точно такая же, какими пользовались техники Бюро при работе с машинами.

— Послушайте, ребята, — рявкнул Фрейзер, — откуда у вас эти маски?

Но мальчишки словно его не слышали.

— Потрясно! — крикнул один из них. — А ну-ка еще разок, Билл!

Другой исполнил нечто вроде короткого ритуального танца; трижды отставив ногу в сторону, он высоко подпрыгнул и заорал во весь голос:

— Полный кайф!

Шайка откликнулась хохотом и криками «ура».

— А ну-ка стихните! — приказал Фрейзер.

— Кислая харя! — презрительно осклабился колесник. — Говнюк!

Его дружки разразились издевательским хохотом.

— Где ваши родители? — не унимался Фрейзер. — В такую погоду нужно сидеть дома.

— А ху-ху не хо-хо? — фыркнул все тот же колесник. — Вперед, моя бесстрашная команда! Вас ведет Пантера Билл!

Он оттолкнулся палками и помчался. Остальные последовали за ним, вопя и улюлюкая.

— Слишком уж хорошо одеты для беспризорников, — заметил Мэллори.

Сорванцы отбежали на некоторое расстояние и теперь, судя по всему, готовились сыграть в «щелкни кнутом». Каждый из них схватил соседа за руку, образуя цепочку; мальчишка на колесах занял место в хвосте.

— Не нравится мне это, — пробормотал Мэллори.

Мальчишки помчались гуськом, все больше набирая скорость, затем передний из них резко свернул, и живая цепочка размахнулась по Камера-сквер, передавая импульс от звена к звену. В конце концов произошло то, из-за чего и зате-

валась эта игра: мальчишка на колесах набрал головокружительную скорость и оторвался от цепочки, как выброшенный из пращи камень. Ликующе вопя, он понесся по мостовой, но вдруг споткнулся о какую-то выбоину и вломился головой в витрину; гильотинными ножами посыпались осколки.

Пантера Билл лежал на мостовой, не то мертвый, не то оглушенный; какое-то мгновение остальные потрясенно молчали.

— Сокровища! — взвизгнул вдруг один из мальчишек.

С безумными криками вся свора малолетнего хулиганья бросилась в разбитую витрину и принялась хватать все что ни попадя: телескопы, штативы, химическую посуду…

— Стой! — крикнул Фрейзер. — Полиция!

Он сунул руку в карман, сорвал с лица платок и трижды свистнул в никелированный полицейский свисток.

Мальчишек словно ветром сдуло. Они неслись по улице, как стая вспугнутых павианов, — и уносили почти всю захваченную добычу. Фрейзер пустился в погоню; мгновенье спустя за ним последовал и Мэллори. Пробегая мимо разгромленного магазина, они увидели, что Пантера

Билл приподнялся на локте и трясет окровавленной головой.

— Ты ранен, мальчик? — резко остановился Мэллори.

— Не боись, все в поряде. — Мальчишка с трудом ворочал языком, голова его была рассечена до кости, по лицу струилась кровь. — Не трогайте меня, вы, замаскированные бандиты!

Мэллори торопливо стянул с лица платок и попытался улыбнуться:

— Ты поранился, мальчик. Тебе нужна помощь. Они с Фрейзером наклонились над Пантерой Биллом.

— На помощь! — заорал тот. — На помощь, моя верная команда!

Мэллори оглянулся. Может быть, кого-нибудь из этой шпаны удастся послать за помощью.

Сверкающий треугольный осколок стекла вылетел, вращаясь, из тумана и вонзился Фрейзеру в спину. Полицейский рывком выпрямился, его глаза наполнились животным ужасом.

Пантера Билл поднялся на четвереньки, затем вскочил. Где-то неподалеку вдребезги разлеталась очередная витрина — из тумана донеслись грохот, звон и ликующие крики.

Стеклянный осколок крепко засел в спине

Фрейзера.

— Они же нас убьют! — крикнул Мэллори, хватая инспектора за руку, и бросился бежать. За ними бомбами взрывались витрины, звенели осыпающиеся на тротуар осколки, иногда раздавалось резкое, короткое звяканье куска стекла, брошенного в стену.

— Вот же сволочи, — пробормотал Фрейзер.

— Сокровища! — звенел в тумане крик Пантеры Билла. — Сокровища!

— Теперь держитесь, — сказал Мэллори. Обернув руку платком, он выдернул осколок из спины Фрейзера. К великому его облегчению, осколок не разломался, вышел целиком. Инспектор всем телом передернулся от боли.

Мэллори осторожно помог ему снять сюртук. Кровь пропитала рубашку Фрейзера до пояса, но все выглядело много лучше, чем можно было ожидать. Осколок вонзился в замшевый ремень, удерживавший подмышкой Фрейзера маленький многоствольный пистолет.

— В ремень попало, — сказал Мэллори. — Рана совсем неглубокая, нужно только остановить кровь…

— Полицейский участок, — кивнул бледный, ни кровинки в лице, Фрейзер. — Кингсроуд Уэст.

Сзади снова посыпались стекла.

Шли они быстро, каждый шаг заставлял Фрейзера морщиться отболи.

— Вам лучше остаться со мной, — сказал он. — Проведете ночь в полицейском участке. На улицах плохая обстановка.

— Да уж, — согласился Мэллори. — Но вы за меня не беспокойтесь.

— Я серьезно говорю, Мэллори.

— Разумеется.

Два часа спустя Мэллори был в Кремлорнских садах.

* * *

Подвергнутый экспертизе документ представляет собой письмо, написанное от руки на листе бумаги с оторванным верхним краем. Лист дважды сложен пополам, судя по всему — в спешке. Дата отсутствует, однако экспертиза установила, что это подлинный автограф Эдварда Мэллори. Почерк торопливый, некоторые особенности почерка указывают на частичную утрату мышечной координации.

Бумага среднего качества, типичная для официальных бланков середины 1850-х годов; исследованный образец сильно пожелтел от времени.

Вероятное происхождение бланка — полицейский участок Кингс-роуд Уэст.

Текст, нанесенный сильно поблекшими чернилами и пером, сношенным от долгого пользования, гласит следующее:

МАДАМ!

Я никому не сказал. Но кому-то все же должен сказать. Я решил, что моей конфиденткой будете Вы, поскольку иных вариантов нет.

Взяв на хранение Вашу собственность, я сделал это по доброй воле. Ваша просьба равносильна для меня королевскому приказу, и Ваши враги — мои враги. Исполнять роль Вашего паладина — высочайшая привилегия в моей жизни.

Я прошу вас не беспокоиться о моей безопасности. Умоляю, не предпринимайте ради меня никаких шагов, могущих подвергнуть опасности Вас самое. Любой риск в этой схватке я принимаю с радостью, но есть и другой риск. Если со мной случится худшее, Вашу собственность едва ли когда-нибудь найдут.

Я изучил перфокарты. Я смутно догадываюсь об их назначении, хотя смысл программы лежит далеко за пределами моих скудных познаний. Простите меня, если я позволил себе лишнее.

Я надежно обернул перфокарты в полотно и

собственноручно запечатал их в герметичный гипсовый контейнер. Контейнер этот — череп бронтозавруса, выставленного в Музее практической геологии на Джермин-стрит. Ваша собственность сейчас пребывает в полной безопасности на высоте тридцати футов от пола. Об этом не знает ни одна живая душа, за исключением Вас и смиреннейшего слуги Вашей светлости,

Эдварда Мэллори, Ч.К.О., Ч.К.Г.О.

ИТЕРАЦИЯ ЧЕТВЕРТАЯ

СЕМЬ ПРОКЛЯТИЙ

Объект, массивный фаянсовый овал, представляет собой патриотическую мемориальную табличку. Выпуском подобных табличек отмечали смерть членов королевской семьи и глав государства. Под первоначально бесцветной глазурью, потрескавшейся и пожелтевшей от времени, можно различить черты лорда Байрона.

После смерти премьер-министра в Англии было продано несколько десятков тысяч таких предметов. Фаянсовые заготовки производились массовым способом и постоянно хранились на складах на случай кончины достаточно заметной персоны. Портрет Байрона, окруженный гирляндами, свитками и картинами из ранней истории Промышленной радикальной партии, отпечатан на прозрачной пленке, а затем перенесен на фаянс, покрыт глазурью и обожжен.

Слева от Байрона, среди пышных свитков, венценосный британский лев поднялся на задние лапы над кольцами поверженного змея, символизирующего, нужно понимать, луддитское

движение.

Как до, так и после прихода Байрона к власти многие авторы отмечали, что одно из первых его выступлений в Палате лордов — февральская речь 1812 года — было посвящено защите луддитов. Согласно широко распространенной легенде сам Байрон высказался по этому поводу следующим образом: «Но ведь были луддиты, сэр, и были луддиты». При всей апокрифичности этой фразы она полностью соответствует тому, что известно о личности премьер-министра и отчасти объясняет крайнюю жестокость, с какой он подавил массовое антипромышленное движение Уолтера Джерарда, вспыхнувшее позднее в Манчестере. Ведь *этот*луддизм боролся не со старым режимом, а с новым, с тем, который был установлен самими радикалами.

Настоящий объект был в свое время собственностью Эбенезера Фрейзера, инспектора Особого отдела Боу-стрит.

Мэллори околачивался рядом с Фрейзером, наблюдая, как полицейский врач орудует сомнительной чистоты губкой и бинтами, пока не убедился, что инспектор полностью ушел в свои страдания. Чтобы еще более усыпить его подозрения, Мэллори позаимствовал у стражей закона

лист бумаги и уселся за составление письма.

Тем временем участок на Кингс-роуд понемногу наполнялся горланящими пьяницами и дебоширами. Как социальный феномен это представляло несомненный интерес, однако Мэллори был далеко не в настроении провести ночь на топчане в шумной мужской компании. Он наметил совершенно иную программу действий и упорно ее придерживался, а потому вежливо расспросил запыхавшегося и издерганного сержанта о дороге, аккуратно записал его указания в блокнот и выскользнул из участка. Креморнские сады он нашел без труда.

Царящая здесь атмосфера отлично демонстрировала динамику кризиса. Никто в садах, казалось, не сознавал, что творится чуть дальше, ударные волны локализованного разложения не распространились еще по всей системе.

И воняло здесь не так сильно. Сады располагались в Челси, намного выше самого грязного участка Темзы. Вечерний бриз приносил с реки легкий, даже приятный запах рыбы; древние раскидистые вязы почти скрывали от глаз завладевший городом туман. Солнце село, и на радость почтеннейшей публики в сгущающейся тьме смутно замерцали мириады газовых фонарей.

Мэллори без труда мог представить себе пасторальное очарование садов в более счастливые времена. Здесь были клумбы яркой герани, ровно постриженные лужайки, оплетенные виноградом беседки, причудливые павильоны и, конечно же, знаменитый «Хрустальный круг». А еще «Слоновий выгон» — огромный танцевальный зал, крытый, но без стен, где на деревянном, с выбоинами от каблуков настиле могли вальсировать или отплясывать польку тысячи танцоров одновременно. Внутри имелись прилавки со снедью и напитками; огромный, с конным приводом панмелодиум лихо наигрывал попурри из модных опер.

Однако сегодня упомянутые тысячи отсутствовали. На помосте вяло толклись три, не более, сотни народу, и не более сотни из них можно было бы назвать людьми респектабельными. Эта сотня, как думалось Мэллори, состояла из тех, кто устал от сидения в четырех стенах, а также влюбленных парочек, отважно переносящих любые трудности. Из оставшихся две трети составляли мужчины — более или менее опустившиеся, а треть — проститутки, более или менее наглые.

Мэллори подошел к бару и выпил две рюмки виски. Виски оказалось паршивым, да и запах

у него был странноватый — то ли из-за смрада, то ли кто-то попытался улучшить грошовый самогон поташем, или нашатырем, или кассией. Да нет, скорее уж индейской ягодой, вон какой у этой отравы густой цвет, прямо как у портера. А в желудке-то, в желудке как жжет, словно и не виски это вовсе, а серная кислота.

Танцевали немного, лишь несколько пар пытались изобразить что-то вроде вальса. Мэллори и в лучшие-то времена танцевал редко, поэтому он принялся рассматривать женщин.

Высокая молодая женщина с хорошей фигурой кружилась в паре с пожилым бородатым джентльменом. Джентльмен был тучен и явно страдал подагрой, зато женщина танцевала с профессиональным изяществом; в искусственном свете то и дело поблескивали медью каблуки французских ботинок. Кружение ее нижних юбок давало некоторое представление о форме и размере бедер под ними. И никаких турнюров, никакого китового уса. У нее были красивые лодыжки, обтянутые красными чулками, а юбки кончались дюйма на два выше, чем то допускали приличия.

Лица женщины он не видел.

Панмелодиум начал новый мотивчик, но

джентльмен уже явно выдохся. Пара остановилась и отошла к группе друзей, состоявшей из пожилой, приличного вида женщины в капоре, двух молоденьких девушек вполне определенного свойства и еще одного пожилого джентльмена, чье унылое лицо явно указывало на иностранное происхождение. Голландия или какая-нибудь из Германий. Танцевавшая девушка заговорила с подружками; время от времени она запрокидывала голову, как будто смеялась. У девушки были великолепные темные волосы, шляпка, подвязанная на шее лентами, висела у нее за спиной. Красивая крепкая спина и тонкая талия.

Мэллори начал медленно пробираться в ее сторону. Девушка что-то горячо втолковывала иностранцу, однако на его кислой физиономии не отражалось ничего, кроме брезгливого высокомерия. Девушка небрежно изобразила что-то вроде книксена и отвернулась.

И тут Мэллори впервые увидел ее лицо. У нее был необычно длинный подбородок, густые брови и широкий улыбчивый рот с чуть подведенными помадой губами. Лицо не то чтобы уродливое, но простенькое, заурядное, разве что серые глаза его немного скрашивают да волосы. И все же было в этой девушке нечто привлека-

тельное, бесшабашно дерзкое и чувственное. А еще — изумительная фигура. Это было особенно заметно, когда она шла — плавно покачиваясь, почти скользя — к бару. Снова эти восхитительные бедра и плавный изгиб спины. Девушка облокотилась о стойку и начала любезничать с барменом; подол ее юбки задрался почти до середины икр. Мэллори вздрогнул, словно получив пинок этой мускулистой, обтянутой красным чулком ногой.

Он подошел к бару. Девушка не любезничала с барменом, а спорила, сварливо и слегка жалобно, чисто по-женски. Ей хотелось выпить, но у нее не было денег, заплатят ее друзья, чуть попозже. Бармен не верил, но не говорил этого прямо.

Мэллори постучал по стойке шиллингом:

— Бармен, налейте даме, что она просит.

Девушка взглянула на него с раздраженным удивлением, но тут же взяла себя в руки, кокетливо опустила ресницы и улыбнулась.

— Ты знаешь, Николас, что я люблю больше всего, — сказала она бармену.

Тот принес высокий бокал с шампанским и освободил Мэллори от его денег.

— Обожаю шампанское, — сказала девушка Мэллори. — Когда пьешь шампанское, танцуешь

потом как перышко. Вы танцуете?

— Кошмарно, — ответил Мэллори. — Могу я пойти к тебе домой?

Она оглядела его с головы до ног, уголок широкого рта приподнялся в чувственной усмешке.

— Подожди секунду. — Девушка поставила пустой бокал на стойку и направилась к своей компании.

Мэллори не стал ждать, решив, что она попросту вильнула хвостом. Он неспешно зашагал вокруг гигантского помоста, рассматривая других женщин, но тут увидел, что недавняя знакомая призывно машет рукой, и вернулся к стойке.

— Я могу отвести тебя домой, но тебе это может и не понравиться, — сказала она.

— Почему? — удивился Мэллори. — Ты мне нравишься.

— Не в этом дело, — рассмеялась девушка. — Я живу не здесь, в Бромптоне, а в Уайтчепеле.

— Далеко.

— Поезда не ходят. И кэба сейчас не найти. Я боялась, что мне придется ночевать прямо в парке!

— А как же твои друзья? — поинтересовался Мэллори.

Девушка тряхнула головой, словно говоря: «Да пошли они, эти друзья». От резкого движения в

ямке у ее горла мелькнул краешек машинных кружев.

— Я хочу вернуться в Уайтчепел. Ты меня доведешь? У меня нет денег. Ни гроша.

— Хорошо. — Мэллори предложил ей руку. — Пять миль пешком, но ноги у тебя чудесные.

Девушка взяла его под локоть и улыбнулась:

— Мы еще успеем на речной пироскаф от Креморнской пристани.

— А-а, — протянул Мэллори. — Это чуть ниже по Темзе, да?

— Это совсем не дорого. — Они спустились по ступенькам гигантского настила в мерцающую светом газовых рожков темноту. — Ты ведь не из Лондона? Коммивояжер?

Мэллори покачал головой.

— Ты мне дашь соверен, если я с тобой пересплю? Мэллори не ответил, несколько шокированный такой прямолинейностью.

— Ты можешь остаться на всю ночь, — продолжала девушка. — У меня очень симпатичная комната.

— Да, так я и хочу.

Он споткнулся о камень и чуть не упал. Девушка помогла неустойчивому кавалеру сохранить равновесие и взглянула ему в глаза.

— Ты немного под градусом, да? А так ты вроде ничего. Как тебя звать?

— Эдвард. Но все называют просто Нед.

— Но это же и мое имя тоже! — воскликнула она. — Харриэт Эдвардес, не Эдвардс, а Эдвардес, с «е». Это мой сценический псевдоним. А друзья зовут меня Хетти.

— У тебя божественная фигура, Хетти. Я ничуть не удивлен, что ты играешь на сцене.

— Тебя нравятся нехорошие девушки, Нед? — В полутьме серые глаза Хетти казались почти черными. — Надеюсь, да, потому что у меня сегодня настроение делать очень нехорошие вещи.

— Конечно, нравятся. — Мэллори обнял левой рукой ее туго стянутую талию, прижал правую руку к объемистой груди и буквально впился в ее губы. Девушка чуть взвизгнула от удивления, а потом закинула ему руки на шею. Поцелуй растянулся на несколько минут; Мэллори чувствовал ее язык у себя на зубах.

Затем Хетти чуть отстранилась.

— Нам ведь нужно попасть домой, Нед. Ты понимаешь?

— Понимаю, — ответил он, тяжело дыша. — Но только ты покажи мне свои ноги, прямо сейчас. Покажешь?

Девушка оглянулась по сторонам, приподняла нижние юбки до колен и тут же их опустила.

— Идеальные! — восхитился Мэллори. — Ты могла бы позировать художникам.

— Позировала, — усмехнулась Хетти. — Только на этом не заработаешь.

От пристани донесся гудок пироскафа. Они побежали со всех ног и успели взлететь по сходням за какую-то секунду до отхода. После суматошного бега виски снова ударило Мэллори в голову. Дав девушке шиллинг, чтобы та заплатила четыре пенса за проезд, он отыскал на палубе парусиновый шезлонг. Кораблик развел пары, его колеса зашлепали по черной воде.

— Пошли в салон, — сказала Хетти. — Там есть что выпить.

— Мне хочется посмотреть на Лондон.

— Не думаю, что тебе понравится.

— Понравится, если ты останешься со мной.

— Как ты интересно говоришь, Нед! — рассмеялась девушка. — Забавно, я сперва подумала, что ты фараон, такой ты был строгий и важный. Но фараоны так не говорят, хоть пьяные, хоть трезвые.

— Тебе не нравятся комплименты?

— Нет, очень нравятся. Но и шампанское мне

тоже нравится.

— Подожди минутку. — Мэллори был пьянее, чем ему хотелось бы. Тяжело поднявшись, он отошел к ограждению носа и крепко его стиснул, стараясь вернуть пальцам чувствительность. — Темнотища-то какая в городе.

— Слушай, а ведь точно, — удивилась девушка. От нее пахло соленым потом, чайной розой и шахной. Мэллори задумался, много ли у нее там волос и какого они цвета. Ему очень хотелось их увидеть.

— А почему это, Нед?

— Что почему?

— Почему так темно? Это что, из-за тумана?

— Газовые фонари, — объяснил Мэллори. — Правительство отключило все газовые фонари в городе, потому что от них дым.

— Ловко придумано.

— А теперь люди шляются по темным улицам и громят все, что ни попадется.

— Откуда ты знаешь? Он пожал плечами.

— Так ты точно не фараон?

— Нет, Хетти.

— Не люблю фараонов. Они всегда так разговаривают, будто знают чего-то, чего ты не знаешь. И не говорят, откуда они это знают.

— Я бы мог тебе рассказать, — вздохнул Мэллори. — Даже хотел бы. Но ты не поймешь.

— Пойму, Нед, — сказала Хетти голосом тусклым, как шелушащаяся краска. — Я люблю слушать, как говорят умные мужчины.

— Лондон — это очень сложная система, выведенная из равновесия. Это как… Как пьяный мужик, вдребезги пьяный, в комнате с бутылками виски. Виски спрятано — поэтому он ходит и ищет. Найдет бутылку, глотнет и отставит, и тут же о ней забудет. А потом снова ходит и ищет — и так раз за разом.

— А потом у него кончается выпивка, и ему приходится бежать в лавку.

— Нет. Спиртное никогда не кончается. Есть еще демон, он постоянно доливает бутылки. Это у нас открытая динамическая система. Человек бродит и бродит по комнате вечно, никогда не зная, каким будет его следующий шаг. Совершенно вслепую и ничего на зная наперед, он выписывает круги, восьмерки, любые фигуры, какие только можно придумать, катаясь на коньках, но он никогда не выходит из комнаты. А потом однажды гаснет свет, и человек сломя голову выбегает наружу в кромешную тьму. И тогда может случиться все, что угодно, ибо тьма кро-

мешная есть Хаос. Вот и у нас там Хаос, Хетти.

— И тебе это нравится, да?

— Что?

— Я не очень понимаю, что ты там сейчас говорил, но вижу, что тебе это нравится. Тебе нравится об этом думать. — Легким, совершенно естественным движением Хетти приложила руку к его ширинке. — Колом стоит! — Она отдернула руку и торжествующе усмехнулась.

Мэллори боязливо оглянулся. На палубе было с десяток пассажиров. Никто, похоже, не смотрел, но разве в этой темноте что разберешь.

— Ты дразнишься, — обиженно сказал он.

— Вот вытащи и увидишь, как я умею дразниться.

— Я уж подожду более подходящих времени и места.

— Вона как мужики заговорили, — рассмеялась Хетти.

Мерное шлепанье внезапно зазвучало по-иному; к нему примешался треск лопающихся пузырей. От черной воды пахнуло невыносимым смрадом.

— Гадость какая! — воскликнула Хетти, зажимая рот ладонью. — Пошли в салон, Нед, пошли, ну, пожалуйста!

Но Мэллори удерживало странное любопытство.

— А что, бывает еще хуже? Ниже по реке?

— Гораздо хуже, — пробубнила Хетти сквозь пальцы. — Я видела, как люди шлепаются в обморок.

— Тогда почему паромы еще ходят?

— Они всегда ходят, — объяснила Хетти. — Это же почтовые.

— Ясно, — кивнул Мэллори. — А могу я тут купить марку?

— Внутри. — Хетти настойчиво тянула его за локоть. — И марку, и что-нибудь еще, для меня.

* * *

Хетти зажгла в крошечной, тесно заставленной прихожей масляную лампу; Мэллори, несказанно довольный, что вырвался наконец из душной жути закоулков Уайтчепела, протиснулся мимо нее в гостиную. На квадратном столике громоздилась пачка иллюстрированных газет, все еще доставлявшихся по домам, несмотря на смрад. Жирные, различимые даже в полутьме заголовки стенали об очередном ухудшении здоровья премьер-министра. Старик Байрон вечно симулировал какую-нибудь болезнь: то у него отнималась нога,

то отекало легкое, то барахлила печень.

Хэтти внесла в гостиную горящую лампу, и тут же на пыльных обоях расцвели поблекшие розы. Мэллори уронил на стол золотой соверен. Он ненавидел неприятности в подобных делах и всегда платил вперед. Хетти услышала звон и улыбнулась. Потом она сбросила грязные ботинки, прошла, покачивая бедрами, в конец комнаты и распахнула дверь, из-за которой доносилось приглушенное мяуканье. В комнату вбежал большой серый кот. Хетти подхватила его на руки, погладила, приговаривая: «Соскучился, Тоби, соскучился по мамочке», — и выпроводила на лестницу. Мэллори терпеливо ждал.

— Ну а теперь займемся тобой, — сказала Хетти, встряхивая темно-каштановыми локонами.

Спальня оказалась довольно маленькой и убогой, здесь стояли дубовая двуспальная кровать и высокое помутневшее трюмо, стоившее когда-то немалых денег. Хетти поставила лампу на ободранную прикроватную тумбочку и начала расстегивать кофточку; вытащив руки из рукавов, она чуть ли не с ненавистью отбросила ни в чем не повинную одежду в сторону. Переступив через упавшую на пол юбку, девушка начала снимать корсет и туго накрахмаленную нижнюю

юбку.

— Ты не носишь кринолина, — хрипло заметил Мэллори.

— Терпеть их не могу.

Хетти расстегнула нижнюю юбку, сняла ее и отложила в сторону. Ловко расстегнув крючки корсета, она распустила шнуровку, стянула его через бедра и с облегчением вздохнула; теперь на ней осталась только коротенькая кружевная рубашка.

Мэллори освободился от сюртука и ботинок. Ширинка у него чуть не лопалась. Очень хотелось выпустить зароговевший орган на волю, но при свете было как-то неудобно.

Хетти с размаху запрыгнула на постель, громко скрипнув пружинами. Мэллори не мог позволить себе такой порывистости; он осторожно присел на край кровати, насквозь пропитанной запахами апельсиновой туалетной воды и пота, аккуратно снял брюки и «неупоминаемые», сложил их и положил на стул, оставшись — по примеру хозяйки дома — в одной рубашке.

Затем Мэллори наклонился, расстегнул кармашек нательного пояса и вытащил пакетик «французских дирижаблей».

— Я воспользуюсь защитой, дорогая, — пробор-

мотал он. — Ты не против?

— Дай-ка мне поглядеть. — Хетти приподнялась на локте.

Мэллори продемонстрировал ей скатанный колпачок из овечьей кишки.

— Этот не из тех, хитрых, — облегченно сказала девушка. — Делай, как тебе нравится, дорогуша.

Мэллори осторожно натянул приспособление на член. Так будет лучше, думал он, довольный своей предусмотрительностью. «Защита» давала ощущение, что он контролирует обстановку, к тому же так безопаснее, и деньги, — те, отданные сутенеру, — не зря выкинуты.

Крепко обвив шею Мэллори руками, Хетти намертво присосалась к нему влажным широким ртом. Мэллори вздрогнул, почувствовав на деснах кончик скользкого, верткого, как угорь, языка. Необычное ощущение резко подстегнуло его пыл. Он забрался на девушку; ее плотное тело, чуть прикрытое непристойно тонкой рубашкой, наощупь было восхитительно. После некоторых трудов ему удалось задрать подол почти до талии. Дальше пришлось искать дорогу во влажных густых зарослях; Хетти поощряюще вздыхала и постанывала. Потеряв наконец терпение, она без особых церемоний взяла дело в свои руки и дове-

ла заплутавшего путника до желанного приюта.

Теперь она перестала сосать рот Мэллори, оба они дышали как пароходы, кровать под ними тряслась и скрипела, как расстроенный панмелодиум.

— О, Нед, дорогой! — внезапно взвизгнула Хетти, вонзив ему в спину восемь острых ногтей. — Какой он большой! Я сейчас кончу! — Она начала судорожно извиваться.

Мэллори давно не слышал, чтобы женщина говорила во время совокупления по-английски; совершенно ошарашенный, он резко кончил, как будто бесстыдное раскачивание гладких, упругих бедер насильно вырвало семя из его плоти.

После короткой паузы, когда оба они переводили дух, Хетти чмокнула Мэллори в щеку и сказала:

— Это было прекрасно, Нед. Ты действительно знаешь, как это делается. А теперь давай поедим, давай? До смерти жрать хочется.

— Хорошо, — отозвался Мэллори, вываливаясь из потной люльки ее бедер.

Его переполняла благодарность к ней — как, впрочем, и всегда, к каждой женщине, которая была к нему благосклонна, — благодарность с некоторой примесью стыда. Но все заглушал

голод. Он не ел уже много часов.

— В «Олене», это трактир внизу, могут сообразить для нас вполне приличный пти-супе [103]. Попросим миссис Кэрнз, она сходит и принесет. Миссис Кэрнз — это жена хозяина дома, они живут тут прямо через стенку.

— Прекрасно, — кивнул Мэллори.

— Но тебе придется заплатить и за еду, и ей тоже надо будет дать что-нибудь.

Хетти скатилась с кровати — и только потом одернула задранную рубашку; вид роскошных округлых ягодиц наполнил Мэллори благоговейным трепетом. Хетти выбила по стене резкую дробь; через несколько долгих секунд раздался ответный стук.

— Твоя подружка что, по ночам не спит? — удивился Мэллори.

— Она у меня привычная, — сказала Хетти, забираясь в кровать; пружины снова жалобно скрипнули. — Не обращай на нее внимания. По средам наша миссис Кэрнз так обрабатывает своего несчастного мистера, что никто в доме спать не может.

Мэллори осторожно снял «французский дири-

---

[103] Примечания: 103
Petit-souper (фр.) перекусить.

жабль», несколько растянувшийся, однако не получивший пробоин, столь губительных для воздухоплавательных аппаратов, и брезгливо уронил его в ночной горшок.

— Может, откроем окно? Жарко тут, сил нет.

— Ты что, дорогуша, хочешь впустить сюда смрад? — Хетти усмехнулась и с наслаждением поскребла себя между лопаток. — Да и вообще окна тут не открываются.

— Почему?

— Все рамы наглухо забиты. Девушка, которая жила здесь раньше, прошлой зимой… Странная была, очень уж спесивая и держала себя — будто из благородных, но всю дорогу жутко боялась каких-то там врагов. Вот она, наверное, и заколотила все окна. Да заколачивай не заколачивай, все равно до нее добрались.

— Это как? — поинтересовался Мэллори.

— Она никогда не водила сюда мужчин, я такого ни разу не видела, но в конце концов за ней пришли фараоны. Из Особого отдела, слыхал, наверное? И на меня тоже, ублюдки, насели, а откуда мне знать, чем она там занималась и какие у нее друзья. Я даже фамилию ее не знала, только имя, то ли настоящее, то ли придуманное, поди разберись. Сибил какая-то. Сибил Джонс.

Мэллори подергал себя за бороду.

— А что она такого сделала, эта Сибил Джонс?

— Родила вроде бы ребенка от члена парламента, когда была совсем еще молоденькой, — пожала плечами Хетти. — От мужика по фамилии… да ладно, тебе это ни к чему. Она крутила всю дорогу с политиками и еще немножко пела. А я вот зато позирую. Коннэсеву поз пластик [104]?

— Нет.

Мэллори совсем не удивился, заметив на своем колене блоху. Изловив насекомое, он безжалостно его раздавил; на ногтях больших пальцев остались маленькие пятнышки крови.

— Мы одеваемся в облегающее трико, точно под цвет кожи, разгуливаем за стеклом, а мужики на нас глазеют. Миссис Уинтерхолтер — ты видел ее сегодня в садах — за нами присматривает, она, как это называется, мой импресарио. Народу сегодня было кошмарно мало, а эти шведские дипломаты, с которыми мы пришли, они жмоты, как не знаю что. Так что мне повезло, что ты подвернулся.

В наружную дверь коротко постучали.

---

[104] Примечания: 104

Connaissez-vous poses plastiques? (фр.) — Знаете ли вы пластические позы?

— Донне-муа [105] четыре шиллинга, — сказала Хетти, вставая.

Мэллори взял со стула свои брюки, покопался в кармане и вытащил несколько монет. Хетти вышла в прихожую и через пару секунд принесла на ободранном, сплошь в трещинах и выбоинах, лакированном подносе буханку черствого хлеба, кусок ветчины, горчицу, четыре жареных колбаски и запыленную бутылку теплого шампанского.

Наполнив два высоких, не слишком чистых бокала, она принялась есть — совершенно спокойно и молча. Мэллори безотрывно глядел на ее полные, с симпатичными ямочками руки, на тяжелые груди, темные соски которых отчетливо просвечивали сквозь тонкую ткань рубашки, и немного удивлялся заурядности лица — при такой-то фигуре. Он выпил бокал плохого, перекисшего шампанского и жадно набросился на зеленоватую ветчину.

Хетти покончила с колбасками, а затем выскользнула из кровати, виновато улыбнулась, задрала сорочку до талии и присела на корточки.

— Шампанское, оно прямо проскакивает на-

---

[105] Примечания: 105
Donnez-moi (фр.) — Дайте мне

сквозь, правда? Мне нужно на горшок. Не смотри, если не хочешь.

Мэллори скромно отвернулся и тут же услышал звон струи о жесть.

— Давай помоемся, — предложила Хетти. — Я принесу тазик.

Она вернулась с эмалированным тазом вонючей лондонской воды и стала обтирать себя люфой.

— Формы у тебя великолепные, — сказал Мэллори.

У Хетти были миниатюрные кисти и ступни, а округлость ее икр и ляжек являла собой чудо анатомии млекопитающих. Ее тяжелые, крепкие ягодицы были безупречны. Мэллори они показались смутно знакомыми, где-то он видел точно такие же, скорее всего — на исторических полотнах современных мастеров… А что, вполне возможно, это они и есть. Из курчавой огненно-рыжей поросли скромно выглядывали розовые, молчаливо сжатые губы.

Заметив его взгляд, Хетти улыбнулась.

— А ты хотел бы посмотреть на меня голую?

— Очень.

— За шиллинг?

— Идет.

Хетти скинула сорочку с явным облегчением, ее тело покрывала испарина. Она аккуратно обтерла губкой пот с подмышек.

— Я могу держать позу, совсем почти не двигаться целых пять минут подряд, — сказала Хетти слегка заплетающимся языком: бутылку шампанского она выпила почти в одиночку. — У тебя есть часы? Десять шиллингов, сейчас сам увидишь. Спорим, что получится?

— А я и не сомневаюсь.

Хетти грациозно нагнулась, взялась рукой за левую щиколотку, подняла ногу над головой, не сгибая в колене, и стала медленно поворачиваться, переступая с носка на пятку и назад.

— Нравится?

— Потрясающе! — восхищенно выдохнул Мэллори.

— Смотри, я могу прижать ладони к полу, — сказала она, нагибаясь. — Большинство лондонских девиц так затягиваются в корсеты, что переломились бы на хрен пополам, попробуй они такое. — Затем она села на шпагат и уставилась на Мэллори снизу вверх, пьяненькая и торжествующая.

— Да я просто жизни не видел, пока не попал в Лондон! — сказал Мэллори.

— Тогда снимай свою рубашку и давай пилиться голыми. — К ее лицу прилила кровь, серые глаза широко раскрылись и выпучились.

Как только Мэллори снял сорочку, Хетти вскочила на ноги и подошла к нему с эмалированным тазиком в руках.

— В такую зверскую жару пилиться голыми куда лучше. А мне и вообще нравится пилиться без ничего. Мамочки, да какой же ты мускулистый и волосатый, я всегда любила волосатых. Дай-ка взглянем на твою пипиську. — Она бесцеремонно подцепила упомянутый орган, скальпировала его, внимательно осмотрела и окунула в тазик. — Полный порядок, никаких болячек. Почему бы тебе не трахнуть меня без этой идиотской сосисочной шкурки? Девять пенсов сэкономишь.

— Девять пенсов не деньги, — возразил Мэллори, натягивая второй «дирижабль» и залезая на Хетти.

Голый, разгоряченный тяжелой работой, он мгновенно покрылся потом, как молотобоец у наковальни. Пот лился ручьями с них обоих, и к его запаху примешивалась вонь дурного шампанского, но все же липкая кожа больших упругих грудей казалась прохладной. Хетти закрыла глаза, крепко уперлась пятками в ягодицы Мэллори

и самозабвенно подмахивала; из угла ее рта высовывался краешек языка. Наконец он кончил, застонав сквозь стиснутые зубы, когда жгучий ток пронесся по его члену. В ушах у него звенело.

— Ты, Нед, прямо дьявол какой-то. — Шея и плечи Хетти покраснели и блестели от пота.

— Ты тоже, — пробормотал, задыхаясь, Мэллори.

— Мне нравится делать это с мужчиной, который умеет обращаться с девушкой. Давай теперь выпьем хорошего бутылочного эля. Охлаждает получше этого шампанского.

— Давай.

— И папиросы. Ты любишь папиросы?

— А что это, собственно говоря, такое?

— Турецкие сигареты, из Крыма. Последняя мода… Ну, не последняя, а с начала войны.

— Ты куришь табак? — удивился Мэллори.

— Я научилась у Габриэль, — пояснила Хетти, вставая с кровати. — Габриэль, та, что жила здесь после Сибил. Француз из Марселя. А в прошлом месяце она отплыла во Французскую Мексику с одним из своих посольских охранников. Вышла за него замуж, повезло. — Хетти завернулась в желтый шелковый халат; в тусклом свете масляной лампы он казался почти изысканным,

несмотря на засаленный подол. — Отличная была баба, Габриэль. Донне-муа четыре шиллинга, милый. А лучше пять.

— С фунта сдача будет? — спросил Мэллори.

Хетти недовольно отсчитала ему пятнадцать шиллингов и исчезла в прихожей.

Отсутствовала она довольно долго: похоже, болтала с миссис домовладелицей. Мэллори лежал, вслушиваясь в звуки огромного города: перезвон колоколов, далекие пронзительные крики, хлопки, которые могли быть и выстрелами. Он был пьян, как Бог, и его божественная сущность была преисполнена земного блаженства. Вскоре на сердце снова навалится тяжесть — удвоенная сегодняшним грехом, но сейчас он чувствовал себя свободным и легким, как перышко.

Хетти вернулась с проволочной корзинкой бутылок в одной руке и дымящейся сигаретой — в другой.

— Долго же ты, — заметил Мэллори.

— Небольшая заварушка внизу, — пожала плечами Хетти. — Какие-то хулиганы. — Она опустила корзинку на пол, вытащила одну из бутылок и кинула Мэллори. — Потрогай, какая холодная. Из подвала. Здорово, правда?

Разобравшись с хитроумной, из фарфора,

пробки и проволоки затычкой, Мэллори жадно припал к бутылке. На стекле выступали рельефные буквы: «Ньюкастлский эль». Современная пивоварня, где вместо дедовских чанов — стальные цистерны размером с линейный корабль. Добротный, машинного производства напиток, никакого тебе жульничества с индейской ягодой.

Хетти легла на кровать прямо в халате, допила бутылку и открыла другую.

— Сними халат, — попросил Мэллори.

— А где шиллинг?

— Бери.

Хетти спрятала монету под матрас и улыбнулась.

— Хороший ты мужик, Недди. — Она сняла халат, швырнула его на прибитый к двери железный крючок, но промахнулась. — У меня сегодня хорошее настроение. Давай еще раз, а?

— Чуть погодя, — зевнул Мэллори.

У него слипались глаза, в затылке пульсировала боль. Сучий кот Веласко. Когда же это было? Сто лет назад. Последние сто лет он только и делал, что пил да пилился.

— Когда у тебя в последний раз была женщина, Нед? — спросила Хетти, не оставляя попыток

гальванизировать уныло обвисший член Мэллори.

— Ну… Месяца два назад. Или три.

— И кто она была?

— Она была… — Это была канадская шлюха, но Мэллори внезапно остановился. — Почему ты спрашиваешь?

— Расскажи мне. Я люблю об этом слушать. Мне хочется знать, как это делают в приличном обществе.

— Я ничего об этом обществе не знаю. Да и ты, наверное, тоже.

Убедившись, что все ее старания ни к чему не приводят, Хетти сложила руки на груди, откинулась на изголовье кровати и чиркнула люцифером по шершавой штукатурке, закурила очередную папиросу и выпустила дым через ноздри — картина, на взгляд Мэллори, до крайности неприличная.

— Ты не думай, что я ничего не знаю, — начала она. — Я такое слышала, чего ты и представить себе не можешь, вот хоть поспорим.

— Не сомневаюсь, — вежливо согласился Мэллори и допил очередную бутылку.

— А ты знаешь, что старая леди Байрон порет своего муженька по голой заднице немецким

хлыстом для верховой езды, а иначе у него не стоит? Мне рассказывал это один фараон, а ему рассказывал слуга из их дома.

— Да?

— Эта семейка Байронов, все они извращенцы и похабники. Теперь-то он старье с бордюром, этот самый ваш лорд Байрон, а в молодости он отодрал бы кого хочешь, хоть козу. Да что там козу — они куст бы отодрал, приди ему в голову, что в том кусту лежит коза! И жена его ничуть не лучше. Она на стороне не трахается, но зато любит орудовать кнутом — заводится она так; вот у них и парочка получается — что один, что другой.

— Поразительно, — зевнул Мэллори. — А как их дочь?

Хетти ответила не сразу, лицо ее стало на удивление серьезным.

— Потрясная она баба, Ада. Самая мощная шлюха во всем Лондоне.

— Почему ты так говоришь?

— Она-то трахается, с кем только захочет, и никто даже заикнуться не смеет о том, что она вытворяет. Она поимела половину Палаты лордов, и все они цепляются за ее юбки, как маленькие. Называют себя ее фаворитами и паладинами, и

если хоть какой-нибудь из них нарушит клятву и посмеет проронить хоть словечко, остальные устраивают ему веселую жизнь. Все они крутятся вокруг нее, защищают ее, поклоняются ей, как паписты своей Мадонне.

Мэллори неопределенно хмыкнул. Со шлюхи спрос небольшой, но все равно, разве можно такое говорить? Он знал, что у леди Ады есть поклонники, но мысль о том, что она отдается мужчинам, что на математическом ложе королевы машин сопят, обливаются потом, кидают палки… нет, лучше об этом не думать. У него кружилась голова.

— Твоя осведомленность поразительна, Хетти, — пробормотал Мэллори. — Нет никаких сомнений, что ты весьма компетентна во всем, что касается твоей профессии, но…

Хетти оторвала от губ горлышко очередной бутылки и согнулась от хохота.

— О Господи, — закашлялась она, вытирая с груди плеснувшую из бутылки пену. — Ну, Недди, и разговорчики же у тебя! Смотри, что ты наделал.

— Извини, — сказал Мэллори. Хетти скользнула по нему насмешливым взглядом и подобрала с края тумбочки тлеющую сигарету.

— Вот возьми теперь тряпку и хорошенько их

вымой, — предложила она. — Ведь ты же очень даже не против, да?

Мэллори без слов принес тазик, намочил полотенце и принялся осторожно протирать ее груди и пухлый белый живот с ямкой пупка посередине. Хетти смотрела из-под полуприкрытых век, затягиваясь сигаретой и стряхивая пепел на пол; можно было подумать, что ее плоть принадлежит кому-то другому. Через некоторое время, когда Мэллори покончил с животом и занялся ногами, она молча сжала подающий первые признаки жизни член и начала делать ему искусственное дыхание.

Надевая очередной чехол, Мэллори едва не потерял эрекцию. К немалому своему облегчению он сумел проникнуть в Хетти, после чего полуобморочный орган очнулся, быстро освоился в знакомой обстановке и обрел нужную для предстоящей работы упругость. У Мэллори болели локти, запястья и спина; у основания члена ощущалось странное болезненное покалывание. Усталый и пьяный, он долбил из последних сил, из принципа, безо вся кого удовольствия. Прикрытая овечьей кишкой головка истерлась почти в кровь, семяизвержение представлялось чем-то абсолютно неосуществимым — вроде

как вытащить ржавый, с откушенной шляпкой гвоздь из доски. Пружины кровати трещали, как поле металлических сверчков.

На полпути Мэллори чувствовал себя так, будто пробежал много миль, а Хетти, чья погасшая сигарета прожгла тумбочку, впала то ли в транс, то ли в пьяное оцепенение. На какое-то мгновение он задумался, а не бросить ли к чертям собачьим это бесполезное занятие, сказать напрямую, что ничего не получается, однако не мог подобрать слова, которые удовлетворительно объяснили бы подобную ситуацию, а потому пилил и пилил. Мысли его скользнули к другой женщине, его кузине. В далеком детстве, забравшись на дерево за кукушиными яйцами, он видел, как ее драл в кустах один из местных парней. Через какое-то время рыжая кузина вышла за этого парня замуж, теперь это была сорокалетняя женщина со взрослыми детьми. Маленькая кругленькая добропорядочная женщина в маленькой кругленькой добропорядочной шляпке, однако, встречаясь с ней, Мэллори неизменно вспоминал выражение мучительного наслаждения на веснушчатом лице. Теперь он цеплялся за этот потаенный образ, как галерный раб за свое весло, и упрямо прокладывал себе дорогу к оргазму.

Наконец пришло то теплое ощущение подъема в паху, которое сказало ему, что он скоро кончит и ничто не в силах ему в этом помешать, и он качал, качал, тяжело дыша и с удвоенным остервенением, пока не добился своего. Острый спазм наслаждения пробежал по его рукам, ногам, даже по ступням сведенных судорогой ног, и он вскрикнул, издал громкий животный стон экстаза, удививший его самого.

— Мамочки, — откомментировала Хетти.

Мэллори свалился с нее, грудь у него тяжело вздымалась и опускалась, как у выброшенного на берег кита. Мускулы казались резиновыми, и большая часть выпитого алкоголя вышла из него с потом. Он чувствовал себя на седьмом небе. Чувствовал, что готов умереть. Он был бы рад, например, получить — прямо здесь и сейчас — пулю от того ипподромного хлыща, приветствовал бы возможность никогда больше не покидать этой заоблачной вершины, никогда не возвращаться к нормальному бытию Эдварда Мэллори — остаться чудесным существом, утонувшим в запахах шахны и чайной розы.

Но через минуту ощущение исчезло, и он снова стал Мэллори. Слишком отупевший для таких тонкостей, как угрызения совести и чувство

вины, Мэллори знал, однако, что пора сматывать удочки. Кризис миновал, эпизод отошел в прошлое. Он был слишком измотан, чтобы уйти прямо сейчас, но знал, что вскоре это сделает. Спальня шлюхи не представлялась более тихой гаванью. Стены потеряли реальность, превратились в математические абстракции, граничные условия, не способные более сдерживать его импульса.

— Давай поспим. — Хетти едва ворочала языком.

— Давай.

Он предусмотрительно положил коробок Люциферов в близкой досягаемости, прикрутил лампу и остался лежать в душной мгле, как платоновская свободно парящая душа, не закрывая глаз и безразлично ощущая, как где-то очень далеко — на щиколотках — пируют блохи. Он не спал, а просто расслабленно отдыхал. Через какое-то время его мысли побежали по кругу, тогда он наощупь отыскал люциферы и выкурил сигарету из запаса Хетти — приятный ритуал, хотя табак можно использовать и лучшим способом. Еще позднее он встал с кровати, нащупал ночной горшок и помочился. На полу была лужа эля, а может, и чего-нибудь другого. Ему захотелось вы-

тереть ноги, но в этом не было особого смысла.

Он ждал, чтобы тьма, повисшая за переплетом голого, закопченного окна спальни Хетти хоть немного рассеялась. Наконец появились какие-то жалкие проблески, очень мало напоминающие нормальный дневной свет. Мэллори успел протрезветь, и теперь его мучила жажда; содержимое черепной коробки словно превратилось в бездымный порох. Не так уж плохо, если только не делать резких движений, просто глухие, тревожные всплески боли.

Он зажег свечу, нашел рубашку. Хетти со стоном проснулась и удивленно уставилась на него; волосы у нее слиплись от пота, глаза выпучились и странно поблескивали: «эллиндж», назвали бы такой взгляд в Сассексе — чумовой.

— Ты что, уходишь? — сонно спросила она.

— Да.

— Почему? Ведь еще темно.

— Люблю начинать день пораньше. — Он помедлил. — Старая походная привычка.

— Тоже мне, отважный воин, — фыркнула Хетти. — Глупости это всё, возвращайся в кровать. Ну куда тебе спешить? Мы помоемся, позавтракаем. Хороший плотный завтрак, это ж тебе будет в самый раз.

— Да нет, не надо, я лучше пойду. Времени уже много, а у меня дела.

— Как это много? — Хетти широко зевнула. — Еще даже не рассвело.

— Много, я точно знаю.

— А что говорит Биг Бен?

— Послушай, — удивился Мэллори, — я же за всю ночь ни разу его и не слышал. Отключили, что ли? Эта мелочь почему-то встревожила Хетти.

— Давай тогда французский завтрак, — предложила она. — Закажем внизу. Булочки и кофе, это совсем недорого.

Мэллори молча покачал головой.

Хетти прищурилась; судя по всему, отказ ее удивил. Она села, скрипнув кроватью, и пригладила растрепанные волосы.

— Не ходи на улицу, погода ужасная. Не можешь спать, так давай перепихнемся.

— Вряд ли у меня что получится.

— Я знаю, что нравлюсь тебе, Недди. — Хетти скинула мокрую от пота простыню. — Иди сюда и пощупай меня, везде, глядишь, и встанет. — Она лежала в ожидании.

Не желая ее разочаровывать, Мэллори погладил великолепные ляжки, слегка помял пышные,

упругие груди. Но даже вся эта несомненная роскошь не произвела на лысого практически никакого впечатления — он сонно пошевелился, и не более.

— Мне правда пора идти, — сказал Мэллори.

— Да встанет у тебя, встанет, только подожди немного.

— Я не могу ждать.

— Я не сделала бы этого, не будь ты таким лапушкой, — медленно проговорила Хетти, — но если хочешь, я заставлю его встать прямо сейчас. *Connaissez-vous la belle gamahuche?*

— А это еще что?

— Ну, — чуть замялась Хетти, — будь ты не со мной, а с Габриэль, ты бы уже это знал. Она всегда проделывала такое со своими мужчинами и говорила, что они с ума от этого сходят. Это то, что называется минет, французское удовольствие.

— Я что-то не очень понимаю.

— Ну… она член сосет.

— А, вот ты про что.

Прежде Мэллори воспринимал это выражение исключительно как гиперболический элемент обсценной идиоматики. Возможность физической его реализации, более того — возможность стать объектом такой реализации, ошеломляла.

Он подергал себя за бороду.

— А… И сколько это будет стоить?

— Для некоторых я бы не сделала так ни за что, ни за какие деньги, — заверила его Хетти, — но ты другое дело, ты мне нравишься.

— Сколько?

Хетти на мгновение задумалась.

— Как насчет десяти шиллингов? А десять шиллингов — это полфунта.

— Нет, что-то не хочется.

— Ладно, пять шиллингов, только ты там не кончай. И чтобы точно, под честное слово, я это совершенно серьезно.

Намек, содержавшийся в этих словах, — да какой там намек, их *смысл,* — вызвал у Мэллори дрожь блаженного отвращения.

— Нет, я что-то не расположен. — Он начал одеваться.

— Но еще-то ты придешь? Когда ты придешь?

— Скоро.

Хетти вздохнула, ничуть не сомневаясь, что он лжет.

— Иди, раз уж тебе надо. Но послушай, Недди, я же тебе нравлюсь. Я не помню как там тебя звать по-настоящему, но точно помню, что видела твой портрет в газете. Ты — знаменитый ученый, и у

тебя уйма денег. Правда ведь, да?

Мэллори промолчал.

— Девушки в Лондоне бывают разные, — торопливо продолжила Хетти, — и такой мужик, как ты, может крупно влипнуть. А с Хетти Эдвардес ты в полной безопасности, потому что я имею дело только с джентльменами и не болтаю лишнего.

— Я в этом ничуть не сомневаюсь. — Мэллори торопливо застегивал брюки.

— По вторникам и четвергам я танцую в театре «Пантаскопик», это на Хеймаркете. Ты придешь на меня посмотреть?

— Если буду в Лондоне.

С чем он и ушел. Пробираясь наощупь по темной, хоть глаз выколи, лестнице, он до крови ободрал голень о педаль прикованного к перилам велосипеда.

Небо над «Оленем» не походило ни на что из прежнего опыта Мэллори, и все же он его узнал. Такое небо не раз вставало перед его внутренним взором — плоский, низко нависший купол, в край наполненный гремучей смесью пыли и отвратительных испарений, вернейший предвестник катастрофы.

По тусклому пятнышку поднявшегося над кры-

шами солнца он определил, что уже около восьми утра. Рассвет наступил, но не принес с собой дня. Вот такое же точно небо видел сухопутный левиафан после громового удара Великой Кометы. Для чешуйчатых исполинов, вся жизнь которых состояла в наполнении непомерно огромных желудков, для несметных орд, беспрестанно перемещавшихся по фантастически изобильным джунглям в тщетной надежде утолить свой неутолимый голод, это небо было небом Армагеддона. Полыхали пожары, мезозойскую Землю хлестали ураганы, бушующая атмосфера насытилась кометной пылью и дымом, планету окутал мрак. Гибли лишенные солнечного света растения, а вслед за ними и могучие динозавры, жестко адаптированные к рухнувшему, безвозвратно ушедшему в прошлое миру. Но в наступившем Хаосе еще активнее заработали механизмы эволюции, прошло какое-то время, и опустошенную Землю заселили новые, странные и неожиданные существа.

Мэллори тащился по Флауэр-энд-Дин-стрит, поминутно кашляя и вытирая глаза. Масштабы бедствия вызывали благоговейный трепет. По мостовой лениво перекатывались огромные клубы желтого, до рези в глазах едкого тумана, види-

мость ограничивалась тремя десятками футов.

Скорее по удаче, чем по намерению, он вышел на Коммершел-стрит, в нормальные времена — самую оживленную улицу Уайтчепела. Теперь же она напоминала поле недавней битвы: густо усыпанный битым стеклом асфальт, и — ни души.

Мэллори прошел квартал, другой. Ни одной целой витрины. Судя по всему, булыжники, выковырянные на боковых улицах, летели направо и налево, как метеоритный дождь. По ближайшей бакалейной лавке будто прошелся ураган, оставив на тротуаре грязные сугробы муки и сахара. Мэллори пробирался среди взлохмаченных кочанов капусты, раздавленных слив, расплющенных жестянок с консервированными персиками и в хлам разбитых копченых окороков. Сырая, густо рассыпанная мука сохранила самые разнообразные следы: вот грубые мужские башмаки, вот босые детские ноги, а здесь прошлись изящные женские туфельки, и рядом — смутная бороздка, кринолин зацепил за землю.

Из тумана возникли четыре размытые фигуры, трое мужчин и женщина, — все прилично одетые, все в масках.

Заметив Мэллори, встречные разом перешли на другую сторону улицы. Двигались они

неторопливым, прогулочным шагом и о чем-то вполголоса переговаривались.

Под ногами Мэллори ритмично похрустывало битое стекло. «Мужской конфекцион Мейера», «Галантерея Петерсона», «Парижская пневматическая прачечная Лагранжа» — везде разбитые витрины и сорванные с петель двери. Фасады лавок подверглись массированной бомбардировке булыжниками, кирпичами и сырыми яйцами.

Теперь из тумана возникла более сплоченная группа. Мужчины и подростки, у некоторых — нагруженные тележки, хотя никто из них не похож на уличного торговца. С лицами, закрытыми масками, эти люди казались усталыми, чуть смущенными и печальными, словно только что похоронили любимую тетю. Около разграбленной сапожной мастерской они остановились и начали с вялым энтузиазмом стервятников подбирать разбросанную по мостовой обувь.

Мэллори ругал себя последними словами. Пока он предавался бездумному распутству, Лондон превратился в средоточие анархии. Ему сейчас следовало быть дома, в мирном Сассексе, в кругу своей семьи. Вместе с братьями и сестрами готовиться к свадьбе Маделайн, дышать чистым деревенским воздухом, есть здоровую домашнюю

пищу, пить домашнее пиво. Внезапно его охватил острый приступ тоски по дому, он спросил себя, какая дикая смесь похоти, амбиций и обстоятельств забросила его в этот жуткий, насквозь прогнивший город. Он задумался, что делают сейчас его домашние. Сейчас. А который сейчас час?

И тут он вспомнил о часах Маделайн. Подарок сестре на свадьбу лежал в сейфе Дворца палеонтологии. Красивые часы, купленные для милой Маделайн, находились и близко, и почти вне досягаемости. До Дворца — семь миль. Семь миль бурлящего хаоса.

Но должен же быть какой-то путь назад, какой-то способ преодолеть это расстояние. Мэллори задумался, ходят ли хоть какие-нибудь городские поезда или паробусы. А может, удастся поймать кэб? Да нет, лошади бы задохнулись в этом гнилом тумане. Придется идти на своих двоих. Все говорило, что попытка пересечь Лондон — дикая глупость, что было бы гораздо умнее крысой забиться в какой-нибудь тихий подвал, сидеть там и дрожать в надежде, что катастрофа пройдет стороной. И все же Мэллори обнаружил, что плечи его расправляются, а ноги сами собой стремятся вперед. Даже пульсирующая боль в дотла выжженной голове начала успокаиваться. Ведь

это так важно — поставить перед собой конкретную цель. Назад во Дворец. Назад к нормальной жизни.

— Эй! Эй, вы, там! Сэр!

Крик раскатился в голове, как голос нечистой совести; Мэллори удивленно вскинул глаза.

Из окна четвертого этажа заведения «Братья Джексон. Скорняки и шляпники» торчал черный ствол винтовки. Затем рядом со стволом появилась лысая очкастая голова и полосатая рубашка, перечеркнутая ярко-красными подтяжками.

— Чем могу быть полезен? — привычно отозвался Мэллори.

— Благодарю вас, сэр! — Голос лысого дрожал. — Сэр, прошу вас, не будете ли вы так любезны поглядеть у нашей двери. Вот тут, у крыльца. Мне кажется — там кто-то ранен!

Мэллори махнул рукой и подошел ко входу в магазин.

Двустворчатая дверь уцелела, но была сильно измочалена и покрыта яичными потеками. Чуть левее ничком распластался молодой человек в полосатой матросской блузе и расклешенных брюках; возле его руки валялся толстый железный прут.

Мэллори сгреб грубую ткань блузы и перевер-

нул бесчувственное тело лицом вверх. Мертвый. Пуля угодила матросу в горло, при ударе о мостовую его нос свернулся на сторону и расплющился, что придавало пепельно-бледному лицу странно гротескный вид, словно парень прибыл сюда из какой-то безвестной страны мореходов-альбиносов.

Мэллори выпрямился.

— Вы застрелили его насмерть! — крикнул он, задрав голову.

Лысый явно не ожидал такого поворота; он ничего не ответил и громко закашлялся.

Мэллори заметил за плетеным ремнем мертвого матроса искривленную деревянную рукоятку, наклонился и вытащил оружие. Револьвер совершенно незнакомой системы, массивный барабан изрезан глубокими бороздками, под длинным восьмигранным стволом прилепился непонятный, наглухо закрытый цилиндр. И резкая вонь черного пороха. Мэллори поднял глаза. Да, толпа, молотившая чем попало эту дверь, была готова на все. Озверевшие ублюдки не успели довести свое дело до конца — увидели, что матрос убит, и разбежались.

Мэллори отошел на мостовую и взмахнул револьвером.

— Негодяй был вооружен! — крикнул он. — Хорошо, что вы…

В нескольких дюймах от его головы провизжала срикошетившая пуля; на бетонной ступеньке появилась неглубокая белая щербинка.

— Да какого дьявола, придурок ты косорукий! — взревел Мэллори. — Не умеешь обращаться с оружием, так и не берись!

Секундное молчание.

— Прошу прощения, сэр! — выкрикнул лысый.

— Или ты это что, нарочно? Так какого дьявола…

— Я сказал, прошу прощения. Только вам, сэр, лучше бы выбросить это оружие.

— И не подумаю! — проорал Мэллори, засовывая револьвер за ремень.

Его намерение потребовать, чтобы лысый спустился и прикрыл мертвеца, как полагается, осталось неосуществленным — громко захлопали ставни, из четырех распахнувшихся окон высунулись еще четыре винтовочных ствола. Братцы Джексоны были настроены весьма воинственно.

Мэллори попятился, показывая пустые руки и пытаясь изобразить улыбочку. Как только фасад негостеприимной скорняжной мастерской скрылся за пологом желтой мглы, он повернулся

и побежал прочь.

Теперь он двигался осторожнее, держась середины улицы. Он обнаружил затоптанную батистовую сорочку и оторвал от нее рукав. Получилась вполне сносная маска.

Осмотрев револьвер матроса, Мэллори выдернул из барабана черный патронник; там еще оставалось пять зарядов. Громоздкое, неуклюжее оружие, явно иностранного производства, воронение неровное, пятнами, однако механика изготовлена вполне пристойно. Единственная маркировка — загадочные слова «БАЛЛЕСТЕР-МОЛИНА» [106], еле заметно выбитые на одной из граней ствола.

Мэллори вышел на Олдгейт-Хай-стрит, смутно запомнившуюся ему по прогулке с Хетти от пристани Лондонского моста; сейчас она выглядела еще кошмарнее, чем ночью. Впрочем, какой-то непредсказуемый каприз хаоса спас ее пока от разгрома.

Сзади донеслось ритмичное позвякивание; Мэллори сошел с мостовой на тротуар, уступая

---

[106] Примечания: 106

«Баллестер-молина» — так называлась модифицированная модель «кольта» 45 калибра (M1911A1), выпускавшаяся в Аргентине компанией «Хафдаса» (в наиболее массовых количествах — в годы Второй мировой войны).

дорогу пожарной машине. Ее красные борта были сплошь во вмятинах и царапинах — какая-то шайка лондонского сброда атаковала пожарников, напала на обученных людей и машины, которые одни и стояли между городом и адским, всесжигающим пламенем. Это показалось Мэллори высшим проявлением извращенной глупости и все же почему-то его ничуть не удивило. Усталые пожарники висели на подножках, лица их скрывали фантастические резиновые маски с огромными стеклянными глазами и гармошками дыхательных трубок. Мэллори много бы отдал за такую маску; его глаза болезненно слезились, он непрерывно щурился, как пират в пантомиме, но продолжал шагать.

Олдгейт перешла в Фенчерч, потом в Ломбард, потом *в*Поултри-стрит, а до заветной цели, если Дворец палеонтологии заслуживал такого названия, оставалось еще много миль. В висках стучало, голова кружилась от выпитого вчера плохого виски и от еще худшего воздуха, в котором все явственнее ощущалось влажное, тошнотворно-едкое дыхание Темзы.

Посреди Чипсайд-стрит лежал на боку паробус, сгоревший от пламени собственной топки. Все стекла в его окнах были разбиты, кузов выгорел

до почерневшего остова. Хотелось надеяться, что внутри никто не погиб. Дымящиеся останки воняли так зверски, что Мэллори не хотелось проверять.

На кладбище собора Святого Павла виднелись люди. Воздух там был чище, можно было даже различить и купол, и толпу, собравшуюся под кладбищенскими деревьями. По какой-то непонятной причине все эти мужчины и подростки пребывали в великолепном расположении духа. Мгновение спустя Мэллори разглядел, что они нагло бросают кости прямо на ступенях шедевра Рена.

Чуть дальше и саму Чипсайд перегородили группки игроков; тесно сбитые круги расползлись по мостовой, мужчины стояли на коленях, охраняя стопки монет и ассигнаций. Организаторы игр, все как на подбор крутые, с нехорошим прищуром глаз кокни, словно выкристаллизовавшиеся из лондонского смрада, выкрикивали на манер ярмарочных зазывал громко и хрипло:

— Шиллинг на кон! Кто ставит? Кто ставит, ребятки?

От этих группок то и дело доносились торжествующие возгласы выигравших и гневные стоны неудачников.

На каждого играющего приходилось по трое зрителей; ярмарочное увеселение, вонючий и преступный карнавал, но каждый забавляется, как умеет. Ни полиции, ни властей, ни элементарной порядочности. Мэллори протискивался сквозь возбужденную, не очень густую толпу, настороженно поглядывая по сторонам и не снимая руки с рукоятки револьвера. В переулке двое в масках избивали ногами третьего, затем они освободили его от часов и бумажника. Дюжина зрителей воспринимала происходящее с весьма умеренным интересом.

Эти лондонцы, подумал Мэллори, подобны газу, облаку крохотных атомусов. Стоило только разорваться скрепляющим общество связям, и они попросту разлетелись, как абсолютно упругие сферы законов Бойля. Приличные в большинстве своем, если судить по платью, эти люди сейчас потеряли голову, низведенные хаосом до нравственной пустоты. Никто из них, думал Мэллори, никогда не сталкивался ни с чем даже отдаленно подобным происходящему. Они лишились разумных критериев для сравнения, превратились в марионеток слепого инстинкта.

Подобно дикарям шайенам, танцующим под дьявольскую дудку алкоголя, добропорядочные

жители цивилизованного Лондона предались первобытному безумию. По всеобщему выражению изумленного блаженства на сияющих лицах Мэллори осознал, что эти люди наслаждаются, наслаждаются от всей души. Нечестивая, греховная свобода, свобода более полная, чем все, о чем они могли когда-либо помыслить, доводила их до экстаза.

Священная стена Патерностер-роу пестрела аляповатыми, сырыми от не успевшего еще подсохнуть клея афишами. Рекламы самого дешевого и навязчивого сорта, какие мозолят глаза по всему Лондону: «МАГНЕТИЧЕСКИЕ ПИЛЮЛИ ОТ ГОЛОВНОЙ БОЛИ ПРОФЕССОРА РЕНБУРНА», «РУБЛЕНАЯ ТРЕСКА БИРДЗЛИ», «ТАРТАОЛИТИН МАККЕССОНА И РОББИНСА», «ЗУБНОЕ МЫЛО АРНИКА»... И несколько театральных афиш: «МАДАМ СКАПИЛЬОНИ В САВИЛЛ-ХАУСЕ НА ЛЕСТЕР-СКВЕР. ВОКСХОЛЛСКАЯ СИМФОНИЯ ДЛЯ ПАНМЕЛОДИУМА»... Спектакли, которым не суждено состояться, о чем, конечно же, знали и расклейщики — афиши были нашлепаны вкривь и вкось, с безразличной поспешностью. Из-под сморщенных листов плохой бумаги белыми ручейками стекал клей — зрелище, непонятным образом раздражавшее Мэллори.

А среди этих будничных объявлений непринужденно, словно по полному праву, раскинулся огромный, с попону размером, трехчастный плакат машинной печати, тоже сморщившийся от поспешной расклейки. Даже краска на нем казалась еще сырой.

Нечто безумное.

Мэллори застыл, пораженный грубой эксцентричностью триптиха. Он был отпечатан в три цвета — алый, черный и отвратительный серовато-розовый, казавшийся смесью двух предыдущих.

Алая женщина с повязкой на глазах — богиня правосудия? — в размытой алой тоге возносит алый меч с надписью «ЛУДД» над розовато-серыми головами двух очень грубо обрисованных фигур мужчины и женщины, изображенных по пояс, — короля и королевы? Лорда и леди Байрон? Алая богиня попирала середину огромной двуглавой змеи или чешуйчатого дракона, на чьем корчащемся теле было написано «МЕРИТОЛОРДСТВО». За спиной у алой женщины горизонт Лондона полыхал языками алого пламени, небо полнилось стилизованными завитками мрачных туч. В правом верхнем углу болтались на виселице трое мужчин, то ли свя-

щеннослужители, то ли ученые, а в верхнем левом — нестройная колонна жестикулирующих уродцев, ведомая яркой хвостатой кометой, шествовала, размахивая флагами и якобинскими пиками, к какой-то неведомой цели.

И это еще малая часть. Мэллори протер слезящиеся глаза. Весь огромный прямоугольный лист кишел более мелкими фигурками, будто бильярдный стол — шарами. Вот миниатюрный бог ветров выдувает облако с надписью «МОР». Вот артиллерийский снаряд или бомба взрывается стилизованными угловатыми осколками, раскидывая во все стороны угольно-черных чертенят. Заваленный цветами гроб, поверх цветов лежит удавка. Голая женщина сидит на корточках у ног чудовища — прилично одетого джентльмена с головой рептилии. Крошечный, сложивший руки, как для молитвы, человечек в эполетах стоит под виселицей, крошечный палач в колпаке с прорезями для глаз и куртке с закатанными рукавами указывает ему на петлю… Клубы дымовых туч, наляпанные на изображение, как комки грязи, которые связывают все воедино, как тесто — начинку пирога. А в самом низу был текст. Его заголовок, исполненный огромными расплывчатыми буквами машинного шрифта,

гласил: «СЕМЬ ПРОКЛЯТИЙ ВАВИЛОНДОНСКОЙ БЛУДНИЦЫ».

Вавилондон? Какие «проклятья», почему «семь»? По всей видимости, этот плакат был наспех сляпан из первых попавшихся под руку машинных трафаретов. Мэллори знал, что в современных типографиях есть специальные перфокарты для печати стандартных картинок — по смыслу, нечто вроде дешевых деревянных матриц, использовавшихся когда-то при печати жестоких баллад. В машинном наборе грошовых изданий можно было по сотне раз встретить одну и ту же намозолившую глаза иллюстрацию. Но здесь — цвета были кошмарны, изображения втиснуты куда попало, словно в лихорадочном бреду, и, что хуже всего, плакат явно пытался *выразить* — пусть даже диким, судорожным способом — нечто абсолютно немыслимое.

— Ты это мне? — осведомился чей-то голос.

— Что? — испуганно дернулся Мэллори. — Да нет, я так.

Прямо у него за спиной стоял длинный тощий кокни; на соломенных, сто лет не мытых волосах неожиданного собеседника сидел высокий, донельзя замусоленный цилиндр. Нижнюю часть его лица прикрывала веселенькая, в горошек,

маска, глаза сверкали пьяным, полубезумным блеском. Новехонькие, явно ворованные башмаки дико контрастировали с кошмарными, недостойными даже называться одеждой лохмотьями. От кокни несло застарелым потом — вонью заброшенности и безумия. Он прищурился на афишу, а затем посмотрел Мэллори прямо в глаза.

— Твои, сквайр, дружки?

— Нет, — сказал Мэллори.

— Вот ты, ты скажи мне, что это значит, — не отставал кокни. — Я слышал, как ты тут бормотал. Ты ведь знаешь? Знаешь, да?

Резкий голос тощего забулдыги дрожал и срывался; его глаза сверкали звериной ненавистью.

— Отстаньте от меня! — крикнул Мэллори.

— Он возносит хулу на Христа Спасителя! — взвизгнул кокни; его скрюченные пальцы месили воздух. — Святая кровь Христова, омывшая нас от греха…

Мэллори ударил по костлявой, тянущейся к его горлу руке.

— Да мочи его на хрен, — доброжелательно посоветовал еще один незнакомый голос.

Мочить, судя по всему, нужно было не тощего ублюдка, а Мэллори. Эти слова зарядили и без

того мрачную атмосферу, как лейденскую банку. Внезапно Мэллори и его противник оказались в центре толпы, из случайных частичек превратились в фокус возможной — и очень серьезной — беды. Высокий кокни, которого, возможно, кто-то подтолкнул, налетел на Мэллори, получил удар в живот и согнулся пополам. Над толпой взвился чей-то высокий, леденящий сердце голос. Слов Мэллори не разобрал — да и были ли там какие-нибудь слова? Неумело брошенный ком грязи пролетел мимо его головы и шмякнулся о плакат; это словно послужило сигналом, внезапно вспыхнула беспорядочная драка, яростные крики перемежались глухими звуками ударов, люди падали, снова поднимались.

Мэллори пытался и никак не мог вырваться из этой свалки; пританцовывая на оттоптанных ногах и, ругаясь сквозь до боли сжатые зубы, он выхватил из-за пояса револьвер, направил его вверх и нажал на спуск.

Ничего. Чей-то локоть болезненно въехал ему под ребра.

Он взвел большим пальцем курок и снова нажал. Грохот выстрела отдался в голове, болезненно ударил по барабанным перепонкам, эхом раскатился по улице.

В мгновение ока толпа вокруг Мэллори растаяла; люди орали, падали, уползали на четвереньках в нерассуждающем стремлении спасти свою шкуру. Несколько человек осталось лежать на мостовой, по ним успели потоптаться те, что пошустрее. Какую-то секунду Мэллори стоял неподвижно, скрытая батистовой маской челюсть отвисла от изумления, ствол револьвера все так же глядел в небо.

Бежать, бежать от этого безумия — настойчиво подсказывал здравый смысл, бежать сию же секунду. И Мэллори побежал; пытаясь запихнуть револьвер за ремень, он обнаружил к вящему своему ужасу, что курок почему-то взведен, малейшее прикосновение к спусковому крючку — и снова громыхнет оглушительный выстрел. Времени разбираться не было; Мэллори убрал палец со спуска и побежал дальше, стараясь не очень размахивать правой, сжимающей оружие рукой.

Он выбился из сил, остановился и зашелся мучительным кашлем. Сзади из-за грязной пелены тумана доносились крики животной злобы, ненависти, ликования, изредка перемежаемые выстрелами.

— Господи Иисусе, — пробормотал Мэллори и начал внимательно изучать оружие.

Эта чертова штука взвела себя автоматически, выбросив часть пороховых газов в прикрепленный к стволу цилиндр. Давление газов отвело барабан назад, косые бороздки и выступающие из рамы зубцы заставили его повернуться, на место стреляного патрона встал новый, то же самое движение взвело курок. Мэллори придержал курок большими пальцами, осторожно его спустил и облегченно сунул револьвер за ремень.

Полоса афиш дотянулась и досюда. Мэллори шел по пустынной, зловеще притихшей улице и читал объявления, жирно напечатанные на влажных, вкривь и вкось наклеенных на стену листках. Откуда-то издалека доносились звон бьющегося стекла и взрывы мальчишеского хохота.

«ПОТАЙНЫЕ КЛЮЧИ ИЗГОТАВЛИВАЕМ ДЕШЕВО» — гласил небрежно приклеенный плакат. «КРАСИВЫЕ ДОЖДЕВИКИ ДЛЯ ИНДИИ И КОЛОНИЙ». «ОБУЧАЕМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ ПРОВИЗОРА И ФАРМАЦЕВТА».

Впереди послышалось медленное цоканье подков, скрип оси. Затем из тумана возник фургон расклейщика — высокая черная повозка, сплошь оклеенная огромными кричащими плакатами. Малый в маске и широком сером плаще лепил

на стену очередное объявление. Стена располагалась футах в пяти от тротуара, за высокой кованой оградой, но это ничуть не мешало расклейщику, вооруженному хитрым валиковым устройством, прикрепленным к концу длинной палки.

Мэллори подошел поближе. Расклейщик не поднял глаз, в его работе наступал самый ответственный момент. Объявление, плотно намотанное на черный резиновый валик, прижималось и раскатывалось снизу вверх по стене. Одновременно с этим расклейщик ловко нажимал на рукоятку маленького насосика, прикрепленного к палке; два кривых патрубка, установленные на концах валика, выплескивали жидкую кашицу клея. Затем — проход вниз, уже без клея, чтобы пригладить лист, и все готово.

Фургон тронулся с места. Мэллори подошел поближе и узнал, что мыло «Колгейт» придает коже лица неповторимую свежесть.

Прочитав объявление, он снова догнал остановившийся неподалеку фургон, однако расклейщик, которому явно не нравилось быть объектом внимания, что-то пробормотал кучеру; и тот отъехал подальше.

Теперь Мэллори следил за его действиями издалека. Следующую остановку фургон сделал

на углу Флит-стрит у щитов, где испокон века вывешивались городские газеты. Расклейщика это обстоятельство ничуть не смутило, он нагло налепил поверх «Морнинг Клэрион» одно объявление, затем другое и третье.

На этот раз — театральные афиши. ДОКТОР БЕНЕ ИЗ ПАРИЖА намеревался прочесть лекцию на тему «Терапевтическая ценность ВОДНОГО СНА».

ШАТОКУАССКОЕ БРАТСТВО СУСКВЕГАННСКОГО ФАЛАНСТЕРА организует симпозиум по теме «Социальная философия покойного доктора КОЛЬРИДЖА» [107]. ДОКТОР ЭДВАРД МЭЛЛОРИ прочтет научную лекцию с кинотропией…

«Это надо же!» — горько усмехнулся Мэллори. ЭДВАРД МЭЛЛОРИ — так вот прямо, восьмиде-

---

[107] Примечания: 107

Шатокуасское братство: по названию поселка Шатокуа в штате Нью-Йорк, где с 1874 г. каждое лето проводились публичные лекции (своего рода летняя воскресная школа с расширенной программой); после 1900 г. возникли передвижные шатокуа, где устраивались уже не только лекции, но и концерты. Кольридж, Сэмю-эль Тэйлор (1772–1834) — выдающийся английский поэт, критик, философ. В начале 1790-х гг. выдвинул идею «пантисократии» (в буквальном переводе с греческого — «власть всех») — коммуны абсолютно равноправных интеллектуалов и художников, организовать которую предполагалось на реке Сусквеганна (в современной русской транскрипции Саскуэханна) в Пенсильвании. Кольридж зажег этой мечтой нескольких своих друзей, в том числе поэта-романтика Роберта Саути (1774–1843), но их план так и остался неосуществленным из-за разногласий «пантисократистов» и нехватки денег. Позднее Кольридж и Саути стали членами так называемой «Озерной школы поэтов» («лейкисты»),

возглавлявшейся Уильямом Вордсвортом (1770–1850). (Также см. далее реплику маркиза Гастингса: «…пантисок-рат? […] То есть вольный проповедник Сусквеганнского фаланстера? […] Я говорю об утопических доктринах профессора Кольриджа и преподобного Вордсворта».) Строго говоря, начало широкому романтическому движению в английской поэзии положил совместный сборник Вордсворта и Кольриджа «Романтические баллады» (1798); вернее, книга была почти целиком вордсвортовская — Кольридж поместил там всего три стихотворения (правда, открывался сборник не чем-нибудь, а «Балладой о старом мореходе»). Что любопытно: английские романтики «второго призыва» Байрон, Шелли и Китс относились к творчеству «лейкистов» крайне неприязненно, делая исключение разве что для Кольриджа и ранних стихов Вордсворта; кроме того, радикальные политические взгляды Байрона и, особенно, Шелли резко контрастировали с умеренным либерализмом Вордсворта и Саути (Шелли издевательски писал о друзьях Вордсворта как о «династолюбивых пантисократистах»). Вполне естественно, что в альтернативной истории, когда Байрон возглавил Англию, «лейкисты» сочли за лучшее осуществить юношескую мечту Кольриджа и перебрались через океан, на те самые берега той самой Сусквеганны, от греха подальше. Не исключено, конечно, что им это удалось изначально, в 1790-х.

сятипунктной машинной готикой. Неплохо, кстати, смотрится. Жаль только, что лекции этой не будет. Судя по всему, Гексли или кто-то из его персонала успел уже заказать афиши, а распоряжение об отмене запоздало.

Жаль, очень жаль, думал Мэллори, с какой-то собственнической нежностью глядя вслед удаляющемуся фургону. ЭДВАРД МЭЛЛОРИ. Хорошо бы раздобыть такую афишу на память о несостоявшейся лекции. Отклеить? Ну и куда же с ней потом, мокрой и липкой?

Он стал читать текст, чтобы сохранить его хотя бы в памяти. При ближайшем рассмотрении печать оказалась вовсе не такой уж хорошей, черные буквы имели неприятный, цвета запекшейся крови ободок. Скорее всего, печатники выполняли предыдущий заказ в красных тонах и не вымыли толком иглы.

«ТОЛЬКО ДВА РАЗА! Музей практической геологии на Джермин-стрит имеет честь представить лондонской публике лекцию ДОКТОРА ЭДВАРДА МЭЛЛОРИ, Ч.К.О., Ч.К.Г.О., каковой изложит поразительную историю открытия им в диком Вайоминге знаменитого СУХОПУТНОГО ЛЕВИАФАНА, свои теории относительно среды обитания этого чудовища, его привычек и ди-

еты, а также историю своих встреч с дикими ИНДЕЙЦАМИ племени шайенов. Кроме того, он подробнейшим образом опишет ГНУСНОЕ, ЛЕДЕНЯЩЕЕ КРОВЬ УБИЙСТВО своего ближайшего соперника покойного ПРОФЕССОРА РАДВИКА и поделится секретами АЗАРТНЫХ ИГР, в том числе и особо правилами поведения в ПРИТОНАХ ДЛЯ КРЫСИНЫХ БОЕВ, за чем последует изысканный ТАНЕЦ СЕМИ ПОКРЫВАЛ в исполнении нескольких мисс Мэллори, которые дадут откровенный отчет о своем приобщении к ИСКУССТВУ ЛЮБВИ. Женщины и дети не допускаются. Цена билета 2 ш. б п. Шоу пройдет в сопровождении наисовершеннейшей кинотропии мистера КИТСА».

Мэллори скрипнул зубами и бросился бежать; легко обогнав неспешно катившийся фургон, он схватил мула под уздцы. Животное споткнулось, фыркнуло и остановилось. Его грязная голова была закутана в парусиновую маску, сооруженную из торбы.

Кучер невнятно завопил, спрыгнул с козел и взмахнул короткой увесистой дубинкой.

— Эй ты, мотай, покуда цел! — крикнул он, переходя на нормальный человеческий язык. — Ты меня слышал? Бери ноги в руки и…

Оценив габариты Мэллори, смельчак приутих,

однако продолжал угрожающе похлопывать дубинкой по мозолистой ладони.

Из-за фургона выбежал расклейщик; он держал свое хитрое устройство наперевес, как вилы.

— Отойдите-ка, мистер, — мирно предложил кучер. — Мы вам ничего не сделали.

— Не сделали? — возмущенно заорал Мэллори. — Где вы, сволочи, взяли эти афиши? Отвечай, когда тебя спрашивают!

— Сегодня Лондон распахнут настежь! — Расклейщик вызывающе взмахнул перед носом у Мэллори валиком своего устройства. — Хочешь подраться из-за того, где мы лепим нашу бумагу, так давай!

Один из огромных рекламных щитов, составлявших стенку фургона, со скрипом откинулся в сторону. Из темного проема на мостовую спрыгнул невысокий, кряжистый, сильно облысевший господин в красной охотничьей куртке, клетчатых брюках, заправленных в лакированные сапоги, и без головного убора.

Маски на круглом румяном лице тоже не было.

— Что тут происходит? — Чтобы задать этот вопрос, лысоватому господину потребовалось вытащить изо рта большую, яростно дымящую трубку.

— Хулиган, сэр! — объявил кучер. — Какой-то наемный громила, Индюк подослал!

— Он что, один? — вскинул брови крепыш. — Странно это как-то. — Он оглядел Мэллори с головы до ног. — Ты знаешь, кто я, сынок?

— Нет, — качнул головой Мэллори. — Ну и кто же ты такой?

— Я — тот, кого называют королем расклейщиков, вот так-то, мой мальчик! Ты, видно, совсем новичок в нашем деле!

— Я не знаю вашего дела и знать не хочу! Я — доктор Эдвард Мэллори!

Крепыш скрестил руки немного покачался на каблуках:

— Нун?

— Вы только что наклеили афишу, которая злостно на меня клевещет!

— Ясненько, — протянул король. — Теперь понятно, какая муха тебя укусила. — Он облегченно усмехнулся. — Ну так вот, доктор Эдвард Мэллори, я тут совершенно ни при чем. Я их только клею, а не печатаю. Так что ко мне не может быть никаких претензий.

— Как бы там ни было, вы не будете больше расклеивать эти проклятые пасквили! — твердо сказал Мэллори. — Я хочу забрать все, что у вас

осталось, и хочу знать, где вы их получили!

Царственным мановением руки король успокоил свою немногочисленную гвардию.

— Я очень занятой человек, доктор Мэллори, и не могу тратить время на выслушивание бессмысленных угроз. Если вы не против, зайдемте в мой фургон и поговорим как джентльмен с джентльменом.

Он вопросительно прищурил маленькие, васильково-голубые глаза.

— Хорошо, — неуверенно пробормотал Мэллори, спокойный ответ короля словно выпустил весь пар из его возмущения. Теперь он чувствовал себя довольно глупо и не в своей тарелке.

— Хорошо, — повторил он. — С удовольствием.

— Вот и прекрасно. Том, Джемми, за работу. — Король ловко вскарабкался в фургон.

Поколебавшись секунду, Мэллори последовал за ним. Никаких сидений внутри фургона не было, зато весь пол устилала ворсистая темно-каштановая ткань, подбитая снизу чем-то мягким и простеганная на манер турецкого дивана. По стенам тянулись глубокие лакированные стеллажи, забитые туго скатанными рулонами афиш. Сквозь распахнутый потолочный люк внутрь фургона струился тусклый, мрачный свет.

От кошмарной вони клея и дешевого черного самосада перехватывало дыхание.

Король раскинулся на полу, подсунув под спину пухлую подушку. Пистолетный щелчок кнута, недовольное ржание, заскрипели колеса, и фургон сдвинулся с места.

— Джин с водой? — предложил король, открывая шкафчик.

— Просто воды, если можно, — попросил Мэллори.

— Воды так воды. — Король достал большую глиняную бутыль и наполнил жестяную кружку. Мэллори стянул грязную маску под подбородок и жадно вылакал воду.

За первой кружкой последовала вторая и третья.

— Может, немножко лимонного соку? Только вы уж, — подмигнул король, — постарайтесь не напиться до непотребного состояния.

Мэллори откашлялся, прочищая горло.

— Премного благодарен. — Без маски он чувствовал себя странно голым, а неожиданная любезность короля расклейщиков — в сочетании с химической вонью клея, едва ли не худшей, чем вонь Темзы, — окончательно его ошарашила. — Я очень сожалею о своей… э-э… излишней

резкости.

— Да это всё мои ребята, — великодушно обронил король. — В афишерасклеечном бизнесе всегда приходится держать кулаки наготове. Вот прямо вчера моим ребятам пришлось довольно круто разбираться со старым Индюком и его шайкой. По вопросу расклеечных площадей на Трафальгар-сквер, — презрительно фыркнул король.

— Вчера у меня тоже были определенные трудности, — хрипло отозвался Мэллори. — Но по сути я — человек разумный, и уж во всяком случае, сэр, я не люблю скандалов.

— Никогда не слышал, чтобы Индюк нанимал в громилы образованного человека, — умудренно кивнул король. — По вашему платью и манерам можно понять, что вы ученый.

— У вас острый глаз.

— Хотелось бы так думать, — ухмыльнулся король. — Ну а теперь, когда все встало на свои места, может быть, вы просветите меня относительно причин вашего недовольства?

— Все дело в этих ваших афишах, — с жаром начал Мэллори. — Они поддельные. И клеветнические. И, разумеется, незаконные.

— Я уже успел вам заметить, что мы тут абсо-

лютно ни при чем, — развел руками король. — Позвольте мне разъяснить вам смысл нашей работы. На расклейке сотни листов двойного формата я зарабатываю один фунт один шиллинг. Иными словами, два и шесть десятых пенни за лист, для ровного счета — три. И если вы желаете купить какие-нибудь из моих объявлений по этой цене — что ж, можно и поговорить.

— Где они? — спросил Мэллори.

— Я с готовностью разрешаю вам поискать вышеупомянутый товар на стеллажах.

Когда фургон остановился для очередной расклейки, Мэллори начал перебирать афиши; они были свернуты в толстые перфорированные рулоны, плотные и увесистые, как дубинки.

Король передал кучеру через люк очередной рулон, мирно выбил пенковую трубку, наполнил ее табаком, взятым из грубого бумажного кулька и раскурил от немецкой трутницы. Затем он блаженно выпустил облако вонючего дыма.

— Вот они. — Вытянув из рулона верхнюю афишу, Мэллори расправил ее на полу. — Посмотрите на эту гнусность. На первый взгляд все выглядит прекрасно, но дальше сплошная мерзость.

— Стандартный рулон из сорока листов, шесть шиллингов ровно.

— Прочтите здесь, — сказал Мэллори, — где они практически обвиняют меня в убийстве!

Король читал заголовок, шевеля губами и мучительно морща лоб.

— Мэ Лори, — сказал он наконец. — Лори — это что, обезьянки такие? Или попугаи, я всегда путаю. Так вы что, выступаете с ними перед публикой?

— Мэллори — это моя фамилия!

— Театральная афиша, без иллюстраций, половинная — значит, в те самые два стандартных формата… — Король снова наморщил лоб. — Помню, помню, они еще малость смазанные. Ну знал же я, с первого момента почувствовал, что-то с этим заказом не так. — Он вздохнул, выпустив новое вонючее облако. — А с другой стороны, этот ублюдок, он же вперед заплатил.

— Кто? Кому?

— В Лаймхаусе, в Вест-Индских доках, — снова вздохнул король. — Чего-то там варится в тех местах, доложу я вам, доктор Мэллори. Со вчерашнего дня всякие прохиндеи лепят там новехонькие плакаты по всем стенам и заборам, какие под руку попадутся. Мои ребята совсем уж было думали разобраться с ними насчет такого наглого вторжения, пока капитан Свинг — это

он так себя называет — не решил прибегнуть к нашим услугам.

У Мэллори вспотели подмышки.

— Капитан Свинг?

— Он такой же капитан, как я — папа римский, — фыркнул король. — Ипподромный жучок, если судить по платью. Невысокий, рыжий, косоглазый, и еще у него шишка на лбу, вот тут. Псих, каких еще поискать. Хотя довольно вежливый, сразу согласился не лезть в наше расклейное дело, мы объяснили ему обычаи, и он сразу согласился. И денег у него, похоже, куры не клюют.

— Я его знаю! — дрожащим голосом воскликнул Мэллори. — Это — луддитский заговорщик. Возможно, он сейчас самый опасный человек во всей Англии!

— Вот уж никогда бы не подумал, — хмыкнул король.

— Он — страшная угроза общественному спокойствию!

— А по виду не скажешь, — возразил король. — Смешной очкастый коротышка, да еще сам с собой разговаривает.

— Этот человек — враг государства, заговорщик самого пагубного толка!

— Я-то сам мало слежу за политикой, — сказал король, спокойно откидываясь на подушки. — Закон о расклейке плакатов — вот вам и вся ихняя политика, дурь собачья! Это чертов закон жестко ограничивает, где можно вешать плакаты, а где нет. И ведь я же, доктор Мэллори, я же *лично* знаю члена парламента, который протащил этот закон, я же работал на его избирательную кампанию. Этого типа нимало не трогало, куда лепят *его* плакаты. Куда бы ни лепили — все путем, лишь бы на плакатах был *он*, а не кто другой.

— Господи! — прервал его Мэллори. — Подумать только, что этот негодяй на свободе, в Лондоне, да еще с деньгами из Бог знает какого источника, и он подстрекает к восстанию и мятежам, да еще в момент всеобщей беды, да еще имеет в своем распоряжении машинный печатный станок! Это кошмар! Ужас!

— Да вы же сами себя заводите, доктор Мэллори. — Король укоризненно покачал головой. — Мой дорогой папаша, упокой, Господи, его душу, всегда мне говорил: «Когда все вокруг теряют голову, ты просто вспомни, что в фунте как было двадцать шиллингов, так и осталось».

— Возможно, что и так, — сказал Мэллори, — но только…

— Мой дорогой папаша клеил афиши в смутные времена! Еще в тридцатых, когда кавалерия топтала рабочих, а потом крючконосого Веллингтона разнесли в клочья. Суровые были времена, сэр, куда суровее нынешних, когда всех-то и неприятностей, что какой-то там смрад! И это вы называете бедой? Лично для меня это удачный шанс, и я стараюсь им воспользоваться.

— Боюсь, вы не совсем сознаете глубину этого кризиса, — возразил Мэллори.

— Смутные времена — вот когда начали печатать первые плакаты в четыре двухформатных листа! Правительство тори подрядило моего папашу — он был тогда церковным сторожем и расклейщиком в приходе Святого Андрея в Холборне — замазывать плакаты радикалов. Ему приходилось нанимать для этого женщин — вот сколько было работы. Они замазывали плакаты радикалов днем, а ночью расклеивали новые! Во времена революций открывается уйма возможностей! Мэллори вздохнул.

— Мой папаша изобрел механизм, получивший название «Патентованное раздвижное прижимающее устройство», к которому я потом добавил ряд усовершенствований. Эта штука служит для наклейки плакатов под мостами, мы же и с воды

работаем, а не только на суше. Мы, наша семья, все сильно предприимчивые, нос никогда не вешаем.

— Много вы там напредпринимаете, если от Лондона останется одно пепелище, — бросил Мэллори. — Вы же фактически помогаете этому мерзавцу *в*его анархистских заговорах!

— У вас все шиворот-навыворот, доктор Мэллори, — коротко хохотнул король. — Когда я видел этого парня в последний раз, это он отдавал мне свои деньги, а не наоборот. Если уж на то пошло, он поручил моим заботам чуть не весь тираж своих плакатов — вон они там, в верхнем ряду. — Король встал, вытащил несколько рулонов и бросил их на пол. — Видите ли, сэр, в действительности вздор, напечатанный на этих листках, не имеет ровно никакого значения. Сокровенная истина заключается в том, что афиши по самой природе своей бесконечны, столь же регулярны и постоянны, как приливы и отливы в Темзе или лондонский дым. Истинные сыны Лондона зовут его «Дым», он же вечный город, подобно Иерусалиму или Риму, или, как сказали бы некоторые, Пандемониуму Сатаны! Вы же видите, что король расклейщиков нимало не беспокоится за дымный Лондон, верно? Ничего с этим городом

не сделается!

— Но люди же бежали!

— Преходящая глупость; как бежали, так и вернутся, — с неколебимой уверенностью отозвался король. — Куда они денутся? Здесь — центр мироздания, вот так-то, сэр.

Мэллори молчал.

— Так вот, сэр, — провозгласил король, — послушайтесь моего совета, потратьте шесть шиллингов на этот рулон, в который вы так вцепились. А если вы готовы расстаться с фунтом, я добавлю к нему и все остальные кошмарно напечатанные плакатики нашего общего друга капитана Свинга. Каких-то двадцать шиллингов, и вы сможете покинуть эти улицы, отдохнуть себе спокойно дома.

— Часть этих плакатов уже расклеена, — заметил Мэллори.

— Я скажу ребятам, чтобы их замазали или заклеили, — улыбнулся король. — Если вы готовы заплатить им за труды.

— И это действительно будет конец? — Мэллори потянулся за бумажником. — Сомневаюсь я что-то.

— Сомневаетесь? — саркастически переспросил король. — А вот этот пистолетик у вас за

поясом, он что — лучше вам поможет? Подобный предмет не делает чести джентльмену и ученому.

Мэллори промолчал.

— Послушайтесь моего совета, доктор Мэллори, уберите его подальше, пока не нарвались на неприятности. Я почти уверен, что вы могли бы поранить одного из моих ребят, не заметь я через глазок это оружие и не выйди, чтобы все уладить. Идите-ка лучше домой, сэр, и поостыньте.

— А вы сами почему не дома, если даете мне такой совет? — поинтересовался Мэллори.

— Почему? Так это ж и есть мой дом, сэр. — Король сунул деньги Мэллори в карман охотничьей куртки. — В хорошую погоду мы с моей старушкой пьем тут чай и вспоминаем о былом… о стенах, о набережных, о щитах…

— У меня нет в Лондоне дома, да и вообще я спешу в Кенсингтон по делам, — сказал Мэллори.

— Неблизкий путь, доктор Мэллори.

— И то правда, — согласился Мэллори. — Но я тут вдруг подумал, что у нас в Кенсингтоне немало зданий — музеев, дворцов науки, которых никогда не касалась реклама.

— Вот как? — задумчиво произнес король. — Ну-ка расскажите.

* * *

Мэллори распрощался с королем за добрую милю до Дворца палеонтологии, не в силах более выносить запах клея, к тому же непрерывная тряска и раскачивание фургона вызывали у него морскую болезнь. Он потащился пешком с тяжелыми рулонами пасквильных и анархистских плакатов, то и дело норовившими выскользнуть из потных рук. Где-то позади Джемми и Том принялись рьяно мазать клеем девственный кирпич Дворца политической экономии.

Мэллори прислонил рулоны к фонарному столбу и снова обмотал лицо маской. Голова у него сильно кружилась. Возможно, подумал он, в этом клее содержалось немного мышьяка или в чернилах использовалась какая-то тошнотворная гадость, сейчас ведь чего только из каменного угля не делают; так или не так, но он чувствовал себя отравленным и ужасно слабым. Когда он снова взялся за плакаты, бумага смялась в потных руках, как облезающая кожа утопленника.

Задуманная «капитаном Свингом» дьявольщина напоминала стоглавую гидру, теперь одна из ее голов лишилась жала. Но этот скромный триумф представлялся унизительно мелким

в сравнении с неистощимыми запасами злобной изобретательности противника. Мэллори блуждал в потемках — в то время как его рвали невидимые клыки…

И все же он добыл бесценную информацию: Свинг скрывается в Вест-Индских доках! Возможность схватиться с этим мерзавцем была так близка и при этом так далека — одно уже это могло свести с ума кого угодно.

Мэллори едва не упал, поскользнувшись на лошадиной лепешке, и перекинул тяжелые, готовые рассыпаться рулоны на правое плечо. Что смысла в пустых мечтах — разве сможет он, усталый и разбитый, противостоять Свингу в одиночку, безо всякой поддержки? Если даже забыть о том, что этого мерзавца защищают многие мили лондонского хаоса. Мэллори почти уже достиг Дворца, но на это ушли все его силы.

Он заставил себя сосредоточиться на делах первой необходимости. Во-первых, затащить эти проклятые плакаты в сейф. Возможно, они окажутся когда-нибудь полезны в качестве улики, а пока пусть полежат на месте свадебных часов Маделайн. Он заберет часы, найдет способ бежать из этого проклятого города и воссоединится с семьей, давно бы пора. В зеленом Сассексе, на лоне

матери-природы, он обретет и покой, и ясность мысли, и безопасность. И шестеренки его жизни снова сцепятся, как надо…

Рулоны выскользнули из ослабевших пальцев и посыпались на асфальт, один из них болезненно ударил его по ноге. Мэллори выругался сквозь зубы, собрал проклятые кругляки, взвалил их на другое плечо и побрел дальше.

Дорогу ему перегородила совершенно неожиданная процессия. Призрачные, размазанные расстоянием и прогорклым туманом, по Найтсбриджу ехали боевые пароходы — приземистые гусеничные чудовища Крымской войны. Туман приглушал тяжелое пыхтение моторов и слабое, мерное бряцание железных траков. Мэллори стоял, сжимая свою ношу, и смотрел на вереницу машин. Каждая из них тащила на прицепе зарядный ящик.

Укрытые брезентом пушки плотно облеплены солдатами, тускло поблескивает стальная щетина штыков. Десятка полтора боевых машин, а то и все два. Мэллори недоуменно протер слезящиеся от дыма глаза.

На Бромптон-Конкорс он увидел троицу в масках и шляпах, стремглав выбежавшую из разбитого дверного проема; к счастью, его самого

никто не трогал.

У ворот Дворца палеонтологии появилось заграждение, но эти баррикады никто не защищал. Было совсем не трудно проскользнуть мимо них, а затем, по скользким от тумана ступеням, к главному входу. Огромные двустворчатые двери Дворца были защищены мокрой парусиной, свешивавшейся с кирпичной арки до самого низа; от ткани резко пахло хлорной известью. За этой вонючей портьерой двери Дворца были слегка приоткрыты; Мэллори протиснулся внутрь.

В вестибюле и гостиной слуги укрывали мебель белыми муслиновыми чехлами. Другие, целая толпа, старательно подметали и мыли полы, обмахивали карнизы длинными метелками из перьев. Лондонские женщины и значительное число разнокалиберных детей, все — в стандартных фартуках дворцовых уборщиц, работали не покладая рук; виду них был возбужденный и озабоченный.

В конце концов Мэллори догадался, что это жены, дети и прочие родственники дворцовых служителей, пришедшие в поисках убежища и защиты сюда, к наиболее представительному, в их глазах, зданию. И кто-то, скорее всего — Келли, комендант здания, с помощью тех ученых, кто

еще остался во Дворце, приставил беженцев к делу.

Мэллори направился к столу дежурного, сгибаясь под тяжестью своей бумажной ноши. А ведь это, подумал он вдруг, наш рабочий класс. При всей скромности своего общественного положения каждый из них — британец до мозга костей. И эти люди не поддались страху, они инстинктивно встали на защиту своих научных учреждений, на защиту закона и собственности. Такой нацией можно гордиться! Мэллори воспрянул духом, осознав, что грозное безумие хаоса достигло предела, уперлось в непреодолимую преграду. В стихающем водовороте возникло ядро спонтанного порядка! Теперь все изменится и организуется — подобно тому, как муть, оседающая на дно лабораторной колбы, принимает правильную кристаллическую структуру.

Мэллори забросил ненавистную ношу за пустующую конторку дежурного. На дальнем ее конце судорожно отстукивал телеграф, змеилась на пол свежепробитая лента. Взглянув на это маленькое, но знаменательное чудо, Мэллори вздохнул, как ныряльщик, чья голова вышла наконец из-под воды.

Воздух Дворца насквозь пропитался дезин-

фицирующими средствами, но все-таки здесь можно было вздохнуть полной грудью; Мэллори снял грязную маску и запихнул ее в карман. Где-то в этом благословенном приюте можно найти еду. Тазик, мыло и серную присыпку от блох — проклятые твари совсем распоясались. Яйца. Ветчина. Вино для поднятия сил… Почтовые марки, прачки, чистильщики обуви — вся волшебная взаимосвязанная сеть цивилизации.

К Мэллори приближался незнакомец, британский офицер, субалтерн артиллерийских войск в элегантном мундире. Синий двубортный китель сверкал нашивками, медными пуговицами и золотом эполетов, на безукоризненно отглаженных брюках краснели узкие лампасы. Фуражку офицера украшал золотой галун, с белого лакированного ремня свисала кобура; великолепная осанка, гордо вскинутая голова, четкая армейская походка, вид решительный и целеустремленный. Мэллори торопливо выпрямился, болезненно ощущая, как ужасно выглядит его измятая, насквозь пропотевшая одежда рядом с этим образчиком армейского совершенства. В лице офицера было что-то знакомое.

— Брайан! — крикнул Мэллори. — Брайан, детка! Офицер вздрогнул и припустил бегом, как

самый обыкновенный деревенский мальчишка.

— Нед! Да это же и вправду ты! — воскликнул брат Мэллори; над короткой, по крымской моде, бородкой расцвела радостная улыбка. Мэллори протянул брату руку и болезненно сморщился, его пальцы словно попали в медвежий капкан.

Военная дисциплина и научная диета прибавили Брайану и дюймов, и фунтов. Шестой ребенок в семье, он зачастую казался робким тихоней, но теперь этот младший братик возвышался на добрых шесть футов четыре дюйма, а взгляд окруженных морщинками голубых глаз говорил о том, что он успел повидать мир.

— А мы все ждем тебя и ждем, — сказал Брайан.

В его мужественном уверенном голосе нет-нет да прорывались прежние интонации, отзвук тех далеких лет, когда шумная, вечно чего-то требующая орава мелюзги не давала своему старшему брату Неду ни сна, ни отдыха. Как ни странно, сейчас это напоминание о не слишком веселом прошлом вдохнуло в Мэллори новые силы. Смятение рассеялось, как дым, и он почувствовал себя сильнее, решительнее; появление юного Брайана вернуло ему самого себя.

— Ну как же здорово, что ты здесь! — счастливо

улыбнулся Мэллори.

— Здорово, что *ты* вернулся, — поправил его Брайан. — Мы слышали о пожаре в твоей комнате — а потом ты ушел и пропал, как в воду канул! Мы с Томом прямо не знали, что и думать!

— Так что, Том тоже тут?

— Мы оба приехали в Лондон в машине Тома, — объяснил Брайан и тут же сник. — У нас ужасные новости, Нед, и обиняками ничего не выйдет, придется сказать тебе напрямую.

— В чем дело? — спросил Мэллори, готовясь к самому худшему. — Это… это отец?

— Нет, Нед. С отцом все в порядке, то есть как обычно, не хуже, не лучше. Дело в бедняжке Маделайн!

— Только не это, — застонал Мэллори. — Что с ней?

— Ну… Тут все дело в моем приятеле, Джерри Ролингзе, — смущенно пробормотал Брайан. — Джерри вел себя очень порядочно, он только о Маделайн и говорил, никогда, ну, не гулял на сторону. Но потом он получил это *письмо*, Нед, такое жуткое и грязное! Оно его совсем убило.

— Да не тяни ты, Христа ради! Какое еще письмо?

— Ну, оно было подписано не именем, а просто:

«Тот, кто знает». Но этот, который его послал, вправду знает о нас буквально все — о семье, я хочу сказать, все наши мельчайшие дела, и вот он написал, что Маделайн была… ну… нецеломудренная. Только более грубыми словами.

Мэллори почувствовал, как его захлестывает жаркая волна гнева.

— Понимаю, — выдавил он тихим, придушенным голосом. — Продолжай.

— Ну, как ты можешь догадаться, их помолвка расторгнута. Бедная Маделайн, она впала в такую меланхолию, что ты и представить себе не можешь. Поначалу вообще хотела руки на себя наложить, а теперь забросила все дела, только сидит на кухне и ревет в три ручья.

Мэллори молчал, все это просто не укладывалось в голове.

— Меня тут долго не было. Индия, потом Крым. — Брайан говорил еле слышно, запинаясь на каждом слове. — Я не знаю обстановку. Скажи мне правду — ты ведь не думаешь, что в этой сплетне что-то есть? Ведь не думаешь?

— Что? Наша Маделайн? Господи, Брайан, да она же из рода Мэллори! — Мэллори с грохотом опустил кулак на конторку. — Нет, все это грязная клевета. Подлые нападки на честь нашей семьи!

— Как… но кто… зачем?..

— Я знаю, почему… И знаю, какой негодяй это сделал.

Глаза Брайана расширились.

— Знаешь?

— Да. Это тот же человек, который устроил мне пожар. И я знаю, где он сейчас прячется! Брайан потрясенно молчал.

— Он ненавидит меня, хочет меня уничтожить. — Мэллори старался не сказать лишнего. — Это связано с одной темной историей. С делом государственной важности. Я теперь обладаю некоторым весом, Брайан; и я открыл такой секрет, такой тайный заговор, честный солдат, вроде тебя, может и не поверить!..

— Я видел в Индии изощренные языческие жестокости, от которых мутило самых крепких мужчин, — покачал головой Брайан. — Но знать, что подобное творится у нас в Англии, — это невыносимо! — Брайан подергал себя за бороду — жест, показавшийся Мэллори до странности знакомым. — Я знал, что нужно идти прямо к тебе, Нед. Ты всегда все понимаешь. Ну, так что же? Как нам быть с этим кошмаром? Мы можем что-нибудь сделать?

— Этот твой пистолет — он в рабочем состоя-

ний? Глаза Брайана вспыхнули.

— По правде говоря, это не табельное оружие. Трофейный, я его с русского офицера снял… — Он начал расстегивать кобуру.

Мэллори опасливо оглянулся и покачал головой.

— Ты не побоишься использовать его при необходимости?

— *Побоюсь?* — переспросил Брайан. — Не будь ты штатским, Нед, я бы воспринял этот вопрос как оскорбление.

Мэллори молчал.

— Это ведь ради семьи, верно? — Брайан явно сожалел о своей нечаянной резкости. — Как раз за это мы и воевали с русскими — за спокойствие тех, кто остался дома.

— Где Томас?

— Он обедает в… ну, я тебе покажу.

Брайан повел брата в гостиную Дворца. Академические владения были переполнены шумными, хриплоголосыми обедающими — по большей части, из рабочих, — которые жадно сметали с дворцового фарфора плебейскую вареную картошку. Том Мэллори, принарядившийся в короткую полотняную куртку и клетчатые брюки, скучал над остатками жареной рыбы и недопи-

тым стаканом лимонада.

Рядом с ним сидел Эбенезер Фрейзер.

— Нед! — воскликнул Том. — Я же знал, что ты придешь! — Он вскочил и придвинул еще один стул. — Присаживайся к нам, присаживайся! Нас угощает твой друг, мистер Фрейзер.

— Ну и как оно, доктор Мэллори? — мрачно осведомился Фрейзер.

— Немного устал, — неопределенно ответил Мэллори, — но вот подкреплюсь, глотну хаклбаффа, и все придет в норму. А как вы, Фрейзер? Надеюсь, вполне оправились? — Он понизил голос: — И что вы тут понарассказывалй моим несчастным братьям?

Фрейзер гордо промолчал.

— Сержант Фрейзер — лондонский полицейский, — пояснил Мэллори. — А точнее — рыцарь плаща и кинжала.

— Правда? — встревожился Том.

К столу пробрался официант — настоящий, из постоянного персонала; виду него был задерганный и виноватый.

— Извините, доктор Мэллори, но запасы Дворца несколько истощились. Я бы посоветовал вам заказать рыбу с жареной картошкой — если, конечно же, вы не возражаете.

— Прекрасно. И не могли бы вы смешать мне хакл-бафф… Ладно, забудем. Принесите тогда кофе. Черный и покрепче.

— Ночью вы, похоже, не скучали, — заметил Фрейзер, когда официант отошел достаточно далеко.

Теперь Том и Брайан смотрели на полицейского с плохо скрываемой неприязнью.

— Я узнал, что тот тип с ипподрома — капитан Свинг — скрывается в Вест-Индских доках, — сказал Мэллори. — Он пытается организовать настоящий мятеж.

Рот Фрейзера плотно сжался.

— У него есть машинный типографский станок и сообщники из всякой швали. Он печатает сотни подстрекательских прокламаций. Я конфисковал сегодня утром несколько образчиков — непристойная, клеветническая луддитская мерзость!

— Я же говорю, что вы не скучали.

— Скоро дел у меня будет еще больше, — фыркнул Мэллори. — Я хочу поймать этого мерзавца, покончить с его гнусными происками раз и навсегда!

— Та к что, этот самый «капитан Свинг» и написал эту гадость про нашу Мадди, да? — подался вперед Брайан.

— Да.

— Вест-Индские доки? — Том буквально подпрыгивал от возбуждения. — А где это — Вест-Индские доки?

— В Лаймхаус-Рич, на другом конце Лондона, — вздохнул Фрейзер.

— Ерунда, — успокоил его Том. — Я же на «Зефире»!

— Ты взял гоночную машину Братства? — поразился Мэллори.

— Да нет, — отмахнулся Том, — не ту древнюю тарахтелку, а последнюю модель! Эта новая, с иголочки, красавица стоит сейчас в стойле вашего Дворца. Докатила из Сассекса за одно утро, и шла бы еще быстрей, если бы не тендер. — Он рассмеялся. — Мы можем ехать, куда захотим.

— Не забывайтесь, джентльмены, — негромко произнес Фрейзер.

Все примолкли; официант поставил на стол тарелку и тут же удалился. От вида жареной камбалы с картошкой голодный желудок Мэллори сжался в тугой болезненный комок.

— Мы — свободные британские граждане, — решительно заявил Мэллори, — и можем делать все, что нам хочется. — Затем он взял вилку и с не меньшей решительностью набросился на еду.

— Лично я считаю это полной глупостью, — сказал Фрейзер. — Улицы полны мятежного сброда, а нужный вам человек хитер, как лиса.

Мэллори иронически хмыкнул.

— Доктор Мэллори, — непреклонно продолжил Фрейзер, — мне поручили вас охранять. Мы не можем допустить, чтобы вы разворошили осиное гнездо в самой кошмарной из лондонских трущоб!

— Вы же знаете, что он хочет меня уничтожить. — Мэллори глотнул горячего кофе и поглядел на Фрейзера в упор. — Если я не прикончу его сейчас, пока есть такая возможность, мало-помалу он расклюет меня на куски, как стервятник — дохлую лошадь. И ни хрена вы меня не защитите. Этот человек — не такой, как мы с вами, Фрейзер! Для него нет ничего запретного.

Ставкой здесь — жизнь или смерть. Или он, или я! И вы сами знаете, что это так.

Доводы Мэллори, его горячность заметно смутили Фрейзера; Том и Брайан, впервые осознавшие масштаб обрушившейся на них беды, растерянно переглянулись, а затем гневно воззрились на инспектора.

— Не будем спешить, — неуверенно начал Фрейзер. — Как только рассеется туман и восста-

новится порядок…

— Капитан Свинг таится в тумане, который никогда не рассеивается, — оборвал его Мэллори.

— Я не *вижу смысла* в этом разговоре, мистер Фрейзер! — взмахнул рукой Брайан. — Вы преднамеренно *обманули* моего брата Томаса и меня! Я не могу доверять никаким вашим советам.

— Брайан прав! — Том смотрел на Фрейзера со смесью презрения и удивления. — Этот человек объявил себя твоим другом, Нед, и мы говорили с ним о тебе совершенно свободно, ничего не скрывая! А вот теперь он вознамерился нами командовать! — Том потряс тяжелым кулаком. — Я намерен проучить этого капитана Свинга! И если начать придется с вас, мистер Фрейзер, то я готов!

— Тише, ребята, тише, — осадил братьев Мэллори, неторопливо вытирая рот салфеткой. На них уже начинали оборачиваться. — Фортуна нам благоприятствует, мистер Фрейзер, — добавил он, повернувшись к инспектору. — Я обзавелся револьвером. И Брайан тоже вооружен.

— Господи помилуй, — безнадежно вздохнул Фрейзер.

— Я не боюсь Свинга, — продолжал Мэллори. — Помните, я уже уложил его однажды? Лицом к

лицу он просто жалкий щенок.

— Он — в доках, Мэллори, — возразил Фрейзер. — Вы всерьез надеетесь провальсировать через толпы бунтовщиков в самом опасном районе Лондона?

— Мои братья не какие-нибудь грошовые пижоны из танцевальной академии, да и я — тоже, — усмехнулся Мэллори. — Или, по-вашему, лондонская голытьба опаснее вайомингских дикарей?

— В общем-то, да, — медленно проговорил Фрейзер. — *Значительно* опаснее, уж я-то эту публику знаю.

— Господи, Фрейзер! Не тратьте нашего времени на подобную ерунду! Мы должны дать решительный бой этому скользкому фантому, а лучшей возможности нам никогда не представится. Во имя разума и справедливости, оставьте свой бесполезный скулеж!

— Ну а если, — вздохнул Фрейзер, — этот отважный поход заведет вас в хитро расставленную ловушку и вы погибнете, как ваш коллега Радвик? Что тогда? Что я скажу своему руководству?

— У вас была когда-нибудь младшая сестра, мистер Фрейзер? — вмешался Брайан. — Вам приходилось когда-нибудь смотреть, как счастье

девочки разбивается вдребезги, словно фарфоровая чашка под пятой чудовища? А вместе с ее сердцем и сердце крымского героя, честно намеревавшегося повести ее под венец…

— Хватит! — страдальчески застонал Фрейзер. Брайан обиженно смолк и откинулся на спинку стула.

Фрейзер разгладил лацканы своего сюртука.

— Похоже, сама судьба велит нам идти на риск, — признал он, криво пожав плечами и слегка поморщившись. — С того самого момента, как я встретил вас, доктор Мэллори, у меня пошла сплошная полоса неудач. Пора бы ей и кончиться. — Внезапно его глаза блеснули. — Кто сказал, что мы не сможем схватить негодяя! Арестовать его! Он умен, но четыре храбрых человека могут застать этого паскудного мерзавца врасплох, когда он самозабвенно пыжится, выставляя себя этаким якобинским вожаком.

Лицо Фрейзера исказилось неподдельным гневом; выглядело это страшновато.

— Удача сопутствует смелым, — вставил Брайан.

— А Господь заботится о дураках, — пробормотал Фрейзер. Он напряженно подался вперед, поддернув штанины на костлявых коленях. — Это

серьезное дело, джентльмены! Нам предстоит не увеселительная прогулка, а тяжелая и опасная работа! Мы возьмем закон, наши жизни и самое нашу честь в свои собственные руки [108], и если уж браться за это дело, то лишь при условии строжайшей секретности.

Мэллори почувствовал, что нужно закрепить близкую победу.

— Мои братья и я уважаем ваши особые знания, сержант Фрейзер! — (Ну и пройдоха же ты, Нед. И откуда что берется?) — Если вы поведете нас к торжеству справедливости, мы охотно поставим себя в ваше распоряжение. Вам ни минуты не следует сомневаться ни в нашем благоразумии, ни в нашей решимости. На карту поставлена святая честь нашей любимой сестры.

Столь резкая смена курса застала Тома и Брайана врасплох, поскольку они все еще не доверяли Фрейзеру, однако им хватило сообразительности понять хитрость старшего брата и с жаром его поддержать.

— Я не был треплом и не буду! — заявил Том. —

---

[108] Примечания: 108

Мы возьмем закон, наши жизни и самое нашу честь в свои собственные руки… — Пассаж не очень вразумительный, но зато крайне напоминает последнюю фразу Декларации независимости США, насчет «нашу жизнь, наше имущество и нашу святую честь». (Также см. далее о «святой чести нашей любимой сестры».)

До самой могилы!

— Хочется думать, что честное слово британского солдата все еще имеет цену, — отчеканил Брайан.

— И все-таки это авантюра, — обреченно вздохнул Фрейзер.

— Я должен развести пары у «Зефира», — сказал Том, вставая. — Котел холодный, так что на разогрев уйдет полчаса.

Мэллори кивнул. Нужно использовать это время с толком.

* * *

Вымытый, причесанный и присыпанный в интимных местах блошиным порошком, Мэллори пытался разместиться понадежнее на брезенте, прикрывавшем уголь в прицепном деревянном тендере «Зефира». В каплевидной, с тонкими стенками, кабине маленькой машины было всего два места, их заняли Том и Фрейзер. Сейчас эти специалисты по лондонской географии спорили над картой. Брайан уже вытоптал себе в тендере некое подобие гнезда и растянулся поверх невысокой груды угля.

— Очень уж много приходится шуровать лопатой на этих теперешних машинах, — стоически

улыбнулся он присевшему рядом брату. — Том прямо сдвинулся на своем драгоценном «Зефире»; все уши мне прожужжал по дороге в Лондон.

Машина дернулась и покатила, мерно заскрипели деревянные, на резиновых шинах колеса тендера. Новый «Зефир» мчался по опустевшей Кенсингтон-роуд с поразительной скоростью. Брайан стряхнул с рукава крохотный пылающий уголек, вылетевший из дымовой трубы.

— Возьми маску, — сказал Мэллори, предлагая брату одну из импровизированных дыхательных масок, сшитых дамами во Дворце, — аккуратный квадратик грубой бумажной материи, набитый дешевой конфедератской ватой, простеганный и снабженный завязками.

В ушах свистел воздух; Брайан принюхался.

— Не так уж и страшно.

Мэллори тщательно завязал на затылке ленточки своей маски.

— Все равно миазмы скажутся на здоровье, не сейчас, так потом.

— Ты бы поплавал на вонючем армейском транспорте, — отозвался Брайан. В отсутствие Фрейзера он заметно расслабился, через блестящую армейскую оболочку проступил обыкновенный сассексский парень. — Дым, угар, ребят

укачивает, кто не успел добежать до борта — блюет прямо на палубу! Мы тащились из Бомбея через этот новый французский канал — Суэцкий, значит. Несколько недель на этом долбаном транспорте! Из гнилой египетской жары — прямо в крымскую зиму! Меня не взяли ни малярия, ни перемежающаяся лихорадка — так стоит ли волноваться из-за какого-то там лондонского туманчика. — Брайан негромко рассмеялся.

— Я часто думал о тебе в Канаде, — сказал Мэллори. — Ты завербовался на пять лет, а тут вдруг война! Но я знал, что мы будем тобой гордиться. Я знал, что ты исполнишь свой долг.

— Мы, Мэллори, теперь по всему миру, Нед, — философски отозвался Брайан. Голос его звучал грубовато, но бородатое лицо порозовело от похвалы старшего брата. — Где-то сейчас наш Майкл, старый добрый Мики?

— Да кто же их, моряков, знает, — пожал плечами Мэллори, — думаю, в Гонконге. Он наверняка был бы сегодня с нами, если бы его корабль занесло в английский порт. Майкл никогда не боялся хорошей драки.

— Я уже видел Эрнестину и Агату, — сказал Брайан. — И их малышей.

Он ни словом не упомянул Дороти. О ней в

семье старались не говорить.

Впереди показался очередной дворец науки. Брайан перевернулся с боку на бок, чтобы получше рассмотреть его зубцы и шпили, а затем хмуро сказал:

— Не люблю я драться на улицах. Это было единственное место, где русские положили много наших — на улицах Одессы. Перебегали от дома к дому, стреляли с крыш, из-за каждого угла, ну словно бандиты какие. Так цивилизованные люди не воюют.

— А почему они не закрепились на каком-нибудь рубеже, не дали вам честный бой?

Брайан взглянул на брата с удивлением, а затем невесело рассмеялся.

— Ну, по первости они пробовали — при Альме и Инкермане. Но мы им так врезали, что не скоро забудут. Бежали, как наскипидаренные. Тут отчасти и моя заслуга. Королевская артиллерия, Нед.

— Ну-ка расскажи, — заинтересовался Мэллори.

— Мы — самый научный изо всех родов войск. Военные радикалы, они прямо обожают артиллерию. — Брайан лизнул палец и смахнул с рукава очередную искру. — Особая военная наука! Задумчивые очкарики со сплошными цифрами в

голове. Никогда не видели обнаженной сабли или штыка. Для победы в современной войне ничего такого и не нужно. Тут все дело в траекториях и дистанционных трубках.

Он настороженно наблюдал, как по улице крадутся двое мужчин в широких плащах.

— Русские старались как могли. Вспомнить только Редан и Севастополь, какие там были мощные редуты. А под огнем тяжелой артиллерии они разлетелись в клочья. Тогда русские отступили и засели в окопах, но шрапнель наших многоствольных мортир накрывала их сверху. — Глаза Брайана затуманились, он весь ушел в воспоминания. — Это нужно было видеть, Нед. Фонтаны земли и белого, как вата, дыма, встающие вдоль линии обстрела через равные промежутки, как деревья в фруктовом саду. Каждый снаряд ложился точно на свое место. А после артподготовки наша пехота — в основном французские союзники, английской пехоты там почти не было — форсировала заграждения и добила бедных иванов из автоматов.

— Газеты писали, что русские вояки нисколько не уважают законов воинской чести.

— Сообразив наконец, что им и близко к нам не подойти, эти ребята совсем озверели, — кивнул

Брайан. — Перешли к партизанским действиям, устраивали засады, стреляли по белым флагам и все такое. Грязная война, бесчестная. Мы не могли с этим мириться. Пришлось принять меры.

— Во всяком случае, все кончилось быстро, — вставил Мэллори. — Никто не любит войны, но нужно же было преподать царю Николаю урок. Не думаю, чтобы этот тиран рискнул еще раз дернуть льва за хвост.

Брайан кивнул.

— Просто поразительно, на что способны новые зажигательные снаряды. Их можно класть по квадратам, точность как в аптеке. — Его голос упал. — Ты бы посмотрел, как горела Одесса. Это было как огненный ураган. Всесметающий ураган…

— Да, я об этом читал, — кивнул Мэллори. — При осаде Филадельфии тоже была «огненная буря». Очень интересное явление.

— Да уж, — мрачно усмехнулся Брайан, — куда интереснее. Эти янки, они ведь ровно ничего не понимают в военном деле. Это ж какую нужно иметь голову, чтобы делать такое со своими городами!

— Странный они народ, — согласился Мэллори.

— Некоторые народы слишком глупы, чтобы управлять собой сами, это точный факт. — Брайан настороженно огляделся по сторонам; Том как раз вел «Зефир» мимо тлеющих останков паробуса. — А тебе-то они как, понравились, янки эти?

— Я не имел дела с американцами, только с индейцами. — (И о делах этих лучше помалкивать, добавил про себя Мэллори.) — А кстати, что ты думаешь об Индии?

— Ужасная страна, — с готовностью отозвался Брайан. — Ужасная при всех своих чудесах, а чудес там этих столько, что плюнуть некуда, и одно чудеснее другого. В Азии только один народ имеет какие-то начатки здравого смысла — японцы.

— Ты же вроде принимал участие в Индийской кампании, — сказал Мэллори. — А я вот так и не разобрался, кто такие эти сипаи.

— Сипаи — это туземные войска. У нас там были крупные неприятности с мятежниками, всякая мусульманская чушь из-за свиного жира на винтовочных патронах! Чистейшая туземная глупость, но они, видите ли, не едят свинины, а к тому же — крайне суеверны. Паршивая была ситуация, счастье еще, вице-король Индии не дал туземным полкам современной артиллерии. Одна батарея многоствольных мортир Уолзли

способна за пять минут отправить на тот свет целый бенгальский полк в полном боевом составе. — Брайан немного помолчал, а затем пожал плечами. — За время мятежа я насмотрелся всякого варварства, и в Мератхе и в Лакхнау… Трудно поверить, что человек способен на такие жестокости. И ведь все это делали наши собственные туземные войска, солдаты, которых мы обучали и пытались воспитывать.

— Фанатики, — кивнул Мэллори. — Однако простые индийцы, разумеется, должны быть благодарны нам за разумное управление. За железные дороги, телеграф, акведуки и все такое.

— Ну, — протянул Брайан, — когда видишь какого-нибудь факира, сидящего в храмовой нише, голого, грязного, вонючего и с цветочком в волосах — ну откуда тебе знать, что там творится в его свихнутом набалдашнике? — Он умолк, а затем вдруг резко ткнул пальцем через плечо Мэллори. — Вон там… Что они там делают, эти мерзавцы?

Мэллори обернулся. На поперечной улице возле самого перекрестка раскинулось большое кольцо игроков.

— Кости кидают, — объяснил он брату.

Под навесом разгромленного магазина гнусно-

го вида оборванцы по очереди прикладывались к бутылке. Один из них, жирный и всклокоченный, сделал вслед «Зефиру» непристойный жест, дружки поддержали его нестройными угрожающими воплями.

Брайан упал на брезент ничком, а затем осторожно поднял голову над деревянным бортом тендера.

— Они вооружены?

— А какая разница, — пожал плечами Мэллори. — Нас же никто не трогает.

— Они за нами гонятся, — объявил Брайан.

Мэллори удивленно взглянул на брата, но тут же к немалому своему изумлению обнаружил, что Брайан совершенно прав. Оборванцы преследовали «Зефир», они неслись по пустынной улице, потрясая кулаками и расплескивая из бутылки остатки джина. Деревенские собаки, считающие своим долгом облаять каждую проезжающую телегу, — вот кого напоминал этот озлобленный, дико вопящий сброд. Брайан привстал на колено, расстегнул кобуру, положил руку на рукоятку странного, необычно большого пистолета…

И чуть не вылетел на мостовую, когда Томас резко прибавил скорость. Мэллори схватил брата

за ремень, втащил его назад и бросил на брезентовое ложе, жесткое, но безопасное. Вот так и с тобою было бы, думал он, слыша, как стучит по мостовой уголь, просыпавшийся при рывке. Оборванцы прекратили бесполезную погоню и даже перестали кричать; они нагибались, поднимали куски угля и тупо их рассматривали.

— Откуда ты знал, что они собираются напасть? — спросил Мэллори.

Брайан вынул носовой платок и начал отряхивать с коленей угольную пыль.

— Просто знал.

— Но почему они так?

— Наверное, потому, что мы тут, а они — там. Потому, что мы едем, а они идут пешком! — Брайан явно недоумевал, ну как же можно не понимать таких простых вещей!

Мэллори отвел взгляд и сел.

— Возьми маску, — мягко сказал он, протягивая брату матерчатый квадрат. — Для тебя же брал.

Брайан застенчиво улыбнулся и начал возиться с завязками.

На всех перекрестках Пикадилли маячили фигуры в пятнистом обмундировании, тускло поблескивала сталь примкнутых штыков. Некоторые сидели, поставив на колени жестяные

котелки, и завтракали положенной по рациону овсянкой. При первой встрече с патрулем Мэллори приветственно помахал рукой, однако отважные защитники отечества смотрели на проносящуюся мимо машину с таким агрессивным недоверием, что больше он этого эксперимента не повторял. Чуть подальше, на углу Лонгакр-стрит и Друри-лейн, солдаты активно учили уму-разуму небольшой отряд растерянных лондонских полицейских. Полицейские бестолково суетились со своими ни на что не годными дубинками. Некоторые успели лишиться шлемов, у многих были забинтованы руки и головы.

Том остановил «Зефир», чтобы подбросить в топку уголь, тем временем Фрейзер и Мэллори пошли наводить справки. По сведениям битых лондонских фараонов, ситуация к югу от реки полностью вышла из-под контроля. По всему Ламбету бушевали схватки; главным оружием пролетариата были булыжники и кирпичи, но слышалась и стрельба. Многие улицы были перекрыты баррикадами. По сводкам, кто-то открыл ворота Бедлама и выпустил сумасшедших на свободу.

Грязные, как трубочисты, полицейские непрерывно кашляли и валились с ног от усталости.

Всех их подняли по тревоге и бросили патрулировать улицы, затем Комитет по чрезвычайному положению ввел в столицу войска и объявил комендантский час. В Вест-Энде создаются отряды самообороны, добровольцев — из приличной, конечно же, публики — вооружают не только дубинками, но и винтовками. Нет худа без добра, думал Мэллори, слушая это горестное повествование. Уж теперь-то не приходится сомневаться в законности и уместности похода в Вест-Индские доки. Фрейзер молча повернулся и зашагал к «Зефиру», на его лице застыло выражение мрачной решимости.

Том поехал дальше. За не очень определенной границей территории, охраняемой силами правопорядка, обстановка начала быстро меняться к худшему. День близился к полудню, с грязного, как вода в сточной канаве, неба светило болезненное тускло-оранжевое пятнышко. Помоечными мухами роились на перекрестках люди; любопытные и озабоченные, голодные и отчаявшиеся, они толклись безо всякой видимой цели, однако в воздухе отчетливо ощущался грозовой запах зреющего мятежа. Веселые гудки «Зефира» прорезали аморфную толпу; люди по привычке расступались.

По Чипсайду раскатывала пара невесть откуда взявшихся паробусов, битком набитых мрачными громилами. Из разбитых окон громоздких, пьяно виляющих машин торчали винтовочные стволы, на подножках висели размахивающие пистолетами люди, крыши щетинились ножками краденой мебели. Огибая неожиданное препятствие, Томас выехал на тротуар; под колесами «Зефира» захрустело стекло.

В Уайтчепеле грязные босые дети облепили крашенную суриком стрелу подъемного крана, висевшую на высоте четвертого этажа.

— Соглядатаи, — прокомментировал Брайан, заметив, что некоторые мальчишки размахивают разноцветными тряпками и что-то кричат оставшимся на мостовой.

— Вряд ли, — пожал плечами Мэллори, — просто наверху воздух получше.

В Степни Тому пришлось объезжать четыре вздувшихся лошадиных трупа. Грузных першеронов пристрелили и оставили валяться на мостовой, не распрягая, только обрезали постромки. Чуть подальше обнаружилась подвода без колес, окруженная дюжиной больших — и безнадежно пустых — пивных бочек; над липкими вонючими лужами густо роились мухи. От весе-

лья, царившего здесь совсем недавно, остались только разбитые кувшины, грязные лохмотья женской одежды и непарные башмаки.

Все стены вокруг были залеплены проказными струпьями плакатов; Мэллори швырнул в крышу кабины куском угля, и «Зефир» остановился.

Первым вышел из машины Том; за ним, разминая затекшие плечи и стараясь не потревожить рану, последовал Фрейзер.

— В чем дело?

— Подстрекательство, — коротко бросил Мэллори.

Настороженно оглядываясь, они подошли к стене. Ее участок был заклеен во столько слоев, что стена казалась сделанной из сырной корки. Имелись здесь и шедевры капитана Свинга — те же самые аляповатые, скверно напечатанные прокламации. Крылатая, с пылающими волосами, женщина гордо возвышалась над двумя столбцами подслеповатого текста. Некоторые слова — похоже, совершенно произвольные — были выделены красным; смазанные, перекошенные буквы почти не поддавались расшифровке. Через несколько секунд Том пожал плечами и фыркнул.

— Пойду-ка я лучше присмотрю за машиной.

— «ВОЗЗВАНИЕ К ЛЮДЯМ! — прочел, запинаясь, Брайан. — Вы все — свободные хозяева земли. ОТВАГА принесет вам победу в битве с Вавилон-донской блудницей и всем ее ученым ворьем. Кровь! Кровь! Отмщение! Отмщение! Отмщение! Мор, гибельный мор et cetera на всех, кто не внемлет голосу высшей справедливости! БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! Довольно стоять на коленях перед кровососами-капиталистами и их идиотской наукой! Пусть рабы коронованных разбойников пресмыкаются у ног Ньютона. МЫ разрушим Молох Пара и разобьем его оковы! Вздерните на фонари сотню-другую тиранов, и ваши счастье и свобода гарантированы вам навечно! Вперед! Вперед!!! Мы уповаем на Людской Потоп, всеобщая война — единственное наше спасение! Мы поднимаемся на бой за СВОБОДУ нищих и угнетенных, мятежных и непокорных, за всех ИЗМУЧЕННЫХ семижды проклятой Блудницей, чья плоть — адская сера, чей конь — из стали, и имя ему — Ужас…»

И так далее.

— Господи! Да что же, собственно, хочет он всем этим *сказать!* — спросил Мэллори; в голове у него гудело.

— В жизни ничего подобного не видел, —

пробормотал Фрейзер. — Это же просто бред буйнопомешанного преступника!

— Я вот не понимаю насчет этих «семи проклятий». — Брайан указал на нижнюю строчку плаката. — Он расписывает какие-то страсти, но ни разу не объясняет, что же это такое…

— Чего он добивается? — спросил Мэллори. — Не считает же он, что всеобщая резня поможет его бедам, какие уж там они есть…

— Спорить с этим чудовищем совершенно бессмысленно, — мрачно сказал Фрейзер. — Вы были правы, доктор Мэллори. Будь что будет — мы должны от него избавиться! Другого выхода нет!

Они вернулись к «Зефиру», где Том как раз кончил заправлять топку. Мэллори поглядел на братьев, их воспаленные глаза горели суровым мужеством и непреклонной решимостью. Фрейзер высказался за всех; они были спаяны единством цели, надобность в словах отпала. Убогую безнадежность гибнущего в собственных своих испражнениях Лондона озарил свет истинного величия. Впервые за многие дни — века — Мэллори почувствовал себя целеустремленным, очищенным от всякой скверны, свободным от всех сомнений.

По мере того как «Зефир» катил по Уайтчепе-

лу, радостное возбуждение начало понемногу спадать, сменяясь тревожным предвкушением грядущих событий. Мэллори поправил маску, проверил механизм «баллестермолины», перекинулся парой слов с Брайаном. Теперь, когда все сомнения остались позади, когда жизнь и смерть ожидали остановки катящейся игральной кости, говорить было практически не о чем. Если прежде Мэллори иронизировал над тем, как Брайан с нервозным тщанием осматривает проплывающие мимо дверные и оконные проемы, сейчас он поймал себя на том же самом.

Создавалось впечатление, что каждая стена в Лайм-хаусе осквернена словоизвержениями этого мерзавца. Некоторые прокламации были откровенно безумны, однако многие другие хитро маскировались под что-нибудь безобидное. Мэллори насчитал пять лекционных афиш с клеветой на себя. Не исключено, что какие-то из них были подлинными, поскольку текста он не читал. Вид собственного имени болезненно царапал по нервам.

И он был далеко не единственной жертвой подобных подделок. Рекламный плакат Английского банка призывал делать вклады в фунтах человеческого мяса. Приглашение к железнодо-

рожным экскурсиям в вагонах первого класса подстрекало публику грабить богатых пассажиров. Дьявольская издевка этих обманных листков не проходила даром; после них и в самой обыкновенной рекламе начинало мерещиться что-то не то. Мэллори выискивал в объявлениях скрытые двусмысленности, и каждое печатное слово превращалось в тревожный, угрожающий бред; он никогда раньше не осознавал, сколь вездесуща лондонская реклама, ее назойливые слова и образы.

«Зефир» весело и беспрепятственно громыхал по асфальту, на Мэллори же тем временем накатила невыразимая душевная усталость. Это была усталость самого Лондона, его физической реальности, его кошмарной бесконечности, его улиц и дворов, проулков и террас, одетого в туманный саван камня и закопченного кирпича. Тошнотворность навесов над витринами, мерзость оконных переплетов, уродство связанных канатами лесов; ужасающее изобилие чугунных фонарей и ломбардов, галантерейных и табачных лавок. Город казался безжалостной бездной каких-то неведомых геологических времен.

Его раздумья прервал дикий угрожающий вопль; на середину улицы выбежали трое обо-

рванцев в масках. «Зефир» резко затормозил, тендер занесло вправо.

Подонки — вот, пожалуй, единственное слово, подходящее для описания этой компании. Долговязый юнец, на чьей бледной, словно вылепленной из грязного теста физиономии угадывались все вообразимые и невообразимые пороки, был одет в засаленную куртку и вельветовые брюки; облезлую, неизвестно на какой помойке подобранную меховую шапку он натянул чуть не до бровей — в явной, хоть и безуспешной попытке скрыть тюремную стрижку. Второй, здоровенный громила лет тридцати пяти, щеголял клетчатыми брюками и заскорузлым, насквозь пропотевшим цилиндром, носки его высоких ботинок были окованы медью. Третьим был кривоногий, плотно сложенный хмырь в кожаных бриджах, грязных гетрах и еще более грязном шарфе, намотанном на нижнюю половину лица.

Секундой позже из разгромленной скобяной лавки выбежали еще двое — расхлюстанные молокососы в рубашках с короткими широкими рукавами и в чрезмерно узких брюках. Они вооружились подручными средствами — массивными щипцами для завивки волос и чугунной сковородкой с ручкой длиною в добрый ярд; в

руках готовых на все бандитов эти безобидные, даже уютные предметы выглядели весьма угрожающе.

Громила в цилиндре, судя по всему — главарь, стянул с лица платок и злобно оскалил желтые зубы.

— А ну, вылезайте из своей таратайки! — скомандовал он. — Живо!

Но Фрейзер и сам уже вышел из машины. Он встал перед пятью беснующимися головорезами, словно учитель, наводящий порядок в классе.

— А вот это уже лишнее, мистер Толли Томпсон! — объявил он очень ясно и твердо. — Я вас знаю, да и *вы*знаете, кто я такой. Вы арестованы за уголовное преступление.

— Вот же мать твою! — ошалело пробормотал Толли Томпсон.

— Это мистер Фрейзер! — испуганно попятился тестолицый мальчишка.

Фрейзер вынул из кармана вороненые наручники.

— Нет! — взвыл Томпсон. — Только не это! Я не хочу! Я ненавижу эти штуки! Я не дамся!

— А вы, остальные, уйдите с дороги, — приказал Фрейзер. — Вы меня слышите? А ты, Боб Майлз, — добавил он, — чего это ты заходишь сбоку? Брось

свою идиотскую железку, а то ведь дождешься, я и тебя арестую.

— Господи, Толли, да пристрели ты его на хрен! — крикнул кривоногий.

На запястьях Толли Томпсона защелкнулись наручники.

— Так что же, Толли, получается, у тебя есть ствол? — Фрейзер выдернул из-за широкого, разукрашенного медными заклепками ремня своего пленника дерринджер. — Напрасно ты это, совершенно напрасно. Ну так что, ребята, — он сурово глянул на остальных бандитов, — вы намерены мотать отсюда или как?

— Сваливаем! — взвизгнул Боб Майлз. — Сержант сказал нам сваливать!

— Да пришейте вы его, придурки несчастные! — крикнул кривоногий, вытаскивая короткий широкий нож. — Он же коп, долбаный *коп*, их всех мочить надо! А не то Свинг вас самих замочит! Копы, здесь копы! — выкрикнул он голосом торговца жареными каштанами. — Все сюда, замочим этих долбаных фараонов!

Фрейзер ударил рукоятью дерринджера по запястью кривоногого; тот взвыл и выронил нож.

Остальные трое тут же бросились врассыпную. Толли Томпсон тоже сделал попытку бежать, но

Фрейзер левой рукой дернул за цепь наручников и бросил его на колени.

Кривоногий отпрыгнул на несколько шагов, а затем подобрал с асфальта тяжелый утюг и широко замахнулся.

Броска не получилось — Фрейзер вскинул дерринджер и выстрелил. Колени кривоногого подломились, он сложился пополам и рухнул на мостовую.

— Он меня убил! — жалобно завопил бандит. — В кишки, прямо в кишки! Он меня убил!

Фрейзер отвесил Толли Томпсону назидательную оплеуху.

— Твоей пушкой только гвозди забивать. Целишься в ноги, а выходит вот что.

— Он же не делал ничего плохого! — захныкал Толли.

— У него был пятифунтовый утюг. — Фрейзер оглянулся на Мэллори и Брайана, наблюдавших за всей этой сценой с высоты тендера. — Спускайтесь, ребята, все сильно меняется. Теперь машину будут искать, так что придется ее бросить и идти дальше пешком.

Безжалостно дернув за наручники, он поднял Толли Томпсона на ноги.

— А ты, Толли, ты отведешь нас к капитану

Свингу.

— Я не могу!

— Можешь, Толли, еще как можешь. — Фрейзер снова оглянулся на Мэллори и потащил Толли вперед.

Вокруг раненого бандита медленно расползалась лужа крови; он катался по мостовой, судорожно сучил кривыми ногами и еле слышно повизгивал.

— А ведь сдохнет, — холодно сказал Фрейзер. — Точно сдохнет. Кто это, Толли?

— В жизни не знал его имени.

— Знаешь, все ты прекрасно знаешь. Не останавливаясь, Фрейзер сбил с головы Толли цилиндр.

— Его знаю, а как звать его не знаю! — Толли с тоской оглянулся на свою шляпу. — Он же янки, ясно вам?

— Янки, говоришь? А какой янки? — недоверчиво осведомился Фрейзер. — Конфедерат? Юнионист? Техасец? Калифорниец?

— Из Нью-Йорка, — неохотно буркнул Толли.

— Что? — поразился Фрейзер. — Ты хочешь сказать, что этот тип — манхэттенский коммунар? — Он оглянулся на умирающего, но тут же взял себя в руки и произнес скептически: — Нью-йоркские янки так не говорят.

— Не знаю я никаких коммуналов. Свингу он нравился, вот и все!

Проулок, куда свернул Фрейзер, выглядел на редкость мрачно. Высокие, без единого окна кирпичные стены блестели от сырости, над головой нависали шаткие подвесные мостки.

— А что, много у Свинга таких советников? Я хочу сказать — людей из Манхэттена?

— У Свинга полно друзей. — Толли понемногу приходил в себя. — Если вы с ним свяжетесь, он вас прикончит, точно прикончит!

— Том, — оглянулся Фрейзер, — вы умеете обращаться с пистолетом?

— С пистолетом?

— Возьмите вот этот. — Фрейзер протянул ему дерринджер Толли. — Второй ствол заряжен. Правда, из этой штуки никуда не попадешь, разве что стрелять в упор.

Избавившись от дерринджера, Фрейзер тут же сунул руку в карман сюртука, вытащил небольшую кожаную дубинку и принялся, не сбиваясь с шага, аккуратно обрабатывать мускулистые плечи Толли Томпсона.

Тот морщился и стонал, а затем начал в голос выть; из носу у него текли сопли.

Фрейзер остановился и спрятал дубинку.

— Дурак ты, Толли, и больше никто. — В его голосе звучало искреннее сочувствие. — Ты что, полицию не знаешь? Я пришел за твоим драгоценным Свингом в одиночку, а эти трое веселых ребят просто хотят посмотреть на предстоящее зрелище! Так в какую там нору он залез?

— Большой пакгауз в доках, — проскулил Толли. — Там полно добычи, шмотья всякого. И стволы, целые ящики хитрого оружия…

— И какой же это пакгауз?

— Не знаю, — взвыл Толли. — Я никогда не заходил за эти долбаные ворота! И не знаю я долбаных названий всех этих притонов.

— А что написано на воротах? Кто хозяин?

— Да не умею я читать, сержант, вы же сами знаете!

— Тогда где это? — неумолимо напирал Фрейзер. — Импортные доки или экспортные?

— Импортные…

— Южная сторона или северная?

— Южная, где-то посередине…

С улицы, оставшейся у них за спиной, донеслись крики, звон бьющегося стекла и гулкие, словно по пустой железной бочке, удары. Толли умолк и навострил уши.

— Да это же ваша таратайка! — Он злорадно

усмехнулся. — Свинговы ребята вернулись и нашли вашу таратайку!

— Сколько человек в этом пакгаузе?

— Слышите, как они ее долбают? — не унимался Толли. Его лицо сияло восторгом.

— Сколько там человек? — Фрейзер шарахнул Толли по уху.

— Они разносят ее вдребезги! — весело объявил Толли, уворачиваясь от удара. — Свято следуют заветам Неда Лудда!

— Заткни хлебало, ублюдок! — взорвался Том; его голос дрожал от боли и ярости.

— В чем дело, молодой хозяин? — удивленно повернулся Толли.

— Заткнись, я тебе говорю! — выкрикнул Том.

— Так это ж не я ж ломаю твою любимую машинку! — злорадно ухмыльнулся Толли. — А ты им крикни, мальчик, крикни! Скажи им, чтобы ничего там не портили! — Он резко подался назад и освободил скованные руки от хватки Фрейзера; полицейский покачнулся, едва не сбив с ног Брайана.

Толли повернулся, сложил руки рупором и крикнул:

— Хватит озорничать, ребятки! — Его вой эхом раскатился по кирпичному ущелью. — Вы порти-

те частную собственность!

Том наотмашь ударил бандита в челюсть. Голова Толли дернулась, он судорожно выдохнул, пошатнулся и рухнул на булыжную мостовую.

Наступила тишина.

— Чтоб мне сдохнуть! — воскликнул Брайан. — Да ты чуть мозги ему не вышиб!

Фрейзер, в руках которого вновь появилась дубинка, шагнул к упавшему навзничь головорезу, наклонился, оттянул веко, а затем взглянул на Тома.

— Ну, силен ты, парень…

— Я мог застрелить его! — растерянно пробормотал Том, стягивая с лица маску; он глядел на Мэллори со страхом и мольбой. — Я ведь правда мог, Нед! Застрелил бы его насмерть — и все!

— Успокойся, — коротко кивнул Мэллори.

Фрейзер снимал с Толли скользкие от крови наручники; запястья громилы были ободраны чуть не до костей.

— Не понимаю я этого ублюдка, ну зачем он так? — размышлял вслух Брайан. — Он что, совсем сбрендил? Послушай, Нед, а может, и вправду все лондонцы с ума посходили?

Мэллори серьезно кивнул — и тут же ухмыльнулся.

— Но это не страшно, хороший удар справа — и болезни как не бывало! А ты у нас, оказывается, боксер! — Он хлопнул Тома по плечу. — Такого мордоворота уложил, одним ударом, как быка на бойне!

Брайан расхохотался; Том несмело его поддержал и подул на костяшки пальцев.

Фрейзер встал, рассовал по карманам наручники и дубинку и рысцой двинулся по проулку. Братья последовали за ним.

— Да что тут особенного. — Голос Тома все еще срывался.

— Что? — возмутился Мэллори. — Девятнадцатилетний мальчонка уложил такого громилу — и ты говоришь «ничего особенного»!

— Драка была нечестная, у него же руки были в наручниках! — возразил Том.

— С одного удара! — продолжал восхищаться Брайан. — Как кувалдой!

— Заткнитесь! — прошипел Фрейзер.

Все замолчали. Кирпичное ущелье кончилось, впереди громоздились груды битого кирпича и серых обветренных щепок — все, что осталось от снесенного здания. Фрейзер осторожно пробирался вперед. Небо застилала грязно-желтая пелена, в ее разрывах проглядывали плотные зеленова-

тые облака, похожие на протухший творог.

— Да какого черта! — натужно улыбнулся Том. — Чего нам бояться, мистер Фрейзер! Эти гады, они же там такой грохот устроили, что и себя, наверно, не слышат. Не понимаю только, чего им моя машина плохого сделала?

— За них я не беспокоюсь, — дружелюбно ответил Фрейзер. — Но мы можем натолкнуться на другие пикеты.

— А где мы находимся? — спросил Брайан и резко остановился. — Силы небесные! Что это за вонь?

— Темза, сэр, — лаконично объяснил Фрейзер.

В конце пустыря тянулась невысокая кирпичная стена. Мэллори ухватился за ее край, подтянулся и встал во весь рост, плотно прижимая маску ко рту. Стена оказалась частью набережной Темзы, ее дальняя сторона имела высоту футов десять и косо уходила к ложу реки. Отлив превратил Темзу в узкий ручеек, тускло поблескивающий между двух полос подсыхающей грязи.

На противоположном берегу высилась стальная навигационная башня, украшенная поникшими сигнальными флажками. Мэллори не мог прочитать сигналов.

Карантин, что ли? Или блокада? Река выглядела совершенно безжизненной.

Фрейзер оглядел грязевые отмели у подножия набережной. Мэллори последовал его примеру. Утлые лодчонки вросли в темно-серую грязь, будто схваченные цементом. Тут и там вдоль изгиба Лаймхаус-Рич по канавам, прорытым землечерпалками, ползли струйки голубовато-зеленой слизи.

Удушливое дыхание студенистого смрада, сменившее свежий некогда бриз, поднялось от Темзы и перетекло через кирпичную стену.

— Господи милосердный! — ошеломленнно воскликнул Брайан, а затем упал на колени и зашелся долгим, мучительным приступом рвоты.

Мэллори стоило огромных трудов успокоить собственный желудок. Судя по всему, гниющая Темза превзошла даже прославленную вонь в трюмах армейских транспортов.

Юный Том побелел как полотно, но все же оказался покрепче Брайана; возможно, ему помогала привычка к пароходному дыму.

— Какой кошмар! — Приглушенный маскою голос Тома звучал задумчиво и отрешенно. — Я знал, что в стране засуха, но чтобы такое… — Он смотрел на Мэллори изумленными, покрас-

невшими глазами. — Нед… воздух, вода… ведь раньше такого ужаса не было!

— Ну да, конечно, лето не самое лучшее для Лондона время… — обиженно начал Фрейзер.

— Да вы только взгляните на реку! — с детской непосредственностью перебил его Том и тут же закричал: — Смотрите, смотрите, там корабль!

Вверх по течению пробирался большой колесный пироскаф очень странного вида: на плоской, как у парома, палубе не было никаких надстроек, кроме приземистой, с покатыми стенами рубки, склепанной из котельного железа, черную бортовую броню прорезали белые квадраты орудийных портов. На носу два матроса в резиновых перчатках и резиновых шлемах с масками замеряли глубину лотом.

— Что это за судно? — спросил Мэллори, протирая слезящиеся глаза.

Брайан нетвердо поднялся на ноги, оперся о стену, отер рот и сплюнул.

— Карманный броненосец, — хрипло сказал он, зажимая нос. — Канонерка.

Мэллори читал о таких кораблях, но никогда не видел их своими глазами.

— Такие воевали в Америке, на Миссисипи. — Он рассматривал корабль из-под ладони, очень

жалея, что нет бинокля. — Так на нем что, флаг Конфедерации? Я не слыхал, чтобы у нас в Англии имелось что-нибудь подобного класса… Да нет, вроде бы — «Юнион Джек»!

— Смотрите, что делают колеса! — не переставал удивляться Том. — Это же не вода, а сплошной студень… Его замечание осталось без ответа.

— Посмотрите туда. — Фрейзер указал вниз по течению. — В нескольких десятках ярдах отсюда землечерпалки проложили по дну канал, ведущий прямо к причалам Вест-Индских доков. Вода сейчас стоит совсем низко, если повезет, можно пробраться по этому каналу и выйти к докам никем не замеченными.

— Иначе говоря, — поморщился Мэллори, — вы предлагаете нам окунуться в эту грязь.

— Только не это! — воскликнул Брайан. — Должен же быть какой-нибудь еще способ!

— Я знаю эти доки, — покачал головой Фрейзер. — Вокруг них восьмифутовая стена, утыканная по верху острыми шипами. Есть погрузочные ворота и железная дорога, но они-то уж точно охраняются. Свинг выбирал с умом. Это место почти что крепость.

— А реку Свинг что, не охраняет? — скептически покачал головой Брайан.

— Конечно, охраняет — согласился Фрейзер, — но много ли найдется любителей неусыпно бдеть над этой вонючей грязью ради Свинга или кого угодно?

— Он прав, ребята, — кивнул Мэллори.

— Да мы же по уши перемажемся в этом дерьме! — запротестовал Брайан.

— Ничего, — хмыкнул Мэллори, — не сахарные.

— Но как же моя форма, Нед! Ты знаешь, во сколько мне обошелся этот мундир?

— Меняю, не глядя, мою машину на твои золотые галуны, — печально улыбнулся Том.

Брайан поглядел на младшего брата и сочувственно вздохнул.

— А раз так, ребята, то раздеваемся, — скомандовал Мэллори, скидывая куртку. — Как крестьяне, сгребающие свежее сено погожим сассексским утром. Прячьте куда-нибудь свои причиндалы да побыстрее.

Он разделся до пояса, сунул пистолет за ремень закатанных брюк и спустился по стене вниз. Берег оказался твердым и сухим, как кирпич; Мэллори громко расхохотался. Мало-помалу к нему присоединились остальные.

— Ну и дурак же я, — сказал Брайан, поддевая

лакированным сапогом большой пласт сухой грязи, — что снял форму. А все вы с вашими советами.

— Какая жалость! — съязвил Том. — Теперь тебе никогда не вычистить опилки из этой пижонской фуражки.

Фрейзер остался в белой рубашке и подтяжках — на удивление щегольских, алого муарового шелка. Из пристроенной под мышку замшевой кобуры выглядывала рукоятка многоствольного пистолета. Под рубашкой угадывались толсто намотанные бинты.

— Хватит скулить. — Инспектор снова шел впереди. — Некоторые люди проводят в Темзе всю свою жизнь.

— И кто же это? — спросил Том.

— Говнокопатели, — бросил через плечо Фрейзер. — Как только отлив, они залезают в эту грязь по пояс и начинают искать свои сокровища, и так — круглый год, зимой и летом. Куски угля, ржавые гвозди, да любой хлам, за который можно получить хотя бы пенни. Им все годится.

— Вы шутите? — изумился Том.

— В основном это дети, — невозмутимо продолжал Фрейзер. — Ну и немощные старухи, их там тоже хватает.

— Я вам не верю, — возмутился Брайан. — Скажи вы такое о Бомбее или Калькутте, я бы ни на секунду не усомнился. Но в Лондоне…

— А я и не говорю, что эти несчастные — англичане, — сказал Фрейзер. — В говнокопатели идут по большей части иностранцы. Нищие беженцы.

— Ну, тогда ладно, — облегченно вздохнул Том.

Дальше они шагали молча, стараясь беречь дыхание. Мэллори непрерывно сплевывал мокроту, его плотно заложенный нос не воспринимал никаких запахов — немалое облегчение, если учесть, что запах здесь был один-единственный: смрад.

— Британия слишком гостеприимна ко всем этим чертовым беженцам, — монотонно бормотал Брайан. — Будь моя воля, я бы вывез их всех в Техас…

— А рыба тут, наверное, вся передохла, да? — сказал Том, наклоняясь, чтобы оторвать твердую пластинку грязи. — Смотри, Нед. — Он показал Мэллори зацементированные в ней рыбьи кости. — Ну прямо что твои ископаемые!

Несколькими ярдами дальше их задержала проложенная землечерпалкой канава. По черной жиже, покрывавшей дно, струились белесые прожилки маслянистой гадости, отдаленно похожей

на растопленное сало; пришлось форсировать неожиданное препятствие вброд — иного выхода просто не было. К счастью, грязь оказалась не очень глубокой и все сошло благополучно, за одним исключением: Брайан поскользнулся и упал. Он поднялся весь перемазанный, отряхивая грязь с рук и отчаянно ругаясь на непонятном языке, скорее всего на хинди.

За канавой запекшаяся корка стала предательски тонкой, пластины высохшей грязи скользили или крошились под ногами, выпуская на свет смоляную вязкую мерзость, сквозь которую сочились струйки отвратительной жижи и пробулькивали пузыри каких-то невероятных газов. Еще худшее разочарование поджидало их во входном канале доков: его берега были сплошь облицованы просмоленными бревнами. Крутые, скользкие от зеленоватой плесени, они поднимались над кромкой воды на добрые пятнадцать футов. Да и какая там вода! Широкий канал был наполнен омерзительными изжелта-серыми помоями, в которых, как клецки в супе, плавали огромные сгустки тускло-зеленой слизи.

Тупик.

— Ну и что теперь? — мрачно спросил Мэллори. — Поплывем?

— Ни за что! — выкрикнул Брайан; в его воспаленных глазах мелькнул безумный блеск.

— Так что же, полезем на стену?

— Не выйдет, — простонал Том, бросив безнадежный взгляд на крутой, осклизлый откос.

— Я и рук бы мыть не стал в этих помоях! — воскликнул Брайан. — Рук, сплошь залепленных вонючей дрянью!

— Заткнитесь! — одернул их Фрейзер. — Услышат же. Если люди Свинга нас обнаружат, то пристрелят как собак! Заткнитесь и дайте мне подумать!

— Мой Бог, ну как же тут воняет! — выкрикнул Брайан, не обращая на него внимания. Он был близок к панике. — Это хуже, чем транспорт, хуже, чем русские окопы! Господи Иисусе, я видел, как под Инкерманом закапывали *кусок*русских, неделю пролежавшие на солнце, так и те пахли лучше!

— Прекрати! — прошептал Фрейзер. — Я что-то слышу.

Шаги большой группы людей. Все ближе и ближе.

— Влипли! — Фрейзер поднял голову, вглядываясь в верхний край неприступной стены, и взялся за рукоятку пистолета. — Хреново, ребята, ну да

ладно, помирать, так с музыкой.

Но в этот момент на Мэллори снизошло вдохновение.

— Не надо. — Его шепот звенел железной уверенностью. — Не смотрите наверх. Делай, как я!

И знаменитый палеонтолог, Ч.К.О., Ч.К.Г.О. Мэллори затянул разухабистую песню, вернее, не затянул, а заорал:

Нашел я чудный кабачок,
Вино там стоит пятачок…

— Ну давайте, кореша, что вы как неживые! — Он пьяно взмахнул рукой.

С бутылкой там сижу я на окне,
Не плачь, милашка, обо мне,

— неуверенно подхватили Том и Брайан. Они ровным счетом ничего не понимали.

— Припев! — скомандовал Мэллори.

Так будь здорова, дорогая,
Я надолго уплываю.
И когда вернусь не знаю,
А пока — прощай!
Прощай и друга не забудь…

— Эй, на судне! — крикнул кто-то сверху.

Мэллори покачнулся, воздел очи горе и недоуменно уставился на укороченные ракурсом фигуры. С полдюжины бандитов, за спиной у каждого — винтовка. Кричал, по всей видимости, предводитель, присевший на корточки на самом краю бревенчатой набережной. Его голова и лицо были обмотаны шелковыми узорными шалями, белые парусиновые брюки сияли снежной белизной. В правой, опущенной на колени руке тускло поблескивала вороненая сталь необычно длинного пистолета.

— Эй! На берегу! — Мэллори приветственно раскинул руки и чуть не упал на спину. — Чем можем служить столь высокостоящим джентльменам?

— Интересная задача! — проворковал предводитель голосом человека, вынужденного угодничать. — Очень интересная. Это до каких же чертиков могут нажраться, в какую стельку могут надраться четыре лондонских дуболома! Вы что, — крикнул он погромче, — не чувствуете, как там воняет?

— А то! — с готовностью отозвался Мэллори. — Но мы хотим посмотреть Вест-Индские доки!

— Зачем? — Вопрос прозвучал очень холодно.

— Затем, — хрипло расхохотался Мэллори, —

что там полно шмотья, которое нам бы вполне пригодилось.

— Вроде чистого белья? — спросил один из бандитов.

Сверху донесся смех, вперемежку с хрипом и кашлем.

— А что, сгодится! — Мэллори хлопнул себя по голой груди и тоже засмеялся. — Вы, ребята, нам не поможете? Бросьте нам веревку или вроде того.

Глаза предводителя сузились в холодные щелочки, ствол пистолета шевельнулся.

— Ты не моряк! Матрос никогда не скажет «веревка», он скажет «линь» или «конец».

— А твое-то какое дело, кто я такой! — гневно нахмурился Мэллори. — Бросай, говорю, веревку! Или лестницу! Или в рот долбаный еростат! Или мотай отсюда на хрен!

— Верно, кореш! — дрожащим голосом подхватил Том. — На хрена нам нужны все эти придурки!

Предводитель встал, повернулся и исчез, вместе с придурками.

— Вы там долго не валандайтесь! — проорал им вслед Мэллори. — А то как же это, у вас всего до хрена, а у нас — ни хрена! Делиться надо!

— Господи, Нед! — покачал головой Брайан. — Положеньице у нас хуже некуда!

— Изобразим из себя мародеров, — вполголоса объяснил Мэллори. — Пьяных, на все готовых мерзавцев. Присоединимся к этой компании и постараемся добраться до Свинга.

— А что, если они будут задавать вопросы?

— Разыгрывай дурака.

— Эй! — резанул по ушам визгливый голос.

— Что еще? — грубо крикнул Мэллори, поднимая глаза.

Наверху стоял костлявый мальчишка лет пятнадцати, в маске и с винтовкой.

— Лорд Байрон помер! — проорал мальчишка. Мэллори застыл как громом пораженный.

— Откуда ты знаешь? — крикнул Том.

— Да точно, точно! Сдох старый ублюдок, откинул копыта! — расхохотался мальчишка, приплясывая на верхних концах свай и размахивая винтовкой. Затем он спрыгнул вниз и исчез.

Мэллори обрел наконец дар речи:

— Не может быть.

— Не может, — согласился Фрейзер.

— Во всяком случае, маловероятно.

— Это они просто размечтались, — предположил Фрейзер.

Повисло молчание.

— Конечно, — начал Мэллори, — если Великий Оратор действительно мертв, то это означает… — Волна растерянности смыла куда-то все слова, но он остро ощущал, с какой надеждой смотрят на него остальные, как нужна им сейчас поддержка. — Ну… смерть Байрона будет означать конец великой эпохи.

— Совсем не обязательно, — спокойно возразил Фрейзер. — В партии немало талантливых людей. Чарльз Бэббидж жив! Лорд Колгейт, лорд Брюнель… да и принц-консорт. Принц Альберт — человек весьма здравомыслящий.

— Лорд Байрон не может умереть! — вырвалось у Брайана. — Мы стоим по колено в вонючей грязи и готовы поверить в вонючую ложь!

— Тихо! — скомандовал Мэллори. — Не будем делать никаких выводов, пока у нас нет твердых доказательств!

— Нед прав, — кивнул Том. — Премьер-министр сказал бы то же самое. Это научный подход. Этому-то и учил нас всегда лорд Байрон…

К их ногам упал конец толстой просмоленной веревки, завязанный в широкую петлю. Вожак анархистов — тот самый красавчик в белых брюках — картинно поставил согнутую ногу на конец

сваи и подпер подбородок рукой.

— Ну-ка, приятель, — сказал он, — вставляй свою задницу в петлю, и мы тебя мигом вздернем. Постарайся только не перепутать задницу с головой.

— Премного благодарен. — Мэллори приветственно махнул рукой и влез в петлю.

Мгновение спустя веревка натянулась, он уперся облепленными грязью башмаками в осклизлые бревна и зашагал по ним вверх.

Рукой в лайковой перчатке предводитель сбросил опустевшую петлю вниз.

— Добро пожаловать, сэр, в высший свет авангарда человечества! Позвольте мне, учитывая обстоятельства, представиться самому. Я — маркиз Гастингс. — Самозваный маркиз небрежно поклонился, а затем вздернул подбородок и подбоченился.

«Да ведь это он всерьез, — осенило Мэллори. — Этот парень считает себя маркизом!»

С приходом к власти радикалов всякие там маркизы исчезли, исчезли вроде бы безвозвратно, и вот вам — появляется некий юный претендент на этот титул, живое ископаемое, мезозойская рептилия во главе шайки современных гадюк! Поднимись сейчас из зловонных глубин Темзы

змеиная головка молодого плезиозавра — даже это удивило бы Неда Мэллори в меньшей степени.

— Ребята, — небрежно бросил маркиз, — полейте нашего пахучего друга одеколоном! А если он выкинет какую-нибудь глупость, вы знаете, что делать.

— Пристрелить, что ли? — идиотски спросил кто-то.

Маркиз театрально поморщился. Мальчишка в трофейном полицейском шлеме и драной шелковой рубашке извлек откуда-то резной стеклянный флакон и щедро окропил голую спину Мэллори.

Следующим подняли Брайана.

— О! — заметил маркиз. — Ну разве же можно так пачкать армейские брюки! В самоволке, товарищ? Брайан неопределенно пожал плечами.

— Ну и как тебе Лондон, нравится? Брайан тупо кивнул.

— Дайте этой грязной личности новые штаны, — скомандовал маркиз и оглядел своих соратников. — Товарищ Шиллибир! У тебя вроде бы один с ним размер — отдай ему свои брюки.

— Но, товарищ маркиз…

— Каждому по потребностям, товарищ Шилли-

бир! Немедленно раздевайся.

Шиллибир неловко вылез из штанов и передал их Брайану. Трусов на нем не было, и одной рукой он нервно одергивал полы рубашки.

— Силы небесные! — с деланным отчаянием воскликнул маркиз. — Неужели я должен указывать этим олухам каждую мелочь? Ты! — Он ткнул пальцем в Мэллори. — Подмени Шиллибира и тяни веревку. А ты, солдат, надень брюки Шиллибира и запомни, что отныне ты не подручный угнетателей, но человек совершенно свободный! Товарищ Шиллибир, перестать извиваться. Тебе совершенно нечего стыдиться. Сходи на склад и возьми себе новую одежду.

— Спасибо, сэр.

— Товарищ, — поправил маркиз. — Выбери там что-нибудь покрасивее. И прихвати еще одеколона.

Следующим поднимали Тома; Мэллори — он тоже подключился к работе — осторожно изучал маркизово воинство. С оружием ребята обращаться не умеют, оно у них поминутно клацает, цепляется за что ни попадя, падает на землю, да и оружие-то это слова доброго не стоит. Армейский однозарядный карабин «виктория» — и где они только взяли такую музейную редкость? Навер-

ное, в запасах, предназначенных для отправки в колонии туземным войскам. Тяжелые карабины, огромные кухонные ножи, самодельные дубинки — весь этот арсенал мешал бандитам, сковывал их движения. Жалко выглядели маркизовы вояки, очень жалко — что двое желторотых сосунков, что двое кряжистых, насквозь проспиртованных уголовников. Одетые в ворованные, мокрые от пота шелковые рубашки, обмотанные яркими шалями и армейскими патронташами, они походили на турецких башибузуков — и уж никак не на британцев. Очень странно выглядел в этой компании пятый — худой, молчаливый, благопристойно одетый негр, похожий на слугу из хорошего дома.

Как только Том вылез наверх, маркиз Гастингс начал свой экзамен.

— Как тебя звать?

— Том, сэр.

— А его?

— Нед.

— А его?

— Брайан, — сказал Том. — Я думаю…

— А как, скажи на милость, зовут вашего четвертого, который удивительно похож на фараона? Том растерянно молчал.

— Ты что, язык проглотил?

— Он ни разу не назвал себя по-человечески, — вмешался Мэллори. — Мы зовем его Преподобный.

— А ты бы помолчал, — осадил его маркиз.

— Мы встретили Преподобного несколько часов назад, сэр, — вывернулся Том. — Нельзя сказать, что мы закадычные друзья.

— А может, оставим его внизу? — предложил маркиз.

— Втащите его, — снова вмешался Мэллори. — Преподобный — мужик толковый.

— Да? А как насчет тебя, товарищ Нед? Похоже, ты и в половину не так глуп, как прикидываешься. И не так уж ты и пьян.

— Вот и я про то, — согласился Мэллори. — Нужно добавить. У тебя тут ничего под рукой не найдется? А еще мне не повредил бы такой карабин, если уж вы делите добычу.

Маркиз посмотрел на пистолет Мэллори и заговорщицки подмигнул:

— Всему свое время, мой нетерпеливый друг. — Он повернулся к своей команде и махнул рукой: — Ладно, затаскивайте.

Прошло несколько минут, и на пирс вылез голый, грязный Фрейзер; малолетки начали сво-

рачивать веревку.

— Мне бы очень хотелось знать, — начал маркиз, — какую веру исповедует ваше преподобие?

— А что, начальник, — удивился Фрейзер, — разве не понятно? Я этот самый… брат… ну, то есть, долбаный квакер.

Последовал взрыв недоброго смеха.

— Чего ржете? — прохрипел Фрейзер и тут же расплылся в широкой улыбке. — Да нет, я не просто брат, я — *собрат. Пентюх собрат.*

Наступила тишина.

— Пентюх собрат, — упрямо повторил Фрейзер. — Ну, значит, вроде как из этих бздиловатых американских трепачей…

— Ты хочешь сказать, пантисократ? — уточнил маркиз. — То есть вольный проповедник Сусквеганнского фаланстера?

Фрейзер тупо уставился на маркиза.

— Я говорю об утопических доктринах профессора Кольриджа и преподобного Вордсворта, — чуть угрожающе настаивал маркиз.

— Во-во, — проворчал Фрейзер, — это самое, что ты сказал.

— А не можешь ли ты сказать мне, о друг пантисократ, откуда это на тебе, на убежденном пацифисте, полицейская кобура? Ну так как?

— Снял с фараона, вот откуда. С дохлого фараона, — уточнил Фрейзер.

Снова хохот, на этот раз — дружелюбный.

Мальчик, стоявший возле Мэллори, толкнул локтем одного из бандитов постарше.

— У меня от этой вони голова кругом идет, Генри! Может, свалим, а?

— Спроси у маркиза, — ответил Генри.

— Спроси ты, — захныкал мальчишка, — а то он всегда надо мной смеется…

— Внимайте все! — возгласил маркиз. — Мы с Юпитером отведем новых рекрутов к складу. А вы, остальные, патрулируйте берег.

Послышался недовольный ропот.

— Не уклоняться, — прикрикнул маркиз. — Вы же знаете, что все товарищи стоят береговую вахту по очереди, вы ничем не лучше остальных.

Маркиз, по пятам за которым следовал негр, повел их вдоль набережной канала. И как это он может, изумлялся Мэллори, показывать спину четырем вооруженным незнакомцам? Что это — беспросветная глупость или отвага с примесью рисовки?

Он молча переглянулся с братьями и инспектором. Все четверо остались при оружии, анархисты даже не потрудились его изъять. Застрелить

провожатого было бы минутным делом. И негра пришлось бы тоже, хотя тот и без оружия. Подло, конечно же, нападать сзади, но на войне и не такое делают. Однако остальные неловко поеживались, и Мэллори понял, что они препоручают грязную работу ему. С этого момента вся ответственность за отчаянное предприятие легла на него и только на него; даже полицейский, и тот поставил свою жизнь на удачу Эдварда Мэллори.

Мэллори выдвинулся вперед, подстраиваясь под шаг маркиза Гастингса.

— А что там на этом складе, ваша светлость? Уж одежды-то там, должно быть, хватает, да и всего остального тоже.

— Не одежды, а надежды, мой мародерствующий друг! А впрочем, не бери в голову. Скажи мне вот что, товарищ Нед, — что бы ты сделал с этой добычей, попади она тебе в руки?

— Думаю, все зависит от того, что там будет.

— Ты уволок бы ее в свою крысиную нору, — продолжал маркиз, — продал бы за бесценок еврею барыге, пропил бы все подчистую, а через день-другой очухался бы в грязном полицейском участке и увидел ногу фараона у себя на шее.

— А что бы сделали с добычей вы? — поинтересовался Мэллори.

— Нашел бы ей достойное применение! Мы используем эти вещи во благо тех, кто их создал! Во благо рядовых лондонцев, угнетенных масс, во благо тех, кто работает не покладая рук, кто производит все богатства этого города!

— Не понимаю я что-то, — покачал головой Мэллори.

— Революция не грабит, товарищ Нед. Мы реквизируем, мы конфискуем, мы освобождаем! Тебя и твоих друзей привлекли сюда яркие заморские безделушки. Ты думаешь унести сколько хватит рук. Люди вы или сороки? К чему довольствоваться пригоршней грязных шиллингов? Вам может принадлежать весь Лондон, этот современный Вавилон! Вам может принадлежать будущее!

— Будущее? — переспросил Мэллори и оглянулся на Фрейзера; глаза полицейского горели нескрываемым отвращением. — А много ли выручишь за кварту «будущего», ваша светлость?

— Я бы попросил тебя не называть меня «светлостью», — отрезал маркиз. — Ты обращаешься к ветерану народной революции, солдату человечества, который гордится простым титулом «товарищ».

— Виноват… товарищ.

— А ты не дурак, Нед. Не путай меня с ради-

калистскими лордами. Я не какой-нибудь там буржуазный меритократ! Я — революционер, смертельный враг тирании Байрона и всех его дел, враг по крови и убеждениям!

Мэллори хрипло закашлялся, прочищая горло.

— Ладно, — сказал он новым, более резким тоном. — К чему весь этот разговор? Захватить Лондон — но это же несерьезно! Такого не бывало со времен Вильгельма Завоевателя.

— Почитай учебник истории, — возразил маркиз. — Это удалось Уоту Тайлеру, Кромвелю. Это удалось Байрону! — Он рассмеялся. — Восставшие захватили Нью-Йорк! Рабочие управляют Манхэттеном — вот прямо сейчас, когда мы с тобой разговариваем! Они ликвидировали богатых. Они сожгли церковь Святой Троицы! Они захватили средства связи и производства. Янки, какие-то там янки совершили победоносную революцию! Насколько же легче сделать это английскому народу — народу, дальше всех продвинувшемуся по пути исторического прогресса!

Было видно, что этот человек — скорее даже мальчишка, поскольку за позой и бахвальством проглядывали повадки юнца — говорит совершенно искренне, истово верит в пагубное безумие анархии.

— Но правительство, — возразил Мэллори, — введет войска.

— Перебейте класс офицеров, и рядовые будут с нами, — холодно отозвался маркиз. — Взгляни на своего друга-солдата, Брайана. Ему нравится в нашем обществе! Ведь правда, товарищ Брайан!

Брайан молча и приветственно воздел заляпанный грязью кулак.

— Ты не понимаешь стратегии нашего капитана во всей ее гениальности, — сказал маркиз. — Мы закрепились в самом сердце британской столицы, в единственном месте на Земле, которое ваша элита не захочет опустошить даже ради своей пагубной гегемонии. Ну разве решатся радикальные лорды обстрелять, сжечь свой драгоценный Лондон из-за каких-то там небольших беспорядков — а именно так воспримут они начало всеобщего восстания! Но! — Он вскинул затянутый в лайку палец. — Когда мы выйдем на баррикады, на воздвигнутые по всему городу баррикады, тогда им придется лицом к лицу сразиться с восставшим рабочим классом, людьми, опьяненными первой истинной свободой, какую они когда-либо знали!

Маркиз на минуту остановился, с присвистом втянул ртом зловонный воздух и закашлялся.

— Большая часть класса угнетателей, — продолжал он, — уже бежала из Лондона, спасаясь от смрада! Когда они попытаются вернуться, восставшие массы встретят их огнем и сталью! Мы будем стрелять в них с крыш домов, из подворотен и переулков, из сточных канав и притонов! — Он достал из рукава насквозь мокрый платок и вытер нос. — Мы поставим под свой контроль все артерии и опорные пункты организованного угнетения. Газеты, телеграфные линии и пневматическую почту, дворцы, казармы и конторы! Все они будут служить великому делу освобождения!

Мэллори ждал продолжения, но юный фанатик, похоже, вконец выдохся.

— И вы желаете, чтобы мы вам помогли? Вступили в эту вашу народную армию?

— Конечно!

— А что нам с этого будет?

— Всё, — ответил маркиз. — Навсегда.

Внутренняя гавань Вест-Индских доков была забита под завязку; такелаж парусников мешался с дымовыми трубами пироскафов. Вода здесь показалась Мэллори не такой грязной, как в Темзе — пока он не заметил среди комьев слизи лениво покачивающиеся на поверхности трупы. Моряки

из вахтенных команд, оставленных для охраны судов. Раздувшиеся от жары трупы плавали, как деревянные колоды, зрелище не для слабонервных. Следуя за маркизом по деревянному настилу причала, Мэллори насчитал не то пятнадцать, не то шестнадцать тел — а где же остальные? Возможно, рассуждал он, большая их часть была убита где-то в другом месте, а кто-то мог и переметнуться в банду Свинга. Не все матросы так уж преданны порядку и властям. Мэллори остро ощутил на животе тяжелый, успокаивающий холод «баллестер-молины».

Маркиз и негр продолжали двигаться дальше, словно не замечая трупов. Они миновали покинутый корабль, из палубных люков которого сочились зловещие струйки дыма, а может быть — пара. Четверо анархистов составили свои карабины в грубое подобие пирамиды и разлеглись на тюках ситца. Бдительные стражи самозабвенно резались в карты.

Другие сторожа, пьяные небритые подонки в скверных цилиндрах и еще худших брюках, спали в опрокинутых тачках и на погрузочных волокушах, среди нагромождения бочек, корзин, мотков троса, трапов и груд антрацита — топлива для недвижно застывших деррик-кранов. Из

пакгаузов, расположенных на южной стороне гавани, донеслись приглушенные расстоянием хлопки выстрелов. Маркиз не проявил к ним никакого интереса, не сбавил шага и даже не оглянулся.

— Вы захватили все эти корабли? — поинтересовался Мэллори. — У вас, должно быть, много людей, товарищ маркиз.

— И с каждым часом все больше, — заверил его Гастингс. — Наши люди прочесывают Лаймхаус, поднимают каждую рабочую семью. Тебе знаком термин «экспоненциальный рост», товарищ Нед?

— Не-а, — солгал Мэллори.

— Математический клакерский термин, — небрежно объяснил маркиз. — Очень это интересная наука, вычислительное клакерство, крайне полезная для научного изучения социализма… — Вид у него был рассеянный и немного возбужденный. — Еще один день смрада, как этот, и у нас будет больше людей, чем в лондонской полиции! Вы ведь не первые, кого я рекрутировал. Я становлюсь уже заправским вербовщиком! Да что там, это под силу даже Юпитеру! — Он хлопнул негра по плечу.

Негр не выказал никакой реакции. «Уж не

глухонемой ли он?» — спросил себя Мэллори. И почему этот человек ходит с неприкрытым лицом? Неужели ему не нужна маска?

Маркиз подвел их к самому большому из бесконечного ряда пакгаузов. Даже на фоне складов таких знаменитых коммерческих фирм, как «Мадрас и Пондишери», «Уитбис», «Эван-Хэр» и «Аароне», этот казался настоящим дворцом сверхсовременной коммерции. Его исполинские погрузочные ворота поднялись с помощью сложной системы шарнирных противовесов, и глазам Мэллори предстало огромное, с футбольный стадион размером, помещение со стальными стенами и сводчатой стеклянной крышей. Под этим сводом раскинулся стальной лабиринт ферм и опор, кружевная сеть роликовых транспортеров и зубчатых рельсов, по которым когда-то бегали управляемые машиной вагонетки. Где-то пыхтели паровые машины, раздавался знакомый чмокающий звук печатного станка.

И повсюду награбленное добро, богатства, способные ошеломить даже Креза. Вещи лежали грудами, скирдами, горами: рулоны дорогих тканей, кресла и тележные колеса, супницы и подсвечники, матрасы, чугунные собачки для газонов и мраморные ванночки для птиц,

бильярдные столы и шкафчики для напитков, изголовья кроватей и колонки винтовых лестниц, свернутые ковры и каминные полки…

— Ну надо же! — поразился Том. — И как вы всё это собрали?

— Мы здесь уже несколько дней. — Маркиз размотал шаль, открыв бледное лицо почти девической красоты, однако со светлым пушком на верхней губе. — Тут хватит на всех, и этот склад не единственный. Чуть попозже вам тоже представится возможность нагрузить тачку или волокушу. Здорово, правда? Все это добро в вашем распоряжении, потому что принадлежит в равной мере всем нам!

— Всем нам? — переспросил Мэллори.

— Конечно. Всем товарищам.

— А как насчет него? — Мэллори указал на негра.

— Ты про моего слугу Юпитера? — недоуменно сморгнул маркиз. — Конечно же, Юпитер тоже принадлежит всем нам! Мой слуга служит не только мне, но и общему делу. — Он снова подтер обильно текущий нос. — Пошли.

Горы награбленного превратили организованный по науке пакгауз в чудовищное крысиное гнездо. Следуя за маркизом, братья Мэллори и

Фрейзер пробирались по отмелям битого хрусталя, лужам растительного масла, закоулкам, усыпанным скорлупой земляных орехов.

— Странно, — пробормотал маркиз, — в последний раз здесь было полно товарищей…

В глубине склада барахла было поменьше, зато здесь стоял печатный станок, скрытый от глаз эверестами газетной бумаги. Внезапно из-за этого заграждения мортирным ядром вылетела увязанная пачка свежеотпечатанных плакатов; она шлепнулась оземь в каком-то футе от проворно отскочившего маркиза.

Сквозь грохот печатного станка прорезался чей-то высокий, пронзительный голос.

Через несколько секунд Мэллори увидел, что дальняя часть склада превращена в импровизированный лекционный зал. Школьная доска, стол, заставленный лабораторной посудой, и кафедра — все это довольно неустойчиво балансировало на помосте из плотно составленных ящиков. Молчаливые слушатели — их тут было десятков пять-шесть — сидели на дешевых разномастных стульях.

— Так вот они где, — протянул маркиз; голос его странно дрожал. — Вам повезло. Доктор Бартон проводит сегодня демонстрацию. Садитесь,

товарищи. Уверен, что вам это будет интересно.

Спорить было невозможно; Мэллори и его спутники пристроились в заднем ряду. Негр остался стоять.

— Но этот ваш лектор — в юбке! — недоуменно прошептал Мэллори.

— Тише, — шикнул маркиз.

Женщина-лектор была вполне профессионально вооружена черной указкой, толстый конец которой служил держалкой для мела; в ее голосе звенел фанатизм — тщательно продуманный, на аптекарских весах взвешенный фанатизм. Слушать было трудно — плохая акустика неприспособленного для таких спектаклей помещения искажала слова, делая их иногда совершенно неразборчивыми. Судя по всему, темой лекции была трезвенность — дама яростно порицала «алкогольную отраву» и ее пагубное воздействие на «революционный дух рабочего класса». Большие оплетенные бутыли, содержащие, по всей видимости, различные сорта пагубных для пролетариата напитков, были снабжены одинаковыми, крайне непривлекательными этикетками с надписью: «ЯД!» и — учитывая невысокий образовательный ценз аудитории — общепонятным изображением черепа и скре-

щенных костей. Остальное пространство стола было загромождено перегонными аппаратами, какими-то непонятными склянками, красными резиновыми трубками, проволочными клетками и лабораторными газовыми горелками.

Том, сидевший справа от Мэллори, дернул его за рукав и прошептал:

— Нед! Нед! Это что, леди Ада?

— Господи Боже, мальчик, — ужаснулся Мэллори. — С чего ты взял? Разумеется, нет!

— А кто же тогда? — облегченно и словно с некоторой обидой спросил Том.

Женщина повернулась к доске и аккуратно вывела слова «Неврастеническое вырождение». Потом она обернулась, одарила аудиторию сверкающей, насквозь фальшивой улыбкой, и только тут Мэллори ее узнал.

Это была Флоренс Рассел Бартлетт.

Мэллори судорожно вздохнул. Какая-то соринка, скорее всего — клочок ваты из маски, занозой застряла в горле. Он закашлялся и не мог остановиться. Горло саднило все сильнее и сильнее. Он хотел улыбнуться, прошептать хоть слово в извинение, но гортань сжимало, будто железными обручами. По его щекам катились слезы, он сдерживался изо всех сил — и не мог, не мог

хотя бы приглушить этот кошмарный кашель. Головы слушателей начали поворачиваться, что грозило большими неприятностями. Наконец Мэллори вскочил, с шумом опрокинул стул и побрел прочь, согнувшись пополам, ничего не видя и почти ничего не соображая.

Расставив для равновесия руки, Мэллори пробирался сквозь плывущие перед глазами дебри награбленного; ноги его непрерывно в чем-то путались, то слева, то справа на пол рушились какие-то деревянные и металлические предметы. С большим трудом отыскав укромное место, он согнулся еще сильнее, сотрясаемый неудержимым кашлем, задыхаясь от мокроты и подкатывающей к горлу блевотины. Так ведь и сдохнуть можно, думал он в отчаянии. Лопнет что-нибудь — и всё. Или сердце не выдержит.

Но потом ком в горле исчез, кашель понемногу стих. Мэллори хватил глоток воздуха, пару раз надсадно кашлянул и начал дышать нормально. Он вытер с бороды липкую, отвратительную мокроту и вдруг заметил, что стоит, прислонившись к статуе. Полуобнаженная индийская прелестница — изваянная во весь рост из коутовского искусственного мрамора — держала на бедре большой кувшин. Кувшин, естественно, был

насквозь каменный — и это в тот момент, когда каждая клеточка, каждый атомус Мэллори взывали об очищающем глотке воды.

Кто-то хлопнул его по спине. Мэллори обернулся, ожидая увидеть Тома или Брайана, но это оказался маркиз.

— С вами все в порядке?

— Небольшой приступ, — просипел Мэллори, не в силах выпрямиться, и махнул рукой.

Маркиз вложил ему в ладонь серебряную фляжку, изогнутую по форме бедра.

— Вот, — сказал он, — это вам поможет.

Мэллори приложился к фляжке, но вместо ожидаемого бренди в рот ему потекла густая приторная микстура, смутно отдающая лакрицей.

— Что… Что это такое?

— Одно из травяных снадобий доктора Бартон, — объяснил маркиз. — Бальзам, помогающий переносить зловоние. Давайте, я смочу вашу маску, испарения прочистят вам легкие.

— Лучше не надо, — прохрипел Мэллори.

— Так вы вполне оправились и можете вернуться на лекцию?

— Нет! Нет!

На лице маркиза появилось скептическое выражение.

— Доктор Бартон — гений медицины! Она была первой женщиной, окончившей Гейдельберг с отличием. Если бы вы только знали, какие чудеса она творила среди больных во Франции, среди несчастных, на которых махнули рукой все так называемые специалисты.

— Я знаю, — вырвалось у Мэллори.

К нему вернулись отчасти силы, а вместе с тем — почти непреодолимое желание взять маркиза за глотку и трясти этого опасного дурака, пока дурь не выдавится из него, как паста из тюбика. Он был почти готов выложить всю правду, объявить, что на деле эта Бартон отравительница, распутница, уголовная преступница, разыскиваемая полицией по меньшей мере двух стран. Он мог бы прошептать эти яростные обвинения, а потом убить маркиза Гастингса и засунуть куда-нибудь его жалкий, тщедушный труп.

Но самоубийственное желание прошло, сменилось трезвым расчетом, хитростью, холодной и острой, как осколок стекла, вонзившийся давеча в спину Фрейзера.

— Я бы гораздо охотнее поговорил с вами, товарищ, чем слушать какую бы то ни было лекцию.

— Правда? — просиял Гастингс.

— Да, — кивнул Мэллори. — Разговор со знаю-

щим человеком очень обогащает.

— Не пойму я тебя, товарищ, — прищурился маркиз. — То ты кажешься мне обычным жадным дураком, а то вдруг человеком недюжинного ума — и уж всяко на голову выше этих твоих приятелей!

— Да? — пожал плечами Мэллори. — Я много путешествовал. Это расширяет кругозор.

— А где ты путешествовал?

— Аргентина. Канада. Ну и на континенте тоже бывал.

Маркиз оглянулся по сторонам, словно высматривая шпионов, затаившихся в непролазных дебрях награбленного барахла. Не заметив ничего подозрительного, он немного расслабился и заговорил с новым интересом:

— Может, ты знаешь Американский Юг? Конфедерацию?

Мэллори покачал головой.

— В Южной Каролине есть город Чарльстон. Там собралась большая английская община. Люди хорошего происхождения, бежавшие от радикалов. Загубленные рыцари Британии.

— Очень мило, — хмыкнул Мэллори.

— Чарльстон — город, не менее культурный и цивилизованный, чем любой из британских.

— И ты там родился? — догадался Мэллори и тут же прикусил язык. Он заметил, как нахмурился при этих словах Гастингс, однако был вынужден продолжать: — Ты, наверное, хорошо жил в этом своем Чарльстоне. Вон и собственный негр у тебя есть.

— Надеюсь, ты не из этих аболиционистских фанатиков, — сказал маркиз. — А то у британцев это в моде. Или ты считаешь, что я должен отослать бедного Юпитера куда-нибудь в малярийные джунгли Либерии?

Мэллори едва удержался, чтобы не кивнуть. Он и в самом деле был аболиционистом и поддерживал идею репатриации негров.

— Бедный Юпитер и дня бы не протянул в Либерийской империи, — настаивал маркиз. — Ты знаешь, что он умеет читать и писать? Я сам его научил. Он даже поэзию читает.

— Твой негр читает стишки?

— Не стишки — поэзию. Великих поэтов. Джона Мильтона [109]… да что там говорить, ты о таком никогда и не слышал.

— Один из министров Кромвеля, — с готовно-

[109] Примечания: 109

Джон Мильтон (1608–1674) — знаменитый английский поэт, автор поэм «Потерянный рай» (1667) и «Обретенный рай» (1671); поддерживал пуританскую революцию, занимал пост в правительстве Кромвеля.

стью отозвался Мэллори, — автор «Ареопагитики».

Маркиз кивнул. Похоже, он остался доволен.

— Джон Мильтон написал эпическую поэму «Потерянный рай». На библейскую тему, белым стихом.

— Сам-то я агностик, — сказал Мэллори.

— А тебе знакомо имя Уильяма Блейка [110]? Он писал стихи и сам иллюстрировал свои сборники.

— Не мог найти порядочного издателя, да?

— В Англии и до сих пор есть прекрасные поэты. Ты когда-нибудь слышал о Джоне Уилсоне Кроукере? Уинтропе Макуорте Прейде? Брайане Уоллере Проктере? [111]

— Может, и слышал, — пожал плечами Мэлло-

---

[110] Примечания: 110

Уильям Блейк (1757–1827) — английский поэт, радикальный романтик, мистик, художник и гравер. Один из наиболее индивидуальных авторов во всей западной творческой традиции. Свои произведения издавал сам и сам же иллюстрировал. Практически не замеченный при жизни, обрел известность, а потом и знаменитость со второй половины XIX в., чему в немалой степени способствовала вышедшая в 1863 г. Биография.

[111] Примечания: 111

Джон Уилсон Кроукер (1780–1857), видный консервативный деятель и эссеист, друг герцога Веллингтона и противник «Акта о реформе» (1832); в своих литературных рецензиях резко критиковал «Эндимион» Китса и творчество Теннисона. Уинтроп Макуорт Прейд (1802–1839) — юрист и политик, сатирик, известен юмористическими стихами. Брайан Уоллер Проктер (1787–1874) — лондонский юрист, популярный поэт

и автор-песенник начала XIX в. (под псевдонимом Барри Корнуолл); Китс и Шелли относились к нему довольно пренебрежительно.

ри. — Я кое-что почитываю, в основном — про ужасы и преступления.

Его крайне озадачил интерес маркиза к такому отвлеченному предмету. Самого Мэллори беспокоила сейчас не поэзия, а братья и Фрейзер, оставшиеся на лекции и не знающие уже, наверное, что и думать. Они могут потерять терпение и совершить что-нибудь опрометчивое, а уж это-то совсем ни к чему.

— Перси Биши Шелли [112] был поэтом, прежде чем возглавить луддитов в смутные времена, — продолжал маркиз. — Знай, что Перси Шелли жив! Байрон изгнал его на остров Святой Елены. Шелли держат там в заточении, в том же доме, где жил когда-то Наполеон Первый. Говорят, что с тех пор он написал там целые тома трагедий и сонетов!

— Да ты что? — возмутился Мэллори. — Шелли умер в тюрьме много лет назад.

— Он жив, — повторил маркиз. — Но это знают немногие.

— Ты еще скажи, что Чарльз Бэббидж писал стихи. — Мэллори абсолютно не хотелось обсуждать

---

[112] Примечания: 112

Перси Биши Шелли (1792–1822) — английский поэт, друг Китса и Байрона, реформатор-идеалист; его вторая жена Мери Шелли написала «Франкенштейна» (1820). Утонул неподалеку от Ливорно.

всякую чушь, его мысли занимало другое. — И вообще, к чему все это?

— Это — моя теория, — гордо объяснил маркиз. — Не столько теория, сколько поэтическое прозрение. Но с тех пор, как я изучил труды Карла Маркса — и, конечно же, великого Уильяма Коллинза [113], — меня озарило, что естественный ход исторического развития был насильственно подвергнут ужасающему извращению. Но вряд ли ты меня поймешь. — Он снисходительно улыбнулся.

— Не бойся, — мотнул головой Мэллори, — все я прекрасно понимаю. Ты имеешь в виду катастрофу.

— Да. Можно называть это и так.

— История вершится через катастрофы. Таков порядок вещей, единственный, какой был, есть и будет. Истории не существует — есть только случайности!

— Ты лжешь! — Все самообладание маркиза рассыпалось в прах.

— Твоя голова забита фантомами, мальчик! —

---

[113] Примечания: 113

имеется в виду английский писатель Уильям (Уилки) Коллинз (1824–1889), один из зачинателей детективной литературы, автор «Женщины в белом» (1860) и «Лунного камня» (1868). Его отца, художника-пейзажиста, также звали Уильям Коллинз (1788–1847). Вдобавок известен поэт Уильям Коллинз (1721–1759) — предшественник романтиков.

вспылил в свою очередь Мэллори. — «История»! Тебе положено иметь титул и поместье, а мне положено гнить в Льюисе от паров ртути, вот и все твои теории! А радикалам, им плевать с высокой колокольни и на тебя, и на Маркса с Коллинзом, и на этих твоих поэтических фигляров! Они передушат всю вашу компанию в этих доках, как крыс в яме с опилками.

— А ты не очень похож на малограмотного забулдыгу, — процедил маркиз. — Кто ты такой? *Что* ты такое?

Мэллори напрягся.

— Ты шпион. — Глаза маркиза расширились, рука метнулась к оружию.

Мэллори с размаху ударил его в лицо, а затем, когда маркиз покачнулся, добавил ему два раза по голове тяжелым стволом «баллестер-молины». Маркиз упал, обливаясь кровью.

Мэллори выхватил у него из-за пояса револьвер и оглянулся.

В пяти ярдах от него стоял негр.

— Я все видел, — спокойно сказал Юпитер.

Мэллори молча прицелился в него из двух револьверов.

— Вы ударили моего хозяина. Вы его убили?

— Думаю, нет.

Негр кивнул и развел раскрытые ладони; это было похоже на благословение.

— Вы правы, сэр, а он ошибается. В истории нет ничего закономерного. Никакого прогресса, никакой справедливости, один бессмысленный ужас.

— Так или не так, — медленно проговорил Мэллори, — но если ты крикнешь, мне придется тебя застрелить.

— Если бы вы его убили, я бы обязательно крикнул. Мэллори оглянулся на маркиза:

— Он дышит.

Последовало долгое молчание. Негр замер в нерешительности, прямой и напряженный, как струна. Так платоновский конус, уравновешенный на своем острие, ожидает выходящего за рамки причинности толчка.

— Я возвращаюсь в Нью-Йорк. — Юпитер повернулся на одном до блеска начищенном каблуке, неторопливо зашагал прочь и вскоре исчез за нагромождениями тюков и ящиков.

Мэллори был уверен, что шума не будет, но все же переждал несколько минут, чтобы утвердиться в этой уверенности. Маркиз шевельнулся и застонал. Мэллори сорвал с головы потомка крестоносцев окровавленную шаль, скомкал ее и затолкал в нежный девичий рот.

Спрятать безвольное тело за массивную терракотовую вазу было делом одной минуты.

Теперь, когда потрясение осталось позади, Мэллори ощутил оглушительную жажду; его пересохший, словно песком обсыпанный язык с трудом ворочался во рту. Но пить было нечего, за исключением шарлатанского снадобья Флоренс Бартлетт — или как там ее теперь?

Доктора Бартон. Мэллори вернулся к маркизу, нащупал в его кармане фляжку и осторожно прополоскал горло. Да нет, ничего особо страшного. Вкус не из самых приятных и горло немеет, зато щекочет язык, словно сухое шампанское, и, похоже, восстанавливает силы. Он выпил чуть не половину фляжки.

Вернувшись на лекцию, Мэллори сел рядом с Фрейзером.

Полицейский вопросительно приподнял бровь. Мэллори похлопал по рукоятке второго револьвера. Фрейзер едва заметно кивнул.

Флоренс Рассел Бартлетт продолжала разглагольствовать, повергая слушателей в оцепенение почти гипнотическое. Мэллори с ужасом осознал, что теперь она демонстрирует шарлатанские устройства для предотвращения беременности. Диск из гибкой резины, ком губки с прикреп-

ленной к нему нитью. Мэллори содрогнулся, представив себе коитус с использованием этих странных объектов.

— Она только что убила кролика, — прошипел углом рта Фрейзер. — Сунула его носом в сигарный настой.

— Мальчишка живой, — прошептал в ответ Мэллори. — Я его только оглушил.

Он внимательно наблюдал за Бартлетт, которая успела перейти от противозачаточных средств к каким-то диким планам улучшения человеческой породы путем селективного размножения. Сколько можно было понять, в будущем нормальный брак исчезнет. На смену целомудрию придет «всеобщая свободная любовь». Воспроизведение станет делом рук специалистов. (Рук? Это в каком, простите, смысле?) Эти идеи не доходили до Мэллори, зловещими тенями роились где-то на краю его сознания. Внезапно он вспомнил — безо всякой к тому причины, — что именно на сегодня, как раз на это время, была назначена его собственная триумфальная лекция о бронтозаврусе с кинотропным сопровождением мистера Китса. От этого ужасного совпадения его пробрал озноб.

Брайан перегнулся через Фрейзера и схватил Мэллори за руку.

— Нед! — прошептал он. — Пошли-ка мы отсюда!

— Не спеши, — ответил Мэллори. Но его решимость поколебалась. Он чувствовал ужас брата и сам им заражался. — Мы еще не знаем, где прячется Свинг, он может быть в любом месте этого муравейника…

— Товарищи! — Голос Бартлетт был похож на заледеневшую бритву. — Да, вы четверо, сзади! Если вам *совершенно* необходимо нам мешать — если у вас есть такие уж *срочные* новости, — то почему бы вам не поделиться ими со своими товарищами по шатокуа?

Вся четверка замерла.

Бартлетт сжигала их взглядом Медузы Горгоны. Остальные слушатели вышли из противоестественного оцепенения и начали оборачиваться; в глазах толпы светилось злорадство, кровожадное веселье неисправимых школьников, обнаруживших, что грозившее им наказание обрушилось на чью-то чужую голову.

— Это она нам? — нервно прошептал Том.

— Господи, да что же теперь делать? — в тон ему откликнулся Брайан.

Это было похоже на дурной сон. Кошмар, который развеется от одного верно найденного

слова.

— Она же просто женщина, — громко и спокойно сказал Мэллори.

— Заткнись! — прошипел Фрейзер. — Стихни!

— Так что же, вам нечего нам рассказать? — не унималась Бартлетт. — Я никак не думала… Мэллори поднялся на ноги:

— Мне есть что рассказать!

— Доктор Бартон! Доктор Бартон! — Трое из слушателей вскочили на ноги. Они тянули правые руки вверх с энтузиазмом отличников, точно знающих, сколько будет шестью семь.

Бартлетт благосклонно кивнула и указала своим мелоносным жезлом на одного из энтузиастов.

— Слово имеет товарищ Пай!

— Доктор Бартон, — крикнул Пай, — я не знаю этих товарищей. Они ведут себя отстало, и я… я думаю, их следует подвергнуть критике!

В аудитории повисло свирепое молчание.

— Садись, идиот. — Фрейзер дернул Мэллори за штанину. — Ты что, совсем сбрендил?

— У меня есть серьезные новости! — прокричал сквозь маску Мэллори. — Новости для капитана Свинга!

Бартлетт заметно смешалась, ее глаза забегали

по аудитории.

— Так расскажите нам всем, — приказала она. — Мы все здесь равны и едины!

— Я знаю, где находится «Модус», миссис Бартлетт! — крикнул Мэллори. — Вы хотите, чтобы я рассказал это вашим малоумным приспешникам?

Загромыхали стулья, зал дружно вскочил на ноги. Бартлетт что-то ответила, но ее визг затерялся в оглушительном гвалте.

— Мне нужен Свинг! Я должен поговорить с ним один на один!

Хаос нарастал; Мэллори отшвырнул ногою стоявший перед ним стул и выхватил из-за пояса револьверы.

— Сидеть, ублюдки! — Он направил оружие на аудиторию. — Я вышибу мозги первому же недоумку, который хоть пошевелится!

Ответом ему была беспорядочная пальба.

— Линяем! — прохрипел Брайан. Он и Том с Фрейзером бросились бежать.

По обеим сторонам от Мэллори трещали и падали стулья, слушатели дружно разряжали в него самое разнообразное оружие. Мэллори прицелился с двух рук в стоящую на подиуме Бартлетт…

Выстрелов не последовало — он позабыл взве-

сти курки. К тому же на револьвере маркиза имелся какой-то никелированный предохранитель.

Мэллори отбил брошенный кем-то стул, но тут же что-то шарахнуло его по ноге. Болезненный удар несколько приглушил боевой дух Мэллори, напомнил ему, что временное отступление перед превосходящими силами противника — не позор, а тактическая необходимость.

Только вот бежать он толком не мог. Ему казалось, что в ноге что-то сломано. Пение пуль над головой будило ностальгические воспоминания о далеком Вайоминге.

Из бокового прохода отчаянно махал рукой Фрейзер. Мэллори добежал до него и развернулся, с трудом сохранив равновесие.

Инспектор невозмутимо вышел на открытое пространство и поднял свой многоствольный пистолет. Сейчас он был похож на дуэлянта — правая рука вытянута, тело повернуто боком, чтобы представлять меньшую цель, голова держится ровно, глаза прищурены. Он дважды выстрелил; сквозь шум и гам прорезались резкие, болезненные вскрики.

— Сюда! — Фрейзер схватил Мэллори за локоть.

Сердце Мэллори билось как бешеное, правая нога казалась чужой. Он опустил на мгновение глаза и увидел, почему так трудно идти, — шальная пуля оторвала от ботинка каблук. В тупике, которым окончился проход, Том подсаживал Брайана на высокую, шаткую гору картонных коробок. Фрейзер заметался среди гор барахла, пытаясь найти хоть какой-нибудь выход, лаз, щель.

Мэллори остановился, повернулся, поднял револьверы — и увидел в проходе с полдюжины преследователей.

Здание содрогнулось от грохота, в воздухе повисло густое облако порохового дыма, дробно застучали по полу падающие консервные банки. Все шестеро бандитов рухнули в проходе, как сбитые шаром кегли.

— Нед! — крикнул Брайан с вершины картонной горы. — Собери их оружие!

Стоя на одном колене, он вставлял в дымящийся еще казенник новый патрон — цилиндр из латуни и красной вощеной бумаги размером с хороший огурец.

Мэллори послушно бросился вперед, поскользнулся и едва не упал в лужу крови. Пытаясь сохранить равновесие, он взмахнул руками и

случайно нажал на спуск «баллестер-молины». Громыхнул выстрел, пронзительно взвизгнула пуля, срикошетившая от какой-то балки. Мэллори задержался, теряя драгоценные секунды, осторожно спустил курок американского револьвера, проделал то же самое с револьвером маркиза и засунул весь свой арсенал за пояс.

Проход был залит кровью. Сноп картечи, выпущенный русской карманной гаубицей, изорвал отважных борцов за народное дело в клочья. Один из них еще дышал, точнее — издавал жутковатые булькающие звуки. Мэллори вытащил из-под умирающего все ту же допотопную «викторию» и брезгливо поморщился — приклад карабина был красный и липкий. Снять с бесчувственного тела патронташ было гораздо сложнее; Мэллори оставил это занятие, так и не добившись успеха, но зато подобрал с пола американский револьвер, валяющийся рядом с одним из трупов, — и чуть не вскрикнул от боли. Он недоуменно осмотрел пораненную ладонь, а затем — рукоятку револьвера. В рифленой деревянной щечке засел скрученный, бритвенно острый кусок металла.

Вдалеке защелкали винтовочные выстрелы, над головой запели пули; некоторые из них врезались в груды товаров с мягким чмоканием,

другие — с сухим треском или с веселым звоном бьющегося стекла.

— Мэллори! Сюда, — крикнул Фрейзер.

Он обнаружил щель, идущую вдоль стены склада. Мэллори повернулся, чтобы закинуть карабин за плечо, поискал глазами Брайана и увидел, как тот метнулся через проход к другой огневой позиции.

Пыхтя и отдуваясь, Мэллори с Фрейзером преодолели узкую, в несколько ярдов длиной щель. Пули преследователей не представляли пока особой опасности, все они щелкали о кирпич высоко над головой. Выбравшись из щели, Мэллори оказался в новом тупике, теперь это была большая открытая площадка. Том торопливо сооружал баррикаду, сваливая в кучу все, что попадалось под руку. Очень странно выглядели в этом нагромождении дамские туалетные столики — их белые, изящно изогнутые ножки напоминали лапы дохлых тропических пауков.

Выстрелы звучали все чаще и ближе. Сзади донеслись яростные вопли — преследователи наткнулись на трупы своих товарищей.

Орудуя железной кроватной ножкой, как рычагом, Том обрушил высокий штабель каких-то ящиков, а затем обернулся и отер со лба пот.

— Сколько? — спросил он.

— Шестеро.

— А нас только четверо. — На лице Тома играла нехорошая, сумасшедшая улыбка. — Теперь уж в любом случае счет в нашу пользу. Где Брайан?

— Не знаю.

Мэллори протянул брату карабин; тот взял оружие за ствол, не решаясь дотронуться до измазанного кровью приклада.

Фрейзер, оставшийся сторожить щель, выстрелил. Раздался жуткий, словно бабий, визг, а затем — звуки бьющегося в судорогах тела.

Теперь, когда загонщики знали, куда скрылась добыча, беспорядочная стрельба стала более точной. Прямо к ногам Мэллори упала большая, толщиною в палец коническая пуля; она повертелась волчком, опрокинулась на бок и замерла.

Мэллори почувствовал на плече чью-то руку, обернулся и увидел Фрейзера. Полицейский снял маску, его глаза блестели, на подбородке чернела суточная щетина.

— Ну так что, доктор Мэллори? Что вы придумаете на этот раз?

— А ведь там могло и получиться, — обиделся Мэллори. — Я надеялся, что она мне поверит и отведет нас к Свингу. Но женщины, они же

непредсказуемые…

— Поверила она вам, очень даже поверила! — Фрейзер зашелся странным скрипучим смехом. — А это у вас откуда? — Он указал на окровавленный револьвер.

— Трофей. Берите, если надо, только осторожно, там в рукоятке колючка.

Фрейзер осмотрел револьвер и выбил застрявшую в нем железку каблуком.

— Ну и пушка же у твоего братца, в жизни не видел ничего подобного! Только вряд ли с такими штуками можно разгуливать по Лондону, будь ты хоть сто раз герой крымской войны.

Щепка, выбитая пулей из туалетного столика, едва не задела Фрейзера. Мэллори ошарашенно вскинул глаза.

— Вот же черт!

Стрелок, примостившийся на одной из потолочных балок, вставлял в винтовку новый патрон.

Мэллори выхватил у Тома «викторию», накинул на локоть окровавленный ремень, прицелился и нажал на собачку. Сухо щелкнул спущенный курок — бывший владелец однозарядного карабина успел из него выстрелить. Но не все было так плохо — повисший под крышей снайпер испуганно разинул рот и спрыгнул со своего насеста.

Мэллори передернул затвор, из казенника карабина вылетел стреляный патрон.

— Ну что же я за идиот такой! Карабин взял, патронташ оставил…

— Нед! — Слева на вершине одной из груд появился Брайан. — Там, на той стороне, кипы хлопка!

— Молодец!

Они бросились к Брайану, спуская по дороге лавины подсвечников и безделушек. Пули визжали все чаще и чаще, ложились все ближе и ближе. Опять из-под крыши стреляют, подумал Мэллори, но времени оборачиваться и смотреть не было. Карабкающийся впереди Фрейзер выпрямился и выстрелил навскидку — без особого, похоже, результата.

Стофунтовые кипы чесаного конфедератского хлопка, упакованные в мешковину и перетянутые веревками, были уложены почти до потолка.

Брайан замахал руками и скрылся из вида. Мэллори понял его жесты — залежи хлопка представляли собой естественную крепость.

Они с Томом выдернули одну из верхних кип штабеля, сбросили ее вниз и тут же спрятались в образовавшуюся яму. Пули противников мягко

чмокали и застревали в хлопке. Не успевший еще добраться до верха Фрейзер снова остановился, повернулся и дважды выстрелил.

Вниз полетела вторая кипа, третья, затем в яму плюхнулся задыхающийся Фрейзер. Еще минуту они работали втроем, зарываясь в штабель все глубже и глубже, будто муравьи в коробке кускового сахара.

Игра в прятки закончилась, воинство Свинга вело прицельную стрельбу, однако мягкое волокно задерживало пули не хуже стальной брони. Вырвав из ближайшей кипы большой ком хлопка, Мэллори отер вспотевшее лицо и грязные окровавленные руки. Таскать кипы оказалось очень тяжелой работой — мало удивительного, что южане свалили ее на черных.

Фрейзер раздвинул две кипы и повернулся к Мэллори:

— Дайте мне другой пистолет.

Мэллори протянул ему револьвер маркиза. Фрейзер выстрелил, секунду вглядывался вдаль и удовлетворенно кивнул:

— Отличный ствол…

В ответ на хлопковую цитадель посыпался град бессильно чмокающих пуль. Том поднял, кряхтя и надсаживаясь, еще одну кипу и перевалил ее

через задний край ямы; снизу послышался звук, как от разлетающейся вдребезги пианолы.

Они пересчитали оставшиеся боеприпасы. У Тома был дерринджер с одним заряженным стволом, пригодный к использованию, если анархисты полезут на абордаж — но ни в каком ином случае. В «баллестер-моли-не» оставалось три патрона, в многоствольном пистолете Фрейзера — тоже три, а в револьвере маркиза — пять. Кроме того, в их распоряжении было такое полезное оружие, как разряженная «виктория» и Фрейзерова дубинка.

От Брайана — ни слуху ни духу.

Откуда-то из-за монбланов барахла донеслись злые, приглушенные расстоянием выкрики, возможно — приказы. Стрельба резко прекратилась, в пакгаузе повисла недобрая тишина, прерываемая только шорохами и каким-то стуком. Мэллори осторожно поднял голову над краем укрытия.

— Ну, как там? — тревожно спросил его Том.

— Ни души, словно вымерли они все. Ворота закрыты, вот что главное.

В пакгаузе быстро темнело. Мэллори показалось, что на стеклянный купол легло плотное облако сгустившегося смрада.

— Может, рванем? — прошептал Том.

— Без Брайана? — удивился Мэллори. — Будем ждать.

Фрейзер недовольно покачал головой — его сомнения ясно читались на лице.

Воспользовавшись передышкой, они закопались в хлопковую гору еще глубже, а заодно выстроили на бруствере нечто вроде стенки с амбразурами. Пакгауз откликнулся на эту деятельность новой канонадой, вспышки выстрелов яростно прорезали тьму, плохо нацеленные пули с визгом отскакивали от стальных балок. Кое-где зажглись тусклые огоньки фонарей.

Крики и стрельба снова стихли. Сверху донеслось быстрое, легкое постукивание; прошло несколько секунд, и странные звуки смолкли.

— Что это было? — спросил Том.

— Похоже на крысиную возню, — пожал плечами Мэллори.

— А может, дождь? — предположил Фрейзер.

Мэллори промолчал. Какой там дождь — скорее уж пепел падает. Внезапно снова посветлело. Мэллори выглянул за край и увидел совсем рядом с хлопковой твердыней целую толпу. Для пущей, очевидно, бесшумности пролетарские герои шли в атаку босиком, многие из них сжимали в зубах

ножи.

— Тревога! — заорал он дурным голосом и спустил курок.

Мэллори чуть не ослеп от вспышки, однако дергающийся в его руке револьвер продолжал стрелять, словно по собственной воле. Три последних патрона были израсходованы в какую-то секунду — и не зря; промахнуться на таком расстоянии было почти невозможно. Двое анархистов упали замертво, третий, раненый, пополз куда-то в сторону, остальные бежали.

Они исчезли из вида и начали, по-видимому, готовиться к новому штурму — из темноты доносились крики, проклятия, звуки бестолковой возни. Мэллори перехватил револьвер за горячий еще ствол, как дубинку.

По ушам ударил тяжелый грохот Брайанова пистолета.

Темнота откликнулась адскими воплями раненых и умирающих, треском, грохотом и проклятиями.

Откуда-то сзади в хлопковую яму свалилась смутная, остро пахнущая порохом фигура. Брайан.

— Хорошо еще, что вы меня не пристрелили, — прохрипел он. — Темно, как у негра в заднице.

— С тобой-то как, все порядке? — спросил Мэллори.

— Пара царапин. — Брайан поднялся на ноги. — Ты посмотри лучше, Нед, что я тебе принес.

Он передал свою добычу Мэллори. Знакомая, надежная тяжесть ствола и бархатно-гладкого приклада. Крупнокалиберная охотничья винтовка.

— У них там целый ящик таких игрушек, — продолжал Брайан. — В дальнем углу склада в какой-то вшивой конторе. И боеприпасов бери не хочу, вот только больше двух коробок мне было не унести.

Мэллори тут же принялся заряжать винтовку, латунные патроны входили в магазин с ритмичным пощелкиванием часового механизма.

— Странное дело, — задумчиво произнес Брайан. — Они же вроде и не догадывались, что я разгуливаю по этому сараю. Никакого представления о тактике. Похоже, среди этого отребья никого с военным опытом.

— Классная у тебя пушка, — заметил Фрейзер.

— Уже нет, мистер Фрейзер, — вздохнул Брайан. — У меня было только два патрона. Лучше бы, конечно, последний приберечь, но разве устоишь перед соблазном уложить сразу кучу

этой сволочи.

— Не страшно, — отозвался Мэллори, нежно поглаживая ореховый приклад. — Будь у нас таких четыре, мы продержались бы хоть целую неделю.

— Жаль, конечно, — вздохнул Брайан, — но я теперь не очень пригоден для вылазок. Меня подстрелили.

Пуля чиркнула его по голени. В неглубокой ране белела открытая кость, а облепленный грязью сапог был полон крови. Фрейзер и Том оставили Мэллори в дозоре и принялись обкладывать рану хлопком.

— Довольно, — запротестовал наконец Брайан. — Вы, ребята, хотите переплюнуть самое леди Найтингейл [114]. Как там, Нед, видно что-нибудь подозрительное?

— Нет, — откликнулся Мэллори, — но, судя по звукам, они замышляют какую-то новую гадость.

— Свинговы ублюдки группируются на трех сборных пунктах, — объяснил Брайан. — Был еще близкий плацдарм, чуть в стороне от вашего сектора обстрела, но оттуда я смел их русской

[114] Примечания: 114

Найтингейл, Флоренс (1820–1910) — английская медсестра, прославившаяся во время Крымской кампании. В I860 г. учредила в Лондоне школу медсестер, первую в мире.

картечью. Не думаю, чтобы они решились на повторный штурм, пороха не хватит.

— Ну и что же они тогда придумают?

— Наверное, какие-нибудь инженерные работы, — предположил Брайан. — Ну, скажем, передвижные заграждения, что-нибудь такое на колесах. Пить хочется — сил нет. — Он провел языком по пересохшим губам. — С самого Лакхнау так не хотелось.

— Придется потерпеть, — отозвался Мэллори. Брайан вздохнул.

— В Индии у нас был классный мальчишка-водонос. Дикарь-малолетка, а стоил десятка этих пидоров.

— Женщину видели? — спросил Фрейзер. — Или капитана Свинга?

— Нет, — качнул головой Брайан. — Я и вообще толком никого не видел, прятался по закоулкам да искал оружие получше, что-нибудь дальнобойное. Странно у них дело поставлено. Вот эту, что у Неда, охотничью винтовку я нашел в маленькой комнатушке, вроде конторы, и ни души рядом, только какой-то плюгавый тип сидит за столом и чего-то там строчит. Горит пара свечей, бумаги везде разбросаны. А рядом — целые ящики приготовленного на экспорт оружия, и почему они эти

прекрасные винтовки держат под присмотром какой-то канцелярской крысы, а мятежникам раздают «виктории» — это у меня в голове не укладывается.

Призрачный, зеленоватый свет, ворвавшийся в здание через приоткрытые кем-то ворота, обрисовал силуэт человека с винтовкой, которого тянули к крыше на перекинутом через блок тросе. Мэллори мгновенно прицелился, задержал дыхание и спустил курок. Человек опрокинулся назад, тело его обмякло и повисло в петле.

Снова затрещали выстрелы, но Мэллори успел уже нырнуть в яму.

— Прекрасное заграждение — эти кипы хлопка. — Брайан с удовлетворением похлопал по мешковине. — В Новом Орлеане, там Гикори Джексон прятался точно за такими, измолотил он нас тогда по-черному.

— Слышь, Брайан, а что он там делал, этот мужик в конторе? — спросил Том.

— Да крутил себе что-то вроде папиросы. Знаете, что это такое? Курево турецкое, рубленый табак, завернутый в бумажную трубочку. Этот педрила, он набрал пипеткой какой-то жидкости из маленького пузырька, капнул несколько раз на бумагу, а потом насыпал табаку из жестянки —

странный у него табак, я такого раньше не видел — и закрутил. А когда он прикуривал от свечки, тут я хорошо его рассмотрел — странный такой мужик, вроде как малость с приветом, ну совсем как наш братец Нед, когда занят какой-нибудь своей научной проблемой! — Брайан добродушно рассмеялся. — Я подумал, ну к чему ломать ему кайф, взял потихоньку винтовку да пару коробок и сделал ноги.

— Так ты его, значит, хорошо рассмотрел? — переспросил Мэллори.

— Ну да.

— У него была шишка на лбу? Вот тут вот, сбоку.

— Ты что, его знаешь?

— Это был капитан Свинг, — скрипнул зубами Мэллори.

— Значит, я последний дурак! — воскликнул Брайан. — Нечестно стрелять человеку в спину, но знай я, кто это такой, — снес бы на хрен его шишкастую репу!

Их беседу прервал громкий оклик откуда-то снизу:

— Доктор Эдвард Мэллори!

Мэллори встал и осторожно перегнулся через хлопковый бруствер. Внизу стоял Гастингс.

Голова маркиза была перевязана, в одной руке он держал фонарь, в другой — палку с белой тряпкой.

— Левиафанный Мэллори, я уполномочен вести с вами переговоры!

— Ну так ведите. — Мэллори спрятал голову.

— Вы в ловушке, доктор Мэллори! Но у нас есть к вам предложение. Если вы скажете нам, где спрятан некий украденный вами предмет, мы отпустим на свободу вас и ваших братьев. Но вашему шпику из Особого отдела придется остаться. У нас есть к нему пара вопросов.

— Слушайте меня, Гастингс, и все остальные тоже, — презрительно рассмеялся Мэллори. — Пришлите к нам со связанными руками этого маньяка Свинга и его шлюху! Тогда мы позволим вам расползтись отсюда до прихода армии!

— Наглостью вы ничего не добьетесь, — ответил маркиз. — Мы подожжем хлопок, и вы зажаритесь там, как кролики.

— Ну, а ты, Брайан, — повернулся Мэллори, — как ты думаешь, могут они сделать такое?

— Вряд ли, — откликнулся Брайан. — Хлопок плотно упакован, в таком виде его не очень-то подожжешь.

— Поджигайте, ребята, поджигайте! — крикнул

Мэллори. — Сожгите весь этот крысятник, только как бы вам самим не задохнуться в дыму!

— Вы были очень отважны, доктор Мэллори, и очень удачливы! Но наши лучшие люди патрулируют сейчас улицы Лаймхауса, ликвидируют полицию! Вскоре они вернутся, закаленные солдаты, ветераны Манхэттена! Они возьмут ваше укрытие штурмом, врукопашную! Выходите сейчас, пока у вас еще есть шанс остаться в живых!

— Мы не боимся американского отребья! Приводите их, пусть попробуют нашей картечи!

— Вы слышали наше предложение! Обдумайте его, как подобает настоящему ученому!

— Да иди ты на хрен! — устало сказал Мэллори. — Позови Свинга, ну о чем мне говорить с такой вшивотой, как ты.

Маркиз ушел. Через несколько минут на хлопковую крепость снова посыпались пули. Мэллори отстреливался, целясь по вспышкам, и извел полкоробки патронов.

Затем анархисты начали выдвигать осадную машину — три тяжелые вагонетки с лобовой броней из мраморных столешниц, скрепленных бок о бок. Убедившись, что проход, ведущий к хлопковому штабелю, слишком узок для импровизированного броневика, мятежники начали

оттаскивать мешающее им барахло налево и направо. Лишившись за этим занятием двоих своих товарищей, подстреленных Мэллори, они быстро поумнели и соорудили позади осадной машины нечто вроде крытого прохода.

Народу в пакгаузе заметно прибыло. Стало еще темнее; то тут, то там вспыхивали огоньки фонарей, а на потолочных балках мухами висели снайперы. К стонам раненых примешивались громкие возбужденные голоса — кто-то с кем-то о чем-то спорил.

Осадные машины подползли совсем близко. Теперь они были в мертвой зоне, ниже линии огня Мэллори. Только попробуй перегнуться через бруствер — тут же схлопочешь пулю.

Дальше Мэллори ничего не видел — зато вскоре он услышал, прямо снизу, из-под штабеля, треск рвущейся мешковины.

— Доктор Мэллори! — Голос, доносившийся скорее всего изнутри мраморного броневика, звучал приглушенно и невнятно.

— Да?

— Вы звали меня — и я здесь! Мы подкапываем стену вашей крепости, доктор Мэллори. Скоро мы до вас доберемся.

— Тяжкий труд для профессионального игро-

ка, капитан Свинг! Не намозольте свои нежные ручки!

Том и Фрейзер опрокинули на осадную машину тяжелый тюк хлопка, но не причинили ей ни малейшего вреда; ответный шквал хорошо скоординированного огня заставил их тут же нырнуть в укрытие.

— Прекратить огонь! — крикнул Свинг и рассмеялся.

— Поосторожнее, Свинг! Застрелив меня, ты никогда не узнаешь, где спрятан «Модус».

— Господи, ну какой же ты идиот! Отказавшись вернуть нам украденный тобой «Модус», ты обрек себя на верную гибель. Ну зачем он тебе, упрямому невежде, ведь ты и знать не знаешь, для чего он!

— Зато я знаю, что он по праву принадлежит королеве машин.

— Ты что, действительно так думаешь? Тогда ты вообще ничего не знаешь.

— Я знаю, что «Модус» принадлежит Аде, она сама мне так сказала. И она знает, где он спрятан, я ей сообщил.

— Лжец! — выкрикнул Свинг. — Если бы Ада знала, мы давно бы его получили. Она заодно с нами! Том громко застонал.

— Вы — ее мучители, Свинг!

— Сколько раз тебе объяснять, что Ада с нами.

— Дочь Байрона никогда не предаст государство.

— Байрон мертв! — В голосе Свинга звучала убежденность человека, говорящего правду. — И все, что он построил, все, во что вы верите, будет теперь сметено.

— Пустые мечты. Последовало долгое молчание.

— Армия сейчас стреляет по людям, доктор Мэллори. — Теперь Свинг говорил мягко и чуть тревожно. Мэллори промолчал.

— В этот самый момент британская армия, главный оплот вашей так называемой цивилизации, расстреливает на улицах своих сограждан. Мужчин и женщин, вооруженных одними лишь камнями, убивают из автоматического оружия. Разве вы не слышите стрельбы?

Мэллори снова промолчал.

— Вы строите дом свой на песке, доктор Мэллори. Древо вашего благополучия произрастает на зверствах и убийствах. Массы не могут вас больше терпеть. Кровь вопиет с семижды проклятых улиц Вавилондона!

— Выходите, Свинг! — крикнул Мэллори. — Вы-

лезайте из своей темной норы, я хочу взглянуть вам в лицо.

— Это не входит в мои планы, — саркастически бросил Свинг.

И снова тишина.

— Я намеревался взять вас живым. — Чувствовалось, что Свинг принял окончательное решение. — Но если Ада Байрон действительно знает вашу тайну, то вы мне больше не нужны. Мой верный товарищ, спутница моей жизни, — вы знаете, о ком я, — опутала королеву машин надежнейшей сетью! Мы получим и леди Аду, и «Модус», и само будущее. А ваш удел — могила на дне прогнившей Темзы.

— Так убейте нас и перестаньте чесать языком! — крикнул выведенный из себя Фрейзер. — А вам не миновать петли, Особый отдел об этом позаботится.

— Се глас властей предержащих! — чуть не расхохотался Свинг. — Сиречь всемогущего британского правительства! Вы умеете косить несчастных бедолаг на улицах, но посмотрим, как ваши раздувшиеся от народной крови плутократы будут брать этот пакгауз, где у нас сложены товары, стоящие миллиона заложников.

— Ты совсем сбрендил, — вырвалось у Мэл-

лори.

— А почему, думаешь, я выбрал своей штаб-квартирой именно это место? Управляющие вами лавочники ценят свое барахло выше любого числа человеческих жизней! Они никогда не станут стрелять по своим складам, по своим товарам. Здесь мы неуязвимы!

— Ты — законченный болван, Свинг! — рассмеялся Мэллори. — Если Байрон мертв, то правительство в руках лорда Бэббиджа и его чрезвычайного комитета. Бэббидж — великий прагматик! Его не остановят заботы о каких бы то ни было товарах.

— Бэббидж — пешка в руках капиталистов.

— Он — провидец, а ты — жалкий, ничего не соображающий клоун! Как только он узнает, что ты здесь, он снесет к чертовой матери всю эту лавочку!

Здание содрогнулось от громового раската, затем послышался дробный перестук по крыше.

— Дождь! — крикнул Том.

— Это артиллерия, — поправил его Брайан.

— Нет, слушайте… это дождь, Брайан! Смраду конец! Это благословенный дождь!

У осадных машин разгорался ожесточенный спор. Свинг орал на своих подручных.

Сквозь изрешеченную пулями крышу начала капать холодная вода.

— Это дождь, — сказал Мэллори, лизнув тыльную сторону ладони. — Дождь! Мы победили, ребята. — Здание снова содрогнулось. — Даже если нас здесь убьют, — крикнул Мэллори, — для них все кончено. Когда воздух Лондона посвежеет, им негде будет спрятаться.

— Дождь дождем, — настаивал Брайан, — но с реки стреляют из десятидюймовых морских орудий… [115]

Крышу пробил снаряд, в глубине пакгауза взметнулся яростный куст дымного оранжевого пламени.

— Они пристрелялись! — крикнул Брайан. — Прикроемся хоть чем-нибудь! — Он принялся отчаянно сражаться с тюками хлопка.

Мэллори с изумлением смотрел, как в крыше возникают все новые и новые отверстия — ровными рядами, на одинаковом расстоянии друг от друга, словно проколотые шилом сапожника. Визжали осколки, огненными кометами носились клочья растерзанного взрывами хлопка.

Стеклянный свод разлетелся на тысячи брит-

---

[115] Примечания: 115

На канонерке описанного ранее авторами типа (с орудийными портами) не могло быть пушек такого калибра.

венно-острых осколков. Брайан что-то кричал, но его голос полностью тонул в какофонии. Придя в себя, Мэллори нагнулся, чтобы помочь брату взгромоздить на бруствер еще один тюк, а затем вжался в спасительную яму.

Он сидел с винтовкой на коленях. Искореженную крышу полосовали ослепительные вспышки. Гнулись стальные балки, с пистолетными хлопками выскакивали не выдержавшие напряжения заклепки. От грохота закладывало уши, мутилось в голове. Пакгауз сотрясался, как жестянка под ударами молотка.

Брайан, Том и Фрейзер напоминали сейчас молящихся бедуинов — стояли на коленях, уткнувшись лбами в мешковинный пол; их ладони были плотно прижаты кушам. Горящие щепки и тряпки мягко падали на хлопок и лежали, чуть подпрыгивая при каждом очередном взрыве. Вокруг них расползались черные, слегка дымящиеся пятна. Дым забивал легкие, заставлял слезиться глаза. Было очень жарко.

Мэллори рассеянно отщипнул два клока ваты и заткнул уши.

Медленно, как крыло умирающего лебедя, обрушилась часть перекрытия; потоки дождя бросились в битву с огнем.

Душу Мэллори объяли мир и спокойствие. Он встал, опираясь на винтовку, как на посох. С реки больше не стреляли, грохот разрывов смолк, сменившись треском и шипением пожара, охватившего уже все здание. Сотни языков грязного пламени причудливо изгибались под порывами ветра.

Мэллори шагнул к хлопковому брустверу. Крытый проход анархистов разлетелся при обстреле вдребезги, как глиняный туннель термитов — под тяжелым сапогом. Голова Мэллори полнилась монотонным ревом абсолютного величия, он стоял и смотрел, как с воплями разбегаются враги.

Один из людей остановился и обернулся. Это был Свинг. Он взглянул на Мэллори, на его лице было отчаяние — и благоговейный ужас. Он что-то крикнул — раз, еще раз, — но Мэллори не расслышал слов и медленно покачал головой.

Свинг поднял свое оружие. Мэллори с приятным удивлением узнал знакомые очертания карабина «каттс-модзли».

Свинг встал поудобнее, прицелился и нажал на спуск. Воздух вокруг Мэллори наполнился приятными поющими звуками, но они не имели никакого значения, так же как и мелодичное звяканье пуль об остатки крыши. Руки Мэллори

двигались изящно и непринужденно, он вскинул винтовку к плечу, прицелился и выстрелил. Свинг вздрогнул и упал навзничь. Зажатый у него в руках «каттс-модзли» продолжал дергаться и щелкать, повинуясь пружине, даже после того, как в диске кончились патроны.

Мэллори почти безразлично наблюдал, как Фрейзер с паучьим проворством пробирается среди завалов хлама, вынимает пистолет, подходит к поверженному анархисту. Надев на Свинга наручники, Фрейзер перебросил его обмякшее тело через плечо.

У Мэллори слезились глаза. Дым от объятых пламенем товаров все густел. Мэллори проморгался, посмотрел вниз и увидел, как Том помогает Брайану спуститься на пол пакгауза.

Фрейзер отчаянно махал рукой. Том и сильно прихрамывающий Брайан направились в его сторону, подошли совсем близко. Мэллори улыбнулся и тоже спустился с хлопкового штабеля.

Фрейзер, Том и Брайан повернулись и побежали, их окружало бушующее море огня. Мэллори побрел следом.

Катастрофа вспорола Свингову крепость, как нож — консервную банку, костяшками домино разметала кирпичи. Гвозди, оставшиеся на ме-

сте оторванного каблука, скребли по бетонному полу, но Мэллори не слышал этого звука; блаженный и умиротворенный, он вышел под небо возрожденного Лондона.

Под всеочищающий дождь.

* * *

Двенадцатого апреля 1908 года в возрасте восьмидесяти трех лет Эдвард Мэллори скончался в своем доме в Кембридже. Точные обстоятельства его смерти не совсем ясны; нужно думать, в связи со смертью бывшего президента Королевского общества были предприняты меры, обеспечивающие сохранение всех надлежащих приличий. Мемуары доктора Джорджа Сэндиса, друга и личного врача лорда Мэллори, указывают на то, что великий ученый умер от кровоизлияния в мозг. Сэндис отмечает — не совсем понятно, зачем, — что Мэллори скончался, будучи одетым в патентованное эластичное белье, на ногах у него были носки с подтяжками и полностью зашнурованные кожаные туфли.

Будучи человеком дотошным, доктор упоминает также предмет, обнаруженный под длинной седой бородой покойного. Шею великого ученого обвивала тонкая стальная цепочка, пропущен-

ная сквозь старинное дамское кольцо с печаткой в виде герба рода Байронов и девизом «Crede Byron» [116]. Зашифрованные мемуары врача — единственное известное нам свидетельство существования данного предмета; можно думать, что Эдвард Мэллори получил его как дар признательности за оказанную кому-то услугу. Вполне вероятно, что Сэндис изъял это кольцо, хотя весьма подробный каталог имущества Сэндиса, составленный в 1940 году, после его смерти, ни о чем подобном не упоминает.

В завещании Мэллори, тщательно продуманном документе, где не упущена, казалось бы, ни одна малость, также нет ни малейших намеков на существование такого кольца.

* * *

Представьте себе Эдварда Мэллори в кабинете его просторного кембриджского особняка. Время уже к ночи.

Великий палеонтолог, чьи экспедиционные дни давно позади, добровольно ушедший с поста президента, посвятил зиму своей жизни вопросам теории и наbболее тонким нюансам научной

---

[116] Примечания: 116
«Crede Byron» (лат.) — «Верь Байрону» или «Верь в Байрона».

администрации.

Лорд Мэллори давно уже пересмотрел радикальные катастрофистские доктрины своей молодости, оставив дискредитировавшую себя идею о том, что Земле не более трехсот тысяч лет, — радиоактивная датировка доказала противное. Ему достаточно и того, что катастрофизм проявил себя как удобный путь к высшей геологической истине, путь, приведший его к величайшему личному триумфу: открытию в 1865 году дрейфа континентов [117].

Не бронтозаврус, не яйца трицератопсуса [118], найденные в пустыне Гоби, а именно этот взлет дерзновенного прозрения обеспечил ему бессмертную славу.

Мэллори, который спит теперь очень мало, присаживается к изогнутому японскому столу из искусственной слоновой кости. Сквозь раздвинутые шторы видно, как светятся электрические

---

[117] Примечания: 117

Идею о том, что материк в незапамятные времена был один, а потом распался, высказал в XVIII в. граф Бюффон; теория же была сформулирована Альфредом Вегенером в 1911 г.

[118] Примечания: 118

Трицератопсус (трицератопс) — рогатый динозавр. Яйца динозавров действительно найдены в пустыне Гоби в Монголии, но уже в 1922 г. — американскими палеонтологами У. Грейнджером и У. К. Грегори. Огромные количества яиц были обнаружены дальнейшими экспедициями — советскими, польскими, китайскими.

лампочки за разноцветными, с абстрактным орнаментом, окнами его ближайшего соседа. Соседний дом, равно как и дом самого Мэллори, представляет собой до мельчайших деталей продуманное буйство естественных форм, крытое драконьей чешуей из переливающихся всеми цветами радуги керамических плиток. Этот стиль — доминирующий архитектурный стиль современной Англии — зародился на рубеже веков в бурно развивающейся республике Каталония [119].

Мэллори лишь недавно распустил тайное — так, во всяком случае, считалось — заседание «Общества Света». Высший иерарх этого приходящего в упадок братства, он облачен соответственно сану. Короткая ярко-голубая шерстяная

---

[119] Примечания: 119

Речь, конечно же, о великом испанском архитекторе Антонио Гауди (1852–1926). Он наиболее ярко соединил декоративные тенденции модерна с формами каталонского барокко, стремился выявить конструктивные возможности новых строительных материалов, умело использовал рельеф и природные условия участка, а также доводил до крайности поиски необычной объемно-пространственной композиции здания. Для Гауди характерны криволинейные архитектурные формы, часто подражавшие скалам или формам растительного и животного мира, декоративная насыщенность внешнего облика здания (использование цветной майолики и т. д.). Основные его постройки находятся в Барселоне; наиболее знаменитая из них — собор Ла Саграда Фамилиа, строительство которого началось в 1886 г. и продолжается, с переменным успехом, до сих пор.

риза оторочена алым. Достающая до пят юбка из искусственного шелка — тоже голубая и тоже с алой оторочкой — украшена концентрическими полосами полудрагоценных камней. Позолоченную, также усеянную яркими камнями корону Мэллори снял, теперь этот не совсем обычный головной убор, снабженный длинным чешуйчатым назатыльником, покоится на настольном печатающем устройстве.

Он надевает очки, набивает и раскуривает трубку. Его секретарь Кливленд, человек в высшей степени аккуратный и пунктуальный, оставил ему два набора документов, сложенных аккуратными стопками в папках с латунными застежками, — стопки лежат по разные стороны стола. Одна папка лежит слева, другая — справа, и нет никакой возможности узнать, какую именно он выберет.

Он выбирает левую папку. Это отпечатанный на машине отчет, присланный престарелым

чиновником «Мейрокуся»[120], знаменитого братства японских ученых, которое является важнейшим восточным отделением «Общества Света». Точный текст этого отчета в Англии отсутствует, однако он сохранился в Нагасаки, наряду с аннотацией, указывающей, что одиннадцатого апреля отчет был отправлен иерарху телеграфом по общедоступным каналам. Суть отчета сводится к тому, что «Мейрокуся», страдая от резкого сокращения численного состава и участившихся случаев неявки, проголосовало за то, чтобы отложить дальнейшие собрания на неопределенный срок. К тексту приложен расписанный по пунктам счет за прохладительные напитки, закуски и аренду маленького отдельного кабинета в токийском ресторане «Сейекен» [121].

---

[120] Примечания: 120

«Мейрокуся» — «Общество шестого Мейдзи». Учреждено Мори Аринори в 1873 г. (шестой год эпохи Мейдзи), дабы способствовать делу «цивилизации и просвещения». Среди 33 членов общества были наиболее видные японские мыслители, педагоги и государственные чиновники, изучавшие как традиционное конфуцианство, так и западные науки. Общество продолжало встречаться примерно до 1900 г., однако его влияние резко снизилось после 1875 г., когда издававшийся «Мейрокуся» журнал не смог преодолеть цензурные рогатки.

[121] Примечания: 121

«Сейекен» — знаменитый токийский ресторан в квартале Цукидзи (выстроенном специально для иностранцев в последние годы сёгуната Токугава и изолированном тогда от остального города); там подавалась подходящая для иностранцев еда, которую доставляли из Иокогамского поселения.

Лорд Мэллори, хотя эта новость и не является для него неожиданностью, преисполнен чувства горечи и утраты. Возраст не сделал великого ученого мягче, а лишь обострил его всегдашнюю вспыльчивость, начальное возмущение переходит в бессильную ярость.

Одна из его артерий лопается.

Данная цепь событий не имеет места.

* * *

Он выбирает правую папку. Эта папка несколько толще левой и тем привлекает его внимание. В ней содержится подробный отчет палеонтологической экспедиции Королевского общества на тихоокеанское побережье Западной Канады. Радуясь пробуждению ностальгии по собственным экспедиционным дням, он внимательно изучает отчет.

Труд современных ученых разительно отличается от того, что знакомо Мэллори по собственному его прошлому. Британские ученые прилетели на материк из процветающей столицы Виктория, а затем покинули роскошную базу, располо-

женную в прибрежном поселке Ванкувер [122], и отправились на автомобилях в горы. Их руководитель — если стоит величать его таким титулом — юный выпускник Кембриджа по фамилии Моррис, запомнившийся Мэллори как курчавый странноватый парень, имевший пристрастие к бархатным пелеринам и загогулистым модернистским шляпам.

Изучались кембрийские отложения, темный сланец почти литографического качества. Судя по всему, они буквально кишат разнообразными органическими остатками, расплющенными до бумажной толщины представителями древней беспозвоночной фауны. Мэллори, специалист по позвоночным, начинает терять интерес; он считает, что повидал за свою жизнь больше трилобитов, чем следовало бы, и, вообще, ему всегда было трудно пробудить в себе энтузиазм по поводу чего-либо, меньшего двух дюймов в длину. Что еще хуже, совершенно ненаучный стиль отчета грешит разнузданным, радикальным энтузиазмом.

Он переходит к снимкам.

---

[122] Примечания: 122

Викторией именуется административный центр острова Ванкувер, а город Ванкувер находится от него через пролив Джорджия, на побережье материковой части Западной Канады.

На первом — существо с пятью глазами. Вместо рта у него — длинное, обильно уснащенное когтями рыло.

Далее — безногая, студенистая, похожая на ската тварь с внушительными для своих размеров клыками; клыки эти окаймляют круглый, смыкающийся, как диафрагма, рот.

Тварь с четырнадцатью острыми шипами — это у нее такие конечности. Тварь без головы, глаз и желудка, обладающая, однако, семью крохотными ртами, каждый — на конце гибкого щупальца.

Они не имеют ничего общего ни с одним из известных существ из какого бы то ни было известного периода [123].

Мэллори поражен, к его голове приливает

---

[123] Примечания: 123

Речь идет об открытии, сделанном в 1909 г. в Британской Колумбии (в сланцевых глинах на перевале Берджесса в Скалистых горах) экспедицией Чарльза Дулиттла Уолкотта из Смитсоновского института… существо с пятью глазами. Вместо рта у него — длинное, обильно уснащенное когтями рыло — это опабиния;…безногая, студенистая, похожая на ската тварь с внушительными для своих размеров клыками; клыки эти окаймляют круглый, смыкающийся, как диафрагма, рот — это аномалькарис (существо отнюдь не микроскопическое — до полуметра в длину); …тварь с четырнадцатью острыми шипами — это у нее такие конечности. Тварь без головы, глаз и желудка, обладающая, однако, семью крохотными ртами, каждый — на конце гибкого щупальца — это галлюцигения (не исключено, что обнаружено не целое животное, а лишь фрагмент чего-то еще более странного). Обнаруженные останки Уолкотт интерпретировал неверно, пытаясь втиснуть «тварей» в категории современной классификации беспозвоночных.

Новое толкование, — пролившее качественно иной свет на всю историю земной жизни и эволюции, — предложил в 1971 г. кембриджский профессор Гарри Уиттингтон; речь шла теперь не о привычной эволюционной цепочке, не о постепенном совершенствовании, усложнении, формировании отличий, — но о массовом вымирании с последующей дифференциацией среди немногих сохранившихся видов.

кровь. Водоворот возможных истолкований и выводов выстраивается в систему, восходит к странному, божественному сиянию, к восторженному прорыву в высшее понимание — все ярче, все яснее, все ближе…

Его голова ударяется о стол, тело заваливается вперед. Он падает с кресла и лежит на спине, не чувствуя своего тела. Он парит, объятый светом чуда, светом знания — знания, вечно двигающегося к дальним пределам реальности, знания, которое умирает, чтобы родиться.

ИТЕРАЦИЯ ПЯТАЯ

ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО

Полдень на Хорсферри-роуд, 12 ноября 1855 года. Изображение получено Э. Дж. С. Халлкупом из Отдела криминальной антропометрии.

Фотоаппарат «Эксцельсиор», произведенный фирмой Толбота [124], зафиксировал одиннадцать человек, спускающихся по широким ступеням Центрального статистического бюро. Триангуляция показывает, что вооруженный телеобъективом Халлкуп находился на крыше одного из издательств, расположенных по Холиуэлл-стрит.

Впереди идет Лоренс Олифант. Его взгляд из-под черных полей цилиндра спокоен и ироничен.

Высокие матовые цилиндры создают мотив многократно повторяющихся вертикалей, обычный для фотоснимков того периода.

Как и все остальные, Олифант одет в темный сюртук и узкие брюки чуть более светлого оттенка. Его горло обмотано темным шелковым шарфом. Общее впечатление — личность солид-

---

[124] Примечания: 124

Толбот, Уильям Генри Фоке (1800–1877) — английский пионер в области фотографии.

ная и достойная, хотя что-то в осанке мистера Олифанта наводит на мысль о небрежной походке спортсмена.

Остальные люди — адвокаты, сотрудники Бюро и высокопоставленный представитель заводов «Колгейт».

На заднем плане над Хорсферри-роуд висят медные, в черной защитной обмазке телеграфные провода.

Увеличение показывает, что блеклые кляксы, усеивающие провода, — голуби.

Несмотря на то что день не по сезону ясен, Олифант, частый посетитель Бюро, раскрывает зонтик.

Цилиндр представителя «Колгейт» украшен продолговатой запятой белого голубиного помета.

Олифант сидел в маленькой приемной чуть поодаль от застекленной двери, ведущей в кабинет врача. Яркие цветные плакаты, густо развешанные по тускло-желтым стенам, со всеми подробностями показывали, что могут сделать болезни с человеком. Книжный шкаф ломился от затрепанных медицинских фолиантов. Резные деревянные скамьи попали сюда не иначе, как из какой-то разоренной церкви, посередине пола

лежал линялый шерстяной половик.

Взгляд Олифанта рассеянно скользнул по красного дерева футляру для медицинских инструментов и огромному свертку корпии, также имевшим свое место в книжном шкафу.

Кто-то окликнул его по фамилии.

За стеклянной дверью кабинета мелькнуло лицо. Мертвенно бледное, выпирающий лоб облеплен прядями влажных темных волос.

— Коллинз, — пробормотал Олифант. — Капитан Свинг.

И другие лица, легион лиц — лица исчезнувших, чьи имена стерты и забыты.

— Мистер Олифант?

Доктор Макнил стоял на пороге распахнутой двери и смотрел прямо на него. Чуть смущенный Олифант встал и машинально оправил сюртук.

— Вы вполне здоровы, мистер Олифант? Секунду назад у вас было совершенно необычное выражение лица.

Макнил был сухощав, имел аккуратно подстриженную бородку, темно-каштановые волосы и светло-серые, почти бесцветные глаза.

— Спасибо, я здоров. А как вы себя чувствуете, доктор Макнил?

— Прекрасно, благодарю вас. После недавних

событий начали появляться интересные симптомы, мистер Олифант. У меня сейчас лечится один джентльмен, который сидел наверху паробуса, шедшего по Риджент-стрит как раз тогда, когда прямо в бок этому экипажу врезался другой паровой экипаж, мчавшийся со скоростью около двадцати миль в час!

— Правда? Подумать только…

К ужасу Олифанта доктор с видимым удовлетворением потер белые, с длинными изящными пальцами руки.

— Никаких *физических*повреждений он не получил. *Никаких*. Совершенно никаких. — Бесцветные глаза горели профессиональным энтузиазмом. — Но затем проявилась бессонница, начальные стадии меланхолии, незначительные провалы в памяти — полный набор симптомов, соотносимых, как правило, с латентной истерией. — По лицу врача скользнула торжествующая улыбка. — Мы наблюдали, мистер Олифант, развитие «железнодорожного хребта» в на редкость чистых клинических условиях!

Макнил провел Олифанта в дверь и далее в обшитый деревом кабинет, всю обстановку которого составляли зловещие электромагнетические устройства. Олифант повесил сюртук и жилет на

красного дерева вешалку; оставшись в крахмальной манишке и подтяжках, он чувствовал себя до крайности нелепо.

— А как ваши… «приступы», мистер Олифант?

— Благодарю, с последнего сеанса — ни одного. (А правда ли это? Трудно сказать…)

— Нарушений сна не наблюдается?

— Да, пожалуй, нет.

— Какие-нибудь необычные сны? Сны, от которых вы просыпаетесь?

— Нет, ничего такого.

В блеклых внимательных глазах мелькнуло что-то вроде недоверия.

— Очень хорошо.

Олифант привычно забрался на «манипуляционный стол» Макнила, представлявший собой нечто среднее между шезлонгом и дыбой палача. Все сегменты этой диковатой суставчатой конструкции были обтянуты жесткой холодной гобеленовой материей с гладко вытканным машинным орнаментом.

Олифант попытался устроиться поудобнее, однако врач делал это абсолютно невозможным, подкручивая то один, то другой из многочисленных латунных маховичков.

— Не ерзайте, — строго сказал он. Олифант

закрыл глаза.

— Ну и пройдоха же этот Поклингтон.

— Прошу прощения? — Олифант раскрыл глаза. Макнил нависал над ним, нацеливая железную спираль, прикрепленную к шарнирной лапе штатива.

— Поклингтон. Он пытается приписать себе честь ликвидации лаймхаузской холеры.

— Первый раз слышу. Он врач?

— Если бы. Этот тип *инженер*. Он якобы покончил с холерой, сняв рукоятку с муниципальной водозаборной колонки! — Макнил зажимал гайкой с барашком многожильный медный провод.

— Что-то я не очень понимаю.

— Ничего удивительного, сэр! Этот человек — или дурак, или шарлатан. Он написал в «Таймс», что холера происходит от грязной воды.

— Вы считаете это полной бессмыслицей?

— Это в корне противоречит просвещенной медицинской теории. — Макнил взялся за второй провод. — Дело в том, что этот Поклингтон в большом фаворе у лорда Бэббиджа. Он организовал вентиляцию пневматических поездов.

Уловив в голосе Макнила зависть, Олифант испытал легкое злорадное удовлетворение. Выступая на похоронах Байрона, Бэббидж сожалел о

том, что даже и в наше время медицина все еще остается скорее искусством, чем наукой. Речь, конечно же, широко публиковалась.

— А теперь прошу закрыть глаза — на случай, если проскочит искра. — Врач натягивал огромные, плохо гнущиеся кожаные рукавицы.

Он присоединил провода к массивной гальванической батарее; комната наполнилась жутковатым запахом электричества.

— Попытайтесь, пожалуйста, расслабиться, мистер Олифант, чтобы облегчить обращение полярности!

* * *

На Хаф-Мун-стрит сиял фонарь Вебба — прозрачная желобчатая коринфская колонна, питаемая газом из канализационных труб. На период чрезвычайного положения все остальные лондонские «веббы» были отключены — из боязни протечек и взрывов. И действительно, по меньшей мере на дюжине улиц мостовые оказались разворочены взрывами, большинство из которых приписывали все тому же газу. Лорд Бэббидж не раз и не два высказывался в поддержку метода Вебба, в результате чего каждый школьник знал, что метан, производимый одной-единственной

коровой за ее недолгую коровью жизнь, может целые сутки обеспечивать среднюю британскую семью теплом и светом.

Подходя к георгианскому фасаду своего дома, Олифант взглянул на фонарь. Его свет был еще одной явной приметой возвращения к обычной жизни, только что толку в этих приметах. Грубая форма социального катаклизма миновала, с этим не приходится спорить, однако смерть Байрона породила волны нестабильности; в воображении Олифанта они расходились кругами, как рябь от брошенного в воду камня, накладываясь на волны, распространяющиеся из других, не столь очевидных очагов возбуждения, и создавая зловеще непредсказуемые области турбулентности — вроде истории с Чарльзом Эгремонтом и теперешней антилуддитской охотой на ведьм.

Олифант с абсолютной уверенностью профессионала знал, что луддизм ушел в прошлое; несмотря на все усилия кучки бешеных анархистов, лондонские беспорядки прошлого лета не имели никакой осмысленной политической программы. Радикалы без лишних споров удовлетворили все разумные требования рабочего класса. Байрон всегда умел смягчить правосудие театральными жестами милосердия. Луддитские

вожаки прошлых времен, заключившие мир с радикалами, стали теперь вполне благополучными руководителями респектабельных профсоюзов и ремесленных гильдий. Некоторые из них превратились в богатых промышленников и жили бы горя не зная, если бы не Эгремонт, беспрестанно припоминавший отставным борцам за народное дело их прошлые убеждения.

Вторая волна луддизма поднялась в бурные сороковые; на этот раз она была направлена непосредственно против радикалов, сопровождалась политическими требованиями и всплеском насилия. Но эта волна погасла в хаосе взаимных предательств, а наиболее дерзких ее вдохновителей, таких как Уолтер Джерард, постигла судьба всех революционеров-романтиков. Сегодня группы вроде манчестерских «Адских котов», к которым принадлежал в детстве Майкл Рэдли, выродились в обыкновенные молодежные банды и не преследовали больше никаких политических целей. Влияние «капитана Свинга» все еще ощущалось в отсталой Ирландии, даже в Шотландии, но Олифант относил это за счет аграрной политики радикалов, которая сильно отставала от их блестящего руководства промышленностью. Нет, думал он, входя в распахнутую Блаем

дверь, дух Неда Лудда едва ли бродит еще по земле. Но как тогда прикажете понимать Эгремонта с его неистовой кампанией?

— Добрый вечер, сэр.

— Добрый вечер, Блай.

Он отдал слуге цилиндр и зонтик.

— На кухне есть холодное баранье жаркое, сэр.

— Вот и прекрасно. Я пообедаю в кабинете.

— Чувствуете себя хорошо, сэр?

— Да, благодарю.

Магниты Макнила разбередили боль в спине, а может, всему виной его проклятый манипуляционный стол, на котором и здоровый-то человек хребет себе сломает. Этого врача порекомендовала ему леди Брюнель — блистательная карьера лорда Брюнеля была связана с огромным количеством железнодорожных поездок, что пагубно отразилось на состоянии его позвоночника. Макнил диагностировал «таинственные приступы» Оли-фанта как симптомы «железнодорожного хребта» — травматического изменения магнитной полярности позвонков. Новейшие теории рекомендовали в подобных случаях электромагнитную коррекцию — ради чего, собственно, Олифант и являлся еженедельно на Харли-стрит. Манипуляции шотландца напоминали Олифанту

болезненно пылкое увлечение его собственного отца месмеризмом.

Олифант-старший сперва отслужил свое генеральным прокурором Капской колонии, а затем был переведен на Цейлон председателем Верховного суда. Неизбежная скособоченность домашнего образования привела к тому, что Олифант блестяще владел современными языками, оставаясь, однако, абсолютным невеждой в латыни и греческом. Его родители исповедовали некую весьма эксцентричную разновидность евангелизма, и хотя Олифант сохранил (в тайне от всех окружающих) некоторые элементы их веры, отцовские эксперименты он вспоминал со странным ужасом: железные жезлы, магические кристаллы…

Интересно, спрашивал он себя, поднимаясь на второй этаж, как приспособится леди Брюнель к жизни супруги премьер-министра?

Стоило ему ухватиться покрепче за перила, как японская рана запульсировала тупой болью.

Вынув из жилетного кармана трехбородчатый ключ «модзли», он отпер дверь кабинета; Блай, в чьем распоряжении находился единственный дубликат ключа, уже зажег газ и растопил камин.

Обшитый дубом кабинет неглубоким трехгранным эркером выходил в парк. Старинный, аскетически простой трапезный стол, тянувшийся через всю комнату, служил Олифанту вместо письменного. Современное конторское кресло на стеклянных роликах регулярно мигрировало от одной стопки изучаемых Олифантом документов к другой. Вследствие постоянных перемещений кресла ролики уже заметно протерли ворс синего аксминстерского ковра.

Ближний к окну конец стола занимали три телеграфных аппарата «Кольт и Максвелл»; их ленты выползали из-под стеклянных колпаков и белыми змейками ложились в стоящие на полу проволочные корзинки. Кроме принимающих аппаратов, здесь имелись передатчик с пружинным приводом и шифрующий перфоратор последнего правительственного образца. Провода всех этих устроиств, заключенные в темно-красную шелковую оплетку, уходили в подвешенный к люстре орнаментальный глазок, затем тянулись к стене и прятались за полированной латунной пластиной с эмблемой Министерства почт.

Один из приемников застучал. Олифант прошел вдоль стола и начал читать телеграмму, выползавшую из массивной, красного дерева

подставки прибора.

«ОЧЕНЬ ЗАНЯТ ЛИКВИДАЦИЕЙ ЗАГРЯЗНЕНИЙ НО ЗАХОДИТЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО ТОЧКА УЭЙКФИЛД КОНЕЦ»

Дверь распахнулась; Блай внес в кабинет поднос с нарезанной ломтями бараниной и бранстонским острым соусом.

— Я принес еще бутылку эля, сэр.

Он застелил салфеткой часть стола, которая оставлялась свободной специально для этой цели и расставил посуду.

— Спасибо, Блай.

Олифант поддел кончиком пальца ленту с сообщением Уэйкфилда и уронил ее в проволочную корзинку.

Блай налил эль в кружку, а затем удалился с подносом и пустой керамической бутылкой; Олифант подкатил кресло и принялся намазывать мясо соусом.

Уединенную трапезу прервал стук правого аппарата. Левый, по которому Уэйкфилд прислал свое приглашение на ленч, был зарегистрирован на личный номер Олифанта. Правый — это значит какое-нибудь полицейское дело, скорее всего — Беттередж или Фрейзер. Олифант отложил нож и вилку.

Из прорези выползала лента.

«ВАШЕ ПРИСУТСТВИЕ НЕОБХОДИМО НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО В СВЯЗИ С ФБ ТОЧКА ФРЕЙЗЕР КОНЕЦ»

Олифант вынул из жилетного кармана немецкие часы, служившие еще его отцу, и отметил время. Убирая часы назад, он коснулся среднего из трех стеклянных колпаков. После смерти премьер-министра на этот аппарат не пришло еще ни одного сообщения.

* * *

Бригсомская терраса, куда вез его кэб, выходила на одну из новых, очень широких улиц — отважные строители испытывали почти сладострастный восторг, прорубая такие просеки в древних и почти еще не исследованных джунглях Восточного Лондона.

С первого же взгляда на «террасу» Олифант решил, что более унылого сооружения из кирпича и известки не было, нет и не дай бог если будет. Не жилые дома, а тюрьмы какие-то. Подрядчик, нажившийся на строительстве этих кошмарных чудовищ, должен был еще до окончания работ повеситься на дверях ближайшего кабака.

Да и все эти улицы, по которым ехал кэб — их

только при подобных обстоятельствах и видишь, — широкие, унылые, безликие, словно и не знающие ни дневного света, ни самых обыкновенных прохожих. Начинало моросить, и Олифант сразу пожалел, что отказался от предложенного Блаем дождевика. А вот на двоих, околачивающихся у пятого дома, были черные плащи с капюшонами. Эти длинные просторные хламиды из провощенного египетского хлопка, придуманные в Новом Южном Уэльсе и снискавшие немало похвал в Крыму, были идеально приспособлены, чтобы скрывать такое оружие, какое — тут уж никаких сомнений — скрывала эта парочка.

— Особое бюро, — бросил Олифант, не замедляя шага.

Бдительные стражи даже не шелохнулись, ошеломленные аристократическим произношением и уверенным поведением незнакомца. Нужно сказать об этом Фрейзеру.

Миновав прихожую, он оказался в крошечной гостиной, залитой безжалостным белым светом мощной карбидной лампы, установленной в углу на треноге. Мебель в гостиной состояла из явных остатков былой роскоши. Кабинетный рояль, шифоньерка — все это, по смыслу, предназначалось

для гораздо большего помещения. Золоченый багет шифоньерки вытерся, потускнел и производил теперь невероятно жалкое впечатление. Посреди пустыни грубого бесцветного половика розами и лилиями цвел прямоугольный оазис — маленький, донельзя обветшавший брюссельский коврик. На окнах — вязаные занавески, за окнами — Бригсомская терраса. Слева и справа от зеркала в двух настенных проволочных корзинах обильно и колюче разрослись какие-то паукообразные кактусы.

К запаху карбида примешивалась еще и другая, более резкая вонь.

Из глубины дома появился Беттередж, занятый последнее время наружным наблюдением за пинкертоновскими агентами — и сам очень похожий на пинкертоновского агента. Для достижения этого сходства оперативник был вынужден одеваться во все американское с ног до головы — от лакированных штиблет с эластичными вставками до высокого котелка. Лицо его выражало мрачную озабоченность.

— Я беру на себя всю ответственность, сэр. — Беттередж заикался и с трудом подбирал слова; похоже, случилось что-то скверное. — Мистер Фрейзер ждет вас, сэр. Все оставлено на своих

местах.

Олифант вышел из гостиной и поднялся по узкой, опасной крутизны лестнице в совершенно пустой коридор, освещенный еще одной карбидной лампой. По голым оштукатуренным стенам расползались причудливые потеки соли. Запах гари резко усилился.

Сквозь еще одну дверь он прошел в маленькую, ярко освещенную комнату. Фрейзер, молитвенно коленопреклоненный рядом с распростертым на полу трупом, поднял на Олифанта мрачное, сосредоточенное лицо, хотел что-то сказать, но осекся, остановленный взмахом руки.

Так вот, значит, откуда эта вонь. Посреди окованной железными полосами крышки старомодного дорожного сундука расположился новейший портативный прибор для приготовления пищи в походных условиях; латунный топливный бачок «Примус» сверкал, как зеркало, зато содержимое маленькой чугунной сковородки спеклось в черную, неопрятную, дурно пахнущую массу. Еда сгорела с концами.

Да и едок — тоже. При жизни этот человек был настоящим великаном, теперь же его труп начисто перегородил тесную комнатенку. Олифант неохотно перешагнул через окоченевшую

руку, наклонился и несколько секунд изучал сведенное предсмертной судорогой лицо, тусклые невидящие глаза. Выпрямившись, он обернулся к Фрейзеру.

— Ну и что вы думаете?

— Покойничек разогревал консервированные бобы, — сказал Фрейзер. — Ел их прямо со сковородки. Вот этим. — Он указал ногой на кухонную ложку с выщербленной голубой эмалью. — Я почти уверен, что никого здесь с ним не было. Умял треть банки и вырубился. Яд.

— Яд, говорите? — Олифант вынул из кармана портсигар и серебряную гильотинку. — И что же это такое могло быть? — Он достал сигару, обрезал ее и проколол.

— Что-то сильное, вон ведь какого мужика свалило.

— Да, — кивнул Олифант. — Крупный экземпляр.

— Сэр, — подал голос Беттередж, — вы посмотрите вот на это.

Кожаные ножны, снабженные для крепления на теле длинными ремешками, были сплошь покрыты белесыми потеками пота, из них торчала грубая роговая рукоятка с латунной гардой. Оружие, извлеченное Беттереджем из ножен,

отдален но напоминало морской кортик [125], однако не было обоюдоострым; кроме того, тупая его сторона имела вблизи конца своеобразную искривленную выемку.

— А что это за медная накладка по тупой стороне?

— Чтобы парировать клинок противника, — объяснил Олифанту Фрейзер. — Мягкий металл, цепляет лезвие. Американские штучки.

— Клеймо изготовителя?

— Никакого, сэр, — снова заговорил Беттередж. — Судя по всему, ручная ковка.

— Покажите ему этот ствол, — сказал Фрейзер.

Беттередж вложил клинок в ножны, положил его на сундук, отвел полу своего сюртука и достал тяжелый револьвер.

— Французско-мексиканский. — Он говорил, как коммивояжер, рекламирующий необыкновенные качества своего товара. — «Баллестер-молина». После первого выстрела курок взводится автоматически.

— Армейское оружие? — удивился Олифант. Револьвер выглядел несколько грубовато.

— Дешевка, — покачал головой Фрейзер. — У

---

[125] Примечания: 125

Авторы описывают здесь очень популярный в США «нож Боуи», названный по имени знаменитого пионера Джеймса Боуи (1799–1836).

американцев они в свободной продаже. Ребята из столичной полиции то и дело конфискуют такие у матросов. Слишком уж много их развелось.

— Матросов?

— Конфедераты, янки, техасцы…

— Техасцы, — повторил Олифант, посасывая незажженную сигару. — Полагаю, все мы здесь согласны, что наш покойный друг принадлежал к этой нации.

— Мы нашли ход на чердак, этот парень устроил там что-то вроде гнезда. — Беттередж заворачивал пистолет в клеенку.

— Холод, наверное, собачий.

— Он запасся одеялами, сэр.

— Банка.

— Сэр?

— Консервная банка, в которой находился его последний ужин.

— Нет, сэр. Банки нет.

— Аккуратная стерва, — заметил Олифант. — Подождала, пока яд сделает свое дело, а потом вернулась, чтобы убрать улики.

— Не беспокойтесь, врач добудет нам улики, — отозвался Фрейзер.

Олифанта затошнило — от профессиональной бесчувственности Фрейзера, от близости трупа,

от всепроникающего запаха горелых бобов. Он повернулся и вышел в коридор, где один из полицейских возился с карбидной лампой.

Только в таком мерзком доме, как этот, и только на такой мерзкой улочке может произойти подобное мерзкое дело. Его захлестнула волна гадливости, лютое отвращение к этому тайному миру с полуночными поездками и хитросплетениями лжи, с легионами проклятых, безвестно забытых [126].

Олифант чиркнул Люцифером и раскурил сигару; руки у него дрожали.

— Сэр, всю ответственность… — За плечом у него возник Беттередж.

— Сегодня у моего друга с Чансери-лейн табак похуже обычного, — хмуро заметил Олифант. — При покупке сигар необходима крайняя осторожность.

— Мы перевернули квартиру вверх дном, мистер Олифант. Нет никаких свидетельств, что она вообще здесь жила.

— Правда? А чья это внизу симпатичная шифоньерка? Кто поливает кактусы? Кактусы вообще поливают? Возможно, они напоминали нашему

---

[126] Примечания: 126

Прямая аллюзия на стихотворение Р. Киплинга «The Lost Legion» (самый близкий перевод названия — «Безвестный легион»).

техасскому другу о родине…

Он решительно затянулся и стал спускаться; Беттередж не отставал ни на шаг, как молодой встревоженный сеттер.

Чопорный тип из «Криминальной антропометрии» задумчиво стоял у рояля, словно пытаясь вспомнить какой-то мотив. Из орудий пытки, хранившихся в черном саквояже этого джентльмена, наименее неприятными были калиброванные матерчатые ленты для бертильоновских измерений черепа [127].

— Сэр, — снова начал Беттередж, когда антропометрист ушел наверх, — если вы считаете меня ответственным, сэр… Это значит, за то, что я ее потерял…

— Помнится, я посылал вас в «Гаррик», на утреннее представление, чтобы вы рассказали мне о манхэттенских акробатках.

— Да, сэр…

— Так вы видели манхэттенскую труппу?

---

[127] Примечания: 127

Бертильоновские измерения черепа. — Правильнее было бы «бертийоновские». По имени Альфонса Бертильона (1853–1914), знаменитого французского криминалиста, создателя антропометрической системы, применявшейся с 1882 г. и до начала XX в., пока не ввели идентификацию по отпечаткам пальцев. (К слову сказать, выступал в 1899 г. свидетелем обвинения по делу Дрейфуса.) Его отец Луи Адольф Бертильон (1812–1883) и брат Жак Бертильон (1851–1922) были известными статистиками и демографами.

— Да, сэр.

— Но — позвольте мне угадать — вы увидели там и *ее!*

— Да, сэр! И Палтуса и его парочку тоже! Олифант снял и протер очки.

— А акробатки, Беттередж? Чтобы собирать столько зрителей, они должны быть весьма примечательными.

— О господи, сэр, они дубасили друг друга кирпичинами! Женщины бегали босиком и… ну, в газовых шарфиках, сэр, никакой пристойной одежды…

— Ну и как, Беттередж? Вам это понравилось?

— Нет, сэр, честное слово, нет. Любительский спектакль в Бедламе, вот на что это было похоже. К тому же там появились линкеры, так что у меня была работа… «Палтусом» они называли главного пинкертоновского агента, филадельфийца, который носил необычайно пышные бакенбарды и представлялся Бофортом Кингсли Де-Хейвеном (чаще) либо Бомонтом Александром Стоуксом (реже). Палтусом его сделало пристрастие к этой рыбе на завтрак, отмеченное Беттереджем и другими наблюдателями.

Палтус и двое его подчиненных, обретавшиеся в Лондоне уже восемнадцать месяцев, обес-

печивали Олифанта как весьма интересным занятием, так и великолепным предлогом для получения правительственных ассигнований. Организация Пинкертона, официально будучи фирмой частной, на деле служила центральным разведывательным органом вечно воюющих Соединенных Штатов. Имея агентурную сеть по всей Конфедерации, равно как и в республиках Техас и Калифорния, пинкертоны нередко получали доступ к важной стратегической информации.

По прибытии в Лондон Палтуса и его бойцов кое-кто из сотрудников Особого отдела предлагал насильственно их перевербовать, для чего существует уйма классических методов. Олифант поспешил подавить эти мысли в зародыше, доказывая, что американцы будут гораздо полезнее, если предоставить им свободу действий — под, подчеркнул он, неусыпным надзором как Особого отдела, так и его собственного Особого бюро Министерства иностранных дел. Так как Особое бюро почти не имело необходимого для таких игр персонала, Особый отдел прикомандировал к нему Беттереджа вкупе с группой неприметных, ежедневно сменявшихся лондонцев — опытных наблюдателей, каждого из которых Олифант

утверждал лично. Беттередж докладывал непосредственно Олифанту, который оценивал сырой материал, а затем передавал его в Особый отдел. Олифант находил подобное положение дел вполне удовлетворительным; Особый отдел от комментариев пока воздерживался.

Мало-помалу действия пинкертонов выявили незначительные, но остававшиеся прежде незамеченными элементы нелегальной активности. Полученная в результате информация составляла довольно сумбурный набор фактов, но Олифанту это даже нравилось. Пинкертоны, как с удовольствием объяснял он Беттереджу, обеспечат их чем-то вроде геологических кернов. Так пусть они исследуют глубины, а Британия будет пожинать плоды.

Беттередж почти сразу же, и к немалой своей гордости, обнаружил, что некий мистер Фуллер, единственный и сильно перегруженный служащий техасской дипломатической миссии, состоит на жаловании у Пинкертона. В дополнение к этому Палтус проявил безудержное любопытство к делам генерала Сэма Хьюстона, причем зашел столь далеко, что лично участвовал во взломе загородного особняка изгнанного техасского президента. На протяжении несколь-

ких месяцев пинкертоны следили за Майклом Рэдли, пресс-агентом Хьюстона, убийство которого в «Гранд-Отеле» послужило непосредственным толчком к сегодняшним изысканиям Олифанта.

— И вы видели на представлении коммунаров нашу миссис Бартлетт? Вы полностью в этом уверены?

— Без сомнения, сэр!

— Палтус с компанией ее видели? И она — их?

— Нет, сэр. Они смотрели коммунарский фарс, кричали и свистели. В антракте миссис Бартлетт проскользнула за кулисы. А потом она держалась в самых задних рядах. Хотя и аплодировала. — Беттередж нахмурился.

— Пинкертоны не пытались идти за миссис Бартлетт?

— Нет, сэр!

— А вы пошли.

— Да, сэр. Когда представление закончилось, я оставил Бутса и Бекки Дин караулить наших ребят и отправился выслеживать ее в одиночку.

— Вы поступили очень глупо. — Олифант говорил предельно мягко. — Лучше было поручить это Бутсу и Бекки. У них больше опыта, а к тому же команда гораздо эффективнее одиночного наблюдателя. Вы могли легко ее потерять.

Беттередж болезненно сморщился.

— Или она могла вас убить. Она же убийца. Поразительно умелая. Известна тем, что носит при себе купоросное масло.

— Сэр, я беру на себя всю…

— Нет, Беттередж, нет. Ни в коем случае. Она уже прикончила нашего техасского Голиафа. С заранее — и очень хорошо! — обдуманным намерением. Она помогала ему, обеспечивала его пищей и ободряла — так же, как и в ту кошмарную ночь, когда он залил кровью «Гранд-Отель». Кто, кроме нее, мог принести ему консервированные бобы? Техасец полностью от нее зависел, ведь ему и носа было не высунуть с этого чердака. А обработать консервную банку — не так-то это и сложно.

— Но почему она пошла против него, сэр?

— Вопрос лояльности, Беттередж. Наш техасец был фанатичным националистом. Ради интересов своей страны патриоты способны вступить в сделку с самим дьяволом, но всему есть предел. Вероятнее всего, она потребовала какой-нибудь ужасной услуги, а он отказался. — Это Олифант знал из признаний Коллинза; безымянный техасец был весьма капризным союзником. — Парень подвел ее, нарушил ее планы, точно так же, как

и покойный профессор Радвик. Вот он и разделил участь своей жертвы.

— Должно быть, она в отчаянном положении.

— Возможно… Но у нас нет причин полагать, что вы вспугнули ее своей слежкой. Беттередж сморгнул.

— Сэр, а когда вы послали меня поглядеть на коммунаров, вы уже подозревали, что она там будет?

— Нив коем случае. Сознаюсь, Беттередж, что это был просто каприз. Один мой знакомый, лорд Энгельс, в полном восторге от Маркса, основателя Коммуны…

— Энгельс, текстильный магнат?

— Да. Его интересы весьма эксцентричны.

— К этим коммунаркам, сэр?

— К теориям мистера Маркса в целом и к судьбе Манхэттенской коммуны в частности. Фактически щедрость Фридриха и сделала возможным настоящее турне.

— Самый богатый человек Манчестера финансирует такую чушь? — искренне расстроился Беттередж.

— Странно и неожиданно. И это при том, что сам Фридрих — сын богатого промышленника с Рейна… Во всяком случае, я с интересом ждал

вашего отчета — сильно подозревая, что там объявится и наш мистер Палтус. Соединенные Штаты воспринимают красную революцию в Манхэттене более чем мрачно.

— Одна из этих женщин устроила перед спектаклем нечто вроде проповеди, чесала языком как заведенная. Что-то такое о «железных законах»…

— Как же, как же — «железные законы истории». Сплошное доктринерство. Но не следует забывать, что Маркс многое позаимствовал у лорда Бэббиджа — столь многое, что его учение может со временем покорить Америку. — Тошнота Олифанта более или менее улеглась. — И вдумайтесь, Беттередж, в тот факт, что Коммуна организовалась не когда-нибудь, а на волне протестов против призыва в армию, охвативших весь город [128]. Маркс и его последователи захватили власть в момент хаоса, до некоторой степени схожего с приснопамятным бедствием, которое поразило тем летом Лондон. Здесь,

---

[128] Примечания: 128

В 1863 г. в США была введена всеобщая воинская повинность, что вызвало массовые волнения (особенно в связи с тем, что состоятельные рекруты могли по закону откупиться — приобрести «замену»). Самая серьезная ситуация сложилась в Нью-Йорке, где за четыре дня с 13 июля — прежде чем федеральные войска навели порядок — несколько сотен человек погибли, несколько тысяч получили ранения и было разрушено собственности на полтора миллиона долларов>

конечно, мы отделались довольно легко, и это несмотря на потерю нашего Великого Оратора в самый разгар кризиса. Вот как важна надлежащая преемственность власти.

— Да, сэр, — кивнул Беттередж; патриотический оптимизм шефа мигом отвлек его от тревожных раздумий о прокоммунарских симпатиях лорда Энгельса.

Олифант подавил печальный вздох, ему очень хотелось бы, чтобы в этом оптимизме было побольше искренности.

По дороге домой Олифант задремал. Снилось ему, как это часто случалось, Всеведущее Око, для которого нет ни тайн, ни загадок.

Дома он с трудом сдержал досаду, обнаружив, что Блай приготовил ему ванну в складном резиновом корыте, купленном недавно по предписанию доктора Макнила. Олифант надел халат, сунул ноги в вышитые молескиновые шлепанцы, прошел в ванную и обреченно воззрился на черную отвратительную посудину, нагло соседствующую с безукоризненно чистой — и безукоризненно пустой — фарфоровой ванной. Изготовленное в Швейцарии корыто покоилось на складном деревянном каркасе все того же погребального цвета и соединялось с газо-

вой колонкой посредством резиновой кишки с несколькими керамическими кранами; налитая Блаем вода туго натянула и вспучила дряблые стенки.

Сняв халат, он ступил из шлепанцев на холодный, выстланный восьмиугольными плитками пол, а затем в мягкую утробу швейцарской ванны. Эластичный материал, поддерживаемый по бокам рамой, угрожающе проминался под ногами. Олифант попробовал сесть и едва не перевернул всю хлипкую конструкцию; его зад утонул в страстных объятиях теплой скользкой резины.

Согласно предписанию Макнила, в корыте полагалось лежать четверть часа, откинув голову на небольшую надувную подушку из прорезиненного холста, дополнительно предоставляемую производителем. Макнил полагал, что чугунный остов фарфоровой ванны сбивает попытки позвоночника вернуться к правильной магнитной полярности. Олифант чуть сменил позу и сморщился, ощущая, как неприятно липнет к телу резина.

На боку корыта висела небольшая бамбуковая корзинка; Блай положил в нее губку, пемзу и французское мыло. Бамбук, надо думать, тоже не имеет никаких магнитных свойств.

Олифант глухо застонал и взялся за мыло.

Свалив с плеч бремя дневных забот, он, по обыкновенной своей привычке, начал вспоминать, — но не смутно и расплывчато, как принято это у большинства людей, а оживляя прошлое в мельчайших, абсолютно точных подробностях. Природа одарила Олифанта великолепной памятью, отцовское же увлечение месмеризмом и фокусами открыло ему дорогу к тайным приемам мнемоники. Приобретенная тренировками способность все запоминать и ничего не забывать оказалась весьма ценным подспорьем в работе, да и вообще в жизни; Олифант продолжал эти тренировки и сейчас, они стали для него чем-то вроде молитвы.

Чуть меньше года назад он вошел в тридцать седьмой номер «Гранд-Отеля», чтобы осмотреть вещи Майкла Рэдли.

Ровно три места багажа: потертая шляпная коробка, ковровый саквояж с латунными уголками и новехонький «пароходный сундук», специально приспособленный для морских путешествий — поставленный на пол и открытый, он сочетал в себе качества платяного шкафа и секретера. Хитроумная механика сундука подействовала на Олифанта угнетающе. Все эти петли и никели-

рованные защелки, ролики и полозья, крючки и шарниры, все они говорили о страстном предвкушении поездки, которой не будет. Не менее тяжкое впечатление производили три гросса претенциозно напечатанных визитных карточек с манчестерским номером Рэдли, так и оставшиеся в типографской упаковке.

А еще покойный питал слабость к шелковым ночным рубашкам. Олифант распаковывал отделения сундука одно за другим, выкладывая одежду на кровать с аккуратностью опытного камердинера; он выворачивал каждый карман, ощупывал каждый шов, каждую подкладку.

Туалетные принадлежности Рэдли хранились в сумочке из непромокаемого шелка.

Олифант раскрыл сумочку и осмотрел ее содержимое: помазок для бритья из барсучьей шерсти, самозатачивающаяся безопасная бритва, зубная щетка, жестянка зубного порошка, мешочек с губкой… Он постучал костяной ручкой помазка о ножку кровати. Он открыл бритвенный прибор — на фиолетовом бархате поблескивали никелированные детали станочка. Он высыпал зубной порошок на лист бумаги с виньеткой «Гранд-Отеля». Он заглянул в мешочек для губки — и увидел губку.

Олифант вернулся к бритвенному прибору; он вытряхнул все железки на крахмальную манишку вечерней рубашки, раскрыл перочинный нож, висевший у него на часовой цепочке вместо брелока, и подцепил дно футляра. Под оклеенной бархатом картонкой обнаружился сложенный в несколько раз лист бумаги.

Написанный карандашом текст хранил следы многочисленных подтирок и исправлений; скорее всего, это был незаконченный черновик какого-то письма. Без даты, без обращения к адресату и без подписи.

«Вы, вероятно, помните две наши беседы в пр авг, во время второй из которых вы любезно доверили мне ев гипотезы. Счастлив уведомить вас, что опр действия дали мне в руки версию — правильную вере вшг ориг, — которую, я абс в этом уверен, можно будет наконец прогнать, продемонстрировав тем самым столь долгожданное доказательство».

Большая часть листа оставалась чистой, за исключением едва различимых прямоугольников с вписанными в них заглавными буквами: АЛГ, СЖАТ и МОД.

Эти АЛГ, СЖАТ и МОД превратились со временем в три головы сказочного чудовища,

непрошенно поселившегося в мозгу Олифанта. Даже вероятная разгадка смысла этих букв, подсказанная стенограммами допросов Уильяма Коллинза, не смогла развеять навязчивый образ АЛГ-СЖАТ-МОДа, трех змеиных шей с кошмарными человеческими головами, человеческими *лицами*. Мертвое лицо Рэдли — застывший в беззвучном крике рот, пустые остекленевшие глаза. Мраморные черты Ады Байрон, надменные и бесстрастные, обрамленные высшей геометрией локонов и завитков. Но третья голова, бредовый бутон, покачивающийся на гибком, чешуйчатом стебле шеи, ускользала от взгляда. Иногда казалось, что у нее лицо Эдварда Мэллори — агрессивно честолюбивое, безнадежно искреннее; в другие моменты Олифант почти различал хорошенькое, ядовитое личико Флоренс Бартлетт, окутанное парами серной кислоты.

А иногда, например — сейчас, в липких объятиях резиновой лохани, уплывая к континенту снов, он видел собственное лицо, свои глаза, полные несказанного ужаса.

* * *

Следующее утро проспавший допоздна Олифант провел в постели, куда Блай приносил

ему папки из кабинета, крепкий чай и тосты с анчоусами. Он просмотрел досье на некоего Вильгельма Штибера, прусского агента, действующего под маской Шмидта, редактора эмигрантской газеты. С гораздо большим интересом он изучил и снабдил пометками отчет с Боу-стрит о недавних попытках контрабандного провоза военного снаряжения — груз неизменно предназначался для Манхэттена. Следующая папка содержала распечатанные тексты нескольких писем от некоего бостонца, мистера Коупленда. Мистер Коупленд, разъездной агент лесоторговой фирмы, состоял на британском жаловании. Его письма описывали систему укреплений, защищающих остров Манхэттен, с особым упором на расположение артиллерийских батарей. Тренированный взгляд Олифанта быстро пробежал описание южного форта Губернаторского острова (допотопное барахло) и зацепился за сообщение о слухах, что Коммуна установила минное заграждение от Роумерских мелей до пролива Те-Нарроус.

Олифант вздохнул. Он сильно сомневался, что пролив заминирован, сколько бы ни хотелось руководителям Коммуны уверить в этом весь мир. Нету них никакого заграждения, нет, — но скоро будет, если дать волю господам из Комиссии по

свободной торговле.

В дверях возник Блай.

— У вас назначена встреча с мистером Уэйкфилдом, сэр, в Центральном статистическом бюро.

Часом позже Беттередж распахнул перед ним дверцу кэба.

— Добрый день, мистер Олифант.

Олифант забрался внутрь и сел. Черные складчатые шторки на окнах были плотно задернуты, закрывая Хаф-Мун-стрит и стылое ноябрьское солнце. Как только экипаж тронулся, Беттередж открыл стоявший в ногах чемоданчик, достал фонарь, ловко его зажег и укрепил на подлокотнике при помощи латунной струбцины. Внутренность чемоданчика поблескивала, словно миниатюрный арсенал.

Олифант молча протянул руку и получил от оперативника темно-красную папку — дело об убийстве Майкла Рэдли.

Тогда, в курительной «Гранд-Отеля», именно Олифант и был третьим собеседником генерала Хьюстона и несчастного, обреченного на скорую смерть Рэдли. Оба эти красавца быстро напились. Рэдли выглядел гораздо приличнее, однако казался менее предсказуемым и значительно более опасным. Пьяный Хьюстон увлеченно играл роль

американского варвара: с налившимися кровью глазами, взмокший от пота, он сидел, взгромоздив тяжелый, заляпанный грязью сапог на стул. Он курил трубку, сплевывал куда попало, последними словами чихвостил Олифанта, Британию и британское правительство. И строгал какую-то дурацкую деревяшку, прерываясь только для того, чтобы подточить складной нож о край подошвы. Иное дело Рэдли, его прямо лихорадило от возбуждающего действия алкоголя — щеки горели, глаза сверкали.

Олифант пришел к Хьюстону со вполне сознательным намерением поубавить тому прыти перед отъездом во Францию, никак не ожидая оказаться в напряженной атмосфере взаимной, почти не скрываемой враждебности между генералом и его пресс-агентом.

Ему хотелось заронить семена сомнения в благополучном исходе французского турне; с этой целью, и в первую очередь для ушей Рэдли, он вскользь намекнул на более чем тесное сотрудничество разведывательных служб Британии и Франции. Олифант высказал уверенность, что Хьюстон уже приобрел по меньшей мере одного влиятельного врага в рядах Полис-де-Шато, преторианской гвардии императора Наполео-

на. Будучи очень немногочисленны, исподволь внушал Олифант, сотрудники Police des Chateaux не связаны в своих действиях ни законами, ни даже конституцией; было заметно, что никакие спиртовые пары не помешали Рэдли взять предполагаемую опасность на заметку.

Затем появился рассыльный с запиской для Рэдли. Когда дверь открывалась, Олифант мельком увидел озабоченное лицо молодой женщины. Рэдли удалился, объяснив, что ему необходимо переговорить со знакомым журналистом.

Вернулся он минут через десять. За эти десять минут генерал вылакал чуть не полпинты бренди. Олифант выслушал еще одну особо цветистую тираду и откланялся.

Получив на рассвете телеграмму, он вернулся в «Гранд» и сразу же отыскал гостиничного детектива, отставного полицейского по фамилии Маккуин. Вызванный среди ночи дежурным мистером Парксом, Маккуин первым вошел в номер Хьюстона.

Пока Паркс пытался успокоить истеричную супругу ланкаширского подрядчика, проживавшего на момент переполоха в номере двадцать пять, Маккуин подергал дверь соседнего, двадцать четвертого номера, и та сразу открылась.

Окно было выбито, комнату заносило снегом, в холодном воздухе пахло порохом, кровью и, как деликатно выразился Маккуин, «содержимым внутренностей покойного джентльмена». Увидев окровавленный труп Рэдли, Маккуин крикнул Парксу, чтобы тот телеграфировал в полицию. Затем он запер дверь мастер-ключом, зажег фонарь и заблокировал вид с улицы остатками одной из занавесок.

Не было никаких сомнений, что Рэдли обыскали. В луже крови и прочих субстанций, окружавших труп, валялись многоразовая спичка, портсигар, мелкие монеты — обычное содержимое мужских карманов. Обследовав помещение, детектив обнаружил карманный многоствольный пистолет фирмы «Ликок и Хатчингс» с ручкой из слоновой кости. Спусковой крючок у оружия отсутствовал. Три из пяти его стволов были разряжены, по оценке Маккуина — сравнительно недавно. Продолжив поиски, он нашел в россыпи битого стекла безвкусно раззолоченный набалдашник генеральской трости. Неподалеку лежал окровавленный пакет, плотно завернутый в коричневую бумагу. Как выяснилось, он содержал сотню или около того кинотропических карточек, перфорация на них была безнадежно

испорчена попаданием двух пуль. Сами пули, свинцовые и сильно смятые, выпали в руку детектива, когда тот осматривал карточки.

Последующий осмотр комнаты специалистами из Центрального статистического — услуги столичной полиции по настоянию Олифанта были отклонены — мало что добавил к наблюдениям многоопытного гостиничного детектива. Из-под кресла был извлечен спусковой крючок пистолета «ликок-и-хатчингс». Там же был найден совершенно неожиданный предмет — белый пятнадцатикаратовый чистейшей воды бриллиант.

Двое сотрудников «Криминальной антропометрии» с непременной своей таинственностью использовали большие квадраты клейкой бумаги, чтобы собрать с ковра волоски и частички пуха; они поспешно увезли драгоценную добычу к себе в логово, после чего о ней никто уже больше не слышал.

— Вы закончили с этой папкой, сэр?

Олифант взглянул на Беттереджа, потом снова на папку. В его глазах стояла лужа крови, освещенная блеклым утренним солнцем.

— Мы уже на Хорсферри-роуд, сэр. Кэб остановился.

— Да, благодарю вас.

Закрыв папку, он вернул ее Беттереджу, затем вышел из кэба и стал подниматься по широкой лестнице.

Вне зависимости от конкретных обстоятельств, входя в Центральное статистическое бюро, Олифант неизменно испытывал какое-то странное возбуждение. Вот и сейчас — словно на тебя кто-то смотрит, словно ты познан и исчислен. Да, Око…

Пока он объяснялся с дежурным, слева из коридора высыпала группа молодых механиков, все — в машинного покроя шерстяных куртках и зеркально начищенных ботинках на рубчатой резине, у каждого — безукоризненно чистая сумка из плотной белой парусины с кожаными на медных заклепках уголками. Двигаясь в его сторону, ребята переговаривались, кое-кто уже доставал из карманов трубки и веруты.

Олифанту остро захотелось курить. Он в сотый раз выругал про себя здешний запрет на табак (вынужденный, но кому от этого легче?) и проводил завистливым взглядом механиков, исчезающих между колонн и бронзовых сфинксов. Семейные люди с обеспеченной старостью; выйдя на пенсию, будут жить, наверное, в КамденТауне или в Нью-Кроссе, в любом из респектабельных

пригородов, обставлять крохотные гостиные сервантами из папье-маше и голландскими фигурными часами, а жены их будут подавать чай на лакированных, ярко разукрашенных жестяных подносах.

Миновав невыносимо банальный квазибиблейский барельеф, он прошел к лифту; тут же появился и второй пассажир — мрачноватый джентльмен, безуспешно пытавшийся счистить с плеча какой-то белесый потек.

Латунная клеть с грохотом закрылась и поползла вверх. Джентльмен в испачканном сюртуке вышел на третьем этаже, Олифант же доехал до пятого, где квартировали «Количественная криминология» и «Нелинейный анализ». И хотя он находил НА бесконечно более увлекательным, сегодня ему нужна была именно КК, в лице ее руководителя Эндрю Уэйкфилда.

Служащие КК были расфасованы по аккуратным камерам-одиночкам из листовой стали, асбеста и фанеры. Уэйкфилд царствовал в такой же, ну — чуть побольше, клетушке; его голову с жиденькими соломенными волосами обрамляли медные ручки бесчисленных картотечных ящиков.

Заметив Олифанта, он широко улыбнулся,

продемонстрировав кривоватые, выпирающие вперед зубы:

— Мистер Олифант, сэр. Очень рад. Извините, я сейчас.

Уэйкфилд вложил несколько перфокарт в плотный синий конверт с подкладкой из папиросной бумаги и тщательно стянул половинки патентованной застежки красной ниткой. Затем он отложил конверт в покрытый асбестом лоток, где уже было несколько таких же.

— Боитесь, что я смогу прочесть вашу перфорацию, Эндрю? — улыбнулся Олифант.

Он откинул жесткое, убирающееся в стену сиденье и сел, пристроив на коленях сложенный зонтик.

— Вы в курсе, что значит синий конверт, не так ли? Звякнув шарнирами, Уэйкфилд убрал свой суставчатый письменный стол в узкую нишу.

— Не знаю, что находится в этом *конкретном* конверте, но вообще-то слышал о них.

— Некоторые люди и вправду умеют читать карточки. А уж шапку запроса — эти данные прочтет любой младший клерк с той же легкостью, с какой вы читаете кинотропическую рекламу в подземке.

— Я, Эндрю, никогда не читаю рекламу в под-

земке. Уэйкфилд фыркнул, что заменяло ему смех.

— А как дела в дипломатическом корпусе, мистер Олифант? Разобрались уже с этим вашим «луддитским заговором»?

Вопрос звучал саркастически, однако Олифант предпочел этого не заметить.

— Собственно говоря, он не является чем-то очень уж первоочередным. По крайней мере, в области моих интересов.

Уэйкфилд кивнул, полагая, что «область интересов» Олифанта ограничивается деятельностью иностранцев на британской земле. По запросам Олифанта, он регулярно прогонял поиск на такие организации и группировки, как карбонарии, «рыцари белой камелии», фении, техасские рейнджеры, греческие гетерии, «Детективное агентство Пинкертона» и «Бюро научных исследований» Конфедерации.

— Надеюсь, вам пригодился последний материал по техасцам? — подался вперед Уэйкфилд. Пружины патентованного кресла жалобно скрипнули.

— Весьма, — заверил его Олифант.

— Вы не знаете случайно, — начал Уэйкфилд, вынимая из кармана позолоченный цанговый

карандашик, — их миссия не собирается переезжать?

Кончик карандаша с громким отвратительным клацанием пробежал по кривым зубам.

— Из их теперешнего обиталища в Сент-Джеймском дворе, что за виноторговлей Берри?

— Совершенно верно.

Олифант помедлил, взвешивая вопрос.

— Маловероятно. У них совершенно нет денег. Думаю, здесь все зависит от доброжелательности домовладельца…

Уэйкфилд молча улыбнулся.

— А вы не могли бы мне сказать, — сощурился Олифант, — кому нужна эта информация?

— «Криминальной антропометрии».

— Правда? Они что, занялись наружным наблюдением?

— Думаю, это просто отработка методики. Эксперимент. — Уэйкфилд отложил карандаш. — Этот ваш ученый приятель… Мэллори, так его, кажется, звали?

— Да?

— Видел рецензию на его книгу. Он сейчас что, в Китае?

— В Монголии. Возглавляет экспедицию Географического общества.

— Понятно, — кивнул Уэйкфилд. — Чтобы не путался под ногами.

— Скорее уж, чтобы не попался кому-нибудь под руку. Совсем не плохой малый. К слову сказать, он с лету и весьма неплохо разобрался в технических аспектах работы вашего Бюро. Но я и сам пришел к вам по делу характера чисто технического.

— Да? — Кресло Уэйкфилда снова скрипнуло.

— Кое-что, связанное с процедурами Министерства почт.

Уэйкфилд издал неопределенный звук.

Олифант вынул из кармана незапечатанный конверт. Уэйкфилд натянул белые нитяные перчатки, вынул из конверта телеграфную адресную карточку, бегло ее просмотрел и вскинул глаза:

— «Гранд-Отель».

— Совершенно верно.

На карточке была эмблема гостиницы. Уэйкфилд машинально провел пальцем по рядам перфорации, проверяя их на изношенность, способную вызвать сбой.

— Вы хотите знать, кто послал телеграмму?

— Спасибо, эта информация у меня есть.

— Имя адресата?

— Оно мне также известно.

Пружины скрипнули — несколько нервозно, как показалось Олифанту. Уэйкфилд поднялся и осторожно вставил карточку в прорезь застекленного прибора, нависавшего над картотечными ящиками. Покосившись на Олифанта, он взялся за рычаг с ручкой из черного дерева и потянул вниз. Загадочное устройство грохотнуло, как кассовый аппарат. Когда Уэйкфилд отпустил рычаг, тот начал медленно возвращаться на место, аппарат при этом жужжал и пощелкивал, подобно игорной машине в кабаке; колесики с буквами вращались все медленнее, а затем и совсем остановились.

— Эгремонт, — прочел Уэйкфилд. — Вилла «Буки», Белгрейвия.

— Вот именно. — Олифант смотрел, как Уэйкфилд извлекает карточку из прорези. — Мне нужен текст этой телеграммы.

— Эгремонт. — Уэйкфилд сел, вернул карточку в конверт и снял перчатки. — Везде и всюду этот наш достопочтенный Чарльз Эгремонт. Он создает нам пропасть работы.

— Текст этой телеграммы, Эндрю, находится здесь, в Бюро. Он существует материально, в виде нескольких дюймов телеграфной ленты.

— Вы знаете, что на мне висят пятьдесят пять

миль зацеплений, все еще не прочищенных после смрада? Не говоря уже о том, что этот запрос несколько выходит за рамки обычной для вас беззаконности…

— «Обычная для меня беззаконность»? Неплохо сказано…

— И ваши друзья из Особого бюро непрерывно здесь сшиваются, требуя снова и снова крутить нашу медь в надежде выявить каких-то там луддитов, якобы засевших в высших эшелонах власти! Да кто он такой, разрази его гром?

— Насколько я понимаю, мелкий радикальный политик. Или был таковым до смрада и беспорядков.

— Скажите уж, до смерти Байрона.

— Но теперь у нас лорд Брюнель, разве не так?

— Да, и полное безумие в парламенте! Олифант дал молчанию затянуться.

— Если бы вы, Эндрю, смогли раздобыть текст этой телеграммы, — сказал он наконец, — я был бы очень вам благодарен.

— Он — очень *честолюбивый* человек, Олифант.

— Вы не одиноки в подобной оценке. Уэйкфилд вздохнул:

— При условии крайней конфиденциально-

сти…

— Само собой разумеется!

— Не говоря уже о том, что машина вся в дерьме. Грязь, осевшая из воздуха. Механики работают в три смены и уже добились некоторого успеха с помощью аэрозольных препаратов лорда Колгейта, но временами я прямо теряю надежду, что система когда-нибудь закрутится как надо! — Он понизил голос. — Вы знаете, что уже несколько месяцев высшие функции «Наполеона» совершенно ненадежны?

— Императора? — притворно изумился Олифант.

— В приведенном виде длина зацеплений «Наполеона» превышает нашу почти что вдвое, — продолжал Уэйкфилд. — А он взял себе и испортился! — Было видно, что одна уже мысль о возможности такого наполняет его почти мистическим ужасом.

— У них что, тоже был смрад? Уэйкфилд мрачно покачал головой.

— Ну вот видите, — сказал Олифант. — Скорее всего, этот самый их «Наполеон» попросту подавился куском луковой кожуры…

Уэйкфилд фыркнул.

— Так вы найдете мне телеграмму? При бли-

жайшем удобном для вас случае?

Уэйкфилд еле заметно кивнул.

— Молодец! — просиял Олифант.

Отсалютовав сложенным зонтиком, он встал и направился к выходу через лабиринт микроскопических клетушек; ни одна терпеливо склоненная голова не повернулась в его сторону, ни один подопечный Уэйкфилда не посмотрел ему вслед.

Олифант попросил Беттереджа отвезти себя в Сохо, сошел у первого попавшегося кабака и направился на Дин-стрит [129] пешком, окольной дорогой, соблюдая все профессиональные предосторожности. Войдя в незапертую дверь грязного, обшарпанного дома, он запер ее за собой и поднялся на второй этаж. В холодом воздухе пахло вареной капустой и застоявшимся табачным дымом.

После условного стука (два удара, пауза, еще два удара) из-за двери раздался голос:

— Входите скорее, а то холоду напустите…

Обильно бородатый мистер Герман Крите, в недавнем прошлом — редактор нью-йоркской

---

[129] Примечания: 129

Именно на Дин-стрит (в доме номер 28) жил в примерно соответствующее время (1850–1856) Карл Маркс. И написал там большую часть «Капитала».

«Фолькс Трибюнс», сильно смахивал на растрюханный кочан капусты — так много одежды (по преимуществу — ветхой) было на нем надето.

Он запер за Олифантом дверь и навесил цепочку.

Крите снимал две комнаты: та, что выходила на улицу, считалась гостиной, а другая — спальней. Все здесь было ломаное, рваное и валялось в жутком беспорядке. Середину гостиной занимал большой старомодный стол, покрытый клеенкой. На нем вперемешку лежали и стояли рукописи, книги, газеты, кукла с головкой из дрезденского фарфора, предметы женского рукоделия, щербатые чашки, грязные ложки, ручки, ножи, подсвечники, чернильница, голландские глиняные трубки, табачный пепел.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста.

Крите, чье всегдашнее сходство с медведем еще усиливалось истрепанной одеждой, неопределенно махнул в сторону колченогого стула. Слезящимися от угольного и табачного дыма глазами Олифант разглядел мало-мальски целый стул, обладавший, правда, другим недостатком — дочка Крите использовала его недавно как игрушечную кухонную плиту; смело рискнув седалищной частью своих брюк, он смахнул

липкие крошки на пол и сел лицом к Крите, по другую сторону загроможденного хламом стола.

— Небольшой подарок для вашей малютки Тродль, — сказал Олифант, вынимая из кармана пальто сверток. Яркая оберточная бумага была закреплена самоклеющимся квадратиком с рельефной эмблемой самого известного из оксфорд-стритских магазинов игрушек. — Кукольный чайный сервиз. — Он положил сверток на стол.

— Она зовет вас дядя Ларри. Не нужно бы ей знать вашего имени.

— В Сохо этих Ларри — как собак нерезаных.

Олифант вынул из кармана чистый, незапечатанный конверт и положил его на край стола рядом с ярким свертком. В конверте находились три бывшие в употреблении пятифунтовые банкноты.

Крите ничего не сказал.

— Манхэттенская женская труппа «Красная пантомима», — прервал затянувшееся молчание Олифант.

— Так, значит, сапфические звезды Бауэри добрались и до Лондона? — саркастически хмыкнул Крите. — Я помню этих красоток по Нью-Йорку. Они расшевелили и поставили на службу рево-

люции «дохлых кроликов» [130], чье предыдущее участие в политике ограничивалось мордобоем во время муниципальных выборов. Мясники, чистильщики обуви, проститутки с Четемской площади и с Пяти углов — такая вот была у них аудитория. Потные пролетарии, пришедшие поглазеть, как женщиной выстрелят из пушки, размажут ее по стенке, а потом отлепят, как лист бумаги… Нет, сэр, не тем вы интересуетесь.

— Друг мой, — вздохнул Олифант, — такая уж у меня работа — спрашивать. Вы должны понимать, что я не могу вам объяснить, чем вызван тот или иной мой вопрос. Я знаю, что вы многое претерпели. Я знаю, как трудно вам сейчас в изгнании. — Олифант многозначительно обвел взглядом убогую комнату.

— Так что же вы хотите узнать?

— Есть предположение, что среди различных преступных элементов, принимавших активное участие в недавних гражданских беспорядках, были и агенты Манхэттена.

Олифант ждал.

---

[130] Примечания: 130

«Дохлые кролики» (англ. Dead Rabbits) — (исходно) прозвище прихожан Голландской реформатской церкви (Dutch Reformed), основанной в Нью-Йорке выходцами из Голландии; в XIX в. так называлась одна из нью-йоркских уличных банд, принимавшая самое активное участие в вышеупомянутых беспорядках 1863 г.

— Сомнительно как-то.

— Почему, мистер Крите?

— Насколько мне известно, Коммуна вовсе не заинтересована в нарушении британского статус-кво. В отношении американской классовой борьбы ваши радикалы выказали себя благожелательными наблюдателями. Более того, ваша страна повела себя почти как наш союзник. — В тоне Крите слышалась горечь, некий перекисший цинизм. — Похоже, Британии очень хотелось, чтобы коммунары отобрали у Северного союза его самый крупный город.

Олифант осторожно поерзал, пытаясь устроиться на неудобном стуле.

— Вы ведь, кажется, хорошо знали мистера Маркса? Чтобы извлечь из Крите данный клочок информации, нужно было задеть главную его страсть.

— Знал? Я встречал его с корабля. Он обнял меня и тут же попросил в долг двадцать долларов золотом, чтобы снять квартиру в Бронксе! — В сдавленном смехе Крите звучала яростная, всесжигающая ненависть. — С ним была и Женни, только брак их не пережил революции… И в то самое время, когда товарищ Маркс изгнал меня из Коммуны за пропаганду «религионизма и

свободной любви», сам он спал с ирландской шлюхой, фабричной девкой из Бронкса, вот уж действительно свободная любовь! — Бледные, с неухоженными ногтями руки Крите рассеянно перебирали листы какой-то рукописи.

— Вас жестоко использовали, мистер Крите.

Олифант подумал о своем друге, лорде Энгельсе; непостижимо, как это блестящий текстильный магнат мог связаться — хоть бы и косвенно — с людьми подобного сорта. Маркс исключил Крите из так называемого Центрального комитета Коммуны, — а Северный союз назначил премию за его поимку. У Крите не было ни гроша за душой; он достал документ на чужое имя и отплыл третьим классом из Бостона с женой и дочкой, чтобы присоединиться к тысячам американских беженцев, мыкавшим горе в Лондоне.

— Так эти актриски из Бауэри…

— Да? — подался вперед Олифант.

— В партии много фракций…

— Договаривайте, договаривайте.

— Анархисты, выдающие себя за коммунистов, феминистки, последователи самых разных ошибочных учений, тайные ячейки, неподконтрольные Манхэттену…

— Понимаю, — кивнул Олифант, думая о ки-

пах желтых распечаток с показаниями Уильяма Коллинза.

* * *

Снова пешком и снова — окольным путем Олифант прошел Сохо до Комптон-стрит и остановился у входа в трактир «Красный кабан».

«АЗАРТНЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН, — сообщала ему большая афиша, — стойкий сторонник уничтожения этих паразитов презентует ЗОЛОТЫЕ ЧАСЫ С РЕПЕТИРОМ СОБАКЕ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЕ весом менее 13 3/4 фунта». Чуть пониже висела раскрашенная деревянная вывеска: «Всегда в наличии крысы для джентльменов, желающих опробовать своих собак».

Толкнув дверь, он окунулся в смесь табачного дыма, испарений горячего джина и острой звериной вони.

Длинный, с низким потолком бар был переполнен людьми всех слоев общества, многие держали под мышкой собак — бульдогов, скайтерьеров, коричневых английских терьеров; на грубооштукатуренных стенах висели связки кожаных ошейников.

— Вы прибыли в кэбе, сэр? — спросил подошедший Фрейзер.

— Пешком, у меня была встреча.

— Эй, там! — крикнул бармен. — Не загораживайте стойку!

Началось общее движение в сторону зала, где юный официант выкрикивал: «Делайте ваши заказы, джентльмены!» Сопровождаемый Фрейзером, Олифант последовал за толпой господ-игроков. Над камином в застекленных ящиках красовались головы животных, прославившихся в былые дни. Олифант обратил внимание на голову бультерьера с непомерно выпученными стеклянными глазами.

— Видок — словно ее придушили, — заметил он, указывая на ящик Фрейзеру.

— Попортили при набивке, сэр, — отозвался официант, блондинистый юнец в засаленном полосатом фартуке. — А ведь какая была сучка, высший класс! Я видел, как она душила по двадцать штук за один заход, хотя в конце концов они ее сделали. Канализационные крысы, они же заразные, мы каждой собаке после каждого боя полощем пасть мятной водой, но все равно язвы появляются и на небе и на деснах.

— Ты сынишка Сейерза, — уверенно констатировал Фрейзер. — Он нам нужен на пару слов.

— Я помню вас, сэр! Вы еще приходили тогда

насчет того ученого джент…

— Папашу, Джем, и побыстрее! — оборвал его Фрейзер, не дав парню объявить собравшимся, что в зале присутствует фараон.

— Он там, наверху, организует освещение, сэр, — ответил Сейерз-младший.

— Молодец, — сказал Олифант, вручая молодцу шиллинг.

Олифант и Фрейзер поднялись по широкой деревянной лестнице в помещение, бывшее когда-то гостиной.

— Какого хрена, яма закрыта! — рявкнул толстяк с рыжими бакенбардами.

Яма состояла из круглого деревянного помоста футов шести в диаметре, обнесенного высоким, примерно по пояс, барьером. Выкрашенный белой краской помост был залит светом восьмирожковой газовой люстры. Шарообразное брюхо мистера Сейерза, хозяина «Красного кабана», было туго обтянуто шелковым жилетом, в левой его руке судорожно билась крыса.

— Ах, это вы, мистер Фрейзер. Мои извинения, сэр! — Ухватив несчастную тварь за горло, он ловко выломал ей клыки — безо всяких приспособлений, кроме ногтя большого пальца. — Вот, заказали дюжину беззубых. — Бросив изуве-

ченную крысу в ржавую проволочную клетку к нескольким ее товаркам, он повернулся к нежданным гостям. — Чем могу служить, мистер Фрейзер?

Фрейзер продемонстрировал сделанный в морге снимок.

— Знаю такого, знаю, — кивнул Сейерз. — Крупный малый, длинноногий. И дохлый, судя по этой картинке.

— Вы в этом уверены? — Теперь Олифант явственно чувствовал запах крыс. — Это он убил профессора Радвика?

— Да, сэр. У нас тут публика самая разная, но аргентинские великаны встречаются не так уж и часто. Я прекрасно его помню.

Фрейзер уже вынул блокнот и что-то в нем писал.

— Аргентинские? — переспросил Олифант.

— Он говорил по-испански, — развел руками Сейерз, — или мне так показалось. Только вы поймите, никто же из нас не видел, чтобы он там кого резал, а вот что он был в заведении той ночью, так это точно.

— Капитан пришел! — крикнул от двери сын Сейерза.

— Вот же мать твою! А я еще не повыдергивал

зубы и у половины его крыс!

— Фрейзер, — сказал Олифант, — мне что-то захотелось теплого джина. Давайте спустимся в бар и позволим мистеру Сейерзу завершить приготовления к вечерним боям. — Он нагнулся, чтобы поближе рассмотреть большую клетку, сплетенную из толстых железных полос и чуть не до половины заполненную копошащейся серой массой.

— Осторожно пальцы, сэр, — предостерег Сейерз. — Цапнет какая, так надолго запомните. А эти к тому же не из самых чистых…

В общем зале молодой офицер, очевидно — тот самый капитан, угрожал покинуть заведение, если его будут тут мурыжить.

— На вашем месте я не стал бы этого пить, — сказал Фрейзер, с сомнением глядя на кружку подогретого джина. — Намешают там всякого.

— Вообще-то очень даже неплохо, — ответил Олифант. — Чуть-чуть отдает полынью.

— Одурманивающий яд.

— Совершенно верно. Французы применяют его в травяных настойках. А что вы скажете об отважном капитане? — Олифант указал кружкой на означенного молодого человека, который возбужденно метался по залу, разглядывая лапы

то одной, то другой собаки, и кричал, что уйдет немедленно, если не откроют арену.

— Крым, — сказал Фрейзер.

Капитан наклонился взглянуть на когти молодого терьера, сидящего на руках у смуглого, довольно тучного человека, чьи напомаженные локоны крыльями выпирали из-под котелка.

— Веласко, — злорадно пробормотал Фрейзер и в мгновение ока оказался рядом с напомаженным типом.

Капитан вскинул голову, его красивое молодое лицо передернулось в мучительном тике, и перед глазами Олифанта поплыл кровавый Крым — полыхающие города, белые цветы человеческих рук, распускающиеся в липкой, взбитой снарядами грязи. Он содрогнулся, сделал над собой усилие и выкинул страшные видения из головы.

— Разве мы знакомы, сэр? — осведомился капитан у Фрейзера; в его голосе звенело хрупкое, опасное веселье.

— Джентльмены! — крикнул с лестницы мистер Сейерз.

Возглавляемое капитаном общество, за исключением Олифанта, Фрейзера, смуглого в котелке и еще одного, четвертого человека, двинулось наверх, к яме. Четвертый, сидевший скрестив

ноги на ручке потрепанного кресла, закашлялся. Только теперь Олифант заметил, что Фрейзер крепко держит его за руку, чуть повыше локтя.

— Зря вы это, Фрейзер. Пожалеете. — Сидевший на ручке кресла распутал свои длинные ноги и встал.

Олифант отметил про себя продуманность тона, каким были сказаны эти слова. Как и смуглый в котелке, четвертый был экипирован во все с иголочки, по последней моде Оксфорд-стрит. На левом лацкане светлосинего, почти лавандового сюртука поблескивал эмалевый значок с «Юнион-Джеком».

— Пожалею, мистер Тейт? — переспросил Фрейзер тоном школьного учителя, который не совсем еще решил — то ли устроить ученику разнос, то ли уж сразу выпороть мерзавца.

— Честное предупреждение, Фрейзер, — сказал смуглый. — Мы здесь по парламентскому делу! — Его маленький коричневый терьер зябко дрожал.

— Вот как? — мягко поинтересовался Олифант. — И какие же это такие дела у парламента в крысиной яме?

— А у вас какие? — нагло спросил высокий, ничуть не пасуя перед свирепым взглядом Фрей-

зера, и снова зашелся кашлем.

— Фрейзер, — повернулся Олифант, — а не этих ли джентльменов вы упоминали в связи с доктором Мэллори как конфиденциальных агентов?

— Тейт и Веласко, — мрачно кивнул Фрейзер.

— Мистер Тейт, — Олифант сделал шаг вперед, — позвольте представиться. Лоренс Олифант, журналист.

Тейт сморгнул, заметно ошарашенный приветливостью Олифанта. Фрейзер понял игру и неохотно выпустил руку Веласко.

— Мистер Веласко, — улыбнулся Олифант. По лицу Веласко мелькнула тень подозрения.

— Журналист? Какой еще журналист? — спросил он, переводя взгляд с Олифанта на Фрейзера и обратно.

— Путевые заметки, по большей части, — отозвался Олифант. — Хотя в настоящее время я занят — с неоценимой помощью мистера Фрейзера — составлением популярной истории Великого смрада.

— Мэллори, говорите? — прищурился Тейт. — А он тут при чем?

— Я взял интервью у доктора Мэллори перед его отъездом в Китай. То, что пришлось ему тогда пережить, представляется исключительно

любопытным и в высшей степени наглядным примером опасностей, подстерегающих каждого из нас в периоды хаоса, подобного недавним беспорядкам.

— Подстерегающих каждого? — иронически переспросил Веласко. — Вздор! Неприятности Мэллори были связаны с его учеными делами, и вашему *мистеру*Фрейзеру это прекрасно известно!

— Да-да. Вот именно, — согласился Олифант. — И вот почему я так рад, благодарен случаю, который свел меня с вами, джентльмены.

Веласко и Тейт переглянулись.

— Благодарны? — неуверенно спросил Тейт.

— Несказанно. Видите ли, я знаю о прискорбных разногласиях, возникших между доктором Мэллори и его ученым коллегой, Питером Фоуком. Создается впечатление, что даже в самых избранных кругах в период столь беспрецедентного стресса…

— Вы больше не увидите, — прервал его Веласко, — чтобы этот ваш Питер долбаный Фоук при всех его долбаных барских замашках вращался в этих ваших долбаных кругах. — Он выдержал театральную паузу. — Его застали в постели с девочкой, которой не было и двенадцати, вот

так-то!

— Не может быть! — столь же театрально отшатнулся Олифант. — Фоук? Но, конечно же…

— Так оно и было, — заверил его Тейт. — В Брайтоне. И те, кто застукал этого козла, начистили ему хлебало до блеска, а потом вышвырнули на улицу без порток!

— Но мы тут ни при чем, — решительно заявил Веласко. — И никто не докажет обратного.

— У нас теперь новый образ мышления, — Тейт выпятил свою цыплячью грудь, чтобы лучше был виден значок; покрасневший от джина кончик его носа влажно поблескивал, — теперь нет терпимости к декадансу, хоть среди ученых, хоть где. При Байроне тайный разврат расцвел махровым цветом, и кому это знать, как не вам, Фрейзер!

Фрейзер буквально онемел от подобной наглости, а Тейт уже повернулся к Олифанту:

— Этот смрад был делом рук Неда Лудда, мистер, вот вам и вся его история!

— Саботаж в гигантских масштабах, — многозначительно возгласил Веласко, словно читая по бумажке, — при подстрекательстве заговорщиков из самых высших кругов общества! Но среди нас еще остались истинные патриоты, готовые искоренить это зло!

Веласков терьер истерически заскулил; по лицу Фрейзера было видно, что он готов придушить обоих — и человека, и собаку.

— Мы — парламентские следователи, — сказал Тейт, — пришедшие сюда по служебным делам. Не думаю, чтобы вы решились нас задержать.

Олифант предостерегающе положил руку на рукав Фрейзера.

Веласко торжествующе ухмыльнулся, успокоил своего нервического кобелька и гордо направился к лестнице; Тейт последовал за напарником. Сверху доносился бешеный лай, едва не заглушаемый хриплыми выкриками.

— Они работают на Эгремонта, — сказал Олифант. Фрейзер брезгливо поморщился. Брезгливо и, пожалуй, удивленно.

— Идемте, Фрейзер, больше нам здесь делать нечего. Полагаю, вы позаботились о кэбе?

* * *

Мори Аринори, самый любимый из японских учеников Олифанта, безмерно восхищался всем британским. В обычные дни Олифант завтракал очень легко либо не завтракал вовсе, но иногда он подвергал себя испытанию плотным «английским» завтраком на радость Мори, который ради

таких случаев наряжался в костюм из самого толстого, какой только бывает, твида и с галстуком в клеточку цветов «Королевского ирландского ордена паровых механиков».

Парадокс, парадокс забавный и печальный, думал Олифант, глядя, как Мори намазывает тост джемом. Сам он испытывал ностальгию по Японии. Пребывание в Эдо, где Олифант служил первым секретарем при Резерфорде Олкоке [131], привило ему любовь к приглушенным краскам и тончайшим текстурам мира ритуала и полутонов. Теперь он тосковал по стуку дождя о промасленную бумагу, по кивающим головкам полевых цветов вдоль крошечных аллей, по тусклому свету бумажных фонариков, по запахам и теням Нижнего Города…

— Орифант-сан, тосты очень хорошие, просто великолепные! Вы печальны, Орифант-сан?

— Нет, мистер Мори, вовсе нет. — Олифант взял

---

[131] Примечания: 131

Сэр Резерфорд Олкок (1809–1897), британский дипломат. В 1858 г. был назначен генеральным консулом в Японию. В 1860 г. переводчик Олкока погиб у ворот миссии, а в 1861 г. миссию пытались штурмовать самураи, но были отбиты. Олкок затеял кампанию по защите европейцев от японских радикалов, пытавшихся изгнать «чужаков» и свергнуть сёгунат Токугава, и добился обстрела английскими, голландскими, американскими и французскими кораблями береговых батарей в Симоносеки. Уйдя с государственной службы в 1871 г., несколько лет возглавлял Королевское географическое общество.

еще ломтик бекона, хотя и не испытывал ни малейшего голода. Он решительно изгнал из головы мелькнувшее было воспоминание об утренней ванне, о черной липкой резине. — Я вспоминаю Эдо. Этот город полон бесконечного очарования.

Мори дожевал хлеб, глядя на Олифанта черными блестящими глазами, потом умело промокнул губы салфеткой.

— «Очарование». Ваше слово для старых обычаев. Старые обычаи связывают руки моему народу. Не далее как на этой неделе я отослал в Сацуме свою статью против ношения мечей.

Его глаза скользнули по левой руке Олифанта, по скрюченным пальцам. Скрытый под манжетой шрам отозвался тянущей болью.

— Но мистер Мори, — Олифант отложил серебряную вилку, с радостью позабыв о беконе, — в вашей стране меч является узловым символом феодальной этики и связанных с нею чувств, его почитают почти наравне с сюзереном.

— Отвратительный обычай грубой и дикой эпохи, — улыбнулся Мори. — Будет очень полезно от него избавиться, Орифант-сан. Век прогресса! — (Его любимое выражение.)

Олифант тоже улыбнулся. Мори сочетал в себе смелость и способность к состраданию с почти

трогательной бесцеремонностью. Неоднократно, и к полному ужасу Блая, он платил какому-нибудь кэбмену полную стоимость проезда плюс чаевые, а потом приглашал его к Олифанту на кухню перекусить.

— Всему свое время, мистер Мори. Кто бы спорил, что ношение меча — варварский обычай, однако ваша попытка искоренить такую, собственно, мелочь может спровоцировать сопротивление другим, более важным реформам, более глубоким преобразованиям, какие вы желали бы произвести в вашем обществе.

— Ваша политика имеет несомненные достоинства, Орифант-сан, — серьезно кивнул Мори. — Хорошо бы, например, обучить всех японцев английскому. Наш скудный язык бесполезен в огромном мире. Близок день, когда пар и вычислитель проникнут во все уголки нашей страны, после чего английский язык должен полностью вытеснить японский. Наш умный, жаждущий знаний народ не может зависеть от такого слабого и ненадежного средства общения. Мы должны приобщиться к бесценной сокровищнице западной науки!

Олифант склонил голову набок, внимательно разглядывая пышущего энтузиазмом японца.

— Мистер Мори, — сказал он наконец, — простите мне, если я неверно вас понял, но не хотите ли вы отменить японский язык?

— Век прогресса, Орифант-сан, век прогресса! Наш язык должен исчезнуть!

— Поговорим об этом потом, серьезно и не торопясь, — улыбнулся Олифант, — а сейчас, мистер Мори, я хочу спросить, не занят ли у вас сегодняшний вечер. Я предлагаю вам немного развлечься.

— С радостью, Орифант-сан. Английские общественные празднества великолепны, — расцвел Мори.

— Тогда мы отправимся в Уайтчепел, в театр «Гаррик» на очень необычное представление.

* * *

Согласно паршиво отпечатанной программке, клоунессу звали Швабра Швыряльщица, что было отнюдь не самым странным в спектакле «Мазулем-полуночница», предлагавшемся вниманию почтеннейшей публики манхэттенской женской труппой «Красная пантомима». В число персонажей входили Билл О'Правах, чернокожий парень, Леви Прилипала, коммерсант, предлагающий две сигары за пять центов, Янки-лоточник,

Магазинная воровка, Жареный гусь и заглавная «полуночница».

Программа сообщала, что в спектакле участвуют исключительно женщины — и хорошо, что сообщала: угадать половую принадлежность некоторых бесновавшихся на сцене существ было попросту невозможно. Атласный костюм Швабры был обильно усыпан блестками, из пышного жабо нелепо торчал лысый, как яйцо, череп, на трагически белом лице Пьеро пламенели яркие, широко намалеванные губы.

Короткое вступительное слово огласила некая Элен Америка, чей пышный, не сдерживаемый ничем, кроме нескольких полупрозрачных шарфиков, бюст приковал внимание аудитории, состоявшей по большей части из мужчин. Ее речь состояла из лозунгов, скорее загадочных, чем воодушевляющих. Ну как, например, следовало понимать ее заявление, что «нам нечего носить, кроме своих цепей»?..

Заглянув в программку, Олифант узнал, что все представляемые труппой фарсы — и сегодняшняя «Полуночница», и «Панаттахахская арлекинада», и «Алгонкинские черти» — сочинены этой самой Элен Америкой.

Музыкальный аккомпанемент обеспечивала

луноликая органистка, в чьих глазах сверкало то ли безумие, то ли безумное пристрастие к лауданому.

Занавес разъехался, представив зрителям нечто вроде гостиничной столовой. Жареный гусь, роль которого исполняла карлица, бродил по сцене с кухонным ножом в руке и поминутно пытался зарезать кого-нибудь из обедающих. Олифант быстро потерял нить повествования, если таковая вообще имелась, в чем он сильно сомневался. Время от времени кто-либо из персонажей начинал швырять в окружающих бутафорскими кирпичами. Кинотропическое сопровождение состояло из грубых политических карикатур, не имевших ничего общего со сценическим действием.

Олифант искоса взглянул на сидящего рядом Мори — драгоценный цилиндр на коленях, лицо абсолютно бесстрастно. Аудитория буйно ревела, отзываясь, впрочем, не столько на суть фарса, в чем бы там она ни состояла, сколько на буйные, поразительно беспорядочные пляски коммунарок, чьи голые щиколотки и лодыжки отчетливо различались под обтрепанными подолами их размахаистых балахонов.

У Олифанта заныла спина.

Темп все нарастал, танцы превратились уже в натуральное побоище, картонные кирпичи летели сплошным потоком — и вдруг все остановилось, «Мазулем-полуночница» закончилась.

Толпа кричала, аплодировала, свистела. Олифант обратил внимание на громилу с лошадиной челюстью, околачивавшегося у входа за кулисы. Вооруженный массивной ротанговой тростью, он хмуро наблюдал за расходящейся толпой.

— Идемте, мистер Мори. Я чувствую, журналисту тут есть чем поживиться.

Подхватив левой рукой цилиндр и тросточку, Мори последовал за Олифантом.

— Лоренс Олифант, журналист. — Олифант протянул громиле карточку. — Не будете ли вы любезны передать мисс Америке, что я бы хотел взять у нее интервью?

Охранник скользнул по карточке взглядом и уронил ее на пол. Шишкастые пальцы угрожающе сжались на рукояти трости — и в этот самый момент сзади раздалось резкое шипение, будто выпускали из котла пар. Олифант обернулся. Мори, успевший уже надеть цилиндр, перехватил прогулочную тросточку двумя руками и принял боевую стойку самурая. На гибких смуглых запястьях сверкали безупречные белые манжеты с

золотыми искорками запонок.

Из-за кулисы высунулась встрепанная, ослепительно рыжая голова Элен Америки. Глаза актрисы были густо подведены сурьмой.

Мори не шелохнулся.

— Мисс Элен Америка? — Олифант извлек вторую карточку. — Позвольте мне представиться. Я — Лоренс Олифант, журналист…

Элен Америка яростно зажестикулировала перед каменным лицом своего соотечественника. Громила еще секунду испепелял Мори взглядом, а затем неохотно опустил палку. Конец этой палки, как сообразил теперь Олифант, был залит свинцом.

— Сэсил глухонемой. — Актриса произнесла имя на американский манер, через «э».

— Прошу прощения. Я дал ему мою визитную карточку…

— Он не умеет читать. Так вы что, газетчик?

— От случая к случаю. А вы, мисс Америка, — первоклассная писательница. Позвольте представить вам моего друга, мистера Мори Аринори, прибывшего в нашу страну по поручению японского императора.

Бросив убийственный взгляд в сторону Сэсила, Мори грациозно перехватил трость, снял ци-

линдр и поклонился на европейский манер. Элен Америка глядела на него с восхищенным удивлением, как на цирковую собачку или что-нибудь еще в этом роде. Одета она была в серую конфедератскую шинель, латанную-перелатанную, нечистую; на месте медных полковых пуговиц тускнели обычные роговые кругляшки.

— Никогда не видела, чтобы китайцы так одевались.

— Мистер Мори — японец.

— А вы — газетчик.

— В некотором роде.

Элен Америка улыбнулась, сверкнув золотым зубом.

— И как вам понравилось наше представление?

— Это было необычайно, просто необычайно. Ее улыбка стала шире:

— Тогда приезжайте к нам на Манхэттен, мистер. Восставший народ взял в свои руки «Олимпик», это на восток от Бродвея, на Хьюстон-стрит. Лучше всего мы смотримся дома, в родной обстановке.

Среди спутанного облака рыжих от хны кудряшек поблескивали тоненькие серебряные сережки.

— С огромным удовольствием. А еще большим удовольствием для меня было бы взять интервью у автора…

— Это не я написала, — качнула головой Элен. — Это Фоке.

— Прошу прощения?

— Джордж Вашингтон Лафайет Фоке [132] — марксистский Гримальди [133], Тальма [134] социалистического театра! Это труппа решила поставить на афише мое имя, а я была и остаюсь против.

— Но ваша вступительная речь…

— А вот ее действительно написала я, сэр, и горжусь этим. Несчастный Фоке…

— Я и не знал… — смущенно перебил ее Олифант.

---

[132] Примечания: 132

Джордж Вашингтон Лафайет Фоке (1825–1877) — американский актер, постановщик, мим; заслужил титул «американского Гримальди». На пике своей популярности был самым высокооплачиваемым шоуменом в США. Наиболее известные его постановки — «Шалтай-Болтай» (1868), «Гикоридикори-док» (1869). Психологическая неуравновешенность (он мог, например, соскочить со сцены и без малейшей причины наброситься с кулаками на кого-нибудь из зрителей) положила конец его карьере.

[133] Примечания: 133

Гримальди, Джозеф (1778–1837) — знаменитый английский актер, мим и клоун; происходил из семьи циркачей и выступал на сцене с двух лет.

[134] Примечания: 134

Тальма, Франсуа Жозеф (1763–1826) — великий французский актер-трагик. Будучи также управляющим театральной труппы, явился инициатором ряда нововведений (в костюмах, декорациях, стиле актерской игры), заложивших фундамент будущего французского романтизма и реализма.

— Это все от непосильного труда, — продолжила Элен. — Великий Фоке, в одиночку возвысивший социалистическую пантомиму до нынешнего уровня, поставивший ее на службу революции, надорвался, сочиняя все новые и новые пьесы, — публика переставала ходить на них после одного-двух представлений. Он довел себя до полного изнеможения, изобретая все более броские трюки, все более быстрые трансформации. Он начал сходить с ума, его гримасы стали жуткими, отвратительными. Он вел себя на сцене просто похабно. — Элен отбросила театральную патетику и заговорила с нормальными, будничными интонациям. — Мы уж чего только не делали, даже держали наготове костюмера, наряженного гориллой, чтобы выбегал на сцену и вламывал хорошенько бедняге Фоксу, если тот слишком уж разойдется, — да все попусту.

— Мне очень жаль…

— Как это ни печально, сэр, Манхэттен — не место для помешанных. Фоке сейчас в Массачусетсе, в соммервилльской психушке, и если вам захочется это напечатать, прошу покорно.

Олифант смотрел на нее, не зная, что и сказать. Мори Аринори отошел в сторону и наблюдал за выходящей из «Гаррика» толпой. Глухонемой

Сэсил исчез, забрав с собой свой груженный свинцом отрезок ротанга.

— Я готова съесть целую лошадь, — весело объявила Элен Америка.

— Позвольте мне пригласить вас. Где бы вам хотелось пообедать?

— Да есть тут за углом одно местечко.

Элен направилась к выходу, не дожидаясь, пока джентльмен предложит ей руку; Олифант и Мори двинулись следом. Только сейчас Олифант заметил на ногах актрисы армейские резиновые сапоги — чикамоги [135], как называют их американцы.

Она провела их один квартал, а затем, как и пообещала, свернула за угол. Ярко освещенная кинотропическая вывеска каждые десять секунд перещелкивала с «АВТОКАФЕ МОИСЕЙ И СЫНОВЬЯ» на «ЧИСТО БЫСТРО СОВРЕМЕННО» и обратно. Элен Америка обернулась и сверкнула улыбкой, ее роскошный зад плавно перекатывался под конфедератской шинелью.

В переполненном кафе было шумно и душно; забранные мелким, как тюремная решетка,

---

[135] Примечания: 135

Имя этим сапогам дала Чикамога, речушка в Джорджии, на берегах которой в 1863 г. конфедераты одержали одну из своих немногих побед над юнионистами>

железным переплетом окна запотели так, что казались матовыми. Олифант даже не представлял себе, что бывают подобные заведения.

Элен Америка без слов продемонстрировала местные обычаи, взяв прямоугольный гуттаперчевый поднос из стопки ему подобных и толкая его по блестящей оцинкованной дорожке, над которой располагались десятки миниатюрных, окантованных медью окошек. Олифант и Мори последовали ее примеру. За каждым окошком было выставлено свое блюдо, Олифант заметил щели для монет и полез в карман за кошельком. Элен Америка выбрала картофельную запеканку с мясом, мясо в тесте и жареную картошку — монетами ее обеспечивал Олифант. За дополнительный двухпенсовик она получила из латунного крана щедрую порцию бурого, крайне сомнительного соуса. Мори взял печеную картошку, предмет страстной своей любви, а от соуса отказался — с некоторым даже, как показалось Олифанту, содроганием. Олифант, подрастерявшийся в столь необычной обстановке, ограничился кружкой машинного эля.

— Клистра меня убьет, — заметила Элен Америка, ставя свой поднос на анекдотически маленький чугунный столик. Стол и четыре стула

вокруг него были намертво привинчены к бетонному полу. — Не разрешает нам разговаривать с господами из прессы — и все тут.

Она капризно повела плечиками, еще раз сверкнула золотым зубом, а затем, покопавшись в звякающей груде, вручила Мори дешевый железный нож и такую же трезубую вилку.

— Вы бывали в городе под названием Брайтон, мистер?

— Да, приходилось.

— И что это за место?

Мори с глубоким интересом рассматривал прямоугольную тарелку из грубого серого картона, на которой лежали его картофелины.

— Приятный город, — сказал Олифант, — очень живописный. Особенно знаменит водолечебный павильон.

— Это в Англии? — Элен Америка говорила с набитым ртом, а потому не очень внятно.

— Да, в Англии.

— Там много рабочих?

— Думаю, нет — в том смысле, как вы это понимаете. Однако там очень много людей, работающих в гостиницах и ресторанах, лечебных и увеселительных заведениях.

— Здесь, в Лондоне, к нам почти не ходят рабо-

чие, совсем не та аудитория. Ладно, будем есть.

Чем Элен Америка и занялась. Застольные беседы, как понял Олифант, ценились в красном Манхэттене не слишком высоко.

Она вымела картонные «тарелки» подчистую, умудрившись даже собрать остатки соуса прибереженным ломтиком картошки.

Олифант вынул из записной книжки плотную белую картонку с машинной копией полицейского портрета Флоренс Бартлетт.

— Вы ведь знакомы с Флорой Барнетт, американской актрисой, мисс Америка? Мне говорили, что она невероятно популярна на Манхэттене… — Олифант показал карточку.

— Никакая она не актриса. Да и не американка, к слову сказать. Она — южанка, а может, даже из этих гребаных французов. Восставшему народу такие, как она, не нужны. Мы их знаете сколько вздернули!

— Таких, как она?

— Что? — уставилась на него Элен. — Да какой ты на хрен журналист, расскажи своей бабушке…

— Мне очень жаль, если…

— Ну да, всем вам жаль. Да вам на все начхать, вам лишь бы….

— Мисс Америка, прошу вас, я просто хотел…

— Спасибо за кормежку, мистер, но со мной вам ничего не отколется, ясно? И этот бронтозаврус, ему тут тоже не хрен делать! У вас нет на него никаких прав, и когда-нибудь он будет стоять в манхэттенском «Метрополитене», поскольку принадлежит восставшему народу! С чего это вы, лимонники [136], взяли, что можете разгуливать повсюду и выкапывать наши природные сокровища!

И тут, словно по подсказке суфлера, в дверях появилась сама Швабра Швыряльщица, великая и ужасная. Лысый огромный череп клоунессы был замотан веселенькой косынкой в горошек, на ее ногах красовались такие же, как у Элен, но размера на три побольше чикамоги.

— Сию минуту, товарищ Клистра, — затараторила Элен.

Клоунесса испепелила Олифанта взглядом, после чего обе женщины удалились.

— Своеобразный вечер, мистер Мори, — улыбнулся Олифант.

Мори, погруженный в созерцание суеты и

---

[136] Примечания: 136

Лимонники (limey) — прозвище англичан. Первоначально так прозвали английских матросов, которым в качестве профилактики от цинги выдавали сок лимона (вернее, лайма).

грохота «Автокафе», отозвался лишь через пару секунд:

— У нас тоже будут такие заведения, Орифант-сан! Чисто! Быстро! Современно!

* * *

Возвратившись на Хаф-Мун-стрит, Олифант направился прямо в свой кабинет,

— Можно мне войти на минуту, сэр? — спросил сопровождавший его до самых дверей Блай.

Заперев за собой дверь собственным ключом, он подошел к миниатюрному наборному столику, где размещались курительные принадлежности Олифанта, открыл сигарницу и вынул оттуда черный жестяной цилиндрик, невысокий и довольно толстый.

— Это доставил к черному ходу некий молодой человек, сэр. Сообщить свое имя он не пожелал. Памятуя о варварских покушениях, предпринимавшихся за границей, я взял на себя смелость открыть…

Олифант взял кассету и открутил ее крышку. Перфорированная телеграфная лента.

— А молодой человек?..

— Младший служитель при машинах, сэр, судя по состоянию его обуви. Кроме того, на нем были

белые нитяные перчатки.

— И он не просил ничего передать?

— Просил, сэр. «Скажите ему, — сказал он, — что больше мы ничего не можем сделать — слишком опасно. Так что пусть и не просит».

— Понятно. Не будете ли вы добры принести мне крепкого зеленого чаю?

Как только дверь за слугой закрылась, Олифант подошел к своему личному телеграфному аппарату, ослабил четыре медных барашка, снял тяжелый стеклянный колпак, отставил его подальше, чтобы случаем не разбить, и взялся за изучение инструкции. Необходимые инструменты — заводная ручка с ореховой рукояткой и маленькая позолоченная отвертка, украшенная монограммой компании «Кольт и Максвелл», — не сразу, но все же обнаружились в одном из ящиков письменного стола. Отыскав в нижней части аппарата рубильник, он разорвал связь с Министерством почт, а затем взял отвертку, произвел требуемые инструкцией изменения настройки, надел рулончик ленты на шпильку, зацепил краевую перфорацию за зубчики подающих шестеренок и глубоко вздохнул.

И тут же услышал стук своего сердца, почувствовал молчание ночи, навалившееся из

темноты Грин-парка, и немигающий взгляд Ока. Вставив шестигранный конец заводной ручки в гнездо, Олифант начал медленно, равномерно поворачивать ее по часовой стрелке. Он не смотрел, как поднимаются и падают буквенные рычажки, расшифровывающие перфорационный код, не смотрел на телеграфную ленту, выползающую из прорези.

Готово. Вооружившись ножницами и клеем, он собрал телеграмму на листе бумаги:

«ДОРОГОЙ ЧАРЛЬЗ ЗПТ ДЕВЯТЬ ЛЕТ НАЗАД ВЫ ПОДВЕРГЛИ МЕНЯ ХУДШЕМУ БЕСЧЕСТЬЮ ЗПТ КАКОЕ ТОЛЬКО МОЖЕТ ВЫПАСТЬ ЖЕНЩИНЕ ТЧК ВЫ ОБЕЩАЛИ СПАСТИ МОЕГО НЕСЧАСТНОГО ОТЦА ЗПТ А ВМЕСТО ТОГО РАЗВРАТИЛИ МЕНЯ ДУШОЙ И ТЕЛОМ ТЧК СЕГОДНЯ Я ПОКИДАЮ ЛОНДОН В ОБЩЕСТВЕ ВЛИЯТЕЛЬНЫХ ДРУЗЕЙ ТЧК ИМ ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНО ЗПТ КАК ВЫ ПРЕДАЛИ УОЛТЕРА ДЖЕРАРДА И МЕНЯ ТЧК НЕ ПЫТАЙТЕСЬ РАЗЫСКАТЬ МЕНЯ ЗПТ ЧАРЛЬЗ ТЧК ЭТО БУДЕТ БЕСПОЛЕЗНО ТЧК Я ВСЕМ СЕРДЦЕМ НАДЕЮСЬ ЗПТ ЧТО ВЫ И МИССИС ЭГРЕМОНТ УСНЕТЕ СЕГОДНЯ СПОКОЙНО ТЧК СИБИЛ ДЖЕРАРД КНЦ»

Олифант просидел над телеграммой целый час, абсолютно неподвижно, словно в трансе, не заметив даже, как Блай принес поднос, поста-

вил его на стол и бесшумно удалился. Затем он налил себе чашку едва теплого чая, взял бумагу, самопишущее перо и начал составлять — на безупречном французском — письмо в Париж некоему месье Арсло.

* * *

В воздухе стоял едкий запах магния.

Принц-консорт оставил хитроумную, швейцарского производства стереоскопическую камеру и со всей своей тевтонской серьезностью приветствовал Олифанта по-немецки. На нем были аквамаринового цвета очки с круглыми, не больше флорина, стеклами и безукоризненно белый лабораторный халат. Коричневые пятна на его пальцах были обязаны своим происхождением отнюдь не никотину, но нитрату серебра.

Олифант поклонился, пожелал его высочеству доброго дня на том же, принятом в августейшем семействе языке и сделал вид, что осматривает швейцарскую камеру — замысловатое сооружение, чьи объективы слепо пялились из-под гладкого медного лба. На мгновение камера напомнила Олифанту мистера Карта, мускулистого швейцарца, служившего у принца-консорта камердинером, — такие же широко посаженные

глаза.

— Я привез Элфи небольшой подарок, ваше высочество, — сказал Олифант.

Как и принц-консорт, он говорил по-немецки с легким саксонским акцентом — долгая миссия, связанная с деликатным поручением королевского семейства, оставила след, столь же неизгладимый, как шрам от самурайского меча. Родственники князя Альберта Кобургского, искусные в древнем ремесле династийных браков, стремились расширить свои крошечные владения — в то время как британское Министерство иностранных дел старалось, по мере сил и возможностей, сохранять теперешнюю раздробленность германских мини-государств.

— Юный принц уже покончил сегодня с уроками?

— Элфи немного нездоровится, — отозвался Альберт, критически всматриваясь сквозь зеленоватые очки в один из объективов камеры. Он взял кисточку, обмахнул поверхность линзы и выпрямился. — Как вы думаете, не является ли изучение статистики излишне тяжелой нагрузкой для юного, неокрепшего ума?

— Что думаю об этом я, ваше высочество? — живо откликнулся Олифант, — Статистический

анализ обладает огромными возможностями…

— Вопрос, по которому мы с его матерью сильно расходимся, — скорбно поведал принц. — А успехи Альфреда в этом предмете оставляют желать много лучшего. И тем не менее статистика — ключ к будущему. В современной Англии без нее и шага не ступишь.

— А как у него с другими предметами? — сменил тему Олифант.

— Антропометрия, ее он усваивает вполне хорошо. И евгенику тоже. Серьезные области знания, и не столь утомительные для юных мозгов.

— Я мог бы поговорить с ним, ваше высочество, — предложил Олифант. — Я уверен, что парень старается.

— Поговорите, — пожал плечами принц. — Он у себя в комнате.

Оставив позади продутое сквозняками великолепие королевских апартаментов, Олифант вошел в детскую. Наследник британского престола пулей вылетел из груды одеял и, как был, босиком помчался навстречу гостю, ловко перепрыгивая через рельсы невероятно запутанной железной дороги.

— Дядя Ларри! Дядя Ларри! Здорово! Что вы мне принесли?

— Последний выпуск барона Зорды. В кармане Олифанта лежало сочинение упомянутого барона «Патерностер, паровой бандит» — грошовая книжонка, завернутая в зеленую бумагу и резко пахнущая типографской краской. Первые два выпуска популярной серии — «Некомплектная армия» и «Велосипедисты царя» — вызвали у юного принца Альфреда самый необузданный энтузиазм. Новый опус сомнительного аристократа обещал быть почище предыдущих: картинка на аляповатой, до рези в глазах яркой обложке изображала бешено мчащийся паровой экипаж наиновейшей конструкции — с гладким и раздутым, как лысина Швабры Швырялыцицы, носом и узкой кормовой частью. Отважный Патерностер, высунувшийся из кабины чуть не по пояс, отстреливался из револьвера от невидимых противников. Покупая книгу, Олифант полюбовался ее фронтисписом; там наглый бандит, порожденный воображением барона Зорды, был изображен более подробно — особенно впечатлял его костюм, включавший в себя широкий, усеянный медными заклепками ремень и сильно расклешенные брюки с застегнутыми на пуговицы разрезами обшлагов.

— Супер! — Мальчик нетерпеливо сорвал с «Па-

рового бандита» зеленую обертку. — А машина-то у него какая! Вот это уж точно — обтекаемая!

— А как же, Элфи, разве станет злодей Патерностер пользоваться допотопной рухлядью. И ты посмотри на картинку — у него же прикид ну точно, как у Неда Мордоворота.

— Ну да, — восхитился наследник британского престола, — вона какие потрясные клеши. А ремнюга — так это вообще опупеть.

— А как ты поживал это время, пока мы не виделись? — спросил Олифант, полностью проигнорировав не подобающее для младенческих уст слово.

— На все сто, дядя Ларри. — Тут на детском лице мелькнула тень беспокойства. — Вот только я… Только она… Она взяла вдруг и сломалась…

Принц указал на японскую чайную куклу, печально привалившуюся к ножке огромной кровати. Из рваного отверстия в роскошном одеянии торчала узкая острая полоска какого-то полупрозрачного материала.

— Это пружина, дядя Ларри. Наверное, я ее слишком туго завел. На десятом обороте там что-то щелкнуло, и она вот так вот выскочила.

— Японские куклы приводятся в действие пружинами из китового уса. Этот народ не научился

еще делать настоящие пружины — но скоро научится. Тогда их игрушки не будут так быстро ломаться.

— Отец считает, что вы слишком уж возитесь со своими японцами, — сказал Элфи. — Он говорит, что вы считаете их ничуть не хуже европейцев.

— А так оно и есть, Элфи! Сейчас их механические устройства, прямо скажем, не очень из-за нехватки знаний в прикладных науках. Но вполне может случиться, что когда-нибудь в будущем они еще поведут цивилизацию к невиданным высотам. Они и, возможно, американцы.

Мальчик глядел на него с большим сомнением,

— Отцу бы это не понравилось — то, что вы говорите.

— Это уж, Элфи, точно.

Следующие полчаса Олифант провел, стоя на коленях, — Альфред демонстрировал ему игрушечную французскую вычислительную машину, миниатюрную сестричку «Великого Наполеона», работавшую — в лучших семейных традициях — не на паре, а на сжатом воздухе. Маленькая машина использовала не перфокарты, а телеграфную ленту, что напомнило Олифанту

о месье Арсло. К этому времени Блай доставил уже письмо во французское посольство; вполне возможно, что какой-нибудь дипкурьер уже вез его в Париж.

Альфред почти уже присоединил свою машину к миниатюрному кинотропу, но тут раздалось сдержанное побрякивание дверной ручки, традиционно заменявшее в Букингемском дворце общепринятый стук. Олифант встал, открыл высокую белую дверь и обнаружил за ней хорошо ему знакомое лицо Нэша, дворцового камердинера, чьи легкомысленные спекуляции железнодорожными акциями закончились малоприятным знакомством со столичным Отделом экономических преступлений. Своевременное вмешательство Олифанта позволило быстро замять эту давнюю историю; неподдельная почтительность Нэша явно свидетельствовала, что он отнюдь не забыл об этой бескорыстной услуге.

— Мистер Олифант, — возвестил камердинер. — Пришла телеграмма, сэр. Вас срочно вызывают.

* * *

Машина Особого отдела неслась с бешеной скоростью, а ее обтекаемые обводы могли бы вызвать зависть и у самого Патерностера, однако Олифант, привыкший к более традиционным способам передвижения, ощущал себя в этом чуде техники весьма неуютно; охватившая его тревога возрастала с каждой минутой.

Они мчались вдоль Сен-Джеймсского парка, голые черные сучья мелькали мимо, как уносимый ветром дым. Шофер — лица его не было видно за огромными защитными очками — явно наслаждался стремительным полетом, получал откровенное удовольствие, распугивая лошадей и пешеходов низким басовитым гудком. Кочегар, крепкий молодой ирландец, маниакально ухмылялся и все подбрасывал в топку кокс.

Олифант не знал, куда его везут. Теперь, когда они приближались к Трафальгарской площади, уличное движение заставляло водителя непрерывно тянуть за шнурок, оглашая улицу улюлюкающим воем, похожим на горестные стенания неведомого морского чудовища — хотя кто может сказать, как оно там стенает? Услышав этот звук, все прочие экипажи уступали им

дорогу, расступались, как Чермное Море пред Моисеем. Полисмены отдавали честь. Беспризорники и метельщики кувыркались от восторга, когда мимо них с грохотом проносилась скользкая жестяная рыба.

Темнело. Свернув со Стрэнда на Флит-стрит [137], водитель притормозил и нажал рычаг, выпустив в воздух мощную струю пара; машина прошла юзом еще несколько ярдов и замерла.

— Вот, сэр, полюбуйтесь. — Водитель поднял очки на лоб и вглядывался вперед сквозь изрядно поцарапанное ветровое стекло. — Ну как вам это нравится?

Улица была полностью перекрыта. За деревянным, густо увешанным фонарями барьером стояли хмурые солдаты в полевой форме, с карабинами «каттс-модзли» наперевес. Дальше виднелись большие брезентовые полотнища, укрепленные на высоких деревянных стояках, словно кто-то вознамерился возвести ярмарочный балаган прямо посреди мостовой.

Кочегар вытер лицо фланелевой тряпкой в горошек.

— Скрывают что-то от прессы.

---

[137] Примечания: 137
улица в Лондоне, где размещаются редакции основных газет.

— Самое место, — хмыкнул шофер.

— Мы ее нашли, — мрачно объявил подошедший к машине Фрейзер.

— И попутно устроили целый балаган. Неужели нельзя было обойтись без этих резервов главного командования?

— Мало здесь веселого, мистер Олифант. Вам лучше бы пройти со мной.

— Беттередж приехал?

— Не видел. Сюда, пожалуйста.

Фрейзер провел его за барьер. Стоявший у прохода солдат коротко кивнул.

Олифант увидел вдалеке очень усатого джентльмена в компании двух сотрудников столичной полиции.

— Это Холлидей, — заметил он, — шеф «Криминальной антропометрии».

— Да, сэр, — кивнул Фрейзер. — Они тут повсюду. Взломан Музей практической геологии. Королевское общество гудит, как осиное гнездо, и этот проклятый Эгремонт будет завтра кричать во всех утренних выпусках о новой луддитской вылазке. Если нам в чем и повезло, так это что доктор Мэллори вовремя уехал в Китай.

— Мэллори? А он-то тут каким боком?

— Сухопутный левиафан. Миссис Бартлетт и ее

бандиты попытались стащить его череп.

Они обогнули одну из брезентовых загородок; грубая ткань через равные промежутки была проштампована клеймом Артиллерийского управления.

Завалившийся набок кэб, черная лакированная обшивка прошита строчками пулевых пробоин; рядом, в широко расплывшейся луже крови — мертвая лошадь.

— С ней было двое мужчин, — сказал Фрейзер. — Трое, если считать труп в музее. Кэбом правил американский беженец по фамилии Рассел, здоровенный громила, проживавший в «Семи циферблатах». Второй — Генри Дис из Ливерпуля, опытный взломщик. Я сам раз десять брал этого Диса, когда еще служил, но в последнее время он куда-то пропал. Их положили туда, сэр. — Он кивнул вправо. — Судя по всему, Рассел ввязался в ссору с настоящим кэбменом — не поделили, кто кому уступит дорогу. Уличный регулировщик попытался вмешаться, и тогда Рассел вытащил пистолет.

Олифант не мог отвести взгляда от перевернутого кэба.

— Регулировщик был без оружия, к счастью, мимо проходили двое детективов с Боу-стрит…

— Но что стало с кэбом, Фрейзер…

— Это уж армейский броневик постарался, сэр. Последний из временных гарнизонов стоит как раз у Холборнского виадука. — Он помедлил. — У Диса была русская картечница…

Олифант потрясенно покачал головой.

— Восемь гражданских отправлены в больницу, — продолжил инспектор. — Один детектив убит. Идемте, сэр, лучше уж закончить с этим поскорее.

— А к чему загородки?

— По требованию «Криминальной антропометрии».

Олифанта охватило странное оцепенение, все происходящее казалось кошмарным сном. Он позволил провести себя туда, где стояли трое прикрытых брезентом носилок.

Лицо Флоренс Бартлетт превратилось в сплошное месиво.

— Серная кислота, — пояснил Фрейзер. — Пуля разбила бутылку, или что уж там у нее было.

Олифант торопливо отвернулся и прикрыл рот платком, еле сдерживая позыв тошноты.

— Прошу прощения, сэр, — сказал инспектор. — Вам не стоит смотреть на остальных.

— Беттередж, Фрейзер. Вы его видели?

— Нет, сэр. Вот череп, сэр, вернее, что от него осталось.

— Череп?

На полированном складном столике было разложено с полдюжины массивных осколков окаменелой кости и подкрашенного под кость гипса.

— Какой-то мистер Рикс из Музея пришел забрать их назад, — продолжал докладывать Фрейзер. — Говорит, они не так сильно повреждены, как могло бы показаться. Вы бы не хотели присесть, сэр? Я могу найти вам стул…

— Нет. А с чего это сюда сбежалась чуть не половина «Криминальной антропометрии»?

— Ну, сэр, вам об этом лучше судить, — сказал Фрейзер, понизив голос. — Хотя я слышал, что мистер Эгремонт и лорд Гальтон проявляют последнее время большое сходство взглядов.

— Лорд Гальтон? Теоретик евгеники?

— А еще кузен лорда Дарвина. Он — человек «Антропометрии» в Палате лордов. Имеет серьезное влияние в Королевском обществе. — В руках Фрейзера появился блокнот. — Взгляните, почему я решил, что вам следует прибыть сюда, сэр, и чем скорее, тем лучше.

Он отвел Олифанта за останки кэба, осторожно

оглянулся и вынул из кармана сложенный листок голубоватой бумаги.

— Я нашел это в ридикюле Бартлетт.

У записки не было ни даты, ни подписи:

«То, что вы так хотели получить, обнаружено, хотя и в крайне необычном месте. Наш общий знакомый по дерби, доктор Мэллори, сообщил мне, что этот предмет спрятан в черепе его сухопутного левиафана. Хочу надеяться, что вы воспримете эти чрезвычайно ценные сведения как полное возмещение всех моих вам долгов. Вследствие недавних политических событий, мое положение стало довольно опасным и, без сомнения, за мной внимательно наблюдают определенные силы в правительстве. Прошу вас подумать об этом прежде, чем предпринимать какие-либо новые попытки связаться со мной. Я сделала все, что было в моих силах, клянусь в этом».

Изящный почерк, знакомый как Олифанту, так и Фрейзеру, принадлежал Аде Байрон.

— Никто, кроме нас с вами, этого не видел, — негромко сказал Фрейзер вполголоса.

Олифант сложил бумагу вчетверо и спрятал ее в портсигар.

— А что это было, Фрейзер? Что было в черепе?

— Я провожу вас назад за заграждение, сэр. Решительно раздвигая шакалью стаю репортеров, Фрейзер провел Олифанта к скоплению полицейских и дальше, в самую его гущу; по дороге он дружески здоровался со многими из своих бывших сослуживцев.

— Так вот, мистер Олифант, насчет вашего вопроса, — сказал Фрейзер, когда горланящая толпа осталась за стеной голубой саржи и медных пуговиц. — Я не знаю, что это за предмет, но мы оставили его у себя.

— Да? По чьим указаниям?

— Безо всяких указаний. Вот он, Харрис, он обнаружил эту штуку в кэбе, еще до того, как набежала «Антропометрия». — Фрейзер почти улыбался. — Ребята из столичной полиции не слишком жалуют «Антропометрию». Дилетанты чертовы, верно, Харрис?

— Точно так, сэр, — подтвердил полицейский со светлыми бачками. — Такие они и есть.

— Так где же это? — спросил Олифант.

— Здесь, сэр. — Харрис протянул ему дешевую черную сумку. — Вот так мы это и нашли.

— Мистер Олифант, я думаю, вам бы лучше увезти это отсюда поскорее, — сказал Фрейзер.

— Конечно, Фрейзер, я сам так думаю. Скажите

парню, который сидит в этой хитрой машине, что он мне больше не понадобится. Благодарю вас, Харрис. Всего хорошего.

Полицейские расступились. Олифант с сумкой в руке протиснулся сквозь толпу зевак, толкавшихся в поисках места, откуда получше видно солдат и брезентовые заграждения.

— Пардон, начальник, медяка лишнего не найдется?

Олифант посмотрел в прищуренные карие глаза нищего; можно было поспорить на что угодно, что этот щуплый, хромой человек в прежней своей жизни был жокеем. Ни хромым, ни жокеем Бутс не был. Олифант бросил ему пенни. Бутс ловко поймал монету, но не ушел, а, наоборот, придвинулся к Олифанту вплотную, со стуком переставляя коротенький костыль. От него воняло сырой фланелью и копченой скумбрией.

— Заморочки, начальник. Бекки все скажет.

Бутс развернулся на своем костыле и решительно заковылял прочь, бормоча что-то на ходу, — типичный попрошайка, недовольный добычей.

Он был одним из двоих самых талантливых наблюдателей Олифанта.

Другая — Бекки Дин — догнала его на углу Чан-

сери-лейн. Выглядела она как преуспевающая шлюха — и по одежде, и по наглым манерам.

— Что там с Беттереджем? — пробормотал Олифант, словно разговаривая сам с собой.

— Повинтили, — ответила Бекки. — Часа три назад.

— Кто повинтил?

— Двое в кэбе. Они следили за вами. Беттередж засек их и поставил нас наблюдать за наблюдателями [138].

— Я ничего не знал.

— Это было позавчера.

— Кто были эти двое?

— Один — сальный, плюгавый прощелыга, частный детектив по фамилии Веласко. Другой, судя по виду, из правительственных.

— Так они что, взяли его прямо среди бела дня? Силой?

— А вы будто не знаете, как это делается, — пожала плечами Бекки.

Табачная лавка располагалась на углу Чансери-лейн и Кэри-стрит; задняя ее комната, где хранились запасы товара, насквозь пропиталась крепким, умиротворяющим запахом. Глубоко

---

[138] Примечания: 138

аллюзия на Ювенала (русский перевод: «Кто будет сторожить этих сторожей?»).

вздохнув, Олифант поднес уголок голубого листка к невысокому пламени бронзовой зажигалки, выполненной в виде сидящего турка.

Через пару секунд бумага превратилась в хрупкий розоватый пепел.

Сумка содержала автоматический револьвер «баллестер-молина», посеребренную латунную фляжку, до половины наполненную каким-то липким, приторно пахнущим зельем, и деревянный ящик. Судя по гипсовой корке, именно этот ящик и был целью ночного налета на Геологический музей. В нем лежала большая колода перфокарт формата «Наполеон», изготовленных из какого-то молочно-белого, очень скользкого материала.

— Этот пакет, — сказал Олифант мистеру Бидону, владельцу лавки, — останется у вас на хранение.

— Хорошо, сэр.

— Я заберу его сам или пришлю своего слугу Блая.

— Как пожелаете, сэр.

— Если у вас возникнут какие-нибудь неясности, будьте любезны известить об этом Блая.

— Непременно, сэр.

— Благодарю вас, Бидон. Вы не могли бы дать

мне сорок фунтов наличными и занести эту сумму на мой счет?

— *Сорок*, сэр?

— Да.

— Пожалуй, что смогу, сэр. С удовольствием, мистер Олифант.

Мистер Бидон вынул из кармана кольцо с ключами и пошел открывать наисовременнейший сейф.

— И дюжину лучших гаванских сигар. И вот еще что…

— Да, сэр?

— Я бы попросил вас хранить этот пакет в сейфе.

— Конечно, сэр.

— Вы не скажете, Бидон, «Лэмбс», это же где-то здесь, неподалеку? Обеденный клуб.

— Да, сэр. Это на Холборн, сэр. Пять минут пешком.

В воздухе кружился первый снег; сухой и зернистый, он не прилипал к промерзшей мостовой, а ложился тонким, подвижным слоем, как белый песок.

Бутс и Бекки исчезли — можно быть уверенным, что они заняты обычным своим незаметным делом.

«А вы будто не знаете, как это делается».

Знал, еще как знал. Скольких людей стерли с лица земли, стерли бесследно, как карандашную закорючку с листа ватмана, и это только здесь, в одном лишь Лондоне. Как можно сидеть с друзьями, попивать себе мозельское да слушать беспечную болтовню, если тебя тяготит невыносимое бремя подобного знания?

Он хотел, чтобы Коллинз был последним, самым последним, а теперь исчез Беттередж, исчез стараниями другой стороны.

Поначалу в этом виделся некий жутковато изящный смысл.

Поначалу это было его идеей.

Око. Он ощущал на себе его пристальный, всевидящий взор и когда кивал раззолоченному швейцару, и когда входил в мраморный вестибюль «Лэмбса», обеденного клуба Эндрю Уэйкфилда.

Медные почтовые ящики, телеграфная будка, чрезмерное изобилие лакированной фанеры, все предельно современно. Он посмотрел через стеклянные двери на улицу. Напротив клуба, за двойным потоком присыпанного снежной пылью уличного движения мелькнул одинокий силуэт в котелке.

Слуга провел его в отделанный темным дубом гриль-зал, где царил необъятный камин, увенчанный полкой из резного итальянского камня.

— Лоренс Олифант, — сообщил он затянутому в смокинг метрдотелю. — К мистеру Эндрю Уэйкфилду.

По лицу метрдотеля скользнула тень беспокойства.

— Извините, сэр, но его…

— Благодарю вас, — ответил Олифант, — но я, кажется, вижу мистера Уэйкфилда.

Преследуемый по пятам метрдотелем, Олифант двинулся между столиков; обедающие поворачивались и провожали его взглядами.

— Эндрю, — сказал он, подойдя к столу Уэйкфилда, — как удачно, что вы здесь.

Уэйкфилд обедал в одиночестве. У него вдруг возникли временные трудности с глотанием.

— Мистер Уэйкфилд… — начал метрдотель.

— Мой друг присоединится ко мне, — прервал его Уэйкфилд. — Садитесь пожалуйста. Мы привлекаем внимание.

— Спасибо. — Олифант сел.

— Вы будете обедать, сэр? — осведомился метрдотель.

— Нет, благодарю вас.

Когда они остались одни, Уэйкфилд шумно вздохнул.

— Кой черт, Олифант. Я же ясно поставил условия.

— Вы не могли бы уточнить, Эндрю, что это вас так напугало?

— Разве это не очевидно?

— Что — очевидно?

— Лорд Гальтон спелся с вашим проклятым Эгремонтом. Он главный покровитель «Криминальной антропометрии». Всегда им был. Фактически ее основатель. Может быть, вы не знаете, что он — *кузен*Чарльза Дарвина и имеет большое влияние в Палате лордов.

— Да. А заодно и в Королевском обществе, и в Географическом. Я прекрасно знаком с лордом Гальтоном, Эндрю. Он носится с идеей разводить людей, как герефордских коров.

Уэйкфилд положил нож и вилку.

— «Криминальная антропометрия» практически подмяла под себя Бюро. Можно считать, что теперь Центральное статистическое бюро находится под контролем Эгремонта.

Олифант молча смотрел, как верхние зубы Уэйкфилда нервно покусывают нижнюю губу.

— Я только что с Флит-стрит, — сказал он нако-

нец. — Вам не кажется, Эндрю, что за последнее время уровень насилия в обществе, вернее сказать, уровень *непризнанного*насилия поднялся до высот совершенно необычайных? — Олифант извлек из кармана «баллестер-молину» и положил ее на стол. — Возьмем, для примера, этот револьвер. Его может получить в свои руки практически любой желающий. Испанское изобретение, франко-мексиканское производство. Как мне сообщили, некоторые из его деталей — пружины и прочая мелочь — делаются у нас в Британии и доступны на открытом рынке; в результате бывает довольно сложно разобраться, откуда *конкретно*поступает подобное оружие. Символично для нынешней нашей ситуации, как вы думаете?

Уэйкфилд побелел как полотно.

— Кажется, я расстроил вас, Эндрю. Вы уж меня извините.

— Они… они *сотрут*нас. — Голос Уэйкфилда срывался. — Мы перестанем существовать. Не останется ничего, доказывающего, что кто-то из нас вообще существовал. Ни корешка чека, ни закладной в Сити-банке, ни-че-го.

— Вот о том я и говорю.

— Да оставьте вы этот свой высокоморальный

тон, — взорвался Уэйкфилд. — Разве не ваша компания все это и затеяла? Исчезновение людей, уничтожение досье, стирание имен и индексов, события, подредактированные в угоду каким-то там целям… Нет, не *вам* говорить со мною в таком тоне.

Возразить было трудно. Олифант тронул револьвер на столе, встал и, не оглядываясь, вышел из зала.

— Прошу прощения, — обратился он в мраморном вестибюле к красноливрейному рассыльному, который выуживал окурки сигар с присыпанного песком дна мраморной урны, — не могли бы вы помочь мне найти контору управляющего?

— Легко, — с американской фамильярностью ответил лакей и повел Олифанта по увешанному зеркалами и уставленному фикусами коридору.

Пятьдесят пять минут спустя, обойдя все помещения клуба, просмотрев фотографии ежегодных «взбрыкиваний» членов «Лэмбса» [139], написав кандидатское заявление и заплатив весьма солидный (не возвращаемый) вступительный взнос переводом со счета в «Национальном кредите»,

---

[139] Примечания: 139
«Lambs» (англ.) — «Ягнята»

Олифант дал набриолиненному управляющему фунтовую банкноту, пожал ему руку и изъявил желание покинуть клуб через самый незаметный черный ход.

Таковым ходом оказалась дверь из буфетной, которая — как он и надеялся — открывалась в узкий грязный проулок.

Через четверть часа он стоял у стойки переполненного трактира на Бедфорд-роуд, перечитывая текст телеграммы, которую некая Сибил Джерард отправила однажды Чарльзу Эгремонту, члену парламента, проживающему в Белгрейвии.

— Умерли мои мальчики, оба умерли, в Крыме этом проклятом, заболели и умерли, сквайр, вот и все — телеграмму мне прислали, вот и все.

Олифант спрятал бумагу в портсигар. Поглядел на мутное отражение своего лица в цинковой стойке. Поглядел на пустой стакан. Поглядел на женщину, замызганную пьянчужку с багровыми, покрытыми вековой патиной грязи щеками, на лохмотья, чей цвет не имел названия.

— Нет, — сказал он, — это не моя трагедия.

— Мой Роджер, — говорила женщина, — он так там и остался. И малыш Том тоже. И ни лоскутка не прислали, сквайр, ни одной долбаной тряпки.

Олифант дал ей монету. Женщина пробормо-

тала нечто вроде благодарности и ушла вглубь зала.

Пожалуй, он достаточно запутал свой след. На какое-то время. Стряхнул хвост. На какое-то время. Пора искать кэб.

В туманной пещере огромного вокзала тысячи голосов смешивались воедино, составляющие элементы языка превращались в звуковой аналог тумана, однородного и непроницаемого.

Олифант неспешно подошел к кассе и попросил билет на десятичасовой вечерний экспресс до Дувра, первым классом с плацкартой. Кассир вложил его пластинку «Национального кредита» в аппарат и с силой опустил рычаг.

— Прошу вас, сэр. Плацкарта на ваше имя. Поблагодарив кассира, Олифант перешел к другому окошку, где вновь предъявил пластинку.

— Я хочу заказать одноместную каюту на утренний пакетбот до Остенде. — И вдруг, уже убирая билет и пластинку «Национального кредита» в бумажник, попросил еще билет второго класса на полночный паром до Кале.

— То есть сегодня ночью, сэр?

— Да.

— Это будет «Бессемер»[140], сэр. На «Национальный кредит», сэр?

За билет до Кале Олифант заплатил наличными из сейфа мистера Бидона.

Без десяти девять — по отцовским золотым часам.

В девять часов он вскочил на подножку отъезжающего поезда и заплатил за билет первого класса прямо проводнику.

«Бессемер» отчалил из Дувра ровно в полночь. Олифант подошел со своим билетом второго класса и фунтовыми банкнотами к судовому казначею, а затем расположился в салоне, попивая посредственный бренди и присматриваясь к попутчикам — ничем, как он с удовольствием отметил, не примечательной компании.

Олифант не любил стабилизированных салонов, считая, что управляемые вычислителем движения каюты предназначенные для компенсации боковой и килевой качки, причиняют значительно больше неудобств, чем сама качка.

---

[140] Примечания: 140

Паром назван в честь английского инженера сэра Генри Бессемера (1813–1898), изобретателя бессемеровского процесса дешевого литья стали. Предложенный в 1856 г., метод совершенствовался и дорабатывался более десяти лет — ив Англии почти не прижился (из-за недостаточного качества английского железа). Зато активно применялся в Америке и континентальной Европе после 1878 г.

Хуже того, из салона нельзя было посмотреть на море — установленный на кардановом подвесе, он сидел в корпусе судна настолько глубоко, что крошечные иллюминаторы оказывались прямо под потолком. Эта хитрая механика казалась Олифанту далеко не самым удачным средством от морской болезни — с равным успехом можно лечить головную боль гильотиной. Публика же, судя по всему, пребывала в полном восхищении перед новейшим применением малой машины (нечто вроде артиллерийского прибора управления огнем), чьей единственной задачей было поддержание салона в горизонтальном положении. Достигалось это посредством чего-то, называемого на клакерском жаргоне «обратная связь». Как бы там ни было, с двойными гребными колесами на носу и на корме «Бессемер» проходил двадцать одну милю, расстояние от Дувра до Кале, за час тридцать минут.

Олифант куда охотнее провел бы эти полтора часа на палубе, подставив ветру лицо; возможно, тогда удалось бы вообразить, что стремишься к какой-нибудь более возвышенной — и более достижимой — цели. К сожалению, променад стабилизированного салона был огорожен вместо фальшборта железными перилами, а над

проливом гулял сырой, холодный ветер. Главное же, напомнил себе Олифант, цель у него сейчас только одна, да и та, скорее всего, окажется пустышкой.

И все же: Сибил Джерард. Прочитав телеграмму, посланную этой дамой Эгремонту, он решил не наводить о ней справок — из боязни привлечь нежелательное внимание. И был абсолютно прав, учитывая сообщение Уэйкфилда, что «Криминальная антропометрия» вертит теперь всем Центральным статистическим. Вполне возможно, что никакого досье Сибил Джерард больше не существует.

Уолтер Джерард из Манчестера, заклятый враг прогресса, поборник прав человека, повешен. А если у Уолтера Джерарда была дочь, что могло с ней статься? А что, если она и вправду была обесчещена Чарльзом Эгремонтом?

Кресло было совсем холодное — набивка из конского волоса, обтянутая жесткой тканью с повторяющимися изображениями «Бессемера», так и не успела еще прогреться.

Ладно, утешил он себя, ты хотя бы сбежал на какое-то время от липкой швейцарской лохани.

Отставив недопитое бренди, Олифант начал клевать носом и вскоре задремал.

Вполне возможно, что приснилось ему Око.

«Бессемер» причалил в Кале ровно в полвторого.

* * *

Апартаменты Люсьена Арсло находились в Пасси. В полдень Олифант представил свою визитную карточку консьержу, который посредством пневматической трубы переслал ее месье Арсло. Тут же дважды пискнул свисток, присоединенный к никелированной переговорной трубе; консьерж приложил ухо к раструбу. Олифант услышал голос, кричащий по-французски, но слов не разобрал.

Консьерж провел его к лифту.

За широким шелковым поясом ливрейного лакея, принявшего Олифанта на пятом этаже, торчал корсиканский стилет. Странным образом молодой человек сумел поклониться, не спуская глаз с посетителя. Месье Арсло искренне сожалеет — голос лакея тоже выражал искреннее сожаление, — что не может в данный момент принять месье Олифанта; не желает ли пока месье Олифант чего-либо для восстановления сил?

Месье Олифант изъявил желание принять ванну и получить кофейник крепкого кофе.

Лакей провел его через просторную гостиную, изобиловавшую атласом и позолоченной бронзой, инкрустированной мебелью, статуэтками и фарфором, с парных портретов маслом смотрели император с глазами рептилии и грациозная императрица, в девичестве мисс Говард. А потом, через утреннюю гостиную, увешанную подписными гравюрами, в восьмиугольную прихожую и вверх, по изящно изгибающейся лестнице.

Пару часов спустя, понежившись в восхитительно жесткой, отделанной мрамором ванне, выпив крепкого французского кофе и откушав котлет а-ля Мэнтенон [141], переодевшись в хозяйское, чрезмерно накрахмаленное белье, он был препровожден в кабинет месье Арсло.

— Мистер Олифант, сэр, — приветствовал его Арсло на превосходном английском, — какая радость! Весьма сожалею, что заставил вас столько ждать, но…

Он указал на просторный стол красного дерева, заваленный папками и бумагами. Из-за закрытой двери доносился мерный перестук телеграфа. На одной из стен висела гравюра в рамке, изображавшая «Великого Наполеона», — бессчетные,

---

[141] Примечания: 141

от имени Франсуазы д'Обинье, маркизы де Мэнтенон (1635–1719), второй жены Людовика XIV, известной как «мадам де Мэнтенон».

непомерно огромные колонны шестеренок, надежно защищенные стеной из зеркального стекла и стали.

— Оставьте, Люсьен. Я только благодарен, что у меня было время в полной мере воспользоваться вашим гостеприимством. У вашего повара исключительный талант по части котлет; даже не верится, что столь божественное мясо могло вырасти на земной овце.

Арсло улыбнулся. Лет сорока и почти одного с Олифантом роста, он был шире его в плечах и подстригал седеющую бородку по имперской моде. Его галстук был расшит крохотными золотыми пчелами.

— Я, разумеется, получил ваше письмо.

Он вернулся к столу и опустился на высокий, обитый темно-зеленой кожей стул. Олифант занял кресло напротив.

— Должен сознаться, Лоренс, что меня мучит любопытство, над чем вы сейчас работаете. — Арсло сложил пальцы домиком и поглядел поверх них, подняв бровь. — На первый взгляд, суть вашей просьбы едва ли оправдывает все эти предосторожности…

— Люсьен, я никак не позволил бы себе злоупотреблять нашим знакомством без самой

настоятельной к тому причины.

— Да бросьте, Лоренс, о чем вы, — махнул рукой Арсло. — Среди коллег, в нашем с вами кругу, это считается сущей безделицей. А я любопытен, это один из многих моих пороков. Вы пересылаете мне личное письмо в имперской дипломатической вализе — что само по себе уже достижение для англичанина, хотя я знаю, что вы близки с нашим общим другом Байяром. В своем письме вы просите оказать вам помощь в розысках некоей английской авантюристки, и всего-то. Вы полагаете, что она может проживать во Франции. И все же настаиваете на строжайшей секретности. В частности, предостерегаете меня не связываться с вами ни по телеграфу, ни обычной почтой. Вы пишете, чтобы я ждал вашего прибытия. Ну, и какой же вывод мне из этого сделать? Что вы — наконец-то — попали в сети какой-нибудь женщины?

— Увы.

— Очень хорошо вас понимаю — при нынешних-то стандартах английской женственности. Слишком многие из ваших дам мечтают подняться на уровень мужской интеллектуальности. Они выше кринолинов, выше жемчужных белил, выше того, чтобы дать себе труд быть хорошень-

кими — или хотя бы на что-то похожими! Что за ужасную, утилитарную, *уродливую* жизнь предстоит со временем вести англичанину, если эта тенденция не пресечется! Но тогда как же это вышло, спрашиваю я себя, что вы пересекли пролив в поисках *английской* авантюристки? Не то чтобы мы испытывали недостаток в подобных особах… Не говоря уже о происхождении, — улыбнулся Арсло, — нашей императрицы [142].

— Сами вы так и не женились, Люсьен, — заметил Олифант, пытаясь переменить тему.

— Но вы только взгляните на супружескую жизнь! Кто может указать единственный разумный выбор среди девятисот девяноста девяти грубых ошибок? Как найти единственного угря в бочке со змеями? Как знать, может быть, девушка, которую я вчера обдал, проезжая, грязью из лужи, — единственное во вселенной существо женского пола, способное составить мое счастье. Как знать? Нет, — рассмеялся Арсло, — я не женился, а ваша миссия — политического свойства?

— Разумеется.

---

[142] Примечания: 142

Речь об Элизабет Говард (1823–1865), английской любовнице Луи Наполеона; также известная под именем Генриетта, она финансово помогала ему в попытках взойти на трон.

— Дела в Британии обстоят не слишком хорошо. Я знаю это и без наших британских агентов, достаточно газет. Смерть Байрона…

— Сейчас, Люсьен, решается вопрос о будущем политическом курсе Великобритании, даже о ее стабильности. Мне нет нужды напоминать вам о первостепенной важности взаимопонимания и взаимной поддержки наших народов.

— А что же дело этой мисс Джерард? Не хотите ли вы сказать, что оно некоторым образом может повлиять на дальнейшее развитие ситуации?

Достав портсигар, Олифант выбрал одну из Бидоновых сигар. Его пальцы коснулись сложенного вчетверо листка. Он закрыл портсигар.

— Вы не возражаете, если я закурю?

— Прошу вас.

— Благодарю. Все проблемы, замыкающиеся на Сибил Джерард, имеют сугубо внутренний, британский характер. Если они и могут оказать какое-то влияние и на Францию, то лишь крайне опосредованным образом.

Олифант обрезал кончик сигары.

— Вы совершенно в этом уверены?

— Абсолютно.

— А я вот нет. — Арсло поднялся, чтобы подать Олифанту медную пепельницу с ореховой под-

ставкой; затем он вернулся к своему столу, но остался стоять. — Что вы знаете о жаккардинском обществе?

— Кажется, это что-то вроде нашего Общества парового интеллекта, не так ли?

— И да и нет. Внутри жаккардинцев есть другое тайное общество. Они называют себя «Сынами Вокансона». Кто-то из них — анархисты, другие в союзе с Марианной [143], третьи — со Вселенским братством, это перечисление можно продолжать и продолжать. Конспираторы классовой борьбы. Встречаются там и самые обыкновенные уголовники, да вы ведь и сами все это знаете.

Олифант вынул люцифер из коробка с изображением «Бессемера» и раскурил сигару.

— Вы говорите мне, что женщина, известная вам как Сибил Джерард, не имеет никакого значения для Франции, — сказал Арсло.

— А вы полагаете иначе?

— Возможно. Скажите, что вы знаете о затруднениях с «Великим Наполеоном»?

— Очень немногое. Об этом упоминал Уэйк-

---

[143] Примечания: 143

Марианна, чья очаровательная головка изображается на французских марках и монетах, символизирует не Францию, как это часто думают, а Французскую Республику. Так что «дружат» с Марианной республиканцы.

филд из Центрального статистического. Машина дает сбои, верно?

— Ordinateurs, хвала Всевышнему, — не моя специальность. Насколько мне известно, в большинстве случаев «Наполеон» работает с обычной скоростью и точностью, но его тончайшие функции поражены какой-то странной, почти мистической неопределенностью… — Арсло вздохнул. — Учитывая то, что эти высшие функции стали предметом национальной гордости, я был вынужден проштудировать горы самой темной технической прозы. И как оказалось, совершенно зря, поскольку злоумышленник уже в наших руках.

— Злоумышленник?

— Человек, не скрывающий своей принадлежности к «Сынам Вокансона». Имя его не имеет значения. Он был арестован в Лионе по обычному делу о мошенничестве, связанному с муниципальным вычислителем. Некоторые моменты в его показаниях привлекли внимание Комиссии специальных служб и тем самым — наше. Во время допроса вскрылась прямая причастность этого человека к нынешнему плачевному состоянию «Великого Наполеона».

— Так он что, признался в саботаже?

— Нет. В этом он не признался. Отказывался до самого конца. Он признал только то, что прогнал через «Наполеона» некую последовательность перфокарт, некую математическую формулу.

Олифант смотрел, как дым его сигары спиралью поднимается к лепному потолку.

— Формула доставлена из Лондона, — продолжал Арсло. — Он получил ее от некоей англичанки. По имени Сибил Джерард.

— Вы пытались произвести анализ этой формулы?

— Нет. Она была украдена, как утверждал наш жаккардинец, женщиной, известной ему как Флора Бартелл, американка.

— Ясно.

— Так скажите же мне, что вам ясно, поскольку сам я блуждаю в потемках.

Всевидящее Око. Невыносимое давление его взгляда.

Олифант медлил. Столбик сигарного пепла обломился и упал на ковер.

— Мне еще надо повидаться с Сибил Джерард, — сказал он наконец, — однако может статься, что я буду в состоянии предоставить вам информацию по упомянутой вами формуле. Или даже ее копию. Я не могу давать никаких твердых обе-

щаний, пока не побеседую с упомянутой леди, наедине и не торопясь.

Арсло молчал, его застывшие глаза глядели куда-то очень далеко, сквозь Олифанта.

— Мы можем это устроить, — кивнул он наконец.

— Насколько я понимаю, она не под стражей?

— Скажем так, мы знаем обо всех ее передвижениях.

— Вы оставляете ей видимость свободы, ни на секунду не выпуская из виду?

— Совершенно верно. Если мы возьмем ее сейчас и она ничего не покажет, ниточка оборвется.

— Ваши методы, Арсло, как всегда, безупречны. И когда может быть устроена эта встреча? Око, давление, грохот пульса в ушах.

— Сегодня вечером, если пожелаете, — сказал месье Арсло из Полис-де-Шато, чуть поправляя широкий, шитый золотом галстук.

* * *

Стены «Кафе де л'Юнивер» украшали живописные полотна, зеркала с гарвировками и эмалированные таблички, прославляющие вездесущую продукцию Перно.

Картины представляли собой либо кошмарную

мазню, выполненную, похоже, в подражание машинной печати, либо странные геометрические экзерсисы, приводящие на ум беспрестанное движение кубиков кинотропа. Наблюдались здесь и некоторые творцы этих, с позволения сказать, произведений искусства: длинноволосые парни в бархатных беретах, чьи вельветовые брюки были перемазаны краской и табачным пеплом. Но основная часть посетителей — если верить спутнику Олифанта, некоему Жану Беро, — состояла из *кинотропистов*. Эти аристократы Латинского квартала либо выпивали за круглыми мраморными столиками в компании облаченных в черное гризеток, либо разглагольствовали о теоретических вопросах перед небольшими группками своих коллег.

Беро, один из мушаров [144] Люсьена Арсло, называл *кинотропистов* «тусовка». Одетый в коричневый, радикального галльского покроя костюм, свеженький и розовощекий, как молочный поросенок, он запивал мятный ликер минеральной водой «Виттель» и немедленно вызвал у Олифанта острую неприязнь. Кинотрописты предпочитали абсент. Олифант, благоразумно

---

[144] Примечания: 144
Mouchard (фр.) — шпик, стукач.

ограничившийся красным вином, с любопытством наблюдал за ритуальными перемещениями стакана, графина с водой, кусочка сахара и ложечки, похожей на миниатюрный совок.

— Абсент — самый верный путь к туберкулезу, — высказался Беро.

— Почему вы считаете, что мадам Турнашон может появиться сегодня в этом кафе, Беро?

— Она на короткой ноге с тусовкой, — пожал плечами мушар. — Мадам бывает и у Маделон, и у Батиффоль, но только здесь, в «л'Юнивер», она находит нечто вроде дружеского общения.

— И почему бы это?

— Потому что она была любовницей Готье [145]. Нужно учитывать, месье, что он был тут чем-то вроде принца. Связь с Готье неизбежно ограничила ее контакты с обычным обществом. Он научил ее французскому — тому немногому, что она знает.

— А что она, по-вашему, за женщина?

— Довольно красивая, но вот только, — ухмыльнулся Беро, — холодная, как рыба. Не симпатичная. Типичная англичанка.

— Когда она появится, Беро… — *если*она по-

[145] Примечания: 145

Готье, Теофиль (1811–1872) — французский поэт-романтик, писатель, критик и журналист, апологет «искусства ради искусства».

явится, — вы немедленно удалитесь. — Беро недоуменно вскинул брови:

— Напротив, месье…

— Вы уйдете, Беро. Откланяетесь. — Отмеренная пауза. — Испаритесь.

Накладные плечи коричневого костюма приподнялись.

— Вы скажете кучеру, чтобы он меня ждал, и стенографисту тоже. А как этот стенографист, Беро, у него приличный английский? Мой друг — мой очень хороший друг — месье Арсло заверил меня…

— Да, вполне приличный! И месье… — Беро вскочил так быстро, что едва не опрокинул стул. — Это она!

Женщина, входившая в «л'Юнивер», выглядела модной парижанкой вполне приличного достатка. Стройная и светловолосая, она была одета в темную шерстяную юбку с кринолином, легкий, того же тона плащ и шляпку, отороченную норкой.

Пока Беро спешно ретировался в глубины кафе, Олифант встал; глаза женщины, очень живые и очень синие, поймали его взгляд. Он подошел к ней со шляпой в руке и поклонился.

— Прошу прощения, — сказал он по-англий-

ски. — Мы не представлены, но мне нужно срочно поговорить с вами по очень важному делу.

В огромных синих глазах проступало узнавание. Узнавание и страх.

— Сэр, вы принимаете меня за кого-то другого.

— Вы — Сибил Джерард.

Нижняя губа женщины дрогнула, и Олифант испытал внезапный прилив сильной, совершенно неожиданной симпатии.

— Я — Лоренс Олифант, мисс Джерард. Вы находитесь в большой опасности. Я хочу вам помочь.

— Это не мое имя, сэр. Позвольте мне пройти. Меня ждут друзья.

— Я знаю, что Эгремонт предал вас. И я понимаю, в чем заключалось его предательство.

При звуке этого имени Сибил вздрогнула, и Олифант на мгновение испугался, что сейчас придется бежать за нашатырным спиртом, однако она тут же взяла себя в руки и какую-то долю секунды внимательно его изучала.

— Я видела вас в «Гранде», — сказала она наконец. — Вы были в курительной с Хьюстоном и… Миком. У вас была рука на перевязи.

— Прошу вас, — сказал он, — присядьте за мой столик.

В противоречии с недавними словами Беро, Си-

бил заказала себе *absinthe de vidangeur*на вполне сносном французском.

— Вы знаете Ламартина [146], певца? — спросила она.

— К сожалению, нет.

— Это он его изобрел. «Абсент золотарей». Я не могу теперь пить абсент по-другому.

Появился официант с напитком, смесью абсента и красного вина.

— Тео всегда его заказывал, и меня приучил, — сказала Сибил. — А теперь вот он… уехал. — Она выпила — красный бокал у красных губ. — Я знаю, что вы хотите увезти меня назад. И не пудрите мне мозги — уж фараонов-то я знаю как облупленных.

— Я совсем не намерен возвращать вас в Англию, мисс Джерард…

— Турнашон. Я — Сибил Турнашон. Француженка по браку.

— Ваш муж здесь, в Париже?

— Нет. — Сибил открыла граненый стальной медальон, висевший у нее на черной ленточке, и

[146] Примечания: 146

Ламартин, Альфонс де (1790–1869) — французский поэт и писатель, один из ведущих авторов французского романтизма; также политик левого направления, один из пяти членов исполнительного комитета после Февральской революции 1848 г.

показала Олифанту дагерротипированную миниатюру красивого молодого человека. — Аристид погиб под Филадельфией, в этом кромешном аду. Он сражался на стороне Союза добровольцем. Он был самый настоящим, не такой, каких придумывают клакеры…

Сибил смотрела на крошечное изображение с неподдельной грустью, хотя Олифант догадывался, что она и в глаза не видела Аристида Турнашона.

— Насколько я понимаю, это был брак по расчету.

— Да. А вы приехали, чтобы увезти меня назад.

— Нет, мисс… Турнашон. Нет.

— Я вам не верю.

— А нужно верить. От этого зависит очень многое, и не в последнюю очередь ваша собственная безопасность. С тех пор как вы покинули Лондон, Чарльз Эгремонт стал очень влиятельным, очень опасным человеком. Столь же опасным для благополучия Великобритании, сколь он, без сомнения, опасен для вас.

— Чарльз? Опасен? — чуть не расхохоталась Сибил. — Да не может быть!

— Мне нужна ваша помощь. Отчаянно нужна. Столь же отчаянно, как вам нужна моя.

— А она мне точно нужна?

— Эгремонт сосредоточил в своих руках большие силы, целые правительственные службы, способные без труда настичь вас и здесь.

— Вы имеете в виду всю эту шайку-лейку, секретных агентов и так далее?

— Более того, я должен вам сообщить, что даже сейчас все ваши действия отслеживаются, по меньшей мере, одним тайным агентством имперской Франции…

— Это что, из-за Теофиля?

— Похоже, что так.

Она прикончила свое жутковатое пойло.

— Милый Теофиль. Такой хороший и такой глупый. Вечно в этой своей алой жилетке, и безумно талантливый клакер. Я отдала ему те хитрые карты Мика, и он был ужасно добр ко мне. Выкрутил мне брачное свидетельство и французский гражданский индекс — щелк, щелк, и готово. А потом мы должны были встретиться с ним вечером, как раз здесь…

— И..?

— Тео так и не пришел. — Сибил опустила глаза. — Он все хвастал, что нашел игорный «Модус». Обычный для клакеров треп, но у него это было как-то слишком уж серьезно. Кто-то мог ему и

поверить. Глупо было с его стороны…

— Он когда-нибудь говорил с вами о вычислительной машине «Великий Наполеон»?

— Об этом чудище? Да парижские клакеры, они все только о нем и говорят. Совсем ребята свихнулись!

— Французские власти полагают, что его испортил Теофиль Готье. Перфокартами Рэдли.

— Так, значит, Тео, он мертв?

— Да, — кивнул после некоторой запинки Олифант. — Скорее всего.

— Звери проклятые. — Лицо Сибил мучительно искривилось. — Это кем же надо быть, чтобы сцапать человека и никому ничего не сказать, чтобы он исчез, как кролик в цилиндре фокусника, а все его близкие думали, беспокоились, страдали — и не могли ничего узнать. Это низко, подло!

Олифант не решался посмотреть ей в глаза.

— В этом Париже такое случается сплошь и рядом, — продолжала она. — Послушать только, о чем шутят клакеры… И Лондон, они говорят, ничем не лучше. И еще они говорят, что это радикалы угробили Веллингтона. Что саперы спелись с радикалами и прорыли туннель под этот ресторан, а потом главный сапер своими собственными руками забивал порох и поджигал

запалы… Ну а потом радикалы свалили вину на таких людей, как…

— Ваш отец. Да. Я знаю.

— И зная это, вы просите меня довериться *вам.* — В ее взгляде был вызов и, быть может, давно похороненная гордость.

— Зная, что Чарльз Эгремонт предал вашего отца, Уолтера Джерарда, практически убил, что он предал также и вас, смешал с грязью в глазах общества. Да, я должен просить вас довериться мне. В обмен я предлагаю вам полное, окончательное и практически мгновенное уничтожение политической карьеры предавшего вас человека.

Сибил снова опустила глаза и задумалась.

— А вы сможете? — спросила она наконец.

— Это сделаю не я, а ваши показания. Я стану лишь инструментом их передачи.

— Нет, — покачала головой Сибил, — если я обвиню его публично, то тем самым подставлюсь. Вы же сами сказали, что Чарльз — не единственный, кого мне следует бояться. Я ведь была в «Гранде» той ночью, помните? А у мести длинные руки.

— Я не предлагаю вам обвинять его публично. Хватит и шантажа.

Глаза Сибил смотрели сквозь Олифанта, куда-то

в далекое прошлое.

— Они были очень близки, Чарльз и отец, или только так казалось… Возможно, если бы все сложилось иначе…

— Эгремонт не в силах забыть о своем предательстве. Это зерно постоянного раздражения, вокруг которого формируется вся его порочная политика. Ваша телеграмма гальванизировала чувство вины — и ужас перед тем, что выйдут на свет его прошлые пролуддитские симпатии. Теперь он пытается укротить зверя, взяв себе в союзники политический террор. Но мы с вами его остановим.

В синих глазах появилось странное спокойствие.

— Мне хочется верить вам, мистер Олифант.

— Я обеспечу вам полную безопасность, — сказал Олифант, удивляясь глубине своего чувства. — Оставаясь во Франции, вы будете жить под защитой могущественных друзей, моих коллег, имперских агентов. Нас ожидает фиакр и стенографист, который запишет ваши показания.

В задней части кафе одышечно захрипел маленький пневматический панмелодиум. Обернувшись, Олифант поймал взгляд мушара Беро,

который курил голландскую глиняную трубку в компании оживленно чешущих языком кинотропистов.

— Мадам Турнашон, — сказал Олифант, поднимаясь, — могу я предложить вам руку?

— Она у вас уже зажила, да? — Сибил встала в шорохе кринолина.

— Совершенно, — ответил Олифант, вспоминая Эдо, полумрак, молниеносный удар самурайского меча. Он пытался утихомирить того парня стеком.

Сибил взяла Олифанта под руку, и он повел ее к выходу, осторожно огибая гризеток, поднятых на ноги машинной музыкой панмелодиума.

Навстречу им в кафе ворвалась девушка, ее голые груди были вымазаны зеленым, с талии свисали угловатые куски медной фольги, похожие на листья финиковой пальмы, аппроксимированные кинотропом. За девушкой следовали двое парней, одетые — вернее сказать, *раздетые* — аналогичным образом; Олифант совершенно растерялся.

— Идемте, — сказала Сибил, — неужели вы не понимаете, что это студенты-художники после бала? Здесь же — Монмартр, а художники, они умеют повеселиться.

* * *

Олифант лелеял надежду лично доставить Чарльзу Эгремонту текст показаний Сибил Джерард. Но по возвращении в Англию запущенный сифилис, симптомы которого доктор Макнил ошибочно диагностировал как «железнодорожный хребет», на время ограничил его активность. Под видом коммивояжера из Эльзаса, родины месье Арсло, Олифант скрылся от мира в одной из брайтонских водолечебниц, чтобы поправить здоровье и разослать целый ряд телеграмм.

Новейшей модели «Зефир», арендованный в камдентаунском коммерческом гараже, позволил мистеру Мори Аринори добраться до Белгрейвии ровно к четырем часам дня — в точности к моменту, когда Чарльз Эгремонт отправлялся в парламент, где этому выдающемуся политику предстояло произнести крайне важную речь.

Телохранитель мистера Эгремонта, приставленный к нему Отделом криминальной антропометрии Центрального статистического бюро, с автоматическим карабином под пальто, внимательно наблюдает, как Мори сходит с «Зефира», — миниатюрная фигурка в вечернем костюме.

Мори идет по свежевыпавшему снегу, его ботинки оставляют четкие отпечатки, в которых просвечивает черный асфальт.

— Для вас, сэр, — произносит Мори и кланяется, передавая Эгремонту плотный конверт. — Доброго вам дня, сэр.

Снова надев круглые защитные очки на эластичной ленте, Мори возвращается к «Зефиру».

— Необыкновенный персонаж, — говорит Эгремонт, разглядывая конверт. — Ну где же это видано, чтобы китайцы так одевались…

Отступать.
Повторяться.
Встать
над стылыми строчками колесных следов,
над снежными просторами улиц.
Вплестись в стогранную структуру столицы,
забывая.

МОДУС

ПАСЬЯНС ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ЯЗЫК ОБОЗНАЧЕНИЙ

Большое колесо в центре, малые — по окружности. Такое расположение осей открывало широчайшие перспективы, теперь разностной машине была подвластна вся арифметика. Смутно прорисовалась даже конструкция аналитической машины, и я бросился в погоню за этим видением.

Чертежи и опыты стоили очень дорого. Чтобы снять часть нагрузки с моего собственного мозга, были привлечены чертежники высочайшей квалификации, в то время как опытные мастеровые изготавливали экспериментальные механизмы.

Для осуществления своих изысканий я приобрел в тихом уголке Лондона дом с четвертью акра земли. Каретный сарай был переоборудован в кузницу и литейную мастерскую, а конюшня — в мастерские. Кроме того, я построил новые, более обширные мастерские, а также огнестой-

кое здание для работы чертежников и своей собственной.

Даже самая великолепная память не смогла бы удержать в себе сложные взаимоотношения частей механизма. Я преодолел эту трудность, улучшив и расширив язык знаков, механическую алгебру, подробно описанную мной в одном из номеров «Философских докладов Королевского общества» за 1826 год. Если бы не это вспомогательное средство, масштаб предпринятых мною исследований не позволил бы закончить их ни в какой обозримый срок, однако при помощи языка обозначений машина стала реальностью.

Лорд Чарльз Бэббидж, «Эпизоды из жизни философа», 1864 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

(Из «Механического журнала», 1830 г.)

Судя по письмам читателей, некоторые из них думают, что наш журнал не должен заниматься политикой. Но разве можем мы молчать, понимая, насколько тесно переплетаются интересы науки и производства с политической философией нации?

Мы полны надежды, что избрание в парламент мистера Бэббиджа с его влиянием в научном мире, с его проверенной временем независимостью суждений, с его ищущей и деловой натурой поможет нам вступить в эру величайшего расцвета науки, равно как и всех ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ сил страны.

А потому мы прямо говорим каждому избирателю из Финсбери, читающему наш журнал, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты изобретатель, изгнанный из сферы частной конкуренции вездесущим и непосильным НАЛОГОМ НА ПАТЕНТЫ, если ты хочешь, чтобы на место этого НАЛОГА пришла мудрая и взвешенная система ОБЩЕСТВЕННЫХ СУБСИДИЙ, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты производитель, скованный в своей деятельности налоговыми несообразностями нынешнего правительства, если ты хочешь, чтобы британская промышленность стала свободной, как птица, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты механик и твой хлеб насущный зависит от устойчивого спроса на плоды твоего труда, если ты понимаешь, насколько твое благосостояние зависит от свободы торговли и ремесел, — иди и голосуй за мистера Бэббиджа. Если ты поборник Нау-

ки и Прогресса — теории и практики, единых, как кости и мускулы, — встретимся сегодня на Айлингтон-Грин и ПРОГОЛОСУЕМ ЗА МИСТЕРА БЭББИДЖА!

В СМУТНЫЕ ВРЕМЕНА

Результаты всеобщих выборов 1830 года выявили настроения общества. Байрон и его радикалы уловили дух времени, а партия вигов рассыпалась, как карточный домик. Однако руководимые лордом Веллингтоном тори — именно их аристократическим привилегиям угрожало предложенное радикалами «меритолордство» — заняли жесткую позицию. Палата общин отложила рассмотрение «Билля о радикальной реформе», а восьмого октября Палата лордов его отклонила. Король отказался увеличить число пэров Англии за счет радикалов, которые могли бы провести спорный билль; более того, он пожаловал титул Фицкларенсам, что вызвало горькое замечание Байрона: «Насколько же лучше в современной Британии быть *королевским ублюдком*, чем *философом*. Но грядут большие перемены».

Страсти в обществе быстро накалялись. Бирмингемские, ливерпульские и манчестерские

рабочие, вдохновленные идеями Бэббиджа о профсоюзной собственности и кооперативах, организовали массовые факельные шествия. Промышленная радикальная партия, отрицая насилие, призвала к нравственному увещеванию и мирной борьбе за выполнение законных требований рабочего класса. Однако правительство проявило упрямство, и обстановка непрерывно ухудшалась. Насилие прорывалось все чаще и чаще; сельские «шайки Свинга» и пролетарские луддиты громили поместья аристократии и капиталистические фабрики. Перебив все стекла в домах Веллингтона и прочих консервативных лордов, лондонские погромщики подстерегали на улицах экипажи аристократов и забрасывали их булыжниками. Были сожжены чучела англиканских епископов, голосовавших в Палате лордов против билля. Ультрарадикальные заговорщики, распаленные страстными речами известного атеиста П. Б. Шелли, громили и грабили церкви.

Двенадцатого декабря лорд Байрон внес новый, еще более радикальный «Билль о реформе», в котором предлагалось лишить британскую аристократию — в том числе и его самого — всех наследственных прав и привилегий. Тут уже тори не выдержали, Веллингтон включился в

подготовку военного переворота.

Кризис расколол нацию. В страхе перед надвигающейся анархией, колебавшийся прежде средний класс твердо встал на сторону радикалов. Была объявлена налоговая забастовка с требованием отставки Велгингтона, а также организовано массовое изъятие вкладов из банков. Деньги переводились в золото и исчез *л*из обращения, национальная экономика со скрипом остановилась.

После трехдневного бристольского мятежа Веллингтон приказал армии подавить «якобинство», не стесняясь в средствах. Последовавшая бойня стоила жизни трем сотням людей, в том числе — трем видным членам парламента от радикалов. Узнав об этом, разъяренный Байрон — теперь он называл себя «гражданин Байрон» — появился на лондонском митинге без сюртука, даже без галстука, и выступил с призывом ко всеобщей забастовке. Подчинявшаяся консерваторам кавалерия разогнала этот митинг, были убитые и раненые, однако Байрон сумел ускользнуть. Через два дня в стране было объявлено военное положение.

Далее Веллингтон обратил свой немалый военный талант против своих же соотечественников.

Первые восстания против «режима тори» — так мы его теперь называем — были подавлены быстро и эффективно, все крупные города контролировались военными гарнизонами. Армия сохраняла верность триумфатору Ватерлоо, а аристократия, к вящему своему позору, также встала на сторону герцога.

Однако верхушка радикалов избежала ареста, опираясь на тайную, хорошо организованную сеть преданных членов партии. К весне 1831 года надежды на скорое военное разрешение конфликта окончательно исчезли. В ответ на массовые повешения и высылки поднялось молчаливое сопротивление, и вспыхнула партизанская борьба. Режим лишил себя последних крох общественной поддержки, Англия билась в судорогах классовой войны.

«Смутные времена: популярная история», 1912 г. У. Э. Пратчетт, д-р филос., Ч.К.О.

СКОРБНЫЕ ГОЛОСА АВТОМАТИЧЕСКИХ ОРГАНОВ

(В этом частном письме от июля месяца 1885 года Бенджамин Дизраэли излагает свои впечатления о похоронах лорда Байрона. Текст снят с

бумажной ленты, перфорированной на печатной машине «Кольт и Максвелл». Адресат неизвестен.)

Хрупкая, почти бестелесная леди Анабелла Байрон [147] вошла, опираясь на руку дочери; казалось, она не совсем понимает происходящее. На этих женщин было страшно смотреть, бледные и осунувшиеся, они буквально валились с ног от усталости. Зазвучал траурный марш — весьма изысканный; приглушенные аккорды панмелодиума великолепно гармонировали со скорбными голосами автоматических органов.

Затем появились процессии. Сперва — спикер, предшествуемый герольдами с белыми жезлами, но, соответственно событию, в трауре. Спикер был великолепен. Бесстрастный и величественный, с почти египетскими чертами лица, он ступал медленно и уверенно. Перед ним несли булаву, одет он был в мантию с золотыми кружевами, весьма изысканно. Затем — министры. Секретарь по делам колоний выглядел весьма щеголевато.

---

[147] Примечания: 147

Анабелла Байрон (1792–1860) — Анна Изабелла Милбенк Байрон, жена Джорджа Гордона Байрона и мать Ады Байрон, сама обладавшая немалыми способностями к математике, за что Байрон называл ее «принцессой параллелограммов». Большую часть жизни (после того, как Байрон покинул Англию) изображала из себя эталон беспримерной добродетели и распространяла слухи о небывалой половой распущенности бывшего супруга.

Вице-король Индии, вполне оправившийся, судя по его лицу, от малярии. Председатель Комиссии по свободной торговле выглядел на их фоне последним злодеем, он буквально корчился под бременем неизбывного греха.

Далее — Палата лордов. Лорд-канцлер, особенно карикатурный в компании непомерно огромного парламентского пристава с его тяжелой серебряной цепью и белыми траурными бантами на плечах. Лорд Бэббидж, бледный и подтянутый, выглядел в высшей степени благородно. Молодой лорд Гексли, легкий, стройный и гибкий, производил самое блестящее впечатление. Лорд Скоукрофт, самый хитрый и изворотливый тип, какого я когда-либо знал, в протертой чуть не до дыр одежде был словно нищий церковный сторож.

Затем торжественно проследовал гроб, «носильщики» едва прикасались к нему руками. На лице самого видного из носильщиков, принца-консорта, странным образом сочетались осознание важности момента, гордость и страх. Говорят, ему довольно долго пришлось ждать в дверях, где он непрерывно сетовал по-немецки на смрад.

Когда внесли гроб, вдовствующая Железная

Леди словно постарела сразу на тысячу лет.

ВДОВСТВУЮЩАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ЛЕДИ

Теперь все попадет в руки мелких людишек, крохоборов и лицемеров.

Ты только взгляни на них. У них не хватит пороха на великие свершения. Они все пустят прахом.

Даже и сейчас я сумела бы все поставить на правильную ногу, если бы только эти идиоты внимали голосу разума. Но ведь я не смогу говорить так, как это делал ты, да они и вообще не слушают женщин. Вот ты — ты был для них великим оратором, напыщенный, размалеванный шарлатан, без единой мысли в голове — ни логики, ничего, кроме растленного позерства, и все же они слушали тебя. Боже, как они тебя слушали! Ты восхвалял в своих дурацких стихах дьявола, Каина и разврат, и все, какие только бывают, идиотства и грехи, а этим придуркам все было мало, мало. Они выламывали двери книжных лавок, а бабы бросались к твоим ногам, поштучно и целыми толпами. Я никогда этого не делала. Но женился ты на мне.

Я была абсолютно невинна. С самого момента

нашего знакомства некий моральный инстинкт во мне отвращался твоими шуточками и поддразниванием, мерзкими двусмысленностями и намеками, но я видела в тебе большое будущее, а потому заглушила свои сомнения. Как быстро воскресил их ты, став моим мужем.

Ты жестоко воспользовался моей невинностью, сделал меня соучастницей содомии еще до того, как я узнала природу этого греха, еще до того, как я узнала тайные названия неназываемого. Pederastia, manu-stupration, fellatio — ты настолько погряз в извращениях, что не щадил даже супружеского ложа. Ты развратил меня точно так же, как развратил эту дуру, свою сестрицу.

Узнай общество хоть малую долю известного мне, тебя изгнали бы из Англии, как прокаженного. В Грецию, в Турцию, к этим твоим катамитам.

Как легко могла я тебя погубить — да почти так и сделала, в пику тебе, уязвленная, что ты не понимал и понимать не хотел, насколько глубоки мои убеждения. Я нашла себе прибежище в математике и молчала, сохраняя личину преданной супруги, потому что ты был мне нужен, я замыслила великое предприятие, осуществить которое могла только руками своего мужа. Я прозрела верный путь к наибольшему благу для наиболь-

шего числа людей [148], к благу столь великому, что рядом с ним мои личные желания не имеют ровно никакого значения.

Чарльз меня учил. Блестяще одаренный, бесконечно порядочный, далекий ото всякой житейской суеты Чарльз, полная твоя противоположность во всем, полный великих замыслов, сверкавший чистейшим светом математической науки, абсолютно неспособный к интригам и махинациям, неспособный к общению с дураками. Он был одарен не меньше Ньютона — но не умел *убеждать*.

Я вас познакомила. Сперва ты его ненавидел, издевался над ним за его спиной, а заодно и надо мной — за то, что я показала тебе истину, недоступную твоему пониманию. Я настаивала, просила тебя подумать о чести, б служении, о собственной твоей славе, о будущем, ожидающем плод чрева моего, Аду, нашего странного ребенка. (Бедная Ада, как плохо она выглядит, слишком уж много в ней твоего.)

Но ты обозвал меня бессердечной интриганкой

---

[148] Примечания: 148

не совсем точная цитата из шотландско-ирландского философа и моралиста Фрэнсиса Хатчесона (1694–1746), одна из максим которого гласит: «Наилучшим действием является то, которое приносит наибольшее счастье наибольшему числу людей».

и напился как свинья. Тогда я изобразила на лице улыбку и спустилась в ад. Какой мукой были для меня эти мерзкие ласки, это скотство, но я позволила тебе делать все, что ты хочешь, и простила тебя; я ласкала тебя и целовала, делая вид, что счастлива. И ты разревелся, как маленький, ты прямо лучился благодарностью и говорил о неумирающей любви и единении душ, пока не устал от этой болтовни. Тогда ты захотел сделать мне больно и начал рассказывать ужасные, немыслимые вещи, чтобы вызвать у меня отвращение, чтобы я в ужасе бежала, но я не боялась больше ничего, эта ночь меня закалила. И я прощала тебя, и прощала, и прощала, а потом тебе не в чем было уже признаваться, ты вывернул свою душу наизнанку, вытряхнул на меня всю ее грязь и тебе нечего было больше сказать.

Пожалуй, после этой ночи ты меня уже стал побаиваться, немного — но все-таки побаивался, и это пошло тебе на пользу. А я после этой ночи перестала мучиться, я научилась играть в твои «маленькие игры», играть и выигрывать. Вот какой ценой сумела я обуздать в тебе зверя.

И если есть Судия в мире ином — хотя я в это больше и не верю, нет у меня полной, беззаветной веры, и все же иногда в трудные моменты,

в моменты вроде этого, мне кажется, что я чувствую на себе взгляд бессонного, всевидящего ока, чувствую страшный гнет его всеведения и всепонимания, — если есть он, этот Судия, то ты и не пытайся, милорд супруг, водить его за нос. Не похваляйся величественностью своих грехов, не требуй тяжким трудом заслуженного проклятия, ибо как же мало знал ты все эти годы. Ты, величайший министр величайшей в истории человечества империи, ты робел, ты был слаб, ты шарахался от ответственности.

Это что, слезы?

Слишком уж многих мы с тобой убили…

Мы? Не мы, а я — это я принесла в жертву свою добродетель, свою веру, свое спасение, сожгла их в черный пепел на алтаре твоего тщеславия. Ибо сколько бы ты ни болтал о корсарах и Бонапарте, в самом тебе не было стержня, не было стали. Ты плакал от одной только мысли, что нужно вздернуть этих ничтожных луддитов, не решался надеть кандалы на злокозненного и сумасшедшего Шелли — пока я тебя не заставила. И когда из наших учреждений стали приходить отчеты с намеками, просьбами, а затем и требованиями предоставить им право уничтожать врагов Англии, это я их читала, это я взвешивала челове-

ческие жизни, я подписывалась твоим именем, ты же тем временем пил и жрал и обменивался шуточками с этими людишками, которых называл друзьями.

А теперь эти идиоты похоронят тебя, а меня небрежно оттеснят в сторону, будто я — ничто, будто я ничего не совершила, и все это из-за того, что ты умер. Ты их кимвал звучащий [149], их размалеванный идол. Кошмарные, из грязи произрастающие корни истории так и останутся во тьме, истина исчезнет бесследно. Истину зароют в землю, вместе с твоим раззолоченным саркофагом.

Нужно выкинуть из головы эти мысли. Я плачу. Они считают меня старой дурой. Но разве не было каждое наше преступление возмещено сторицей, возмещено благом для общества?

Услышь меня, Судия. Око, загляни в глубины моей души. И если я виновна — даруй мне милость свою. Я не искала удовольствия во всем том, что приходилось мне делать. Клянусь тебе, я не искала удовольствия.

---

[149] Примечания: 149
Кимвал звучащий — 1-е Коринф. 13:1

МАСТЕР ЭМЕРИТУС [150] ВСПОМИНАЕТ ВЕЛЛИНГТОНА

Красноватое тление обессиленного газового рожка. Гулкое, ритмичное бряцание и визг «проходческой торпеды» Брюнеля. Тридцать шесть штопором свитых клыков из лучшей бирмингемской стали с неустанной энергией вгрызаются в зловонный пласт древней лондонской глины.

Обеденный перерыв, мастер-сапер Джозеф Пирсон достал из жестяного судка солидный кусок мясного, пропитанного застывшим соусом пирога.

— Да, я встречался с великим Мэллори. — Его голос гулко отражается от клепаных чугунных тюбингов, похожих на ребра кита. — Не то чтобы нас вроде как познакомили, но это точно был он, левиафанный Мэллори, — что я, не видел его снимков в газетах? И он был совсем близко, ну вот вроде как ты от меня сейчас. «Лорд Джефферис? — говорит он мне, а сам весь удивленный и злой. — Знаю я Джефферисза! Долбаный ублюдок, тюрьма по нему плачет!»

---

[150] Примечания: 150
Emeritus (лат.) — находящийся в почетной отставке.

Мастер Пирсон победно ухмыляется, в красном свете тускло поблескивают золотой зуб и золотая серьга.

— И чтоб мне провалиться, если этому Джефферизу не загнали полсапога в зад сразу, как только смрад кончился, и не посмотрели, какой он там ученый. Уж это все он и сделал, левиафанный Мэллори, тут уж и к бабке не ходить. Вот уж кто точно аристократ от природы, так это он, Мэллори.

— Я видел этого бронтозавруса, — кивает подмастерье Дэвид Уоллер; его глаза блестят. — Мощная штука!

— Я сам работал в туннеле в пятьдесят четвертом, когда наткнулись на слоновьи зубы. — Мастер Пирсон, сидящий на втором ярусе лесов, закрывает судок, покачивает тяжелым резиновым сапогом и чуть ерзает на водонепроницаемой циновке, вытаскивая из кармана шахтерской робы небольшую бутылку. — Французская шипучка, Дэви. Ты же первый раз внизу, нужно отметить.

— Но ведь это же не положено, сэр? Это же против инструкций?

Пирсон извлекает пробку — без хлопка, без пены.

— Хрен с ним, — подмигивает он, — это ж твой первый, второго первого не будет.

Вытряхнув из жестяной кружки мелкие чаинки, он наполняет ее шампанским.

— Выдохлось, — огорченно вздыхает подмастерье Уоллер.

— Давление, салага, — смеется Пирсон, потирая мясиситый, с красными прожилками нос. — Подожди, пока поднимешься на поверхность. Вот тогда оно вспенится прямо у тебя в кишках. Запердишь, как жеребец.

Подмастерье Уоллер осторожно отхлебывает из кружки. Сверху доносится звон железного колокола.

— Клеть спускается, — говорит Пирсон, торопливо затыкая бутылку. Он заталкивает ее в карман, допивает шампанское, вытирает тыльной стороной ладони рот.

Сквозь мембрану из провощенной кожи с клоачной медлительностью продавливается заостренная, как пуля, клеть. Достигнув дна, она шипит, скрипит и останавливается.

Выходят двое. На старшем бригадире обычная шахтерская роба, кожаный фартук и каска. Второй, высокий седовласый старик, одет в черный фрак, его блестящий цилиндр обвязан черным

шелковым крепом, черный атласный галстук заколот крупным, с голубиное яйцо, бриллиантом или — тусклый красноватый свет не позволяет сказать уверенно — рубином. Старик освещает себе путь латунным фонарем, его брюки, так же как и брюки бригадира, заправлены в высокие, по колено, резиновые сапоги.

— Великий Мастер Эмеритус, — испуганно выдохнул Пирсон, вскакивая на ноги. Подмастерье Уоллер следует его примеру.

Они стоят навытяжку и смотрят сверху вниз, как Великий Мастер идет по туннелю к вгрызающейся в грунт «торпеде». Великий Мастер их не замечает, разговаривает только с бригадиром, холодно и властно. Он освещает узким лучом света недавно уложенные тюбинги, проверяет крепежные болты, уплотнение швов. У фонаря нет обычной ручки — Великий Мастер несет его, зацепив блестящим стальным крючком, высовывающимся из пустого рукава.

— Странно он как-то одет, — еле слышно шепчет Уоллер.

— Он все еще в трауре, — так же тихо отвечает Пирсон.

— А-а, — кивает подмастерье, глядя на Великого Мастера. — Так долго?

— Он же Великий, то есть Мастер, он же был с лордом Байроном вроде как в друзьях. И лорда Бэббиджа, и его он тоже знал. Еще со смутных времен, когда все они прятались от веллингтоновской полиции. Они ж тогда и лордами-то не были — ну там, если и были, то не такими, как потом, настоящими радикальными лордами — так просто, мятежники и подстрекатели, и за поимку их была награда. Так Великий Мастер, он спрятал их в шахте — это был прямо настоящий партийный штаб. Радикальные лорды не забыли этой помощи, какую он им оказал, вот почему мы и есть считай что главный радикальный профсоюз.

— А-а…

— Он же, Дэйви, он же великий человек! И железом закрепить, и порохом взорвать — он во всем самый лучший. Таких больше бабы не рожают…

— Так ему что же, уже под восемьдесят?

— И все еще как огурчик.

— А нам нельзя, сэр, как вы думаете — может, спустимся вниз, посмотрим на него поближе? Может, я даже пожму этот его знаменитый крюк?

— Хорошо, парень, только ты это, чтобы прилично. Безо всяких там ругательных слов.

Они спускаются на дощатый настил, торопятся догнать Великого Мастера.

Грохот «торпеды» неожиданно переходите вой. Начинается суматоха — такое изменение тембра чаще всего грозит неприятностями, на пути попался либо плавун, либо подземная река, либо еще какая гадость. Пирсон и подмастерье со всех ног несутся в забой.

Из-под тридцати шести острых стальных буров летят ошметки мягкой черной грязи, они ложатся в вагонетки откатчиков жирными, быстро оплывающими комками. Время от времени звучат вялые, приглушенные хлопки — вскрываются газовые карманы. Но все вроде бы обошлось — в туннель не рвется, сметая все на своем пути, вода, не ползет вязкая, неудержимая масса плавуна. Рабочие осторожно двигаются вперед, поближе к Великому Мастеру; яркий, резко очерченный луч его фонаря медленно двигается по фронтальной поверхности забоя.

В зеленовато-черной грязи проступают желтоватые комья, похожие на плотно утоптанный снег.

— Это чего, кости? — говорит один из рабочих, морщась от неприятного гнилостного запаха. — Ископаемые какие-то…

Гидравлика «торпеды» резко вдавливает ее в мягкую, почти не оказывающую сопротивления массу, кости летят в забой сплошным потоком.

— Кладбище! — кричит Пирсон. — Мы нарвались на кладбище!

Но слишком уж глубоко проложен туннель, и слишком уж густо лежат здесь кости, перепутанные, как сучья в буреломе, и не зря к гнилостной вони примешивается острый запах серы и извести.

— Чумная яма! — в ужасе кричит бригадир, и рабочие бросаются прочь, оступаясь и падая.

Бригадир сбрасывает пар, раздается громкое шипение, «торпеда» вздрагивает и замирает.

За все это время Великий Мастер не шелохнулся.

Он отставляет фонарь, ворошит своим крюком груду выброшенной «торпедой» земли, подцепляет за глазницу череп, вытаскивает его, осматривает.

— Вот так вот. — Его голос гулко прорезает мертвую тишину. — Жил ты, жил…

АЗАРТНАЯ ЛЕДИ ПРИНОСИТ НЕСЧАСТЬЕ

— Азартная леди — несчастье для всех своих близких. Когда игральные машины вытряхнут ее сумочку, она тайком относит свои драгоценности на Ломбард-стрит, чтобы вновь и вновь искушать фортуну суммами, полученными от ростовщиков! Потом, к огорчению горничных, она распродает свой гардероб; она превышает кредит у тех, с кем ведет дела, отдает свою честь на откуп друзьям в призрачной надежде отыграться.

Игорная лихорадка равно губительна как для рассудка, так и для эмоций. Насколько горячечны, нездоровы надежда и страх, радость и гнев, сожаление и досада, вспыхивающие в тот момент, когда переворачивается карта, срываются с места сверкающие машины, выбрасываются игральные кости! Кто не вспыхнет негодованием от одной уже мысли, что женские чувства, из века посвящаемые детям и мужу, извращаются столь мерзостным образом. Глубочайшая скорбь, вот, что испытываю я, когда смотрю, как мучительно бьется Азартная Леди в тисках своей недостой-

ной, греховной страсти, когда вижу ангельское лицо, пылающее бесовской одержимостью!

По неисповедимой мудрости Господней почти все, что развращает душу, разлагает также и плоть. Запавшие глаза, осунувшееся лицо, мертвенная бледность — вот они, непременные признаки играющей женщины. Ее утренний сон не в силах возместить низменные полночные бдения. Я долго и пристально вглядывался в лицо Азартной Леди. Да, я внимательно наблюдал за ней. Я видел, как в два часа ночи ее, полумертвую, силой уводили из ее крокфордского игорного ада, призраком казалась она в нечистом сиянии газовых ламп…

Прошу вас, вернитесь на место, сэр. Вы — в Доме Господнем. Должен ли я понимать ваши слова как угрозу, сэр? Да как вы смеете! Мрачные времена наступили, поистине черные времена! Я говорю вам, сэр, как говорю всем собравшимся здесь прихожанам, как скажу всему свету, что я все это *видел*, я многажды наблюдал, как ваша королева машин предается этим мерзейшим беспутствам…

Помогите! Остановите его! Остановите! Боже, меня застрелили! Я убит! Убивают! Неужели никто не может его остановить?!

ВЫБОР ЗА ВАМИ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ

(В разгар парламентского кризиса 1855 года лорд Брюнель созвал свой кабинет министров и обратился к нему с речью. Выступление премьер-министра записано его личным секретарем в стенографической системе Бэббиджа.)

Джентльмены, я не могу припомнить ни единого случая, когда какой-либо представитель партии или кабинета министров вступился бы — пусть даже случайно — за меня в стенах парламента. Я не обижался, не жаловался и терпеливо ждал, делая то малое, что было в моих силах, чтобы защитить и расширить мудрое наследие покойного лорда Байрона, залечить безрассудные раны, нанесенные нашей партии чрезмерным усердием молодых ее членов.

Но ни малейших изменений в том презрении, с которым, судя по всему, относитесь ко мне вы, уважаемые джентльмены, так и не последовало. Напротив, последние два дня в Парламенте оживленно обсуждается постановка на голосование вопроса о недоверии, с особым упором на недоверие к главе правительства. Эта дискуссия была отмечена более чем обычными нападками в мой

адрес, и ни один из вас, членов моего кабинета, не сказал ни слова в мою защиту.

Как в подобных обстоятельствах можем мы успешно расследовать дело об убийстве преподобного Алистера Роузберри? Постыдное, атавистическое преступление, злодейски совершенное в стенах христианской церкви, запятнало репутацию партии и правительства, а также возбудило серьезнейшие сомнения относительно наших намерений и нашей честности. И как же сможем мы искоренить преступные тайные общества, чья сила и дерзость возрастают день ото дня?

Господь свидетель, джентльмены, что я никогда не искал настоящего своего поста. Более того, я сделал бы все, что угодно, совместимое с моей честью, чтобы его избежать. Но я должен либо быть хозяином в парламенте, либо уйти в отставку — предоставив нацию так называемому руководству людей, чьи намерения стали за последнее время абсолютно ясными. Выбор за вами, джентльмены.

СМЕРТЬ МАРКИЗА ГАСТИНГСА

Да, сэр, два пятнадцать точно — и никаких ошибок быть не может, поскольку у нас установ-

лены патентованные табельные часы «Кольт и Максвелл».

Я услышал негромкий такой звук, словно что-то капает, сэр.

На мгновение я решил, что протекла крыша, совсем позабыв, что ночь ясная. Дождь, подумал я, только это меня и встревожило, сэр, — мысль, что сухопутный левиафан пострадает от сырости, поэтому я посветил фонарем вверх, и там висел этот бессчастный негодяй, и все шейные позвонки левиафана были в крови, и вся, как она там, арматура, которая поддерживает этого зверюгу, тоже. А голова его вся была расшиблена, сэр, да там, считай, и не было уже никакой головы. Он висел там, запутавшись ногами в каких-то ремнях, и я увидел блоки и веревки, туго натянутые, и они уходили во тьму огромного купола, и это зрелище так меня поразило, сэр, что я уже поднял тревогу и только потом заметил, что у левиафана нет головы.

Да, сэр, я думаю, так оно и было — то есть, как они это устроили. Его спустили с купола, и он там делал свое дело в темноте: останавливался, когда слышал мои шаги, а потом снова принимался за работу. Долгая работа, на несколько часов, ведь им нужно было сперва установить свои блоки. За

смену я несколько раз проходил под этим самым местом. А когда он ее отломал, голову, сэр, кто-то другой вытащил ее наверх и наружу, ведь они сняли одну из панелей купола. Но что-то там у них оторвалось, наверное, или соскользнуло, и он полетел вниз, прямо на пол, у нас там самый лучший флорентийский мрамор. Мы нашли то место, где разлетелись его мозги, сэр, хотя лучше бы об этом забыть. И потом я припомнил какой-то шум, сэр, это когда он, наверное, упал, но никакого крика не было.

А еще, сэр, меня что поразило больше всего, так это как они втихую подтянули его снова наверх и оставили там висеть, как кролика в мясной лавке, а сами смылись со своей добычей по крыше. Сколько же в этом подлости, сэр, вы согласны?

Кеннет Рейнольдс, ночной сторож Музея практической геологии, показано под присягой перед следователем Дж. Г. Питерсом,

Боу-стрит, ноябрь 1855 года.

ВЕРЬТЕ МНЕ ВСЕГДА

Мой дорогой Эгремонт!

Я глубоко сожалею, что сложившиеся на данный момент обстоятельства лишают меня

возможности и надежды использовать в дальнейшем ваши неоспоримые способности во благо партии и правительства.

Вы, без сомнения, поймете, что мое признание всей сложности ваших личных обстоятельств никоим образом не связано с каким-либо, пусть и малейшим недоверием к вам как государственному деятелю; менее всего мне бы хотелось создать у вас подобное впечатление.

Я не могу завершить письмо, не выразив горячего желания и надежды, что для вас найдется достойный ваших высоких качеств пост.

Верьте мне всегда,

искренне ваш,

И. К. Брюнель.

Министерское письмо Чарльзу Эгремонту, Ч. П., дек. 1855 г.

МЕМОРАНДУМ МИНИСТЕРСТВУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

По этому случаю наш высокий гость, экс-президент Американского Союза, мистер Клемент

Л. Валландингем [151] улизался в стельку. Выдающийся демократ показал, что не уступит в своей распущенности ни одному из Англиейских лордов. Он излапал миссис А., зацеловал визжащую мисс Б., исщипал до синяков пухленькую миссис В. и бросался на мисс Г. с самыми гнусными намерениями!

Мистер Валландингем вел себя, как бык в период течки; когда все наши гостьи впали в истерику, высокопоставленное животное было отловлено слугами, доставлено вверх копытами на второй этаж и выпущено под присмотр миссис Валландингем, успевшей уже переодеться в чепец и ночную рубашку. И тут, к вящему нашему изумлению, этот необыкновенный человек использовал для удовлетворения чрезмерно разыгравшейся

[151] Примечания: 151

Клемент Л. Валландингем (1820–1871) — американский юрист и политик, член Палаты представителей США (1857–1863). Глава «копперхедов» — той фракции в демократической партии, которая выступала против войны Севера и Юга (название имеет презрительный оттенок и означает породу змей — медноголовый щитомордник). В мае 1863 г. арестован за «подстрекательские» речи, предан военно-полевому суду и осужден к заключению до конца войны, однако вскоре Линкольн приказал выслать его на конфедератскую территорию. Откуда он перебрался в Канаду, а затем — в родной штат Огайо, где принял активное участие в избирательной кампании 1864 г. и написал часть платформы Демократической партии с ярой критикой войны, по окончании которой выступал против «радикальной реконструкции» Юга как антиконституционной и тиранической, — но к 1870 г., осознав бесполезность борьбы, призвал свою партию акцентировать финансовые вопросы. Погиб в результате несчастного случая — от

неосторожного обращения с огнестрельным оружием, выступавшим как вещественное доказательство в деле об убийстве.

похоти покорное тело законной своей супруги, облевав его в процессе соития с головы до ног. Те, кто видел миссис Валландингем, едва ли сочтут последнее неправдоподобным.

Недавно меня достигло известие, что в Веракрусе, в мексиканском изгнании, умер бывший президент Техаса Сэмьюэль Хьюстон. Судя по всему, Хьюстон ожидал призыва о помощи со стороны какой-нибудь из враждующих группировок, надеясь вернуть себе хотя бы часть прежнего влияния, однако никто к нему так и не обратился — французские алькальды не дремлют. При всех своих несомненных недостатках Хьюстон был во сто раз лучше Клемента Валландингема, который заключил трусливый мир с Конфедерацией и позволил стервятникам Красного Манхэттенского Коммунизма терзать останки своей обесчещенной страны.

Лорд Листан, 1870 г.

ДО РАДИКАЛОВ

(Нижеследующий текст — транскрипция звуковой записи на восковом цилиндре. Одна из самых первых подобных записей, она донесла до нас воспоминания Томаса Таулера (р. 1790), деда Эдварда

Таулера, изобретателя «Аудиографа Таулера». Несмотря на экспериментальный характер использованного аппарата, эта запись отличается исключительной чистотой. 1875 г.)

Я вот помню одну зиму, холодная была, длинная, а мы же тогда в Англии жили все совсем как нищие — это еще до радикалов. Мой братишка Альберт, он выискивал кирпичи, обмазывал их птичьим клеем и оставлял у конюшен, чтобы ловить на них воробьев. А потом он ощипывал их, он и я, мы вместе, я ему тоже помогал. И мы их потрошили, и Альберт разводил в печке огонь, и, когда она нагреется, мы жарили этих крошечных воробышков в маминой латке, на старом жире. И потом мама делала нам большой горшок чая, и у нас был вроде как праздник, воробьев мы этих ели.

А отец, он ходил по всем лавочникам на Чатуин-роуд и собирал ошметки мяса. Кости, значит, бараньи кости и все такое, горох, бобы, лежалую морковь и репу и… ему обещали еще овсяную муку, и пекарь отдавал ему черствый хлеб… У отца был большой железный котел, он там раньше готовил для лошадей, и вот он вычистил его, и они там варили суп, в большом котле для лошадей. Я помню, как приходили совсем бедные,

они приходили два раза в неделю, это той зимой. Им приходилось приносить с собой собственные миски. Вот такие они были все голодные, до радикалов.

А ты, Эдди, ты слышал когда об ирландском голоде в сороковых? Да нет, где тебе. Картошка тогда не уродилась два года подряд, три, и ирландцам, им было совсем худо. Но радикалы, они такого терпеть не ста л и, он и устроили чрезвычайное положение и мобилизовали нацию.

Лорд Байрон произнес прекрасную речь, она была во всех газетах… Я записался на один из спасательных кораблей, они отходили из Бристоля. С утра до вечера, да и ночью тоже, мы грузили кранами здоровые ящики по лондонским накладным, а поезда приходили и днем и ночью со всей Англии, и все с едой. «Благослови Господь лорда Бэббиджа!» — кричали нам ирландцы и плакали. «Да здравствует Англия и радикальные лорды!» У них долгая память, у ирландцев, они никогда не

забывают добра [152].

ДЖОН КИТС НА ХАФ-МУН-СТРИТ

Слуга провел меня в кабинет мистера Олифанта. Мистер Олифант сердечно меня приветствовал, особо отметив прошлое мое сотрудничество с доктором Мэллори. Я сказал мистеру Олифанту, что имел удовольствие сопровождать триумфальную лекцию доктора Мэллори о бронтозаврусе весьма совершенной кинотропической программой. В «Докладах Общества парового интеллекта» был напечатан крайне лестный отзыв о моих достижениях, и я предложил мистеру Олифанту упомянутый номер журнала. Мистер Олифант просмотрел статью, однако в своем понимании

---

[152] Примечания: 152

Картофель был поражен ненароком завезенным из Северной Америки грибком Phytophthora infestans, и в 1845–1849 гг. урожай сгнивал на корню. Поскольку к началу 1840-х гг. бедное сельское население Ирландии зависело в своем пропитании исключительно от картофеля, причем всего одного-двух особо урожайных сортов, ситуация сложилась катастрофическая. Если в 1845 и в начале 1846 г. Англия пыталась оказывать помощь, то потом к власти пришли либералы, и финансовое бремя борьбы с голодом легло по большей части на ирландских землевладельцев, которые тоже были стеснены в средствах, поскольку крестьяне не могли платить за аренду. В итоге население Ирландии сократилось к началу 1850-х гг. почти на четверть — от голода, тифа и других болезней, а также в результате эмиграции. Эмиграция продолжалась, рождаемость падала — и к 1921 г., когда Ирландия обрела независимость, ее население составляло около половины того,

что было до голода. Ирландцы до сих пор не могут простить Англии всего этого свинства.

тонкостей клакерства он находится на уровне среднего любителя — судя по тому, что единственной его реакцией было вежливое удивление.

Тогда я сообщил мистеру Олифанту, что именно доктор Мэллори направил меня к его порогу. В одной из частных бесед великий ученый счел уместным рассказать мне о смелом предложении мистера Олифанта — использовать машины полиции для научного изучения скрытых структур, лежащих в основе передвижений и занятий жителей нашей столицы. Мое восхищение этой смелой идеей привело меня к мистеру Олифанту, и я изъявил желание и готовность принять участие в осуществлении его замысла.

Тут он прервал меня весьма взволнованным образом. «Все мы исчислены, — заявил он, — каждый из нас. Исчислены всевидящим оком; и наши минуты исчислены тоже, и каждый волос на головах наших. И кто как не сам Господь промыслил, чтобы вычислительные мощности машины были применены к этой великой общности, к потокам уличного движения, к торговле, к приливам и отливам людских толп — к бесконечно делимой текстуре Его творения».

Я ждал, что за этими необычайными рассуждениями последуют какие-нибудь практические

выводы, но мистер Олифант внезапно погрузился в глубокую задумчивость.

Тогда я разъяснил ему, избегая по возможности специальных терминов, почему природа человеческого глаза неизбежно требует от кинотропии как необычайной скорости, так и необычайной сложности. По этой причине, заключил я, мы, кинотрописты, находимся в ряду самых сведущих программистов Британии, и практически все достижения в сжатии данных берут свое начало в кинотропических приложениях.

Тут он снова меня прервал, спросив, действительно ли я произнес слова «сжатие данных» и знаком ли я с понятием «алгоритмическое сжатие»? Я заверил его, что знаком.

Тогда он встал и, подойдя к стоявшему поблизости бюро, достал нечто вроде деревянного ящика, используемого для транспортировки научных приборов, причем мне сразу же бросились в глаза кусочки белого гипса, прилипшие кое-где к этому ящику. Не мог бы я, спросил мистер Олифант, скопировать находящиеся здесь перфокарты и затем разобраться, что они такое значат? Он особо подчеркнул, что мои исследования должны иметь сугубо конфиденциальный характер.

Он понятия не имел об их потрясающем значе-

нии, ни малейшего представления.

Джон Китс, цитируется по интервью, данному Г. С. Лайвуду для «Докладов Общества парового интеллекта», май 1857 г.

ГРАН-ПАНМЕЛОДИУМ ПОЛЬКА

Ах, весь мир с ума сойти рискует, Тощий, толстый, робкий и нахал — Все твердят, без устали танцуя: Наша чудо-полька выше всех похвал!

Одну ножку выше поднимаем, Балансируем на носке другой, Каблучками ритм звонко отбиваем — В вихре чудо-польки мчит весь шар земной.

Вальсы и кадрили всем нам надоели, Запись не сравнится с музыкой живой. Даже трубочисты, позабыв о деле, Пляшут чудо-польку майскую порой.

Девичьи глаза как звездочки сияют, Губки так и просят их поцеловать. Но красавица того лишь замечает, Кто умеет чудо-польку танцевать.

И ученый слышит: музыка играет, — Вмиг бросает книги, душный кабинет И со всеми вместе дружно восклицает: «Лучше чудо-польки не было и нет!»

Так мы и танцуем, юбки вверх взлетают, Стук подковок медных — раз, и два, и три. И на тех

парней лишь взгляды мы бросаем, Кто танцует чудо-польку до зари. [153]

СПЛЕТНИ

С грустью и удивлением узнали мы о недавнем отплытии на борту пироскафа «Грейт Истерн» всеми любимого и разносторонне талантливого мистера Лоренса Олифанта — писателя, журналиста, дипломата, географа и друга королевской семьи — в Америку. Как заявил нам мистер Олифант, он намерен поселиться в так называемом Сусквеганнском фаланстере, основанном господами Кольриджем и Вордсвортом, чтобы жить, равняясь на утопические доктрины, милые сердцу этих достойных изгнанников!

«Городские вести» от 12 сентября 1860 г.

ЛОНДОНСКАЯ АФИША, 1866

ТЕАТР «ГАРРИК»,
Уайтчепел, перестроенный и обновленный,
под руководством Дж. Дж. Тобиаса, эсквайра,
впервые представляет

---

[153] Примечания: 153
Перевод Б. М. Жужунавы.

ВЕЧЕРА
СОВРЕМЕННОЙ КИНОТРОПИЧЕСКОЙ ДРАМЫ Понедельник, 13 ноября, и далее всю неделю.

ПЕРВОЙ будет представлена (ВПЕРВЫЕ) совершенно новая национальная, лондонская, типическая, столичная, мелодраматическая/кинотропическая современная драма в пяти актах, в истинном свете выставляющая современную жизнь и нравы в их бесчисленных небывалых и интересных проявлениях, под названием

ПЕРЕКРЕСТКИ ЖИЗНИ
или **ЛОНДОНСКИЕ КЛАКЕРЫ**

В основу драмы легла знаменитая пьеса «Сыны Вокансона», захватившая в настоящее время внимание всей Франции, переработанная применительно к обстоятельствам и реалиям настоящего момента.

С кинотропическим оформлением мистера Дж. Дж. ТОБИАСА и ассистентов

В музыкальном сопровождении нового блестящего попурри-оркестра под управлением мистера Монтгомери

Режиссура мистера С. Дж. Смита

Костюмы миссис Хэмптон и мисс Бейли

Общее руководство постановкой
мистера Дж. Дж. ТОБИАСА

Действующие лица и исполнители:

Марк Ридли, он же Пройдоха Лис, (клевый парень, король лондонских клакеров)

.....мистер Г. Л. МАРСТОН

Мистер Доррингтон (богатый ливерпульский коммерсант, проездом в Лондоне)

.....мистер Дж. РОУМЕР

Фрэнк Дэнверс (британский морской офицер, только что вернувшийся из Индии)

.....мистер У. М. БЕРД

Роберт Дэнверс (его младший брат, разорившийся повеса, кинутый клакерами)

.....мистер Л. МЕЛВИН

Мистер Хоксуорт Шабнер (владелец вест-эндского клакерского притона, дисконтер и хоть-чтошник — там, где можно хоть что зацапать)

.....мистер П. УИЛЬЯМС

Боб Йоркнер (жулик, уставший от жульничества)

.....мистер У. ДЖОНС

Нед Бриндл (трепло, парень серединка на половинку)

.....мистер С. ОБРИ

Том Фогг, он же Старый Жмурик, он же Скотина (раб опиума, страдающий белой горячкой)

.....мистер А. КОРЕНО

Джо Луковица, он же Крокодил (громила и шестерка Шабнера)

.....мистер ДЖ. Г. ВЕЛАСКО

Дикки Смит (Ранняя Пташка, юный машинный оператор, ничем не примечательный, клюющий по зернышку где придется)

.....мистер Дж. МАСКЕЛЛ

Айки Бейтс (хозяин «Крысиного Замка», владелец скандального стола для игры в багатель, прекративший игру в бамблпаппи как *слишком печальную)*

.....мистер ГОУТУБЕД

Официант в пивной «Кот и волынка»

.....мистер СМИТСОН

Инспектор особого отдела с Боу-стрит

.....мистер ФРЭНКС

Луиза Трухарт (жертва безответного чувства)

.....мисс КЭРОЛАЙН БАРНЕТТ

Шарлотта Уиллерс (молодая деревенская леди с кошкой)

.....мисс МАРТА УЭЛЛС

Бельэтаж 3 ш. Ложи 2 ш. Партер 5 п. Балкон 2 п. Касса работает ежедневно с десяти до пяти.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПОЭМА

(В 1854 году Мори Юдзо, самурай и ученый из провинции Сацума, написал на отбытие своего сына в Англию нижеследующее стихотворение. Переведено с китаизированного японского.)

Мой сын пересекает морскую пучину,
Стремясь к благородной цели.
Далек его путь — десять тысяч сато,
За ним не угнаться весеннему ветру.
Восток и Запад ничто не роднит,
Так говорят многие, забывая,
Что солнце светит над ними одно
С одних и тех же небес.
Без страха в сердце через все опасности
Он ведет своих сородичей учиться в далеких краях,
Ради блага семьи он не щадит себя.
Пройдя через все испытания и невзгоды
Он приникнет к источнику знания.
Далеко до великих рек Китая,

Много дальше стремится мой сын.

Будет время, когда обретенная им мудрость

Принесет бесценные плоды.

ПИСЬМО ДОМОЙ

В тот день я, как и обычно, обшаривал глазами все четыре стороны света в поисках земли, но не находил ничего. Как печально это было! Потом, по случайной прихоти и с разрешения капитана, я взобрался на одну из мачт. С этой большой высоты, когда паруса и дымовая труба остались далеко подо мной, я с удивлением различил берег Европы — тончайшую зеленую полоску, чуть выступавшую над водным горизонтом. Я крикнул вниз Мацумуре: «Поднимись! Поднимись!» — и он поднялся очень быстро и отважно.

Вдвоем на верхушке мачты мы пристально вглядывались в Европу. «Смотри! — сказал я ему. — Вот нам и доказательство, что мир и на самом деле круглый! Стоя внизу на палубе, мы ничего не видели, но отсюда, сверху, суша ясно видна. Это доказывает, что поверхность моря искривлена! А если искривлено море, то, конечно

же, искривлена и вся земля!»

«Это потрясающе, — воскликнул Мацумура, — все именно так, как ты говоришь! Земля действительно круглая! Это наше первое настоящее доказательство!»

Мори Аринори, 1854 г.

МОДУС

Парижские газетчики уделяли ее светлости прискорбно мало внимания, а потому даже этот небольшой зал был заполнен менее чем наполовину.

Темные ряды откидных кресел были негусто усеяны сверкающими лысинами математиков, но основную часть публики составляли клакеры, по большей части — немолодые, летний лен их чрезмерно элегантных нарядов смотрелся несколько отставшим от моды. Три последние ряда занимал парижский Женский клуб; истомленные жарой суфражистки обмахивались веерами и громко переговаривались, поскольку давно уже потеряли нить рассуждений ее светлости, а может — и не находили.

Леди Ада Байрон перевернула страницу и чуть поправила бифокальное пенсне. Уже несколько

минут вокруг подиума кружила тяжелая зеленая муха; теперь она прервала свой замысловатый полет и приземлилась на подложенное, с отделкой из кружев плечо ее светлости. Леди Ада никак не среагировала на вопиющую наглость настырного насекомого и храбро продолжала на не очень хорошем французском.

Мать сказала:

— Наша жизнь стала бы много прозрачнее, если бы человеческую речь можно было интерпретировать как развертывание уровней некоей глубинной формальной системы. Отпала бы необходимость разбираться в двусмысленностях языка, но появилась бы возможность оценивать истинность любого высказывания, соотнося его с фиксированным и поддающимся конечному описанию набором правил и аксиом. Найти подобную систему, *«Characteristica Universalis»*, было мечтой Лейбница…

Однако выполнение так называемой программы «Модус» однозначно показало, что любая формальная система является одновременно неполной и неспособной доказать свою самосогласованность. Не существует конечного математического метода установить, что есть «истина». Трансфинитная природа «предположений Ады

Байрон» вывела из строя «Гран-Наполеон»; программа «Модус» запустила последовательность циклических, вложенных друг в друга петель, которую было очень трудно породить, но еще труднее — уничтожить. Программа работала, однако привела в негодность машину! Это было поистине болезненным уроком, показавшим, сколь несовершенны еще возможности даже лучших наших *ordinateurs.*

И все же я верю и продолжаю настаивать на том, что примененный в «Модусе» метод автореферентности ляжет когда-нибудь в основу истинно трансцендентной метасистемы вычислительной математики. «Модус» доказал мои «предположения», но их практическое применение станет возможным, лишь когда появится машина огромной мощности, способная на итерации высочайшей сложности.

Не странно ли, что мы, простые смертные, способны говорить о такой бесконечно сложной концепции, как *истина!* И все же, разве не выражает замкнутая система суть механического, не способного мыслить? И разве не является все живое, мыслящее системами по определению открытыми?

Если мы вообразим себе всю систему матема-

тики как огромную машину для доказательства теорем, то эксперимент с «Модусом» заставит нас признать, что эта машина живет и способна осознать свою жизнь — если только сумеет взглянуть сама на себя. Природа необходимого для этого глаза все еще неизвестна, но мы точно знаем, что он возможен, ибо сами им обладаем.

Как мыслящие существа мы можем представить себе Вселенную, хотя не знаем и никогда не узнаем ее во всей полноте. «Вселенная» — понятие, не определимое рационально, однако она дана нам настолько непосредственно, что ни одно мыслящее существо не может не знать о ней, не может не стремиться познать ее устройство и, главное, смысл собственного своего появления и существования в этой системе систем.

В последние свои годы великий лорд Бэббидж, не удовлетворенный ограниченными возможностями пара, искал способ поставить на службу вычисления молнию. Его сложные структуры из «сопротивлений» и «емкостей» отмечены явной печатью гениальности, однако они так и остались на уровне первоначальных набросков и все еще далеки от практического воплощения. Более того, многие смеются над этими проектами, считая их стариковским бредом. Но история вынесет

свое решение, и тогда, как я глубоко надеюсь, мои «предположения» смогут преступить грань абстрактных понятий и войти в реальный мир.

Хлопали ей жидко и недолго; у Эбенезера Фрейзера, наблюдавшего за ходом лекции из-за кулис, упало сердце. Ладно, по крайней мере, все уже позади, она покидает подиум.

Фрейзер расстегнул никелированные застежки саквояжа ее светлости. Леди Ада уронила в него рукопись, а затем лайковые перчатки и крохотную шляпку с лентами.

— Думаю, они меня поняли! — Ее голос звучал как-то слишком уж бодро. — По-французски все это весьма элегантно, не правда ли, мистер Фрейзер? Французский язык очень рационален.

— Что дальше, миледи? В отель?

— Нет, — качнула головой леди Ада, — сперва я зайду к себе в уборную, эта жара довольно утомительна… Вы не позаботитесь об экипаже? Я скоро подойду.

— Разумеется, миледи.

С рапирной тростью в одной руке и саквояжем в другой Фрейзер сопроводил леди Аду до крохотной уборной, открыл перед ней дверь, опустил саквояж на пол и снова закрыл дверь, оставшись в коридоре. Он знал, что сейчас ее светлость ста-

нет искать утешения в посеребренной фляжке, спрятанной в левом нижнем ящике туалетного столика и завернутой — трогательная уловка! — в бумагу.

Фрейзер взял на себя смелость заказать в уборную бутылку сельтерской на льду. Может быть, леди Ада хоть слегка разбавит бренди.

Покинув зал через заднюю дверь, он, по неизбывной привычке, обошел вокруг здания. Обход был довольно длинным, так что трость оказалась весьма кстати. Противно ныл незрячий, закрытый черной повязкой глаз. Ничего опасного Фрейзер не обнаружил, да, собственно, и не ожидал обнаружить.

Не обнаружил он и шофера нанятой для ее светлости машины. Наверняка, этот лягушатник прикладывается где-нибудь к бутылке или болтает с субреткой. А может, попросту перепутал указания, поскольку французский Фрейзера был весьма далек от совершенства. Фрейзер потер здоровый глаз, изучая уличное движение. Дадим парню двадцать минут, а потом будем ловить кэб.

Тут он заметил, что ее светлость несколько потерянно стоит у заднего входа. Кажется, она надела дневную шляпку и забыла саквояж, что

было весьма на нее похоже. Фрейзер торопливо захромал к своей подопечной.

— Сюда, миледи. Машина должна быть на углу… Он оборвал фразу на полуслове. Это была не леди Ада.

— Я полагаю, вы ошиблись, сэр, — ответила по-английски женщина и кривовато улыбнулась. — Я — не ваша королева машин. Я — всего лишь одна из ее скромных почитательниц.

— Прошу прощения, мадам, — тронул шляпу Фрейзер.

Женщина скромно потупилась. На ней была муслиновая юбка со сложным — белым по белому — узором, французский турнюр и плотный уличный жакет с высокими плечами и кружевной отделкой.

— Ее светлость и я одеты почти одинаково, — улыбнулась она одним уголком рта. — Должно быть, ее светлость делает покупки у месье Уорта. Высочайший комплимент моему собственному вкусу, сэр, нес-па [154]?

Фрейзер ничего не ответил, вид этой женщины вызывал у него сильные подозрения. Невысокая подтянутая блондинка лет, наверное, сорока,

---

[154] Примечания: 154
N'est-ce pas? (фр.) — Не так ли?

она была одета вполне респектабельно. И все же на затянутых в перчатки пальцах сверкали три кольца с крупными бриллиантами, а мочки изящных ушей были оттянуты броскими серьгами из резного гагата. Над правым уголком рта чернела мушка, а в огромных голубых глазах угадывался, при всей их кажущейся невинности, характерный настороженный блеск. Взгляд опытной дамы полусвета, почти вслух говорящий: «Да я тебя, фараона, насквозь вижу».

— Сэр, не могла бы я подождать с вами ее светлость? Надеюсь, это не будет слишком назойливым, если я попрошу у нее автограф?

— На углу, — кивнул Фрейзер. — У машины.

Он предложил ей левую руку и взял трость под мышку правой. Совсем не помешает отвести эту женщину до появления леди Ады чуть подальше, да и вообще стоило бы к ней присмотреться.

Они остановились под угловатым французским фонарем.

— Приятно услышать лондонский выговор, — проворковала незнакомка. — Я так долго жила во Франции, что совсем позабыла английский язык.

— Что вы, что вы, — галантно запротестовал Фрейзер. Голос у нее был очаровательный.

— Я — мадам Турнашон. — Кивок, ослепитель-

ная улыбка. — Сибил Турнашон.

— Моя фамилия Фрейзер. — Он поклонился.

Сибил Турнашон нервно подергивала лайковые перчатки, словно у нее потели ладони. День и вправду был очень жаркий.

— Вы — один из ее паладинов, мистер Фрейзер?

— Боюсь, я не очень вас понимаю, мадам, — вежливо улыбнулся Фрейзер. — Вы живете в Париже, миссис Турнашон?

— В Шербуре, это довольно далеко, но я приехала утренним экспрессом с единственной целью ее послушать. — Она помедлила. — И не поняла почти ни слова.

— Ничего страшного, мадам, — сказал Фрейзер, — я тоже. — Ему начинала нравиться эта женщина.

Подъехала машина. Шофер нагло подмигнул Фрейзеру, сошел на мостовую, вынул из кармана кусок грязной замши и начал, насвистывая, протирать гофрированное крыло.

Из дверей зала появилась ее светлость — с саквояжем в руке. Заметив ее, миссис Турнашон слегка побледнела от волнения и вынула из кармана программку лекции.

Она не представляла никакой опасности.

— Ваша светлость, позвольте представить вам миссис Сибил Турнашон, — сказал Фрейзер.

— Здравствуйте, — кивнула леди Ада. Миссис Турнашон сделала книксен.

— Вы не дадите мне автограф? Прошу вас. Леди Ада недоуменно моргнула.

Фрейзер протянул ей ручку из собственного блокнота.

— Разумеется, — сказала леди Ада, беря у Сибил программку. — Простите, как вы сказали вас зовут?

— Сибил Турнашон. Мне произнести по буквам?

— Не надо, — улыбнулась ее светлость. — Есть знаменитый французский аэронавт Турнашон [155], ведь верно? — Она расписалась, используя в качестве пюпитра услужливо подставленную Фрейзером спину. — Это не ваш родственник?

— Нет, ваше высочество.

— Простите? — удивилась леди Ада.

— Ведь вас называют королевой машин… —

---

[155] Примечания: 155

Турнашон, Феликс (1820–1910) — знаменитый французский аэронавт, писатель и карикатурист, один из пионеров фотографии (преимущественно портретной); писал под псевдонимом Надар. В 1855 г. запатентовал идею использования фотоизображения в картографии, в 1858 г. сделал первый в мире аэрофотоснимок (что послужило поводом для карикатуры Постава Доре, озаглавленной: «Надар поднимает искусство фотографии до небывалых высот»).

Торжествующе улыбнувшись, миссис Турнашон выхватила программку из несопротивляющихся пальцев ее светлости. — Королева машин! А вы маленькая, седая и комичная, самый заурядный синий чулок! — Она рассмеялась чуть истерически. — Эта афера с лекциями, которые вы тут устраиваете, дорогуша, — деньги-то хоть приносит? Надеюсь, что да.

Леди Ада смотрела на нее с неподдельным изумлением.

Пальцы Фрейзера судорожно сжали трость. Он шагнул к обочине, быстро распахнул дверцу машины.

— Одну минуту! — Женщина сдернула с затянутого лайкой указательного пальца до вульгарности роскошное кольцо. — Ваша светлость, прошу вас, я хочу, чтобы вы это взяли!

Фрейзер заступил между женщинами, опуская трость.

— Оставьте ее в покое.

— Нет, — воскликнула миссис Турнашон, — я слышала разговоры, я знаю, что ей очень пригодится… — Она отодвинула его спиной и протянула руку. — Ваша светлость, прошу вас, возьмите! Мне не следовало вас обижать, это было просто подло. Пожалуйста, примите мой

подарок! Пожалуйста, я ведь, правда *восхищаюсь*вами, я высидела всю эту лекцию. Возьмите, пожалуйста, я принесла его специально для вас! — Она отступила и улыбнулась. — Спасибо, ваша светлость! Удачи вам. Я не стану вас больше беспокоить. Оревуар! Бонн шанс! [156]

Фрейзер последовал за ее светлостью в машину, захлопнул дверцу и постучал по перегородке. Шофер занял свое место.

Машина тронулась.

— Что за странная особа, — произнесла ее светлость. Она раскрыла ладонь. В филигранной оправе блеснул довольно крупный бриллиант. — Кто она такая, мистер Фрейзер?

— Я бы предположил, что эмигрантка, мадам, — сказал Фрейзер. — И весьма наглая.

— Как вы думаете, я зря взяла это кольцо? — Дыхание леди Ады отдавало бренди и сельтерской. — Это как-то не совсем прилично. Но иначе была бы сцена. — Она поднесла камень к полосе пыльного солнечного света. — Посмотрите, какой он большой! И дорогой, наверное.

— Страз, ваша светлость.

Перехватив кольцо, как кусок мела, леди Ада

---

[156] Примечания: 156
Au revoir! Bonne chance! (фр.) — Прощайте! Удачи!

провела камнем по стеклу кареты. Послышался тонкий, почти неслышный визг, и на стекле осталась блестящая бороздка.

Всю дорогу до отеля они просидели в молчании.

Глядя на мелькающий за окном Париж, Фрейзер вспоминал инструкции. «Не мешайте нашей старушке пить, сколько влезет, — говорил иерарх собычной своей убийственной иронией, — говорить, что хочет, флиртовать, с кем хочет, лишь бы только не было скандала. Вы можете считать свою задачу успешно выполненной, если сможете удержать нашу маленькую Аду от игральных автоматов». Прежде шансов на подобную катастрофу было немного, поскольку в ее сумочке хранились лишь билеты и немного мелочи, но бриллиант серьезно менял положение. Теперь придется удвоить бдительность.

Их номера в «Ришелье» были весьма скромными и сообщались дверью. Замки на дверях казались вполне надежными, а неизбежные глазки для подсматривания Фрейзер отыскал и заткнул в первый же день. Ключи от номеров он хранил у себя.

— Там осталось что-нибудь от аванса? — спросила леди Ада.

— Достаточно, чтобы дать шоферу на чай, — ответил Фрейзер.

— О Боже. Так мало?

Фрейзер кивнул. Французские ученые не очень-то щедро раскошеливались за удовольствие побыть в ее ученом обществе, а долги миледи быстро съели и это немногое. Скудной выручки из билетной кассы едва ли хватит, чтобы купить билеты до Лондона.

Леди Ада раздвинула занавеси, сморщилась от яркого света и задернула их вновь.

— Похоже, мне придется согласиться на это турне по Америке.

Фрейзер неслышно вздохнул:

— Говорят, этот континент славится многими чудесами природы, миледи.

— Но только какой же мне выбрать вариант? Бостон и Нью-Филадельфия? Или Чарльстон и Ричмонд?

Фрейзер промолчал; названия чужих городов повергали его в уныние.

— Тогда я брошу монетку! — весело решила леди Ада. — У вас есть монета, мистер Фрейзер?

— Нет, миледи, — солгал Фрейзер, роясь в карманах. — Извините.

— Вам что, вообще не платят? — чуть раздра-

женно осведомилась леди Ада.

— У меня есть моя полицейская пенсия, миледи. Вполне приличная, и платят без задержек. — Если он и покривил душой, то лишь отчасти — платили действительно без задержек…

— Но разве Общество не положило вам пристойного жалования? — искренне расстроилась леди Ада. — Боже, а ведь сколько вы со мной мучаетесь, мистер Фрейзер. Я и понятия не имела.

— Мне отплачивают иным образом, мадам. Я вполне доволен своим вознаграждением.

Он был ее паладином. Этого было более чем достаточно.

Леди Ада отошла к своему бюро, поискала что-то среди бумаг. Ее пальцы тронули черепаховую ручку дорожного зеркальца.

Неожиданно обернувшись, она окинула Фрейзера чисто женским взглядом. Он непроизвольно поднял руку и коснулся своей бугристой щеки. Седые бакенбарды не скрывали шрамов. Заряд дроби в лицо. Боль иногда еще давала о себе знать, особенно перед дождем.

Однако леди Ада не заметила этого жеста — или решила не замечать. Она сделала знак, чтобы Фрейзер подошел поближе, и печально вздохнула.

— Мистер Фрейзер. Друг мой. Скажите мне кое-что, хорошо? Скажите мне правду. Я что, действительно заурядный синий чулок?

— Мадам, — мягко ответил Фрейзер, — вы — la Reine des Ordinateurs.

— Правда? — Королева машин подняла зеркало, заглянула в него.

В зеркале — Город. Лондон.

Год 1991. Десять тысяч башен, вихревой рокот триллионов сцепленных шестеренок, фрикционное тепло и масляные брызги заполняют воздух предгрозовой мглой. Черные, без единого шва, ленты мостовых; несметное множество ручейков, по которым бешено несется перфорированное кружево информации; призраки истории, выпущенные в этот жаркий сияющий некрополь. Бумажно тонкие лица надуваются, как паруса, изгибаются и скручиваются, катятся по пустынным улицам; человеческие лица — заемные маски, объективы всепроницающего Ока. Отслужив свое, каждое лицо крошится, хрупкое, как пепел, обращается в сухую пену информации, в биты и в пиксели. Но сходит со сверкающих валов Города новая ткань догадок и проблем, неустанно вертятся стремительные веретена, миллионами стряхивая невидимые петли, а в жаркой бесче-

ловечной тьме данные плавятся и сливаются, вспененные шестернями в пузырчатую пемзу скелета, опущенную в грезящий воск, чтобы смоделировать плоть, совершенную, как мысль…

Это — *не*Лондон, но зеркальные площади из чистейшего хрусталя, атомные молнии проспектов, переохлажденный газ неба, лабиринт, где Око ищет собственный свой взгляд, перескакивая квантовые разрывы причинности, вероятности и случайности. Электрические фантомы вброшены в бытие, исследованы, расчленены, бесконечно итерированы.

В центре этого Города растет *нечто*, автокаталитическое древо — почти-живущее, вплетая корни мыслей в жирный перегной собственных сброшенных, как листья, отражений, ветвящееся мириадами молний все выше и выше, к сокровенному свету прозрения.

Умирая, чтобы родиться.

Свет ярок,

Свет чист;

Око должно наконец узреть себя;

Я должен узреть себя…

Я вижу:

Я вижу,

Я вижу

Я